

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

М. А. ДАНДАМАЕВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АХЕМЕНИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ



Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

Ответственный редактор
В. А. ЛИВШИЦ

- Дандамаев М. А.**
Д17 Политическая история Ахеменидской державы.
М.: Главная редакция восточной литературы из-
дательства «Наука», 1985.

319 с. с ил.

Очередной труд известного советского историка содержит цельную картину политической истории Ахеменидской державы, возникшей в VI в. до н. э. и существовавшей более двух столетий. В этой первой в истории мировой державе возникли важные для развития общества социально-экономические и политические институты, культурные традиции.

Д $\frac{0504010000-167}{013(02)-85}$ 82-85

ББК 63.3(0)3

ПРЕДИСЛОВИЕ

В VI в. до н. э. возникло Ахеменидское государство, просуществовавшее два столетия. Это была первая в истории мировая держава, объединившая под властью персидских царей десятки стран и народов — от Египта и до Северо-Западной Индии. История Ахеменидской державы, по существу, является историей всего Ближнего Востока и Средней Азии. Вместе с тем время существования Ахеменидской державы — очень важный период, когда возникли социально-экономические и политические институты, а также культурные традиции, сыгравшие большую роль в мировой истории. Именно этим объясняется огромный интерес ученых и широких кругов читателей к древней истории Персии и созданной ею империи.

Хотя почти каждый год в свет выходят труды, посвященные ахеменидскому периоду, политическая история рассматривается в них лишь бегло и обычно прерывается на V в. до н. э., после чего авторы этих работ переходят к изложению походов Александра Македонского на территорию персидских царей. До настоящего времени политическая история древнего Ирана наиболее подробно исследована американским востоковедом А. Т. Олмстедом в «Истории Персидской державы», работа над которой была завершена в 1943 г. После ее посмертного издания в 1948 г. археологи нашли значительное число письменных источников, нередко существенно дополняющих наши сведения о политических событиях VI—IV вв. до н. э.

В настоящей монографии делается попытка воссоздать цельную картину политической истории Ахеменидской державы с учетом всех источников и научной литературы. Подробный обзор письменных источников и краткий очерк литературы по рассматриваемым ниже проблемам читатель найдет в совместной с В. Г. Лукониным книге автора «Культура и экономика древнего Ирана» (М., 1980). Сведения о важнейших публикациях, появившихся позднее, будут приведены по ходу изложения соответствующего материала.

Иранские и другие восточные имена даны в их общепринятой форме, основанной на греческой традиции. Ссылки на тексты и исследования даются в сокращенной форме, полные названия изданий содержатся в библиографии. В круглых скобках даются

дополнения, сделанные для большей ясности при переводе с языка оригинала на русский, а в квадратных скобках — восстановления разрушенного текста.

При обсуждении рукописи книги сотрудники Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР сделали много ценных замечаний. Большую помощь в подготовке рукописи к печати оказал В. А. Лившиц. Работа была завершена в 1981 г., но позднее в нее были внесены дополнения с учетом важнейших публикаций за последние годы.

ДИНАСТИЯ АХЕМЕНИДОВ В РАННИЙ ПЕРИОД

На рубеже II—I тысячелетий до н. э. персидские племена начали постепенно заселять территорию, соответствующую современной иранской провинции Фарс. Это название является арабизированной формой от Парса, обозначавшей как страну и народ персов, так и столицу их Персеполис. Что же касается названия «Персия», оно происходит от *Persis*, греческой передачи древнеперсидского слова *Pārsa*. Современное официальное название этой страны «Иран» впервые засвидетельствовано у греческого автора III в. до н. э. Эратосфена в форме Ариана. Иран — сокращение от «Ариянам» — «(Страна) ариев», поскольку персы и мидийцы, жившие на Иранском плато, называли себя ариями.

Страна, где поселились персы, была исконной землей эламитов, создавших одну из древнейших и самобытных цивилизаций, которая оказала большое влияние на материальную и духовную культуру персов. Проникновение персов на их новую родину первоначально было мирным, с разрешения эламских правителей. Но, возможно, позднее часть местного населения вынуждена была уступить свои земли новым пришельцам.

Эламцы были родственны жившим к востоку от них дравидским племенам и, таким образом, по своему этническому происхождению, языку и традициям не имели ничего общего с персами. Однако страна Парса (Персия) занимала лишь сравнительно небольшую часть эламской территории, которая включала в себя весь Южный Иран. Шумеры именовали эту часть Иранского плато Ним («Высокая»), а аккадцы — Эламу (согласно народной этимологии, «Горная страна», поскольку горная часть Элама примыкала к Вавилонии). Сами эламиты обозначали свою страну словом «Хатамту». Персы называли область от Суз до Персидского залива Хужа, по иранскому имени ее столицы Суз. От слова «Хужа» произошло и современное название провинции Хузистан, приблизительно совпадающей по территории с древним Эламом.

Основателем древнейшей династии персидских царей традиция считала Ахемена. Его деятельность, если только он не был мифическим родоначальником, можно отнести к концу VIII — первой четверти VII в. Около 675—640 гг. союз персидских племен возглавлял Чишпиш — согласно поздней традиции, сын Ахемена.

По мнению Р. Гиршмана, резиденция Ахемена и Чишпиша

была расположена в маленькой долине у отрогов горного хребта в Масджид-и Сулеймане, на территории Бахтиарских гор, в 100 км к северо-востоку от Суз. Здесь, на большой искусственной террасе на высоте 400 м, куда ведет каменная лестница из 12 ступеней, сохранились руины массивного здания, которое Гиршман считает замком ахеменидских вождей. По общему виду эта терраса напоминает укрепленные города Северо-Западного Ирана, изображенные на ассирийских рельефах. Гиршман полагает, что персы научились строить такие террасы еще в те времена, когда они пребывали в Северо-Западном Иране, в районах, находившихся под властью урартских царей [174, с. 205 и сл.; 177, с. 85 и сл.]. Правда, Э. Херцфельд относил террасу в Масджид-и Сулеймане к парфянскому периоду [211, с. 303 и сл.], но на это Гиршман возражал, что парфянские правители в отличие от Ахеменидов и еще более ранних урартских царей таких террас не возводили.

В подтверждение предположения, что в Масджид-и Сулеймане была расположена резиденция ранних персидских царей, Гиршман указывал также на так называемую Ахеменидскую деревню, находящуюся на расстоянии километра к востоку от акрополя в Сузах. Ее Гиршман относил к рубежу VIII—VII вв., ссылаясь на то, что там были найдены три эламские таблички, аналогичные серии хозяйственных документов из Суз, датируемых указанным периодом их издателем В. Шейлем [175, с. 18].

В течение нескольких десятилетий эти выводы Гиршмана были общепринятыми в науке, но в настоящее время они пересматриваются многими учеными, считающими, что интересующий нас памятник в Масджид-и Сулеймане — храмовой комплекс, возведенный в раннеселевкидское время. По мнению Д. Стронаха, поселение в Масджид-и Сулеймане относится ко времени между V в. до н. э. и серединой II в. н. э. [373, с. 246; ср. 413, с. 71, где содержится описание этого памятника и приведена обстоятельная литература].

Гиршман полагал, что в конце VIII в. до н. э. персы жили в «Ахеменидской деревне» целыми кланами в больших домах со множеством комнат. Однако, к сожалению, это поселение трудно определенно датировать, так как неясно, относятся ли найденные там документы к эпохе последних лет существования Эламского государства, т. е. около 650—630 гг. (таково, в частности, мнение Г. Пейпера, издавшего эти тексты), или же они были составлены значительно позднее, когда Элам находился в зависимости от Мидии или даже от Персии при Кире II. Во всяком случае, один из эламских текстов, найденных Гиршманом в Сузах, по формуляру не отличается от персепольских эламских текстов ахеменидского времени, и Пейпер датирует его временем около 500 г. [MMAI, XXXVI, с. 82]. Ю. Б. Юсифов относит указанные тексты из Суз к 558—548 гг. [73, с. 31 и сл.]. Такая датировка, возможно, близка к истине, однако палеографический анализ, на который опирается Юсифов, нельзя признать безупречным. В частности, привлеченная им для сопоставления палеография эламской версии

Бехистунской надписи требует пересмотра, так как Юсифов пользовался типографской клинописью, а не реальной формой знаков этой надписи. Сравнительно недавно Стронах, исходя из археологических данных, выделил для «Ахеменидской деревни» в Сузах слои VII и V—II вв. до н. э. [373, с. 245 и сл.].

В эламских хозяйственных текстах из Суз, часть которых определенно относится к VII в., встречается этническое название «персы», а нередко и иранские собственные имена. Гиршман считает, что жители «Ахеменидской деревни» занимались земледелием и скотоводством и снабжали царские мастерские сырьем, главным образом шерстью, и даже одеждой [176, с. 71—75]. По мнению Юсифова, упоминаемые в этих текстах персы никогда не сдают ничего на склад, а, напротив, получают оттуда изделия ремесла (одежду и оружие), следовательно, среди персов «Деревни» не было ремесленников [74, с. 102]. Однако отнюдь не обязательно вслед за Юсифовым полагать, что во время составления сузских документов Элам находился под персидским господством, ибо лица, получавшие оружие со складов мастерских, в том числе и персы, могли находиться на службе у эламских царей.

Из ранних ахеменидских царей в клинописных источниках, если не считать генеалогических списков, упоминается только Кир I. В надписи ассирийского царя Ашшурбанапала, относящейся ко времени около 640 г., Кир I назван царем страны Парсумаш, т. е. Персии (в других синхронных текстах встречается также вариант «Парсуаш») [400, с. 1 и сл.]. Кир II в своем Цилиндре из Вавилона называет себя «сыном Камбиза, великого царя, царя города Аншана, внуком Кира, великого царя, царя города Аншана, правнуком Чишпиша, великого царя, царя города Аншана» [154, стк. 21]. Поэтому естественно предположить, что по крайней мере со времени Кира I названия Аншан и Парсумаш обозначали одну и ту же страну. Такое предположение было высказано уже давно Э. Херцфельдом [214, с. 170 и сл.]. Однако почти все исследователи отвергали отождествление Аншана и Персии, ссылаясь на то, что в Шестигранной призме Синаххериба (V, 31) при перечислении союзников эламского царя Умманменану названы, в частности, обе указанные страны.

Относительно локализации Аншана, древней эламской области и города с тем же названием¹, мнения ученых значительно расходились до сравнительно недавнего времени [литература: 330, т. I, с. 189]. Но теперь археологические раскопки показали, что Аншан находился на территории современного тепе Малиан, в 46 км к северу от Шираза. Там, в частности, найдено много среднеэламских текстов (около XIV—XI вв.), в которых, кроме Аншана, не упоминаются другие топонимические названия [190, с. 101 и сл.; 336, с. 57 и сл.; 376, с. 165 и сл.; 132, с. 38]. Из текстов ахеменидского времени давно было известно, что эта область называлась Парса (т. е. Персида греческих авторов, Фарс). Следовательно, Аншан и Парса были альтернативными названиями одной и той же страны. Начиная по крайней мере с середины

VII в. Аншан был лишь древним, архаичным, торжественным названием, освященным многовековой традицией, которое еще сохранялось главным образом в царской титулатуре, а действительным обозначением этой страны по имени ее новых владык стало Парса.

Такой вывод заставляет пересмотреть известную теорию, согласно которой ахеменидские цари правили в двух коленах параллельно в Аншане и Персии (автор возражал против такого мнения еще в 1960 г. [см. 17, с. 3 и сл.; ср. теперь у Д. Стронаха: 373, с. 248]).

Большинство ученых, во всяком случае до сих пор, полагали, что данные Бехистунской надписи свидетельствуют о том, что предки Кира II не могли править в Персии. Дарий I заявляет в этой надписи (I, 4—11): «...отец мой Виштаспа, отец Виштаспы Аршама, отец Аршама Ариарамна, отец Ариарамны Чишпиш, отец Чишпиша Ахеменид. . . Поэтому мы называемся Ахеменидами. Искони мы знатны, искони наш род был царским. . . Восемь (человек) из моего рода прежде царями были. Я — девятый. Мы, девять (человек), *duvītāparanam* (см. ниже) являемся царями».

Как следует понимать эти слова Дария I? Согласно мнению Ф. Х. Вейссбаха, которое было поддержано почти всеми историками древнего Ирана, после Ахеменида правил Чишпиш. Он разделил свое царство между старшим сыном Киrom I, которому отдал Аншан, и младшим Ариарамной, получившим Персию. После Кира I в Аншане царствовал Камбиз I, а в начале своего правления и Кир II, в Персии же Ариарамне наследовал Аршама. Через некоторое время (в 547 г. или незадолго до этого) Кир II захватил и Персию, либо победив Аршаму в войне, либо после его смерти (но из надписи Дария I о сооружении дворца в Сузах стало известно, что Аршама был жив, во всяком случае, еще в 522 г.).

Это мнение было аргументировано следующими доводами.

В Вавилонской хронике под 550 г. Кир II назван «царем страны Анзан» (т. е. Аншана), но в том же тексте под 547 г. о нем говорится как о «царе Парсу» (т. е. Персии) [ABC, с. 106 и сл., II: 1 и 15]. Вейссбах это противоречие объяснял тем, что Кир II в 550 г. был только царем Аншана, а в 547 г., через несколько лет после победы над Мидией, захватил и Персию [403, стб. 1140 и сл.]. Но если принять такое мнение, возникает ряд трудностей. Прежде всего, из упомянутой выше надписи Ашшурбанапала (она была издана после выхода в свет статьи Вейссбаха) известно, что уже Кир I был царем Персии, и вряд ли Ариарамна мог править одновременно с ним в той же стране. Кроме того, от Кира II сохранилось несколько надписей на аккадском языке, которые датируются временем после захвата персами Мидии и Вавилонии (539 г.). Следовало бы ожидать, что в этих надписях Кир II будет назван царем Персии, так как он к этому времени, несомненно, был им. Однако ни одна из вавилонских надписей не дает ему

титула царя Персии. Например, надпись из города Ура в Вавилонии начинается следующими словами: «Кураш — царь вселенной, царь страны Аншан, сын Камбиза, царя страны Аншан» [УЕТ I, 194: 1—3].

Не следует упускать из виду и сообщения античных авторов, согласно которым военные действия между войсками мидийского царя Астиага и Кира II имели место у Пасаргад, т. е. в Персии. Следовательно, никакого захвата Персии Киrom после его победы над Астиагом не могло быть, так как он в войне с последним боролся именно за независимость Персии. В Вавилонской хронике сообщается, что Кир увез добычу из Экбатан, столицы Мидии, в Аншан, а по утверждению Ктесия, добыча эта была доставлена в Пасаргады. Как справедливо полагал Э. Херцфельд, в обоих источниках имеется в виду одна и та же страна (ср. ниже). Такого рода анахронизмы в вавилонских источниках встречаются постоянно ввиду чрезвычайной устойчивости литературных традиций и преднамеренной архаизации этнической и географической номенклатуры. После Кира II название Аншан выходит из употребления, и ни один более поздний персидский правитель не называет себя царем Аншана. Античные авторы вовсе не упоминают Аншан и, по всей вероятности, вообще ничего не знали о нем. Другими словами, Кир II с самого начала правил в Персии, а вовсе не завоевал эту страну после победы над Мидией в 550 г. Судя по различным источникам, предки Кира II были незначительными правителями, подчиненными сначала эламским, а позднее ассирийским и мидийским царям. Согласно Геродоту (I, 107), Камбиз I, отец Кира II, не был царем, а только человеком знатного происхождения. У Юстина (I, 4, 4) он назван даже «незнатным мужем». Но, по Ксенофону (Сугор. I, 2, 2; VII, 2, 24), который в данном случае, по-видимому, пользовался догеродотовской логографической литературой или достоверной устной традицией персов, Камбиз I был персидским царем.

Вейсбах и другие исследователи для доказательства своего мнения о царствовании Ахеменидов в двух коленах ссылались на слово *duvitāparanam* в Бехистунской надписи, оставленное выше без перевода. Еще в прошлом веке Ж. Опперт переводил его «в двух линиях» [315, с. 163], и большинство исследователей приняли такой перевод, полагая, что род Ахеменидов правил в двух коленах: от Кира I до Камбиза II, с одной стороны, и от Ариарамны до Дария I, с другой.

Х. Бартоломе и Р. Кент искали значение указанного слова в другом направлении, переводя его «друг за другом», «подряд»: «Мы... один за другим цари» [AiWb, стб. 767; 247, с. 192]. А. Мейе и Э. Бенвенист также приняли этот перевод, отмечая, однако, что ни смысл, ни форма слова неясны [281, § 293, 389]. Но такой перевод трудно считать приемлемым, если иметь в виду, что последовательность царствования Ахеменидов явно нарушается правлением Гауматы, которого составитель Бехистунской надписи определенно не причисляет к Ахеменидам.

Г. Винклер и некоторые другие исследователи переводили *duvitāparanam* «с очень давнего времени» [417, с. 127; 384, с. 8].

Сравнительно недавно О. Семереньи пришел к следующим выводам. Перевод «поряд», «последовательно» с точки зрения грамматики и исторических данных следует отвергнуть (под историческими данными имеется в виду предположение о царствовании Ахеменидов в двух коленах). Перевод «с очень давнего времени» можно было бы считать удовлетворительным, однако в таком случае употребление настоящего времени («Мы... с давнего времени являемся царями») О. Семереньи считает неуместным. Кроме того, древность ахеменидского рода была выражена предложением «искони наш род был царским», которое предшествует слову *duvitāparanam*. Далее, ссылаясь на хеттско-лувийское *tapar* — «управлять», «править», Семереньи предлагает делить персидское слово на *duvi-tāpar(a)nam* и переводить его «двойным правлением», «в двух царских линиях» [378, с. 209—211].

Предоставляя решать лингвистам, является ли хеттская аналогия достаточно близкой, в целом трудно согласиться с Семереньи. Прежде всего употребление настоящего времени в предложении «Мы... с давнего времени являемся царями» выглядит вполне уместным. Переводу *duvitāparaman* «с очень давнего времени» вряд ли может помешать и то, что в Бехистунской надписи уже говорилось о древности рода Ахеменидов, так как в ней очень часто одно и то же утверждение многократно повторяется. Следует иметь в виду также то, что в эламском варианте надписи *duvitāparanam* переведено через *šamakmar*. Значение первой части этого слова пока неизвестно, но *-mar* много раз засвидетельствовано как послелог со значением «от», «из», что скорее согласуется с переводом «с давнего времени», чем «в двух коленах». Еще важнее отметить, что в сравнительно недавно изданном (по новой проверке чтения) вавилонском варианте Бехистунской надписи соответствующее персидское предложение переведено следующим образом: «Мы — девять царей вечной линии» [ВІД, с. 12, стк. 4]. Очевидно, это свидетельствует скорее в пользу перевода *duvitāparanam* как «с очень давнего времени», чем «в двух коленах».

В 1930 г. Э. Херцфельд издал две надписи на золотых пластинках, найденные в Хамадане (древние Экбатаны). Они составлены соответственно от имени Ариарамны и Аршама и называют каждого из них «великим царем, царем царей, царем в Персии». Но вскоре Х. Х. Шедер и другие исследователи убедительно показали, что по своим грамматическим особенностям эти надписи относятся ко времени значительно позднее надписей Дария I и, следовательно, были составлены в позднеахеменидское время [см. литературу у Кента: 247, с. 107].

Возникает также вопрос: почему указанные надписи, если они подлинные, находились в Экбатанах, когда, как полагают, Ариарамна и Аршама царствовали в Персии? По мнению Херцфельда,

во время одной из побед мидийского царя над Ариарамной надпись последнего была доставлена в качестве трофея в Экбатаны [205, с. 55; 209, с. 23 и сл.]. Но в таком случае, как на это обращает внимание Кент, возникает ряд новых вопросов [246, с. 206 и сл.]. Зачем надо было хранить надпись побежденного царя? Каким образом после полного разгрома Ариарамны его сын Аршама мог носить титул великого царя? Каким образом надпись Аршама опять-таки оказалась в Экбатанах? Как могли Ариарамна и Аршама носить титул «царь царей», если они царствовали только в Персии?

Все приведенные выше соображения заставляют отказаться от предположения, что Ариарамна и Аршама царствовали в Персии.

Другую реконструкцию раннеахеменидской династии предложил Дж. Камерон, мнение которого приняли В. Хинц и некоторые другие ученые. Согласно этим исследователям, Кир I царствовал в Аншане и Парсумаше, а Ариарамна и Аршама — в Парсе и обе последние страны были различными областями [124, с. 212 и 223 и сл.; 222, стб. 1024]. Однако И. В. Пьянков справедливо отмечает, что это предположение лишено убедительности, поскольку терминологически и политически Парсумаш и Персия — одна и та же страна [47, с. 32].

Как уже говорилось, согласно Бехистунской надписи, из рода Ахеменидов до Дария I царствовало восемь человек, а он сам был девятым правителем. Кого Дарий имеет в виду под своими предшественниками? Начиная с прошлого века почти все исследователи считают, что это были Ахемен, Чишпиш, Кир I, Камбиз I, Кир II, Камбиз II, Ариарамна и Аршама. Но, как мы уже видели, источники не дают оснований говорить о правлении Ариарамны и Аршама в Персии, ибо там царем был Кир II. Возможно, что Дарий действительно имел в виду названных выше лиц, но в таком случае надо полагать, что Ариарамна и Аршама были князьями в какой-то (вероятно, небольшой) области Ирана, поскольку в раннеахеменидский период еще существовало множество мелких царств, которые возглавлялись племенными вождями [см. у И. М. Дьяконова: 23, с. 180, примеч. 14]. Кроме того, следует иметь в виду, что персидские цари, начиная с Кира II, носили пышные титулы «царь великий, царь Персии, царь стран» и т. д. Поэтому простой титул «царь» мог необязательно быть связан с реальным правлением его носителя. Например, Ксенофонт (Оес. 16) и Цицерон (De sen. 17; Ad Qu. f. I, 2, 2) называют царем (*basileus/rex*) никогда не царствовавшего Кира Младшего, сына Дария II, который был сатрапом Малой Азии.

Высказывалось также предположение со ссылкой на Геродота (VII, 11), что среди восьми предшественников Дария I на престоле имеются в виду два царя с именем Чишпиш и по три правителя с именами Кир и Камбиз [203, с. 15; 300, с. 75; 330, I, с. 181; 417, с. 12; 235, с. 72]. Однако это мнение не подтверждается никакими клинописными источниками. Кроме того, на Геродота в этом

вопросе полагаться нельзя, поскольку он отцом Камбиза называет Теиспеса, а из Цилиндра Кира II мы знаем, что Чишипиш (Теиспес) был отцом Кира I.

КИР II — ЦАРЬ ПЕРСИИ

Приблизительно с 600 по 559 г. в области Парса (Персия) царствовал Камбиз I (Камбузия)², который находился в зависимости от мидийских царей. Если верить сообщениям Геродота (I, 107—108 и 111), Ксенофонта (Сугор., I, 2, 1; VIII, 2, 24), Диодора (IX, 24) и некоторых других античных авторов, которые ссылаются на предания персов, Камбиз был женат на Мандане, дочери мидийского царя Астиага, и, таким образом, их сын Кир (Куруш) приходился Астиагу внуком. Большинство историков нашего времени принимают эту версию как достоверную [124, с. 224, примеч. 33; 403; 48, с. 83 и сл.], однако В. Хинц подвергает ее сомнению, полагая, что Кир достиг пятнадцатилетнего возраста еще до того, как Астиаг стал мидийским царем, и, следовательно, не мог быть внуком последнего [222, стб. 1025]. При этом Хинц ссылается на фрагмент из Динона, согласно которому Кир стал царем, когда ему было сорок лет, и правил после этого тридцать лет. Поскольку из вавилонских источников известно, что Кир умер в 530 г., он, следовательно, родился около 600 г.; по мнению Хинца, с этим согласуется и сообщение книги Даниила (V, 30—31), что «Дарию мидянину» (по Хинцу и некоторым другим ученым, под этим лицом имеется в виду Кир II) было шестьдесят два года, когда он стал царем Вавилонии, т. е. в 539 г. (дата захвата Вавилона персами). Однако эти соображения легко отвести, даже если считать достоверным сообщение Динона (в чем также можно сомневаться), так как Мандана могла быть выдана замуж за Камбиза еще до воцарения ее отца. Отметим попутно, что, по некоторым данным, другая дочь Астиага стала женой Навуходоносора, вавилонского царевича, еще в 614 г. [см. ссылки на тексты: 124, с. 216, примеч. 9].

О происхождении, детских и юношеских годах Кира сохранилось несколько противоречивых рассказов. Геродот (I, 95), например, знал четыре версии о возвышении Кира. Согласно Ксенофону (Сугор., I, 2, 1; IV, 25), еще в V—IV вв. о Кире существовали различные рассказы.

По Геродоту (I, 107—121), Астиагу приснился сон, истолкованный придворными жрецами-магами в том смысле, что его внук Кир станет царем вместо него. Поэтому Астиаг вызвал к себе из Персии беременную Мандану и через некоторое время, когда родился Кир, решил погубить его. Эту задачу он возложил на своего сановника Гарпага. В свою очередь, Гарпаг передал ребенка пастуху Митридату, одному из рабов Астиага, повелев бросить его в горах, где было полно диких зверей. Когда Митридат принес младенца в свою хижину в горах, его жена Спако только что родила мертвого ребенка. Родители решили воспитать Кира

как своего сына, а мертвого ребенка оставили в уединенном месте в горах, одев его в роскошные одежды внука Астиага. После этого Митридат доложил Гарпагу, что он исполнил веленое. Гарпаг, послав верных людей осмотреть труп Кира и похоронить его, убедился, что приказ царя выполнен.

Когда Киру исполнилось десять лет, он однажды во время игры с детьми был избран ими царем. Но сын одного знатного мидийца отказался повиноваться Киру, и последний наказал его. Отец этого мальчика, Артембар, пожаловался Астиагу, что его раб бьет детей царских сановников. Кир был доставлен для наказания к Астиагу, у которого возникли подозрения, что это его внук, так как он заметил в нем черты фамильного сходства. Допросив Митридата под угрозой пыток, Астиаг узнал правду. Он жестоко наказал Гарпага, пригласив его на пир и тайно угостив его мясом собственного сына, сверстника Кира. Затем Астиаг снова обратился к магам с вопросом, грозит ли ему еще опасность со стороны внука. Те ответили, что сновидение уже сбылось, поскольку Кир был избран царем во время игры с детьми, и поэтому больше бояться его не надо. Тогда Астиаг успокоился и отослал внука в Персию, к его родителям.

Согласно Ктесию, рассказ которого сохранился у Николая Дамаскина, Кир вовсе не был внуком Астиага или Ахеменидом, а человеком низкого происхождения, из кочевого племени мардов. Его отец Атрадат по причине своей бедности занимался разбоем, а мать Аргоста пасла коз. Когда она была беременна Киром, ей приснился вещий сон, что ее сын добьется самого высокого положения в Азии. В поисках пропитания Кир попал во двор Астиага, где он был слугой: сначала уборщиком, а позднее стал носить светильники. Затем он был усыновлен евнухом Артембаром и вошел в милость к Астиагу, став царским виночерпием. Мидийский царь послал его подавить восстание племени кадусиев, но Кир сам поднял мятеж против Астиага и привлек на свою сторону восставших кадусиев. После этого Киру удалось захватить престол в Мидии, а впоследствии и в Персии.

Едва ли рассказ Ктесия можно считать достоверным хоть в малейшей степени, так как из клинописных источников и Геродота известно, что Кир происходил из рода Ахеменидов, который принадлежал к персидскому племени пасаргадов. По мнению Р. Кента, версия Ктесия исходит от Артаксеркса II и была рассчитана на дискредитацию Кира II. На сочинение такого нелестного для последнего рассказа, согласно Кенту, Артаксеркса II побудил мятеж Кира Младшего, само имя которого ему было ненавистно, так как оно напоминало о лишении Киром II престола Аршамы, предка Артаксеркса II [246, с. 211]. Однако с таким предположением трудно согласиться, так как если даже Кир лишил власти Аршаму (ср. выше), то вряд ли через полтора с лишним века это кого-либо волновало. Кроме того, Артаксеркс II и Кир Младший были родными братьями и возводили свою генеалогию к одним и тем же предкам. Скорее можно присоединиться к точке

зрения Р. Шуберта, что на версию Ктесия повлияла мидийская традиция, целью которой было опорочить Кира [360, с. 58]. По мнению А. Бауэра, рассказ о юности Кира, сохраненный Ктесием, — один из многочисленных предшественников греческой романтической литературы и содержит лишь отдельные верные детали [89, с. 32 и сл.]. Кроме Геродота и Ктесия о возвышении Кира рассказывают также Ксенофонт, Динон, Диодор, Помпей Трог и Николай Дамаскин, но все их сведения восходят к указанным авторам [см. 89; 21, с. 417—424; 48, с. 83 и сл.; 47, с. 16 и сл.].

В 558 г. Кир II стал царем персидских оседлых племен, среди которых главенствующую роль играли пасаргады. Как и его отец Камбиз I, Кир находился в зависимости от мидийского царя. Кроме пасаргадов в союз персидских племен входили также марафии и маспии. В персепольских эламских текстах крепостной стены (рубеж VI—V вв.) встречается географическое и племенное название Мараппияш, которое, как это установил Э. Бенвенист, соответствует марафиям Геродота [РФ, с. 773]. По мнению Г. Хумбаха, название марафии может иметь дословное значение «с колесницами», а название другого племени (маспии) — «с лошадьми», т. е. имеющие хорошие колесницы и лошадей [232, с. 154—156].

Центр Персидского государства располагался вокруг города Пасаргады, интенсивное строительство которого относится к начальному периоду правления Кира. Жившие в горах и степях Персии киртии, марды, сагартии и некоторые другие кочевые племена, а также оседлые племена кармании, панфиалеи и дерусии были покорены Киrom позднее, по-видимому, после войны с Мидией [см. Herod. I, 125; Strabo XV, 3, 1; ср. 163, с. 261 и сл.].

Об общественной организации Персии того времени можно судить лишь в самых общих чертах, главным образом по аналогии с восточноиранскими племенами (их общественное устройство отражено в Авесте) и по данным истории персидского языка. Основной социальной ячейкой была большая патриархальная семья (**māna-*). Глава семьи (*mānapati*) был своего рода *pater familias* с неограниченной светской и духовной властью над всеми своими родственниками. Совокупность семей составляла род — *vid* и *tāuma*. Родовая (а позднее и сельская) община, объединявшая ряд семей и руководимая своим старшиной (*vidpati-*), в течение многих веков оставалась могущественной силой. Роды были объединены в племя *zantu-* во главе с *zantupati-*. Несколько племен составляли область или страну (*dahyu*), которую возглавлял царь (*xšāyaθiya*). Основными занятиями населения были земледелие и разведение скота, особенно коней.

ВОЙНА С МИДИЕЙ

Когда Кир II стал царем Персии, на Ближнем Востоке существовали четыре крупные державы: Мидия, Лидия, Вавилония и Египет. Теперь Мидия уже готовилась напасть на Вавило-

нию, и отношения между обоими государствами стали напряженными, о чем, в частности, свидетельствует враждебный мидийцам тон в вавилонских царских надписях того времени. Симптомы ухудшения отношений между этими странами нашли отражение и в речах иудейского пророка Иеремии, составленных еще за несколько десятилетий до восстания Кира против Астиага. Иеремия (L, 9—43; LI, 11—48) предсказывал, что мидийцы совместно со скифами и маннеями — по его словам, воинами, вооруженными луками и копьями и не знающими милосердия, — захватят Вавилонию, разграбят ее, страна лишится своего населения и превратится в обитель шакалов.

Но Вавилонию временно спасло от нападения с востока восстание Кира против Астиага, которое началось в 553 г. Об этом восстании и последовавшей за ним войне сохранились довольно обстоятельные рассказы античных авторов и ценные, хотя и скудные сообщения вавилонских текстов.

Согласно Геродоту (I, 123—128), знатный мидиец Гарпаг, которому Астиаг нанес жестокую обиду, решил отомстить своему владыке и замышлял против него заговор. Он привлек на свою сторону мидийскую знать, которая была недовольна суровым правлением Астиага, и затем подговорил Кира поднять восстание. Поскольку Кир находился в Персии и дорога туда охранялась мидийскими воинами, Гарпаг послал ему с доверенным слугой письмо, искусно зашитое во внутренности зайца, причем гонец должен был выдавать себя за охотника. В этом письме Гарпаг обещал Киру, что, если он решится на восстание против Астиага, ему будет обеспечена поддержка многих знатных мидийцев и сам Гарпаг перейдет на его сторону вместе с войском. Естественно, к этому рассказу Геродота следует отнестись критически, но, по-видимому, в Мидии была группа знати, недовольная политикой Астиага и готовая перейти на сторону его врагов. Как полагают И. М. Дьяконов и И. Г. Алиев, эта группа состояла из представителей родовой знати, против которой Астиаг боролся, стремясь создать сильное централизованное государство [21, с. 415 и сл.; 5, с. 252 и сл.; ср. также 330, т. I, с. 207]. Недовольных возглавил Гарпаг, потомки которого позднее для оправдания его измены сочинили рассказы о бессмысленных жестокостях Астиага (как полагают, свою информацию о восстании Кира Геродот получил от потомков Гарпага, живших в V в. до н. э. в Ликий). Возможно, что заговор мидийской знати возник только во время войны с восставшими, а не существовал с самого начала, как это утверждает Геродот.

Когда Кир ознакомился с письмом Гарпага, продолжает Геродот, он созвал народное собрание персидских племен пасаргадов, марафиев и маспиев и зачитал им указ, который сочинил сам, заявив, что получил его от Астиага. В этом указе говорилось, что Астиаг назначает Кира своим военачальником. После этого Кир распустил собравшихся, велел им явиться на следующее утро с серпами и расчистить от колючего кустарника значительную

площадь земли. Затем Кир распорядился заколоть скот, принадлежавший его отцу, и подать в изобилии хлеба и вина, чтобы угостить персов, которые предыдущий день были заняты тяжелой работой. Обратившись к собравшимся на лугу, Кир спросил, предпочитают ли они надрываться от тяжелого труда или проводить время в пирах и веселье. Получив заранее ожидаемый ответ, он стал уговаривать персов отложиться от Астиага, обещая, что успех восстания обеспечит им легкую жизнь. Персы, которым было ненавистно мидийское господство, охотно откликнулись на призыв своего вождя.

Когда Астиаг узнал о приготовлениях Кира к войне, он через вестника вызвал его к себе. Кир ответил, что явится быстрее, чем его ожидают. Отказ Кира подчиниться Астиагу послужил сигналом к восстанию. Исход его решился в двух битвах. В первой Астиаг сам не участвовал, а его полководец Гарпаг с большей частью войска перешел на сторону персов. Тогда Астиаг приказал посадить на кол магов, которые неверно истолковали его сон, предвещавший, что Кир станет владыкой Азии (возможно, часть магов вступила в связь с заговорщиками), и велел всем мидийцам, включая стариков и юношей, вооружиться. Несмотря на преклонные годы, мидийский царь сам повел армию в бой, но потерпел поражение и был взят в плен. Кир не причинил Астиагу никакого зла и обращался с ним милостиво. Так, по Геродоту, окончилось тридцатипятилетнее царствование Астиага и двадцативосьмилетнее владычество мидийцев в Азии.

Сохранился также окрашенный сказочными мотивами обстоятельный рассказ Николая Дамаскина, восходящий в основном к Ктесию. Кир, будучи на службе у Астиага в Мидии, встретился с неким конюхом Ойбаром, который был рабом одного мидийца. Астиаг жестоко наказал Ойбара за какой-то проступок. Поэтому Ойбар замыслил заговор и побудил Кира возглавить восстание персов. Началась война. Первая битва продолжалась два дня и окончилась полной победой Астиага. Потерпев поражение близ своей границы с Мидией, персы бежали в Пасаргады. Согласно же Ктесию, Кир победил мидийское войско у города Гирба (локализация неизвестна), но в следующем сражении верх одержал Астиаг, и персы бежали в Пасаргады. Судя по Юстину (I, 6), когда Астиаг стал терпеть поражение, он поставил позади своих воинов заградительные отряды, которые убивали отступавших. Вторая битва, по Николаю Дамаскину, произошла близ Пасаргад и тоже продолжалась два дня. В первый день успех был на стороне мидийцев, но на второй день отступавшие персы, пристыженные своими женами, стали сражаться решительно. Войску Кира удалось одержать крупную победу и захватить лагерь мидийцев. Тогда Астиаг казнил своих полководцев, считая их виновниками поражения (о казни военачальников говорит и Диодор, IX, 24). Не находя поддержки у своих подданных, он бежал в Экбатаны и там скрылся во дворце. Вскоре он сдался Киру и был закован в кандалы.

По свидетельству Ктесия, Кир сохранил жизнь Астиагу и послал его наместником в одну из восточноиранских областей (в страну племени барканиев, т. е., по-видимому, в Гирканию) [ср. 5, с. 254, примеч. 7, где высказывается предположение, что баркании Ктесия тождественны париканиям Геродота]. Позднее Астиаг был заведен в пустыню евнухом Петесаком и по наущению Ойбара брошен там на явную гибель. Возможно, что Кир был неповинен в его смерти, так как Петесак подвергся казни, а Ойбар покончил самоубийством. Если верить Ктесию, Кир казнил Спитаму, мужа дочери Астиага Амитиды, и сам женился на ней, чтобы таким образом стать законным наследником мидийского престола. Впоследствии, по Ктесию, сыновья Спитама и Амитиды были назначены Киром сатрапами барканиев и дербиков (Nic. Dam., fr. 66, 13, 46 = FGrH II A, с. 361—370; Ctes. fr. 9; Justin. I, 6, 16).

Согласно Страбону (XV, 3, 8), Кир одержал решающую победу в третьей битве, после чего Астиаг с остатками своего войска бежал на мидийскую территорию и был без труда взят в плен. Полиэн упоминает три битвы, в которых Кир терпел поражения, пока в четвертой он не оказался победителем.

Ксенофонт в «Киропедии» рассказывает, что Астиаг умер царем Мидии мирно в своей постели, а завоевания Кира были совершены последним в качестве полководца своего деда, мидийского царя. Но Ксенофонт знал истинный ход событий и в «Анабасисе» (III, 4, 8—12) упоминает о борьбе Кира с Астиагом, а в «Киропедии» преднамеренно в целях идеализации Кира искажает исторические факты.

Данные Вавилонской хроники подтверждают в существенных чертах рассказ Геродота. Согласно этой хронике, в шестом году царствования Набонида³ «Иштумегу⁴ созвал (свои войска) и выступил против Кураша, царя Аншана, для захвата. . . Войско Иштумегу восстало и захватило его. Они вру [чили его] Курашу. Кураш выступил против столицы⁵ Агамтану (т. е. Экбатан). Серебро, золото (и другое) имущество [. . .], которое он захватил как добычу в Агамтану, он забрал в Аншан»⁶ [ABC, с. 106, II, 1—4].

Некоторые сведения о войне персов с Мидией содержат и строительные надписи Набонида. Согласно Сиппарскому цилиндру, бог Мардук послал Набониду сон, в котором велел восстановить храм бога Сина Эхульхуль в Харране (город в Верхней Месопотамии). Этот храм был разрушен и превращен в руины мидийцами во время войны с ассирийским войском еще в 609 г. и с тех пор лежал в развалинах. Набонид отвечает во сне Мардуку: «Умманманда⁷ окружают храм, который ты велишь соорудить, и велика мощь их». На это последовали такие слова Мардука: «Ни умманманда, о котором ты говоришь, ни страны его, ни царей, идущих на его стороне, уже не существует. Когда наступил третий год⁸, боги подняли Кураша, царя Аншана, его⁹ малого раба, и он со своим малым войском разгромил многочисленных умманманда.

Он захватил Иштумегу, царя умман-манда, и в плен увел его в свою сторону» [NKI, с. 218 и сл. I, 8 и сл.]. В другой надписи Набонида также говорится, что храм Эхульхуль пятьдесят четыре года лежал в развалинах после того, как умман-манда разрушили и разграбили его [NKI, с. 284, X, 12 и сл.].

Таким образом, восстание Кира, по-видимому, началось в 553 г. Астиагу пришлось отозвать из Харрана, который после падения Ассирии в 609 г. принадлежал Мидии, свой гарнизон. Вавилоняне, воспользовавшись трудным положением Астиага, около 552 г. захватили Харран. В тот период Набонид, очевидно, считал Кира своим союзником. Некоторые ученые даже полагают, что между ними был заключен договор [124, с. 224; 122, с. 36 и сл.; 273, с. 160], однако в пользу такого мнения нельзя привести никаких данных.

В 550 г. закончилась война между персами и мидийцами. Теперь Экбатаны стали одной из ахеменидских резиденций. Кир на некоторое время поселился во дворце мидийских царей, описание которого нам известно из трудов античных авторов. Согласно Геродоту (I, 98), он был окружен семью концентрическими крепостными стенами. При этом одна стена возвышалась над другой лишь на высоту бастиона, а сами бастионы были окрашены в различные цвета, и два бастиона, примыкавшие к дворцу, были соответственно посеребрены и позолочены. По Полибию (X, 27), дворец этот имел в окружности семь стадий (более 1 км), а его потолки и портики были из кедра, обшитого золотом и серебром.

Сокровища, накопленные во дворце Астиага в течение многих десятилетий, были увезены в Пасаргады, и на Мидию как на покоренную страну наложена подать. Однако часть мидийской знати сохранила свое привилегированное положение при Кире, как и при его преемниках.

Покорив Мидию, Кир формально сохранил Мидийское царство и принял официальные титулы мидийских царей («великий царь, царь царей, царь стран»). Но фактически страной правил персидский наместник.

Персы заимствовали мидийскую систему государственного управления, во многом восходившую еще к ассирийской. В державе Ахеменидов Мидия находилась на втором месте после самой Персии. Поэтому греки, иудеи, египтяне и другие народы древности рассматривали захват Мидии как передачу престола по наследству от Астиага к Киру и называли персов «мидийцами», считая историю персов продолжением мидийской. По этой же причине эллины называли Греко-персидские войны «мидийскими» (Herod. I, 206; IV, 197; Diog. Laert. II, 5; Diod. IX, 31; Plut., Them. 6—8; IGIDS, с. 6). Хотя в исследовательских частях своего труда Геродот тщательно различает персов и мидийцев и их обычаи, в новеллах он смешивает их [на это было обращено внимание А. И. Доватуром: 20, с. 81]. Феогнид, Симонид и другие греческие поэты также называют персов «мидийцами» [см. ссылки: 20, с. 81; ср. выражение «мидийцы и персы» у Даниила (V, 28; VI, 8; VIII, 20) и Эсфирь

(X, 2). Относительно египетских и других источников, в которых персы называются «мидийцами», см. у Э. Мейера: 294, т. III, с. 24, примеч. 1].

ВОЙНА С ЛИДИЕЙ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ АХЕМЕНИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Начиная со времени захвата Мидии Персия, до того малоизвестная периферийная область, выступает на широкую арену мировой истории, чтобы в течение следующих двух столетий играть в ней ведущую в политическом отношении роль.

Однако хронология походов Кира после войны с Мидией не вполне ясна. По всей вероятности, около 549 г., сразу после победы над Астиагом, весь Элам был захвачен персами, а Сузы, главный город этой страны, судя по более позднему сообщению Страбона (XV, 3, 2), стали столицей державы Кира [см. 294, т. III, с. 183]. В. Хинц и Р. Цадок полагают, что Элам был покорен персами лишь после падения Вавилонии в 539 г. [218, с. 132; 423, с. 61 и сл.]. В пользу такого предположения Цадок приводит следующие доводы. В Цилиндре Кира Сузы упоминаются среди городов, куда этот персидский царь вернул идолы богов, увезенные в Вавилонию халдейскими царями, когда Элам находился под их властью. Кроме того, Цадок ссылается на сообщение Страбона, согласно которому Кир избрал Сузы своей столицей, так как они были близко расположены к Вавилонии. Отсюда делается вывод, что держава Кира включала в себя Вавилонию еще в тот период, когда Сузы стали ее столицей. Однако такое заключение вовсе не является обязательным. Маловероятно, чтобы Кир стал откладывать на целое десятилетие захват расположенной рядом с Персией и к тому же совершенно беззащитной страны.

Сравнительно недавно А. К. Грейсон издал вавилонский текст с пророчествами относительно судьбы царских династий в Месопотамии, хранящийся в Британском музее. В этих пророчествах, как и в других подобных источниках, имена царей не приводятся, но тем не менее для их отождествления содержится достаточно данных. В частности, в тексте говорится, что «царь Элама поднимется... низложит с трона» вавилонского царя, который «основал династию Харрана» [BHLT, с. 32, стб. II, 17—21]. Как отмечает Грейсон, под царем Элама здесь имеется в виду Кир II, а под вавилонским царем — Набонид [BHLT, с. 24 и сл.]. Следовательно, Элам был покорен Киром, во всяком случае, еще до захвата им Вавилонии. Попутно можно вспомнить и сообщение Геродота (I, 188), что во время похода Кира против Вавилонии в его обозе везли воду из реки Хоасп, протекавшей у Суз.

В 549—548 гг. персы покорили страны, входившие в состав бывшей Мидийской державы, а именно Парфию, Гирканию и, вероятно, Армению¹⁰. По свидетельству Ксенофонта (Сугор. I, 1, 4), гирканцы подчинились Киру добровольно. Ктесий (9, 2—3)

пишет, что гирканцы присоединились к Киру еще до его победы над Астиагом, а парфяне — после захвата Экбатан персами. Согласно Юстину (I, 7, 2), страны, которые были данниками мидийцев, отложились от Кира и ему из-за этого пришлось вести многочисленные войны.

О войне персов с лидийцами сохранился подробный рассказ Геродота (I, 69—91). В середине VI в. в Лидии, занимавшей северо-западную часть Малой Азии, царствовал Крез из династии Мермадов. Еще при его предшественниках Гиге и Алиатте Лидия стала крупным государством, которое с успехом стремилось контролировать морскую и сухопутную торговлю между греческим миром и странами Востока. Экономическому могуществу Лидии способствовали также ее богатые золотом и серебром рудники.

Ко времени возвышения Лидии значительные области на западном и южном побережье Малой Азии были заняты греческими колониями. Это были независимые друг от друга государства. Грекам удалось установить хорошие отношения с местным населением Малой Азии, и в некоторых странах (например, в Карию) оно было смешанным и состояло из пришлых эллинов и исконных жителей, говоривших на хетто-лувийских языках. Основными занятиями греков в Малой Азии были ремесло и торговля с материковой Грецией, Причерноморьем и странами Ближнего Востока.

В течение своего четырнадцатилетнего правления (с 560 г.) Крез покорил все греческие города Малой Азии, кроме Милета, и обложил их данью. С Милетом, который лидийцам не удалось захватить силой, был заключен союзный договор, предусматривавший уплату дани и признание номинальной зависимости от Креза.

Крез не вмешивался во внутренние дела греческих государств, ограничившись лишь весьма умеренной податью. Поскольку лидийцы не имели своего флота, морская торговля по-прежнему оставалась в руках греков. Кроме того, греки и лидийцы были в дружественных отношениях, так как Лидия давно находилась под влиянием эллинской культуры [см. 189а, с. 25 и сл.]. В силу этих причин греки Малой Азии вовсе не тяготились правлением лидийского царя и на целые века сохранили благодарную память о Крезе. У лидийцев установились обширные связи также с материковым греческим миром. Крез посылал щедрые пожертвования в греческие святилища, а иногда направлял ценные дары и гражданам того или иного греческого города. В свою очередь, и лидийцы получали ряд выгод. Например, всем лидийцам было даровано в Дельфах право гражданства на вечные времена, свобода от торговых пошлин и т. д. В Дельфы Крез, в частности, пожертвовал золотую статую льва весом в десять таланов (т. е. более 260 кг).

Не только греки, но и все остальные народы Малой Азии до реки Галис, т. е. фригийцы, мисийцы, пафлагонцы и карийцы, также являлись подданными Креза. Таким образом, последний контролировал всю Западную и Центральную Малую Азию,

и само имя Крез стало нарицательным обозначением обладателя сказочных богатств.

Когда Мидия была захвачена персами и затем последовали новые стремительные успехи Кира, Крез начал готовиться к предстоящей войне. По инициативе египетского фараона Амасиса около 549 г. был заключен союз между Египтом и Лидией, которые хорошо понимали, что рано или поздно персы нападут на них, если не будут остановлены общими усилиями¹¹. Но союзники не осознавали, что нужно действовать немедленно и решительно, а тем временем Персия с каждым днем становилась все могущественнее.

Прежде чем приступить к активным действиям, Крез решил заручиться благоприятными предсказаниями богов и отправил своих гонцов в храм Аполлона в Дельфах, в святилище Амона в Ливии и в другие храмы. Гонцы везли с собой многочисленные ценные дары, большая часть которых досталась Аполлону. На вопрос, следует ли лидийцам начать войну с Киrom, оракул Аполлона дал двусмысленный ответ, что Крез сокрушит великое царство, если перейдет реку Галис (восточную границу Лидии), а также посоветовал лидийскому царю найти себе могущественного союзника.

Получив такой ответ, Крез отправил послов с дарами в дружественную Спарту с предложением заключить военный союз. Спартанцы охотно откликнулись на эту просьбу о союзе против народа, даже имени которого они, вероятно, до тех пор и не слышали¹².

Согласно Геродоту, инициатива войны принадлежала Крезу, который был слишком уверен в своей победе. В 547 г. лидийцы вторглись в Каппадокию, которая раньше принадлежала мидийцам, а затем перешла под власть персов. Крез разбил лагерь близ города Синопа. Туда же направился Кир, по пути пополняя свою армию из представителей тех народов, по территории которых он проходил. Кир также обратился к греческим городам Малой Азии с призывом отложиться от Креза и вступить с ним в союз на тех же условиях, на каких они были в подчинении у лидийцев. Но на это последовал отрицательный ответ, так как греки считали, что зависимость от персов будет более тяжелой, чем от лидийцев. Лишь один Милет оказался дальновидным и перешел на сторону Кира, заключив с ним союз. При этом оракул в Дидимах, близ Милета, предсказывал победу Киру в предстоящей войне.

Если верить Диодору (IX, 31), перед битвой Кир послал лазутчиков к проходам в Каппадокию, чтобы они осмотрели лагерь Креза. Кроме того, Кир велел этим лазутчикам передать Крезу, что персидский царь простит его прежние проступки и назначит сатрапом Лидии, если он явится к нему добровольно и признает себя рабом. На это Крез ответил, что скорее Кир и персы, бывшие прежде в рабстве у мидийцев, должны признать себя рабами лидийского царя.

У реки Галис произошла кровопролитная битва, но она окончи-

лась безрезультатно, и ни одна из сторон не рискнула вступить в новый бой. Крез отступил в свою столицу Сарды и решил более основательно подготовиться к войне и попытаться получить эффективную помощь от своих союзников. Как уже говорилось, с Амасисом, фараоном Египта, союз был заключен еще раньше, чем со Спартой. Теперь Крез обратился с просьбой заключить военный союз и к царю Вавилонии Набониду. Одновременно Крез послал в Спарту гонцов с просьбой прислать войско к весне (т. е. примерно через пять месяцев), чтобы дать персам решающую битву. С такой же просьбой Крез обратился и к другим своим союзникам (в том числе и к тирану острова Самос Поликрату) и до весны распустил греческих наемников, служивших в его армии.

Однако Кир, который знал о действиях и намерениях Креза, решил застигнуть врасплох своего противника и стремительно двинулся к Сардам, преодолев сотни километров. Жители Сард вовсе не ожидали такого нападения и узнали о нем, лишь когда персидское войско появилось у стен города.

Крез вывел свое войско, состоявшее из вооруженной копьями конницы, на равнину перед Сардами. Кир по совету своего полководца Гарпага (мидийца, который перешел на сторону персов во время войны с Астиагом) поставил всех следовавших в обозе верблюдов впереди войска, предварительно посадив на них воинов. Кони в лидийском войске, почуяв незнакомый запах верблюдов и увидев их, бежали (военная хитрость, к которой впоследствии прибегали и многие другие полководцы). Однако лидийские всадники, считавшиеся непобедимыми, не растерялись, соскочили с коней и стали сражаться пешими. Произошла жестокая битва, в которой силы были неравны. Под напором войска Кира лидийцам пришлось бежать в Сарды, где они были осаждены в акрополе.

Полагая, что осада будет долгой, Крез послал вестников в Спарту, Вавилон и Египет с мольбой о немедленной помощи. Из союзников лишь спартанцы более или менее охотно откликнулись на зов лидийского царя и подготовили войско для отправки на кораблях, но вскоре получили известие, что Сарды уже пали. Что же касается Египта и Вавилонии, они и не могли бы немедленно выступить на стороне Лидии, так как к тому времени Киликия (которая в начале VI в. была независимым государством, около 559 г. попала под власть вавилонян, а позднее стала снова самостоятельной) уже перешла на сторону Кира и тем самым заблокировала его противникам путь к Сардам¹³.

Осада Сард продолжалась лишь четырнадцать дней. Попытка взять город штурмом окончилась неудачно. Долгая осада была невозможна, так как персидское войско не располагало большими запасами продовольствия. Один наблюдательный воин из армии Кира, принадлежавший к племени мардов, заметил, как по обрывистой и неприступной скале спустился с акрополя за упавшим шлемом лидийский воин и затем поднялся обратно. Эта часть акрополя считалась совершенно неприступной и поэтому не

охранялась лидийцами. Мард, проводивший всю свою жизнь в горах, поднялся вверх по скале, а за ним последовали и другие воины. Город был взят, и Крез попал в плен. Если верить Геродоту, Сарды оказались под властью персов где-то между октябрём и декабрем 547 г.

Согласно преданию, Крез стал жаловаться на то, что оракул Аполлона, несмотря на щедрые дары, обманул его, предсказав победу и побудив к войне. Когда об этих упреках узнали изворотливые жрецы храма Аполлона в Дельфах, они заявили, что Крез неверно истолковал прорицание оракула, гласившее: если лидийский царь начнет войну, он разрушит великое царство. По словам жрецов, это предсказание сбылось, поскольку Лидийское царство пало, и Крезу, прежде чем начать войну, следовало бы спросить у оракула, какое государство он имел в виду.

По единодушному утверждению греческих авторов, Кир пощадил Креза, сохранив ему жизнь. Это вполне правдоподобно, если иметь в виду, что Кир относился милостиво и к другим взятым в плен царям.

Однако Вавилонская хроника, кажется, дает иную версию участи Креза. В этом источнике [III, 15—18, см. ABC, с. 107 и сл.] говорится, что в девятом году царствования Набонида (547 г.), «в месяце нисанну (март—апрель), Кураш, царь страны Парсу, созвал свое войско и перешел Тигр ниже Арбелы¹⁴. В месяце аяру (апрель—май) он [выступил] против страны Ли[дия. . .]¹⁵, убил ее царя, забрал его имущество, свой гарнизон там поставил [. . .]. Затем царь и его гарнизон оставались там».

Геродот (I, 86—88) рассказывает, что Кир сначала велел сжечь Креза на костре, но в последний момент решил пощадить его и затем всегда возил с собою в походы и советовался с ним. Эта же версия приводится у Плутарха в биографии Солона [28, см. также: Ctes., Pers. 36b, 4; Diod. XIII, 22, 3; Xen., Cyrop., VII, 2, 9—29]. Возможно, в распоряжении Геродота были две противоречивые версии и он объединил их в один рационалистический рассказ. Однако соответствующее место Вавилонской хроники можно интерпретировать и так, что Крез потерпел полное поражение, а не был убит, поскольку глагол *dāku* кроме «убивать» имеет еще значение «нанести поражение» [ср. ABC, с. 107; 35, с. 177; см. подробную литературу: 131a, с. 103 и сл.].

К. Ниландер справедливо полагает, что казнь некогда могущественного Креза, которого греки хорошо знали, не могла остаться неизвестной античным авторам [307, с. 117, примеч. 309]. Г. Бенгтсон также считает греческую традицию о судьбе Креза достоверной, но А. Р. Бэрн сомневается в этом, поскольку, по иранским религиозным представлениям, огонь был священной стихией и его нельзя было осквернять¹⁶, что, по его мнению, бросает тень на рассказ Геродота [92, с. 251; 122, с. 42]. Как сравнительно недавно обратил внимание К. Мазетти, поэт первой половины V в. Бакхилид, писавший задолго до Геродота, рассказывал, что Крез, поднявшийся на костер, по воле Аполлона был перенесен в страну

блаженных гипербореев (Bacchylid, III, 58). По мнению Мазетти, Геродот придал этому рассказу рационалистическую окраску, так как он не верил в существование племени гипербореев [35, с. 177 и сл.].

Как бы то ни было, в 547 г. Лидийское царство, которому его союзники не оказали своевременной и эффективной помощи, перестало существовать. За это им всем поодиночке предстояло жестоко расплатиться.

Насколько нам известно, в основных битвах, которые решили судьбу Лидийского царства, эллины не принимали никакого участия. Но падение Лидии стало для древних греков навсегда запомнившимся событием. Греческий автор Ксенофан, живший в Малой Азии в первой четверти V в. до н. э., писал: «Когда ляжешь зимой у огня на мягком диване, шелкая орешки и запивая хорошую еду сладким вином, спроси себя: „Откуда ты?“ Скажи мне: „Каков был твой возраст, когда пришел мидиец?“». Как полагает Р. Дрюс, здесь имеется в виду захват Сард персами, очевидцы которого были еще живы во времена Ксенофана [146, с. 7 и 145, примеч. 17; там же приведена и ссылка на произведение Ксенофана].

Кир остановил грабежи воинов в Сардах, но забрал имущество многих богатых жителей города в свою казну (Diod. IX, 33, 4; ср. Herod. I, 88—90).

По-видимому, Кир разделил Лидию на две провинции. Согласно Геродоту (III, 120), около 525 г. перс Оройт был «гиппархом Сард», а перс Митробат — наместником в Даскилее. Таким образом, уже при Кире, как и позднее при Камбизе, Дарии I и их преемниках, Сарды и Даскилея, прежде входившие в Лидию, были центрами двух различных сатрапий [269, с. 161]. В надписях Дария I и в эламских документах из Персеполя Лидия упоминается под названием Спарда — по имени ее столицы Сард (полидийски Сфарт; ср. арамейскую транскрипцию Сапарда в арамейско-лидийской билингве V в. из Сард [274, с. 12]). Часто Геродот (например, III, 120), следуя персидскому обычаю, называет Лидийскую сатрапию по названию ее столицы.

После захвата Лидии настала очередь и греческих государств Малой Азии. Греки направили своих послов к находившемуся в Сардах Киру, чтобы заявить о своей готовности покориться персам на тех же условиях, на каких они были в подчинении раньше у Креза. Но это предложение вызвало гнев Кира, поскольку в период войны с Лидией греки не захотели перейти на его сторону, а когда сопротивление персам стало бесполезным, они стали добиваться выгодных для себя условий мира. Кир рассказал посланцам греческих городов следующую красноречивую басню. Один флейтист, увидев в море рыбу, стал играть на флейте, надеясь, что рыба сама выйдет из воды. Но когда его ожидания оказались напрасными, он поймал сетями много добычи и затем сказал трепещущим рыбам: прекратите сейчас же свою пляску, раз вы не захотели плясать под мою флейту. Согласно Диодору (IX, 35, 3), персидский полководец Гарпаг сказал ионий-

цам, что, поскольку они раньше не хотели стать союзниками Кира, теперь они будут его рабами.

Узнав ответ Кира, ионийцы и эолийцы обнесли свои города стенами и послали вестников в Спарту с просьбой о помощи. Опасность грозила всем малоазийским грекам, кроме Милета, заблаговременно подчинившегося Киру, и островных эллинов, для завоевания которых у персов еще не было флота.

Когда вестники малоазийских городов прибыли в Спарту и изложили свою просьбу, лакедемоняне отказали им в помощи. Но позднее они снарядили корабль для наблюдения за ходом событий. По прибытии корабля в Малую Азию его команда послала своего гонца к Киру в Сарды с требованием, чтобы персы не нападали на эллинские города. Кир, который до этого даже не слышал имени лакедемонян, спросил у своих эллинских советников, кто такие лакедемоняне и сколько их. Получив ответ, он заявил, что не боится людей, которые собираются на рынке для купли-продажи и обманывают друг друга (Геродот, рассказывая об этом, поясняет, что персы не знали базарной торговли). Кир также пригрозил, что скоро у лакедемонян будут свои заботы и поэтому им не следует вмешиваться в чужие дела.

После этого Кир назначил наместником Сард перса Табала, а сам направился в Экбатаны обдумать план походов против Вавилонии, Бактрии, саков и Египта. Покорение остальной части Малой Азии он решил поручить кому-либо из своих полководцев.

Воспользовавшись отъездом Кира в Экбатаны, жители Сард во главе с Пактием, которому была доверена охрана царской казны, подняли восстание. Они осадили персидский гарнизон с военачальником Табалом в акрополе Сард и уговорили приморские греческие города прислать свои военные отряды на помощь восставшим. Когда Кир узнал о восстании, он, если верить сообщению Геродота (I, 155), обратился к находившемуся в его свите Крезу с угрозой продать всех лидийцев в рабство. Но Крез просил Кира не разрушать древний город Сарды и пощадить его жителей, наказав зачинщика восстания Пактия, лидийцам же запретить носить оружие, чтобы они больше не могли бунтовать против персов.

Кир решил последовать совету Креза и для подавления мятежа послал войско, возглавляемое мидийцем Мазаром, которому было приказано также разоружить лидийцев и обратить в рабство жителей греческих городов, оказавших помощь восставшим, а самого Пактия доставить живым в ставку царя.

Пактий, узнав о приближении персидского войска, бежал со своими главными приверженцами, и на этом восстание окончилось. После многих мытарств Пактий оказался на острове Хиос, жители которого выдали его персам в обмен на небольшой участок земли на материке.

В Лидии были оставлены персидские гарнизоны. Население страны постепенно примирилось с персидским господством, поскольку исключительно благоприятные возможности для торговли

давали лидийцам большие выгоды. О запрете носить оружие лидийцам кроме Геродота (I, 156) рассказывают еще Полиэн (Strateg. VII, 6, 4) и Юстин (I, 7). По мнению А. И. Доватура, этот запрет нельзя понимать буквально, поскольку во время похода против Греции в армии Ксеркса были и лидийцы. Но эти лидийцы служили в пехоте, а знаменитая лидийская конница уже не существовала, так как после восстания Пактия был ликвидирован социальный слой, из которого вербовались всадники [20, с. 89 и сл.].

Подавив мятеж в Лидии, Мазар начал покорение греческих городов Малой Азии. Он подчинил область приенцев и долину реки Меандр, разрешив войску разграбить ее. Вскоре после этого он умер, и на его место был назначен мидиец Гарпаг, который еще во время войны между персами и мидийцами перешел на сторону Кира. Сообщение Геродота об этом назначении Гарпага (I, 162) подтверждается ликийскими и греческими надписями V в. до н. э., согласно которым потомки этого мидийца, носившие то же самое имя, жили в Малой Азии. И. М. Дьяконов полагает, что Гарпаг получил в Малой Азии крупные земельные владения, которые сохранились за его потомками [21, с. 424 со-ссылкой на надпись: Friedrich, № 44]. Кроме того, из труда Геродота (VI, 28—30) видно, что некий Гарпаг командовал персидскими войсками в Малой Азии в начале V в.; по всей вероятности, он был внуком мидийца Гарпага.

Гарпаг начал возводить высокие насыпи у обнесенных стенами греческих городов и затем штурмом брать их. Жители Фокен, крупнейшего после Милета греческого города в Малой Азии, не захотели подчиниться персам и на кораблях бежали в Италию, чтобы основать там колонию. Гарпаг без труда подчинил всю Ионию и затем племя карийцев. Лишь ликийцы и кавнии (негреческое автохтонное население Малой Азии) оказали сопротивление многочисленному персидскому войску, встретив его в открытом бою. Ликийцы были оттеснены в город Ксанф, где они предали акрополь огню, заранее собрав туда своих жен, детей, рабов и имущество, а сами погибли в бою. Таким же упорным было сопротивление кавниев, но, естественно, они не могли остановить продвижение большого и хорошо вооруженного персидского войска. Теперь вся Малая Азия попала под власть персов, и ионийцы потеряли свое военное господство в Эгейском море [см. подробно 107а].

Греческое население и другие племена Малой Азии были обложены несколько большими податями, чем при Крезе, и обязаны были выполнять военную повинность. Теперь Кир в случае надобности в военном флоте мог пользоваться греческими кораблями. Однако греки сохраняли автономию в решении своих внутренних дел и связи с материковой Грецией. В административном отношении ионийские города были присоединены к Лидийской сатрапии со столицей в Сардах. По описанию Павсания (III, 9, 4), Сарды превосходили все города богатством и красотой, а дворец

лидийского сатрапа был устроен подобно царскому дворцу в Сузах. Греки, жившие на Геллеспонте, вошли в Даскилейскую сатрапию.

ЗАВОЕВАНИЕ ВОСТОЧНОГО ИРАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Хронология походов Кира после покорения Малой Азии пока не вполне ясна. Как мы видели выше, Кир поручил своим полководцам завершить подчинение Малой Азии, а сам направился в Экбатаны, чтобы готовиться к захвату Вавилонии, Бактрии, Страны саков и Египта. Хорошо известно, что Египет был захвачен персами лишь после смерти Кира.

Вавилонию Кир завоевал в 539 г. Бактрия и саки определенно были покорены еще при Кире, поскольку в Бехистунской надписи среди подвластных персам стран упомянуты, в частности, Маргиана, Бактрия, Хорезм и другие среднеазиатские области, а также Гандхара и Саттагидия на крайнем востоке Ирана. Отсюда ясно, что еще при Кире персидское господство достигло северо-западных границ Индии, южных отрогов Гиндукуша и бассейна реки Яксарт, так как при Камбизе, судя по имеющимся данным, в этих районах войны вообще не велись. Кроме того, из «Естественной истории» Плиния (VI, 92) известно, что Кир разрушил город Капиша, который, по-видимому, был расположен к северу от современного Кабула [105, с. 20]. Арриан в «Анабасисе» (VI, 24, 3) пишет о нападении Кира «на землю индов» (по-видимому, имеется в виду Гандхара) и о потере там персами значительной части своего войска. Наконец, тот же автор (III, 27, 4) и Диодор (XVII, 81, 1) упоминают племя ариаспов на южной границе Дрангианы, которое снабдило войско Кира продовольствием во время похода и за это было освобождено от уплаты податей персидскому царю.

Но когда эти области были завоеваны персами? Некоторые исследователи полагают, что Кир захватил Восточный Иран и Среднюю Азию лишь после покорения Вавилонии [см., например, 28, с. 59]. Но такое предположение представляется неубедительным.

Геродот рассказывает лишь о захвате Вавилонии (539 г.), а также о походе против массагетов (530 г.) и не упоминает о других завоеваниях Кира после войны с Лидией. При этом отец истории (I, 177) предупреждает читателя, что он умолчит о большинстве этих походов и расскажет лишь о тех, которые доставили персам много хлопот. Согласно Геродоту (I, 177—178), пока Гарпаг опустошал города Малой Азии, Кир один за другим покорял все народы Азиатского материка и только потом выступил против Вавилонии (вместо Вавилонии у Геродота названа Ассирия, но он говорит, что самым знаменитым городом Ассирии после разрушения Ниневии был Вавилон). Из этого можно заключить, что Средняя Азия была покорена Киром после победы над Лидией, но до войны с Вавилонией. Большой интерес в этом отношении

представляет сообщение вавилонского историка III в. до н. э. Беросса, который в рассказе о походе Кира, вероятно, использовал вавилонские источники. Он пишет, что Кир «выступил против Вавилонии после того, как покорил всю остальную Азию» [FHC, II, с. 508; ср. Justin, I, 7, 2—3]. Если можно придать значение сообщениям в «Киропедии» (I, 1, 4; V, 3) Ксенофонта, они также свидетельствуют о том, что Кир захватил Вавилон после покорения бактрийцев, саков и индийцев (северо-западная часть Индии была завоевана лишь при Дарии I, но в граничившей с нею на западе Гандхаре и смежных областях говорили на тех же индоарийских диалектах, что и в Индии, а также на древнеиранских языках). Утверждение Ктесия (Pers., 29, 5) о том, что покорение Бактрии и амюргийских саков (их царя он называет Аморг; отсюда можно заключить, что речь идет именно об амюргийских скифах) имело место до войны Кира против Лидии, очевидно, не заслуживает доверия.

Как можно предположить, исходя из указанных выше источников, между 545 и 539 гг. Кир покорил восточноиранские (ныне восточные провинции Ирана и некоторые районы Афганистана, Пакистана и Индии) и среднеазиатские области Дрангиану, Маргиану, Хорезм, Согдиану, Бактрию, Аррею, Гедросию, племена саков, Саттагидию, Арахосию и Гандхару. И лишь после того как ему удалось достигнуть самых дальних пределов своих завоеваний в северо-восточном направлении, Кир выступил против Вавилонии.

К сожалению, подробности походов Кира на востоке нам совершенно неизвестны. Самое древнее упоминание о Бактрии у античных авторов встречается в пьесе Эсхила «Персы», где отмечен лишь факт участия бактрийцев в греческом походе Ксеркса. Ктесий пишет, что Кир боролся против бактрийцев с переменным успехом, но затем последние добровольно подчинились персам, узнав, что мидийский царь Астиаг признал себя отцом Кира. Из этого сообщения можно заключить, что, согласно Ктесию, Кир предпринял поход в Среднюю Азию сразу после войны с Мидией, но источники не позволяют принять или отвергнуть такую последовательность событий.

Каков был уровень общественного развития в среднеазиатских областях к тому времени, когда персы завоевали их?

К сожалению, наука не располагает надежными письменными источниками по истории Средней Азии доахеменидского времени. Со среднеазиатскими племенами в какой-то мере, возможно, пришлось столкнуться еще мидийскому царю Астиагу (например, Ктесий пишет, что саки находились под мидийским господством, но это все-таки сомнительно). О более раннем столкновении среднеазиатских племен с народами, жившими значительно западнее их, не имеется никаких достоверных сведений. Правда, еще в прошлом веке Ф. Ленорман, ссылаясь на путанные и явно недостоверные сообщения Диодора (II, 4) и Юстина (I, 1) об осаде Бактр легендарным ассирийским царем Нином и о захвате

этого города не менее легендарной Семирамидой, а также на надпись Тиглатпаласара III (издана в R, т. II, табл. 67), полагал, что ассирийцы покорили некоторые районы Средней Азии [268, с. 48—55 и 69—71; см. также у М. Дункера: 150, т. IV, с. 15]. Сходное мнение высказывали и некоторые советские исследователи, например, С. П. Толстов [62, с. 182]. Но, судя по имеющимся данным, ассирийские войска не проникали в восточном направлении дальше мидийских областей.

В литературе многократно высказывалось мнение о существовании в Средней Азии доахеменидского времени государственных объединений. Еще в прошлом веке М. Дункер писал, что уже в IX в. до н. э. возникло Древнебактрийское царство, ссылаясь при этом на обелиск ассирийского царя Салманасара II, где среди предметов подати изображены двугорбые верблюды из Бактрии [150, т. IV, с. 35]. Этот взгляд был подвергнут критике К. П. Паткановым [43, с. 33 и сл.], но позднее Ю. Прашек полагал, что нет оснований сомневаться в существовании Древнебактрийского царства, поскольку в зороастрийской традиции упоминается бактрийский царь Виштаспа (легендарный покровитель Заратустры). По мнению Прашека, Бактрия еще до персидского завоевания должна была представлять независимое государство со столицей в Бактрах, ибо при Ахеменидах она являлась крупной административной областью. Прашек также полагал, что и Маргиана имела своих царей еще до Ахеменидов и память о них не была предана забвению даже при Дарии I (ср. ниже). Из Бехистунской надписи известно, что к началу царствования Дария I Маргиана была административно связана с Бактрией. Исходя из этого факта, Прашек считал, что Кир включил Маргиану в состав Бактрии [330, т. I, с. 51—54]. Для доказательства существования Древнебактрийского царства ссылаются также на сообщение Ктесия о Бактрийском государстве, с которым, по утверждению этого автора, пришлось воевать Киру, и на указание Геродота, что Бактрия наряду с Вавилонией, Египтом и саками была главным препятствием на пути персов к их мировым завоеваниям. Можно отметить также мнение С. П. Толстова, что «Бактрия присоединилась к Ирану в качестве если не равноправного, то привилегированного по сравнению с другими союзника» [62, с. 184]. Однако ахеменидские надписи включают Бактрию в перечень стран, которые платили подати, что подтверждается и изображениями на персепольских рельефах. Кроме того, в отличие от некоторых других стран, имевших свои династии и пользовавшихся внутренней автономией, Бактрия всегда управлялась сатрапами, которых назначал персидский царь обычно из своих ближайших родственников.

Как видно из сказанного выше, вопрос о существовании Древнебактрийского царства пока остается дискуссионным. Новый материал об уровне развития производительных сил и общественных отношений в Средней Азии в доахеменидский и ахеменидский периоды дали раскопки советских археологов, хотя в оценке

результатов этих раскопок среди специалистов пока нет полного единодушия. По мнению В. М. Массона, еще в первой трети I тысячелетия до н. э. на юге Средней Азии на основе крупных оросительных систем начала складываться городская цивилизация и стали появляться города с цитаделями, возведенными на искусственной платформе [39, с. 58 и сл., 122 и сл.]. Например, на территории древней Гиркании (юго-запад Туркменской ССР) обнаружены поселения площадью до 50 га, имевшие цитадели. Массон полагает, что в оседлых оазисах еще в доахеменидское время началось возникновение раннеклассового общества, и это, по его предположению, заставляет считать достоверными сведения Авесты о существовании в Средней Азии уже в тот период крупных политических объединений и эпические предания о Древнебактрийском царстве, сохранившиеся у Ктесия [40, с. 335 и сл.].

По мнению М. М. Дьяконова, до захвата Средней Азии персами там еще не было крупных государственных объединений, а земледельческие оазисы и варварская периферия с ее кочевым населением саков (притом то и другое население было по языку иранским) находились на стадии разложения военной демократии. В середине I тысячелетия в Хорезме, Согдиане, Маргиане и Бактрии ирригационное земледелие в долинах больших рек привело к возникновению государственности, причем первоначальные границы государств совпадали с границами ирригационных систем. В частности, как полагает М. М. Дьяконов, маргианцы не знали традиций царской власти, поскольку руководитель восстания в Маргиане в начале правления Дария I в Бехистунской надписи назван вождем, в то время как главари мятежей в Персии, Мидии, Эламе, Вавилонии и в других странах обозначены самозванными царями. Рассматривая общество, которое описывается в Авесте, М. М. Дьяконов отмечает, что для него было характерно пастушеское скотоводство, где земледелие играло лишь подчиненную роль [26, с. 121 и сл.; 27, с. 75].

Недавно И. М. Дьяконов высказал мнение, что в IX—VII вв. до н. э. в Средней Азии и в Восточном Иране существовали значительные политические объединения, которые он склонен считать государствами [27а, с. 349—350]. Однако такое предположение не подтверждается источниками и представляется нам маловероятным.

Проблема общества Авесты до сих пор остается одной из самых сложных. Как это давно установлено, Авеста почти не знает ремесла, не содержит упоминаний о железе (но бронзой уже пользовались). Древнейшие части Авесты рисуют жизнь и быт оседлых пастухов и земледельцев, находившихся на грани образования классового общества, но еще сохранявших систему родо-племенных отношений.

Страна, где Заратуштра выступал со своими проповедями, в Авесте называется Арийанам-вайджа. Многие исследователи локализуют ее в Хорезме, полагая, что именно там возник зороастризм и позднее отсюда распространился в Согдиану, Маргиану,

Бактрию и другие страны [304, с. 327; 209, с. 7 и сл.; 197, с. 43]. Согласно Ф. К. Андреасу, родиной Гат (древнейших частей Авесты) была Согдиана. Другие же ученые локализуют авестийское общество в Маргиане [61, с. 29], Бактрии [27, с. 60; 294, т. III; с. 97; 79, с. 90; ср. 51, с. 52]. По В. И. Абаеву, зороастризм возник в Восточном Иране на стыке оседлых племен со скифскими кочевниками [1, с. 55; 3, с. 320]. Ж. Дюшен-Гиймен придерживается мнения, что общество, в котором проповедовал Заратуштра, было пастушеским, не перешедшим к оседлости, и в нем земледелие еще не играло значительной роли [149, с. 12]. И. М. Дьяконов и Дж. Ньюли независимо друг от друга полагают, что родина Заратуштры находилась в долине Хильменда-Теджена-Герируда, т. е. в Систане и прилегающих к нему областях [25, с. 142; 179, с. 129 и сл., см. там же подробную литературу на с. 16 и сл.]. Это мнение представляется нам наиболее убедительно аргументированным. Как отмечает Ньюли, лишь указанный регион детально описан в авестийской географии и по своим границам приблизительно соответствует Ариане, т. е. названию, употреблявшемуся греками после македонского завоевания для обозначения восточной части Иранского плато [179, с. 130 и сл.]. Тот же автор указывает, что, судя по находкам итальянских археологов на территории Систана, начиная от бронзового века до ахеменидского периода там было широко распространено разведение крупного рогатого скота, и это делает еще более вероятным предположение о локализации в этой области родины Гат [179, с. 153 и сл.].

И. Маркварт высказал гипотезу, что Арйанам-вайджа была крупным доахеменидским государством с центром в Хорезме, которое уничтожил Кир. Позднее эта гипотеза была поддержана В. Б. Хеннингом и И. Гершевичем, а в советской литературе — С. П. Толстовым [197, с. 42 и сл.; 171, с. 14]. Хеннинг и Гершевич считают, что территория этого объединения была расположена к югу от Хорезма и центром его были Мерв и Герат (древняя Арейя). Основанием для такого предположения о «Большом Хорезме» послужило главным образом сообщение Геродота (III, 117) о том, что плотина на реке Ак¹⁷ принадлежала хорезмийцам и что Хорезм, Парфия, Арейя и Согдиана в ахеменидское время составляли одну сатрапию. По мнению указанных ученых, границы этой сатрапии были первоначальными границами Хорезмийского государства, завоеванного персами [49, с. 17; 13, с. 15 и сл.; 14, с. 58 и сл.; 25, с. 134—139]. Попутно можно отметить, что, судя по 10-му Яшту Авесты, «Гератский Мерв» представлял собой конфедерацию вокруг Арейи.

Археологи, однако, отмечают, что лишь в VI в. до н. э. в собственно Хорезме наблюдается прогресс в развитии земледелия с искусственным орошением, а в VIII—VII вв. эта страна не имела многочисленного населения или развитой ирригационной системы. Возникновение крупных поселений типа Калалы-гыр на территории Хорезма определенно относится к ахеменидскому времени.

Исходя из этих данных, Ньюли считает совершенно невероятным существование «Большого Хорезма» [179, с. 17, 91 и сл.]. Для Согдианы IV в. до н. э. Арриан и Курций сообщают, что город Мараканда имел сильно укрепленную цитадель, окруженную стеной и рвом, причем цитадель и город были обнесены крепостной стеной протяженностью около 13 км. Как показывают археологические раскопки, площадь Мараканды составляла 50—70 га. Но такой большой город, очевидно, возник в ахеменидское время [39, с. 127].

Трудно согласиться с С. П. Толстовым, что уже в VIII—VI вв. в Хорезме возникло сильное рабовладельческое государство, ирригация которого была основана на труде многотысячных масс военнопленных, ибо, как он полагает, «в тех исторических условиях и при той технической базе» строителями каналов могли быть только рабы [64, с. 89—91; 63, с. 103]. Исходной точкой такого мнения является лишь предположение, что ирригация в Месопотамии была создана трудом рабов. Однако огромный документальный материал свидетельствует о том, что в основном на сооружении каналов в Двуречье применялся труд свободных. В условиях еще сравнительно низкого развития производительных сил применение рабского труда в массовых масштабах было невозможным; орудия, с помощью которых сооружались каналы, ненамного уступали оружию, находившемуся в распоряжении воинов и надсмотрщиков над рабами, как на это многократно обращал внимание И. М. Дьяконов.

Гаты, которые в определенной мере отражают материальную культуру и общественные отношения Восточного Ирана и Средней Азии в доахеменидский период, показывают, что там не было развитой городской жизни, прочных государственных объединений и еще не произошло разделения ремесла и земледелия. По мере распада родовых общин стали возникать раннеклассовые объединения. Процесс классового расслоения нашел отражение и в древнейших частях Авесты, где содержится протест против засилья знати. Первые города в Средней Азии начинают возникать лишь в середине I тысячелетия до н. э. Это были столицы Согдианы, Бактрии и Маргианы, имевшие площадь в несколько десятков гектаров и цитадели. Правда, в VII в. до н. э. на территории названных областей начала складываться сравнительно развитая земледельческая культура, основанная на искусственном орошении, но в то время там, по-видимому, еще не было крупных государственных образований.

ВОЙНА С ВАВИЛОНИЕЙ И ЗАХВАТ ЗАРЕЧЬЯ

После смерти Навуходоносора II в 562 г. в Вавилонии начался политический кризис, который был порожден конфликтом между двумя этническими группами населения, а именно между халдеями и арамеями, задолго до этого наводнившими Месопотамию,

а также противоречиями между жреческой и военной партиями. Жречество стало активно вмешиваться в политику, устраняя неугодных царей. В течение всего нескольких лет сменились три царя, пока в мае 556 г. власть не захватил 65-летний Набонид. Его личность еще в древности привлекала много внимания, и до сих пор в научной литературе продолжают споры относительно мотивов политической деятельности этого царя. Но его биография плохо известна, и нелегко отделить историческую правду о нем от легенд.

Отец Набонида Набу-балатсу-икби, который в текстах назван «князем» и «наместником», по всей вероятности, был вождем одного из арамейских племен, осевших в Вавилонии [261, с. 150 и сл.]. Большим влиянием на Набонида пользовалась его мать Адда-гуппи, которая, по мнению многих ученых, была жрицей в храме бога Сина в Харране, а после захвата этого города мидийцами бежала со своим сыном в Вавилон. Однако в источниках нет ясных указаний на это; возможно, что она с самого начала жила в Вавилоне и не была жрицей Сина, а лишь поклонялась ему [338, с. 236]. Во всяком случае, можно уверенно полагать, что в отличие от других нововавилонских царей Набонид был не халдеем, а представителем арамейских племен, осевших в Северной Месопотамии. В одном тексте 597 г. [NbK, 70] упоминается некий Набонид, занимавший должность градоначальника. Высказывалось предположение, что это был будущий царь и что он был женат на дочери Навуходоносора II [145, с. 31].

Во всяком случае, по собственным словам Набонида, он стал правителем не как наследник престола, а исключительно по воле и желанию богов, которые призвали его управлять страной [Н 2, I, 7—11].

Когда около 552 г. мидийцы ушли из области Харран, Набонид восстановил там храм бога Луны Эхульхуль и привез туда изображения Сина и его окружения, которые до этого хранились в Вавилоне. Возрождение этого святилища было неразрывно связано с теми важными религиозными реформами, которые постепенно стал осуществлять Набонид. Хотя он и поклонялся традиционным вавилонским богам — Мардуку, Набу, Нергалу, Шамашу и др., но на первое место стал выдвигать культ бога Луны Сина, называя его «царем богов небес и земли», «божественным царем над всеми богами» [NKI, с. 250 и сл.]. Набонид строил и восстанавливал храмы Сина как в самой Вавилонии, так и за ее пределами. При этом бог Луны, которому поклонялся Набонид, не являлся традиционным вавилонским богом Сином, а был скорее по своей символике и формам поклонения арамейским богом. Возможно даже, что Набонид мечтал превратить храм Мардука, верховного бога страны, в Вавилоне в святилище Сина. Эти реформы привели Набонида к конфликту с жречеством и населением древних городов — Вавилона, Борсиппы, Ниппура, Ларсы, Урука и Ура, отношения с которыми с самого начала были достаточно напряженными. Однако противники Набонида не были объединены

между собой, и каждый город стремился выдвинуть на передний план культ своего бога. По словам Набонида, люди сбились с пути, грешили против богов, говорили ложь и неправду и даже стали «пожирать друг друга, подобно собакам». Разгневанные боги наслали на грешников болезни и голод, которые косили людей, а сам Набонид, возмущенный безбожием и беззаконием своих подданных, отправился в оазис Tema в северной части Центральной Аравии. Он пробыл там десять лет и в течение этого времени укрепил позиции своей державы на западе. Он нанес поражение арабам, захватил обширные районы на Аравийском полуострове и основал там колонии вавилонян. В одной надписи Набонида упоминаются покоренные им оазисы Дадану, Падакку и Ядиру в радиусе 300—400 км от Темы до Ятриба (Медина). Если верить Набониду, цари Египта, Мидии и других стран посылали своих гонцов в Тему, чтобы почтить его [Н 2, I, 20 и сл.]. Захват Темы имел большое значение для Вавилонии, так как морской путь через Персидский залив в Южную Вавилонию стал невозможным из-за изменения течения Евфрата и потому необходимо было искать новые торговые дороги.

Пока Набонид находился в западной части своего государства, управление Вавилонией осуществлял его сын Бел-шар-уцур (Валтасар библейской Книги Даниила).

Обычно историки считают Набонида человеком, лишенным военных способностей, отрешенным от жизни «благочестивым ученым», чуть ли не археологом, который в трудные для страны времена был занят раскопками и восстановлением храмовых зданий по их старым планам. Но известный ассириолог Б. Ландсбергер высказал наиболее правдоподобное мнение, что Набонид стремился объединить вокруг себя многочисленные арамейские племена Передней Азии, поклонявшиеся Сину, чтобы отразить надвигающуюся со стороны Ирана опасность. К достижению этой цели были направлены как религиозные реформы¹⁸, так и военная деятельность Набонида [ср. 381, с. 351 и сл.; 273; 338; 168; 108; 367, с. 32—82; 166, с. 3 и сл.; 415].

К 543 г. окончилось долгое соперничество между Вавилонией и Египтом: обе страны должны были готовиться к предстоявшей войне с персами. В начале царствования Набонида Нововавилонская держава включала почти всю Месопотамию, Сирию, Финикию, Палестину, часть Аравийского полуострова и Восточную Киликию. В 547 г. Киликия перешла на сторону персов. В 543 г. Набонид вернулся из Темы в Вавилон и начал готовиться к войне с Персией. Однако все его усилия, направленные к отражению опасности с востока, оказались обреченными на неудачу. У Вавилонии не было союзников. Лишь фараон Египта Амасис мог бы оказать ей помощь, но он проявил неальtruизм и остался в стороне. Вавилонское царство от Персидского залива до Средиземного моря было блокировано персами, которые захватили многие страны вплоть до границ с Индией и имели огромную и хорошо вооруженную армию.

Да и в самой Вавилонии положение Набонида было непрочным. Поскольку он стремился сломить могущество и влияние жречества Мардука, верховного бога Вавилонии, и пренебрегал религиозными праздниками в его храме Эсагиле, влиятельные жреческие круги, недовольные политикой Набонида, были готовы помочь любому внешнему врагу. Многие ученые даже полагают, что жрецы Мардука находились в тайном сговоре с наступавшими персами. Поскольку персы захватили торговые пути Вавилонии, купеческие круги были недовольны своим царем. Они были заинтересованы в создании огромной державы, которая обеспечила бы им рынок и безопасные пути в Египет, Малую Азию и другие страны Востока, и потому готовы были перейти на сторону чужеземных завоевателей.

В Вавилонии жили десятки тысяч представителей разных народов (среди них особенно много было иудеев), насильственно увезенных из своих стран халдейскими царями. Эти люди не оставляли надежд вернуться в родные места, они были готовы помочь любому врагу Набонида и ждали персов как своих спасителей.

Социальные противоречия между земледельцами и ремесленниками, с одной стороны, и знатью (царские и храмовые чиновники, купцы и т. д.) — с другой, подтачивали общество. Земледельцы и ремесленники — основное по численности и значению население страны — равнодушно относились к военным приготовлениям Набонида и готовы были без сожаления поменять старых правителей на новых. Наконец, вавилонская армия была истощена в многолетних войнах в Аравийской пустыне, и трудно было ожидать, что она окажется в состоянии отразить натиск численно превосходящих сил противника, который к тому же был вооружен лучше, чем войско Набонида.

Таким образом, в Вавилонии не было достаточно сил, которые могли бы оказать эффективное сопротивление персидской армии, состоявшей из свободных земледельцев и скотоводов, которым еще не было известно социальное расслоение в широких масштабах. Когда Кир напал на Месопотамию, вавилонские жрецы ждали его как посланника Мардука, иудейские пророки объявили его спасителем своего народа и другие чужеземцы видели в нем освободителя.

Весной 539 г. персидская армия выступила в поход и начала двигаться вниз по долине реки Диялы. К этой армии присоединился вместе со своим войском и наместник области Гутиум¹⁹ Угбару. Некоторые ученые полагают, что Угбару был вавилонским наместником провинции к востоку от среднего течения Тигра, который в критический момент изменил Набониду и перешел на сторону Кира [см., например, 189, с. 717 и сл.]: Однако о переходе Угбару на сторону Кира говорит только Ксенофонт, у которого этот наместник назван Гобрием (см. ниже), а клинописные источники не дают возможности проверить такое предположение. Но следует отметить, что в Вавилонской хронике о войсках Кира и Угбару говорится как об отдельных армиях.

Согласно Геродоту (I, 189), когда персидская армия весной на пути к Вавилону попыталась переплыть реку Гинд (совр. Дияла), одна из священных белых лошадей Кира утонула в ней. Кир в гневе приказал наказать реку и, отложив свой поход, велел войску отмерить площадь для 180 каналов в сторону от обоих берегов Гинда, после чего персидской армии пришлось целое лето работать над отводом вод. Дж. Камерон полагает, что, если не обращать внимания на аллегорическое толкование, связанное с гибелью лошади, рассказ Геродота находит подтверждение в Вавилонской хронике, где в плохо сохранившихся строках говорится о событиях шестнадцатого года правления Набонида. В частности, в тексте упоминается река Тигр, а далее, по мнению Камерона, сказано, что в месяце аддару (март) «войско персов»²⁰ было занято какими-то действиями. Через несколько месяцев после этого Кир выиграл битву близ Описа, но тем не менее персидская армия вступила в Вавилон лишь в октябре. Таким образом, как полагает Камерон, согласно хронике и Геродоту, армия Кира потратила все лето, выполняя какую-то работу в районе Диялы, где был расположен Опис. Согласно археологическим данным, в этом районе бассейна Диялы в течение многих веков (XVII—конец VII) наблюдался упадок экономики, а оседлая жизнь вовсе исчезла. Позднее началось медленное возрождение и оживление экономической жизни. В частности, имеются свидетельства о том, что течение реки изменилось в той местности, где расположен Опис. Процесс возрождения продолжался в течение всего ахеменидского периода. Количество поселений этого региона постепенно увеличилось от 33 до 57, причем каждое поселение занимало площадь от 75 до 100 га [76]. Очевидно, такой рост был возможен лишь в условиях расширения оросительной системы, и, по предположению Камерона, Кир летом 539 г. (еще до захвата Вавилона) осуществил проект восстановления и расширения ирригационной сети, принесший процветание стране [129; ср., однако, мнение Ф. Х. Вейсбаха, который полагал, что в рассказе Геродота не содержится даже зерна истины: 403, стб. 1150 и сл.].

Опасаясь перехода месопотамских городов на сторону врага, летом 539 г. Набонид велел увезти в Вавилон идола богов из ряда областей, расположенных вне зоны укреплений. Этим актом Набонид пытался поставить города, которым грозила опасность персидского вторжения, в религиозном и политическом отношении в зависимость от столицы, лишив их защиты местных богов, а персов — помощи последних [ср. 401, с. 205 и сл.].

Мощные оборонительные сооружения, возведенные еще Навуходоносором II поперек равнины Двуречья, от Сиппара на западе до Описа на востоке, в 60 км к северу от Вавилона, могли бы на продолжительное время отсрочить победу персов. Эти укрепления охватывали такие крупные города, как Сиппар, Кута, Вавилон и Борсиппа, и имели в периметре 150 км. Эта стена существовала еще спустя полтора века после падения

Вавилона, и Ксенофонт в «Анабасисе» (II, 4, 12) оставил нам ее описание по личным впечатлениям. Он называет ее «мидийской» стеной и пишет, что она была построена из обожженного кирпича, имела в ширину 8 м и 10 м в высоту [см. подробно 88]. Кроме того, в случае крайней угрозы продвижение противника можно было остановить, выпустив воду из искусственного озера близ Сиппара и затопив всю местность к востоку и северо-западу от Вавилона.

Особенно хорошо был укреплен Вавилон, превращенный в неприступную военную крепость. Город был обнесен двойной стеной из сырцовых и обожженных кирпичей, скрепленных раствором асфальта, смешанного с камышом. Внешняя стена была высотой 7,60—7,80 м, шириной 3,72 м и длиной в окружности $8\frac{1}{3}$ км²¹. Внутренняя стена, расположенная на расстоянии 12 м от внешней, была высотой 11—14 м, шириной 6,5 м и длиной 6 км. На расстоянии 20 м друг от друга на стенах были расположены укрепленные башни, с которых можно было обстреливать противника. Перед внешней стеной крепостного вала, на расстоянии 20 м от нее, был глубокий ров, наполненный водой.

Вавилон в тот период был крупнейшим в мире городом с населением около 200 000 человек. Город имел восемь ворот. Третью его лежала к западу от Евфрата (так называемый Новый город) и соединялась с остальной частью столицы с помощью моста длиной 123 м (в настоящее время ширина Евфрата у Вавилона — около 150—200 м; это объясняется тем, что в древности каналы забирали много воды). Мост держался на быках из обожженного кирпича, расположенных через каждые 7—11 м друг от друга (два быка на суше и шесть в воде). Проходная часть моста была шириной 5—6 м и покрыта деревянными балками (вероятно, из ливанского кедра). В стороне, примыкавшей к Евфрату, находился выстроенный Навуходоносором II гигантский замок-дворец, где позднее жили и персидские цари. В противоположной части города, по другую сторону Евфрата и его канала Арахту, было расположено главное святилище вавилонян — Эсагила (в переводе с шумерского «Дом поднятия головы»). Согласно Геродоту, это было квадратное здание, каждая сторона которого имела 2 стадии (около 400 м). Храм был выстроен на искусственной террасе и имел 6 ворот и несколько дворов. Его главное здание имело площадь 78×86 м. Единое целое с Эсагилой составлял расположенный к югу от него Этеменанки (по-шумерски «Храм краеугольного камня небес и земли»), названный в Библии Вавилонской башней. По преданию, она строилась 300 лет и была закончена при Навуходоносоре II. Согласно Геродоту, этот зиккурат имел 8 этажей; в клинописных текстах упоминаются лишь 7 этажей, но утверждение Геродота не противоречит действительности, так как под поверхностью земли был еще один этаж. Судя по клинописным текстам, Этеменанки имел в ширину, длину и высоту по 91 м, приближаясь, таким образом, к высоте пирамид. Вверх по зиккурату вела наружная лестница шириной 9 м,

и на полпути была площадка для отдыха. На вершине располагалась святая святых — храм Мардука и его жены Сарпанит (24×22,5 м), выстроенный из глазурованных кирпичей. Согласно Геродоту, в этом святилище находились убранные роскошными коврами кровать и золотой стол. По свидетельству клинописных текстов, обиталище Мардука «блестело, как солнце», так как стены и потолок его были обшиты золотом и украшены драгоценными камнями.

От главного входа в Этеменанки на север вела мощеная улица для шествий в новогодний праздник, которая, постепенно расширяясь, достигала 35 м (остальные улицы были немощеными и узкими — от 1,4 до 6 м) и кончалась у Ворот богини Иштар. Эти ворота, облицованные глазурованными кирпичами и имевшие в высоту 12 м, были полностью раскопаны археологами [подробный анализ клинописных текстов с описанием Вавилона, его стен, дворцов, храмов и т. д., а также сообщений античных авторов и результатов многолетних археологических раскопок см. 254; 392].

Но мощные укрепления мало помогли Набониду, лишенному прочной поддержки своего народа. В августе 539 г. у города Описа близ Тигра персы разгромили войско, которым командовал сын Набонида Бел-шар-уцур. Когда Кир приближался к Опису, жители города восстали против Набонида, но мятеж был подавлен еще до подхода персидского войска. После падения Описа больших битв уже не было. Персы обошли укрепления, возведенные Навуходоносором II, и, переправившись через Тигр к югу от Описа, окружили Сиппар. Оборону Сиппара возглавил сам Набонид. Но персы встретили лишь ничтожное сопротивление со стороны гарнизона города, а сам Набонид бежал в Вавилон. 10 октября Сиппар оказался в руках персов, а через два дня войско Угбару без боя вступило в Вавилон, где Набонид был захвачен в плен. Сообщение Вавилонской хроники, что столица была отдана противнику без боя, подтверждается и археологическими раскопками, так как в слое времени захвата города персами не обнаружено следов пожаров или признаков насильственного разрушения домов [337, с. 34—36].

29 октября 539 г. в Вавилон вступил и сам Кир, которому населением была устроена торжественная встреча. Таков был общий ход событий, судя по Вавилонской хронике, которая под семнадцатым годом Набонида сообщает следующее [III, 12—23, см. ABC, с. 109 и сл.]:

«В месяце ташриту, когда Кураш дал битву у Описа на Тигре, жители Аккада отступали. Он (Набонид) учинил людям резню и увез добычу. В 14-й день Сиппар был захвачен без боя. Набонид бежал. В 16-й день Угбару, наместник Гутиума, и армия Кураша вступили в Вавилон без боя. Затем, когда Набонид отступал, он был схвачен в Вавилоне. До конца месяца щитоносные гутии окружали ворота Эсагилы, (но) не было нарушения (обрядов) в Эсагиле и (в других) храмах, и установленные (для обрядов)

сроки не были пропущены. В 3-й день месяца арахсамну Кураш вступил в Вавилон, и (дорога) перед ним была усыпана [зелеными ветками?]. В городе был установлен мир. Кураш сказал всему Вавилону (слова) благополучия. Губару, его наместник, назначил областеначальников в Вавилонии. Начиная с месяца кислиму до месяца аддару боги страны Аккад, которых Набонид велел привезти в Вавилон, вернулись в свои места. В ночь на 11-й день месяца арахсамну Угбару умер. В месяце [арахсамну. . .] жена царя умерла. От 27-го дня аддару до 3-го дня нисану в Аккаде был траур, (и) все люди обнажили головы».

По рассказу вавилонского историка Беросса, отношение Кира к захваченной столице было скорее враждебным: «В 17-м году царствования (Набонида) Кир из Персии, покорив всю остальную Азию, вторгся с большим войском в Вавилонию. Набонид. . . встретил его с войском и сразился, но, потерпев поражение в битве, бежал с немногими и заперся в Борсиппе. Тем временем Кир, захватив Вавилон, велел разрушить внешние стены города, ибо город показался ему очень грозным. Затем он (Кир) отправился к Борсиппе, чтобы организовать осаду против Набонида. Однако Набонид не стал ждать конца осады и сам сдался»²² [FGrH, III C, с. 408 и сл.].

Другие источники рисуют совершенно иную картину падения Вавилона. Согласно Геродоту и Ксенофону, вавилоняне встретили Кира враждебно, и столица была взята лишь после ожесточенного сопротивления. Геродот (I, 188—191) рассказывает, что вавилоняне тщательно готовились к осаде и запаслись продовольствием на многие годы. Но персы разрушили одну из дамб и отвели воды Евфрата в том месте, где он впадал в Вавилон, и затем по высохшему руслу внезапно проникли в город, жители которого в это время предавались веселью по поводу какого-то праздника. При этом Набонид у Геродота назван Лабинет. Согласно «Киропедии» (VII, 5, 7—32 и 58), персы прорыли большую траншею вокруг Вавилона, вдоль его внешних стен, и ночью, когда жители города веселились, отмечая один из своих праздников, отвели воды Евфрата в траншею и по его руслу вошли в столицу. Затем они стремительно направились к царскому дворцу, убивая всех встречных. Перебив пьяную охрану дворца, где в это время происходил пир (ср. версию Книги Даниила), проникли во внутренние покои и убили вавилонского царя (имя его не названо). Но и после этого персам пришлось приложить много усилий, чтобы установить свой контроль над городом и страной. Ксенофонт пишет, что захватом Вавилона руководил Гобрий, а тем временем Кир покорял другие города страны, и это сообщение находит подтверждение в хронике.

Иудейский очевидец падения Вавилона в Книге Исаяи (XLVI: 1 и сл.) выражает свое ликование следующими словами: «Бел пал, Набу разломан. . .» Далее он продолжает: Вавилон никогда не будет населен, но шакалы будут выть в опустошенных чертогах его и змеи поселятся во дворцах его. Вавилонские юноши будут сражены луками, и никто не сжалится даже над детьми.

В Книге Даниила (II—V) также рассказывается о заключительном этапе падения Вавилона, причем в качестве царя выступает Навуходоносор вместо Набонида (последний в Библии вообще не упоминается). Валтасар (т. е. Бел-шар-уцур) во время пира вместе с гостями в своем дворце увидел, как огненная рука начертала на стене слова *mēnē, teqel, peres* (традиционный перевод: «сосчитано, взвешено, отрезано»). Эти загадочные слова, которые являлись предзнаменованием скорой гибели Вавилона, по толкованию легендарного пророка Даниила, имели следующее значение: бог сосчитал дни царства вавилонского правителя, измерил последнего, нашел легковесным и решил разделить его царство между завоевателями, в качестве которых выступают персидский царь Кир и мидийский царь Дарий. Эта же совершенно неисторическая версия излагается и у Иосифа Флавия, источником которому послужила Книга Даниила (Ant. Jud. X, 11, 2).

Согласно Книге Даниила, когда Валтасар был убит в ночь захвата Вавилона, власть в этом городе перешла к «Дарию мидянину», которому было 62 года, а затем ему наследовал перс Кир. Относительно того, кого Даниил имел в виду под «Дарием мидянином», написаны целые книги. Критическая школа исследователей Библии считает, что это не историческая личность, а вымышленный образ, основанный на недостоверной традиции. Но ортодоксы, уверенные в том, что библейские тексты не могут содержать неточностей, отождествляют «Дария мидянина» с мидийским царем Киаксаром, Гобрием или Камбизом [подробная литература: 343, с. 5 и сл.].

Из всех приведенных версий о падении Вавилона исследователи отдают предпочтение Вавилонской хронике, поскольку это синхронный событиям источник. Лишь немногие ученые считают, что данные хроники и рассказы Геродота и Ксенофонта не противоречат, а только дополняют друг друга [368, с. 153].

Судя по Бероссу, Кир обошелся милостиво с престарелым Набонидом, но удалил его из Вавилона, назначив наместником Кармании, расположенной к востоку от Персии [FGGh, III C, с. 394 и 408]²³.

Согласно «Киропедии» (VII, 5, 30) Ксенофонта, последний вавилонский царь был казнен. Однако сравнительно недавно изданный вавилонский текст пророческого характера предсказывает, что низложенный царем Элама правитель Вавилонии будет поселен в чужой стране, и, таким образом, по-видимому, подтверждает версию Беросса [BHLT, с. 25, II: 19—21]. Судя по хронике [III, 16 и 22—23], наследник престола Бел-шар-уцур, который во время войны показал себя храбрым воином и руководил вавилонской армией в самых ответственных битвах, подвергся казни.

Вскоре после захвата Вавилона вся страна была в руках персов. Интересно отметить, что последний датированный по царствованию Набонида документ из Урука [GC I, 390] составлен на другой день после падения Вавилона. Следовательно, вести

о захвате столицы в момент написания таблички еще не дошла до расположенного на юге Урука [323, с. 13].

Согласно вавилонским текстам, Кир освободил жителей страны от гнета Набонида, который был нечестив и пренебрежительно относился к вавилонским богам и при котором люди напоминали трупы. В стихотворном тексте, написанном на аккадском языке, носящем характер памфлета и рассчитанном на публичное чтение, Набонид обвиняется в беззаконии, в различных преступлениях против вавилонских храмов и народа, в изготовлении безобразного идола чужеземного бога, «которого никто раньше не видел», и сооружении ему храма в Харране, в расточительстве чужого имущества, угнетении жителей страны, долгом пребывании на чужбине, сооружении в Теме дворца, подобного царскому дворцу в Вавилоне, и, наконец, в богохульстве и даже невежестве и слабоумии. «Справедливость он ниспроверг, [сильного и] слабого он убивал оружием. . . купцов лишил (торговых) путей. . . разорил страну, не звучали в стране песни. . . не стало никакой радости. . . злой демон овладел им, (лишь) злые демоны были на [его] стороне. . . не было у него (никакой) святости. . . никто в стране не видел его. . . Часть армии он поручил своему старшему сыну, сам направился с войском по [многим] странам. Он поручил царство ему, а сам отправился в дальний путь. . . В собрании он хвастался: „Я мудр, я умен, я вижу сокровенное, (хотя и) не умею писать тростниковой палочкой“» [последнее издание, 262, с. 88—94]. В хронике говорится, что начиная с седьмого года царь не приезжал в Вавилон и поэтому в храме Эсагила в течение многих лет не справлялся новогодний праздник, в котором личное участие царя было обязательно. Согласно указанному памфлету, Набонид говорил, что, пока не завершится сооружение храма Эхульхуль, «я буду пропускать праздник, приостановлю празднование Нового года». В упомянутом выше пророческом тексте содержится предсказание (на самом деле текст был составлен *post factum*): «мятежный царь поднимется [. . . и установит] династию Харрана. . . Он будет притеснять страну и праздник в Эсагиле [отменит]. . . зло против Аккада он замыслит» [BHLT, с. 32, II: 11—16].

Согласно памфлету, Кир «вернул идола вавилонских богов в их святилища, сердца их удовлетворил. . . [ежедневно] клал перед ними пищу. . . Настала радость [для жителей] Вавилона, он (их) из тюрем освободил. . .». В хронике говорится, что Кир «возвестил жителям Вавилона мир. . . и держал войско вдали от святилищ». В одной надписи из храма Эанна в Уруке Кир заявляет: «Я — Кураш, царь стран, который любит Эсагилу и Эзиду (храм в Борсиппе), сын Камбиза, могущественный царь» [Schott, с. 63, табл. 31, № 1, 2]. Из Ура сохранилась следующая надпись Кира: «(Я) — Кураш, царь вселенной, царь страны Аншан. . . Великие боги вручили в мои руки все страны. Я восстановил стране благополучную жизнь» [UET I, 198; о восстановлении Киrom храмов в Уре см. 420, с. 244 и сл.].

К этим текстам по своему духу и содержанию примыкает

и Цилиндр Кира, в котором, в частности, говорится: «Набонид удалил древние идолы богов. . . Он отменил враждебным образом ежедневные жертвы (богам). Он совершенно предал забвению почитание Мардука, царя богов. Он всегда творил зло своему городу. . . Из-за жалоб людей владыка богов (т. е. Мардук) впал в гнев. . . Он стал смотреть и оглядел все страны, ища справедливого правителя. . . Он назвал Кураша, царя Аншана, чтобы тот стал владыкой всего мира, он поверг к его ногам страну Гутиум²⁴ и всех умман-манда. И он обращался справедливо с черноголовыми (т. е. вавилонянами), которых тот побудил его покорить.

Мардук, великий владыка, защитник своего народа, будучи доволен добрыми делами и праведным сердцем Кураша, велел ему выступить против своего города Вавилона. . . Он шел рядом с ним как друг, позволил ему без боя вступить в свой город Вавилон, не причинив Вавилону никакого бедствия. Он передал в его руки Набонида, который не почитал его. Все жители Вавилона и всей страны Шумер и Аккад, князья и наместники склонились перед ним в поклоне и облобызали его ноги, радуясь и сияя, что царство у него. Они с радостью приветствовали его как владыку мира, с помощью которого они вернулись от смерти к жизни. . . и они благословляли его имя. . .

Я — Кураш. . . правление которого любят боги Бел и Набу, которого они желают иметь царем, чтобы сердца их были довольны. . . Мои многочисленные войска вступили в Вавилон мирно, я не позволил никому пугать жителей. . . Я установил мир в Вавилоне и во всех священных городах. . . Я отменил иго, которое было наложено на них. Я принес покой в их разрушенные дома и положил конец их жалобам. Мардук, великий владыка, доволен моими делами и послал благословение на меня, Кураша, царя, который почитает его, на Камбиза, моего сына, и на все мое войско. . .

Все цари Вселенной, от Верхнего моря до Нижнего моря²⁵, те, кто живёт в царских чертогах. . . все цари западных стран, живущие в шатрах, доставили ко мне в Вавилон свои тяжелые подати и облобызали мои ноги. . .

В Ашшур и Сузы, Агаде, Эшнунну, Замбан, Ме-Турну, Дер, вплоть до Страны гутиев, я вернул на свои места в эти священные города на той стороне Тигра, в святилища, которые в течение долгого времени были в руинах, богов, которые прежде жили там. Я собрал их прежних жителей и вернул в их жилища. По повелению Мардука, великого владыки, всех богов Шумера и Аккада, которых Набонид к гневу владыки богов привез в Вавилон, я вернул целыми в их прежние святилища, в их жилища, которыми они довольны. Пусть все боги, которых я вернул в их священные города, молятся Белу и Набу о долгой жизни для меня. . .» [последний раз издан: KZ].

Сравнительно недавно П. Бергер установил, что один фрагмент клинописного текста, хранящийся в Вавилонской коллекции Йелского университета [BIN II, 32], является частью Цилиндра Кира. В этом тексте говорится об учреждении Киrom новых

жертвоприношений в храме Мардука и о восстановления городских укреплений Вавилона. Далее Кир продолжает: «Я видел написанное имя моего предшественника Ашшурбанапала». Здесь, очевидно, имеется в виду строительная надпись Ашшурбанапала, которая была обнаружена в Вавилоне во время восстановительных работ. Это открытие было предвосхищено Я. Харматтой, который еще до отождествления фрагмента Цилиндра отметил сходство стиля последнего со стилем надписей Ашшурбанапала [193]. В этой связи К. Б. Ф. Уолкер справедливо указывает, что Цилиндр Кира является обычной строительной надписью в духе ассиро-вавилонских традиций, а отнюдь не какой-то декларацией о человеческих правах [397, с. 159; см. также 259а; 370а].

Враждебная Набониду традиция, восхвалявшая Кира, нашла отражение и в библейской литературе. В Ветхом завете Набонид назван «сумасшедшим царем», хотя его образ как последнего вавилонского царя там перенесен на более известного Навуходоносора II. Автор Книги Исайи, очевидец захвата Вавилона персами, по-видимому, знал общие политические установки Кира, и целые главы его произведения по своему духу примыкают к вавилонским текстам, подчеркивающим благочестие Кира и осуждающим Набонида. Иосиф Флавий пишет, что выдержки из Книги Исайи, относящиеся ко времени захвата Вавилона Киrom, были прочитаны перед последним [101, с. 62]. В поздней легенде, сохранившейся в кумранских рукописях I в. до н. э., рассказывается о том, что Набонид в течение семи лет пробыл в Теме, будучи болен проказой, которая была возмездием бога за его идолопоклонство [297, с. 407—417; 6, с. 104—117; 295, с. 7 и сл.; 7, с. 326 и сл.].

В «Киропедии» Ксенофонта (V, 4, 35; VII, 5, 32) последний вавилонский царь назван «нечестивым» человеком, «врагом богов и людей».

Однако почти все тексты, восхваляющие Кира, носят характер пропагандистских сочинений и требуют критического отношения, поскольку они были составлены вавилонскими жрецами после захвата страны персами по заказу их царя или его окружения и по образцам более ранних вавилонских надписей Ашшурбанапала. Рассказы Геродота о падении Вавилона, а также сообщение Беросса могут внушить мнение (вероятно, не лишённое оснований), что мы, принимая во всем на веру тексты, составленные вавилонскими жрецами, становимся жертвой пропаганды Кира. В этой связи заслуживает внимания вавилонский пророческий текст, в котором говорится о «плохом» правлении какого-то царя, под которым, по всей вероятности, имеется в виду Кир [BHLT, с. 25, II, 22—24].

В своих надписях Набонид утверждает, что в период его правления Вавилония находилась в благополучии, а враги ее были разгромлены. Около трех тысяч хозяйственных и частноправовых документов времени Набонида показывают, что экономика страны продолжала находиться в расцвете, и версия вавилонских

текстов времени Кира о разорении им народа носит явно тенденциозный характер. Правда, сохранился один документ, свидетельствующий о том, что в 544 г. в стране царил голод и некая вдова вынуждена была передать двух своих малолетних сыновей в храм Эанна в Уруке в качестве рабов для спасения их от голодной смерти [YOS VI, 154]. Согласно надписи Набонида, после засухи по указанию Сина бог Адад послал дождь, принесший изобилие, и 234 ка (около 230 л) ячменя или 270 ка фиников стоили 1 сикль серебра, т. е. приблизительно на треть меньше обычной цены [BBS, 37; о датировке см. 261, с. 118, примеч. 2]. Наконец, в одном не полностью сохранившемся тексте (имя царя отбито), который У. Г. Ламберт относит ко времени Навуходоносора II, а В. фон Зоден с гораздо большим основанием причисляет к надписям Набонида, восхваляются справедливость правителя Вавилонии, триумф его внешней и внутренней политики, а также говорится об изобилии в стране [260; 369, с. 283; см. также 369a].

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что Кир выступил преемником древних вавилонских традиций. Кроме того, его политика по отношению к покоренным народам сильно отличалась от политики ассирийских и вавилонских царей, которые стремились к взиманию непосильной дани с покоренных народов и для этого прибегали к массовому уничтожению непокорных или к насильственным переселениям их в другие места. В частности, идолы богов, свезенные по распоряжению Набонида в Вавилон, были теперь возвращены в их прежние храмы. В свои старые святилища вернулись также и истуканы чужеземных богов, ранее увезенные из Суз, области Гутиум и городов Северной Месопотамии. Пришедшие в упадок храмы Вавилонии, Элама и бывшей территории Ассирии были восстановлены. Кир разрешил также восстановить Иерусалимский храм, разрушенный еще Навуходоносором II. Угбару получил от Кира указание оградить Вавилон от грабежей и охранять священные места. Эсагила, главная святыня Вавилона, охранялась специально назначенными гутейскими воинами, чтобы армия не ограбила ее. Кир принес также жертвы богу Мардуку, как это до него делали вавилонские цари.

Чужеземцам, которые были насильственно поселены в Месопотамии вавилонскими царями, Кир разрешил вернуться в свои страны. Среди таких чужеземцев наряду с финикийцами, эламитами и т. д. были и иудеи, которые получили возможность вернуться в Иерусалим и восстановить свой храм, что было лишь частным моментом всеобщего принципа управления, которым руководствовался Кир [127, с. 77 и сл.; Diod. XIII, 22, 3].

Захватив Вавилонию, Кир придал своей власти характер личной унии с вавилонянами, формально сохранил Вавилонское царство и ничего не изменил в социальной структуре страны. Вавилон стал одной из царских резиденций. В экономической жизни (до конца VI в.) не произошло заметных изменений. Промежуток между последним документом, датированным царствованием Набонида, и первым хозяйственным документом времени Кира составляет только 14 дней. Как можно судить по частно-

правовым документам, большинство должностных лиц (возможно, даже почти все), несмотря на захват страны персами, сохранили свое положение в государственном административном аппарате (судьи, градоначальники и т. д.). Как свидетельствуют сотни документов из многих городов Вавилонии, цены на разные товары и продукты питания в основном оставались на прежнем уровне. Таким образом, Кир стремился создать нормальные условия для экономической жизни страны, для развития транзитной торговли и сохранения традиционных методов управления страной. Жречество получило возможность возродить свои древние культы, которым Кир всячески покровительствовал. Более того, власть Кира в Вавилонии рассматривалась не как чужеземное господство, так как он получил ее из рук бога Мардука, принеся ему жертвы и исполнив древние священные обряды. Кир принял официальный титул «царь Вавилона, царь стран» (лишь в единичных текстах встречается титул «царь стран»), который сохранился за его преемниками до времени Ксеркса²⁶. Жители Вавилонии при судебных процессах стали клясться именем Кира.

Однако, несмотря на все это, Вавилония из самостоятельного царства превратилась в сатрапию Ахеменидской державы и лишилась всякой независимости во внешней политике, да и внутри страны высшая административная власть теперь принадлежала персидскому наместнику.

Первым наместником Вавилона был Угбару, в руках которого находилась фактическая власть в городе и стране. В Вавилонской хронике (III, 15 и 20) говорится об Угбару, «наместнике Гутиума» и полководце Кира, и о Губару, «наместнике» Кира в Вавилоне. По всей вероятности, это одно и то же лицо [345, с. 63 и сл.; 339, с. 671; ср. 368, с. 153, примеч. 144, где высказывается мнение, что это разные люди; ср. ниже, примеч. 32]. Не исключено, что Угбару был не иранцем, как полагают все исследователи, а вавилонянином (Ксенофонт считает Гобрия, т. е. Угбару/Губару, ассирийцем, но он, как и Геродот, обычно этим этнонимом называет вавилонян). Единственным доводом в пользу иранского происхождения Угбару является его имя, но до недавнего времени не было обращено внимания на то, что еще до захвата Вавилонии персами чиновники этой страны в ряде случаев носили иранские имена [139, с. 230].

Через три недели после взятия Вавилона Угбару умер. Он, вероятно, был старым человеком, как об этом свидетельствует и «Киропедия» (IV, 6, 1) Ксенофонта.

В 538 г. Кир назначил своего сына Камбиза царем Вавилонии. Чтобы придать легитимный характер такому назначению, Камбиз участвовал в новогодней религиозной церемонии, так как царем Вавилонии можно было стать, приняв власть из рук верховного бога Мардука в его храме Эсагила во время этого главного праздника вавилонян. По вавилонским представлениям, новогодние обряды должны были обеспечить в наступающем году плодородие стране и военные победы царю. Этот праздник отмечался в течение одиннадцати или двенадцати первых дней месяца нисанну (пер-

вый месяц вавилонского календаря, соответствующий марту—апрелю). В Вавилон свозились идолы богов из других городов страны, и прежде всего изображение Набу из Борсиппы для встречи с его отцом Мардуком. Затем процессия богов выходила из храма Эсагила и направлялась по священной дороге к Воротам Иштар, украшенным изображениями сказочных животных из цветных изразцов. Поблизости от этих ворот находилась барка, на которой всю свиту богов, а также царя доставляли по каналу Арахту к «дому новогоднего праздника», где к тому времени на высоком постаменте устанавливалась статуя Мардука [см. 160; 318].

Из одного текста известно, что царь во время этого праздника должен был надевать льняной плащ, льняной тюрбан, а также носить золотой браслет [159, с. 40 и сл.]. Однако Камбиз нарушил этот обычай вавилонян. Отрывок Вавилонской хроники, сравнительно недавно опубликованной А. Л. Оппенхеймом, гласит: «На четвертый день²⁷, когда Камбузия, сын Кураша, пошел в храм. . . жрец [дал ему] жезл (бога) Набу. . . [Они не разрешили ему] сопровождать идол Набу из-за (его, т. е. Камбиза) эламской одежды; [только когда они взяли] у [него] копы и колчан [. . .], царевич [пошел] на службу [. . . когда идол] Набу вернулся (с процессией) в храм Эсагила, [Камбузия принес] жертвы перед (богом) Белом и сыном Бела» [313, с. 3497 и сл.; ср. 97, с. 155 и сл.; ABC, с. 111, III, 24—28].

Хотя текст сохранился плохо и, возможно, не все восстановления надежны, Оппенхейм полагает, что Камбиз прибыл в храм, одетый в свою повседневную эламскую одежду и вооруженный до зубов, несмотря на то что жрецы ему заранее говорили, в каком виде следует предстать перед богами. Жрецы не допустили Камбиза к ритуалу и стали убеждать его по крайней мере снять оружие. Камбиз выполнил это требование, но остался в своей одежде и, принеся жертвы богам, получил царский скипетр.

Однако Камбиз был царем лишь города Вавилона и северной части страны, в то время как Центральная и Южная Вавилония оставались под управлением самого Кира и его чиновников [345, с. 51—54]. Восемь документов этого времени датированы «первым годом Камбузии, царя Вавилона, сына Кураша, царя стран», или же имеют формулу «первый год Камбузии, царя Вавилона, — в это время Кир, его отец, — царь стран» [Camb., 42, 46, 72, 81, 98 и др.]. Все эти тексты датированы между вторым и девятым месяцами 538 г. Двадцать других документов датированы «первым годом Камбузии, царя Вавилона» (но без упоминания о Кире, см. [Camb., 28, 39, 40, 45 и др.]). Все указанные документы относятся к тому времени, когда Камбиз еще не стал царем Ахеменидской державы, т. е. до принятия им титула «царь Вавилона, царь стран».

В. Х. Дабберстейн полагал, что Камбиз был назначен царем Вавилонии не в 538-м, а в 530 г., т. е. перед тем как Кир отправился в свой последний поход против массагетов, сохранив за собою

титул «царя стран» [148, с. 418]. Большинство документов, датированных первым годом Камбиза, царя Вавилона, можно было бы вслед за Дабберстейном отнести к 530 г., поскольку греческие авторы сообщают, что Кир перед походом на массагетов назначил своего старшего сына наследником престола (Herod. I, 208; Хеп., Сугор. VIII, 7,11). Но один документ датирован «первым годом Кураша, царя стран, Камбузии, царя Вавилона» [Суг., 16]. Поскольку этот документ определенно относится к 538 г., совершенно ясно, что уже тогда Камбиз был царем Вавилона. Что же касается Южной и Центральной Вавилонии, то документы из Ниппура и Урука датируются исключительно первым годом Кира, царя стран. Отсюда ясно, что на эту территорию власть Камбиза не распространялась.

Последняя табличка, свидетельствующая о правлении Камбиза в Вавилоне, датирована двадцатым днем месяца тебету 537 г. [Camb., 89]. Следовательно, Камбиз царствовал в Вавилонии лишь около девяти месяцев, и по неизвестным нам причинам в 537 г. Кир отстранил его от власти [345, с. 51 и сл.].

Недавно В. Х. Шеа попытался пересмотреть мнение о правлении Камбиза в Вавилоне в начале царствования Кира. Он считает маловероятным, что в 538 г. Камбиз был назначен вавилонским царем, но вскоре отстранен от престола, а после смерти Кира снова пришел к власти. Вслед за Дабберстейном Шеа полагает, что Камбиз стал править в Вавилоне не в начале, а в конце царствования Кира [365, I, с. 104 и сл.]. По его мнению, Кир стал официально называться царем Вавилона приблизительно через четырнадцать месяцев после захвата им этого города, а до этого его титул был «царь стран» [365, II, с. 123 и сл.]. В таком случае возникает вопрос, кто же был официальным правителем Вавилона в период от захвата последнего персами до конца первого года царствования Кира в качестве «царя стран»? Шеа считает, что этим правителем был полководец Кира Угбару. Однако, согласно хронике, Угбару умер через три недели после того, как его войско вступило в Вавилон. Но, по предположению Шеа, составитель хроники поместил сообщение о смерти Угбару не в хронологическом порядке, и оно должно быть датировано не месяцем арахсамну 539 г., а тем же месяцем 538 г. Таким образом, согласно Шеа, с весны 538 г. до своей смерти в октябре того же года Угбару был вассальным царем Вавилона, и лишь после этого Кир добавил к своему титулу «царь стран» еще и титул «царь Вавилона» [365, III, с. 99 и сл.]. Исходя из этого, Шеа считает, что полководец Кира Угбару и наместник Вавилонии Губару — одно и то же лицо [365, IV, с. 163 и сл.].

Однако в пользу мнения, что Угбару был вассальным царем, невозможно привести каких-либо прямых указаний текстов: ни разу в хронике Угбару не назван царем, нет также датированных по его правлению документов. Кроме того, как мы видели выше, сохранился один текст, который датирован «первым годом Кураша, царя стран, Камбузии, царя Вавилона». Этот документ

совершенно ясно свидетельствует о том, что вскоре после захвата Месопотамии Кир назначил Камбиза, а не Угбару царем Вавилона, оставив за собой титул «царь стран».

После покорения Вавилонии все страны, расположенные к западу от нее до границ с Египтом, по-видимому, добровольно подчинились персам. Торговые города Финикии, как и вавилонские и малоазийские купцы, были заинтересованы в создании большого государства с безопасными дорогами, где вся посредническая торговля была бы сосредоточена в их руках.

По всей вероятности, в это же время персы установили контроль над теми районами Аравийского полуострова, которые ранее были захвачены Набонидом, и еще дальше расширили свое влияние в этом направлении. В Цилиндре Кира под «царями в шатрах», которые доставили подать персидскому царю, очевидно, имеются в виду вожди арабских племен, в то время как под «царями во дворцах» подразумевались финикийские, сирийские и другие правители. Р. Ф. Доуэрты и С. Смит склонны были полагать, что персы сначала захватили у Набонида Аравию и Сирию, выступив примерно в 540 г. из Малой Азии, и лишь затем напали на Вавилонию [145, с. 161—166; 144, с. 120; 368, с. 41 и сл.; 367, с. 82 и 102]. Однако единственным доводом в пользу такого предположения является сообщение в «Киропедии» Ксенофонта [VII, 4, 16] о том, что Кир еще до нападения на Вавилон подчинил фригийцев, каппадокийцев и арабов. К сожалению, трудно быть уверенным в том, что Ксенофонт в данном случае располагал достоверной информацией. Большинство исследователей считают, что Сирия и Палестина подчинились персам еще в 539 г., сразу после падения Вавилона. Поскольку они добровольно признали власть Кира, персидская администрация оставила на престоле местных финикийских царей. Например, царь Тира Хирам, вступивший на трон еще в 552 г., правил до своей смерти в 532 г.

Однако К. Галлинг полагает, что названные страны были завоеваны персами лишь в 526 г., т. е. перед тем, как Камбиз напал на Египет. Это предположение обосновывается следующими доводами. Среди клинописных текстов из Нейраба (в Сирии) не имеется документов между 16-м годом Набонида (540 г. до н. э.) и вторым годом правления Камбиза (528 г.). Из этого Галлинг делает вывод, что связи между Вавилонией и странами к западу от Евфрата были прерваны в 539 г. и восстановлены лишь через десять лет. Далее, Кир еще в 538 г. разрешил иудеям восстановить храм в Иерусалиме и предписал, чтобы местные чиновники всячески содействовали этим работам. Однако, когда в 538 г. заместитель Иудеи Шешбацар заложил основание храма, он не получил политической и финансовой поддержки от властей Самарии, и строительство храма пришлось отложить до 520 г. Это, по мнению Галлинга, свидетельствует о том, что Самария была еще «сравнительно независима» от персов [166, с. 39—41]. Наконец, в пользу своего предположения Галлинг ссылается и на труд Геродота (см. ниже).

Рассмотрим эти аргументы. Прежде всего, отец истории вовсе не говорит, что финикийские города подчинились персам при Камбизе. У Геродота (III, 19) сказано лишь, что финикийцы подчинились персам добровольно, но отказались выполнить приказ Камбиза выступить против карфагенян, поскольку были связаны с ними узами родства. Далее, количество клинописных документов из Нейраба весьма невелико (всего 27 текстов), и они охватывают большой период времени — от Навуходоносора II до Дария I включительно. Среди этих текстов нет табличек, датированных царствованием Амель-Мардука и Лабаш-Мардука, хотя в то время Сирия, несомненно, продолжала входить в состав Вавилонской державы. Подобным же образом отсутствие документов времени Кира легко можно объяснить ограниченным количеством табличек из Нейраба. К тому же сравнительно недавно И. Эф'ал достаточно убедительно показал, что клинописные таблички, найденные в Нейрабе, не были написаны там, а только доставлены туда в качестве семейного архива лицами, ранее жившими в Вавилонии [150а, с. 84—87]. Что же касается нежелания наместника Самарии оказать помощь в строительстве Иерусалимского храма, то аналогичные факты были известны и для более позднего периода, когда Самария и Иудея определенно входили в состав Персидского царства. Кроме того, весьма маловероятно, что персы после захвата Вавилонии стали бы ждать еще 13 лет, для того чтобы установить свое господство в странах, которые до этого принадлежали Вавилонии и теперь не могли оказать им совершенно никакого сопротивления. Кир заявляет в своем Цилиндре, что «все цари... от Верхнего до Нижнего моря... и все цари западных стран» доставили ему в Вавилон подати. Очевидно, здесь имеются в виду, в частности, и страны к западу от Евфрата. Наконец, забегая вперед, отметим, что в четвертом году правления Кира (535 г.) была создана провинция Вавилония и Заречье, охватывавшая Месопотамию и страны к западу от Евфрата. Следовательно, по крайней мере к 535 г. все эти страны уже признали власть персидского царя.

Вопрос о времени покорения Иерусалима персами требует более подробного рассмотрения.

Как известно, в 598 и 587 гг., после неоднократных попыток Иудеи добиться независимости от Вавилонии, Навуходоносор II насильственно переселил в Месопотамию 12 000 жителей Иерусалима, не считая женщин и детей (всего, вероятно, около 30 000 человек; ранее, в 722 и 701 гг., ассирийскими царями было переселено в Месопотамию около 30 000 израильтян). В Вавилонии иудеи были поселены в специально отведенных районах и имели органы самоуправления во главе со своими старейшинами (например, в поселении Тель-Абиб, близ Ниппура).

В плену иудейские пророки ободряли своих единоплеменников, предвещая скорое падение Вавилона и последующее возвращение иудеев на родину. Еще в начале VI в. пророк Иеремия в своих проповедях предсказывал, что могущественные мидийцы

в союзе с урартами (Арарат), маннеями (минни) и скифами (ашкеназ) осуществляют месть Яхве и погубят Вавилон. Иеремия (LI: 11 и сл.) с радостью восклицал: «Чистите стрелы, возьмитесь за щиты. Яхве возбудил дух мидийских царей, ибо у него есть намерение истребить Вавилон... Гонец бежит навстречу гонцу, вестник навстречу вестнику, чтобы донести царю вавилонскому, что город его взят со всех концов». Несколько позднее Исайя (XIII: 17—22) предсказывал, что против Вавилона поднимутся мидийцы, «которые не ценят серебра и не любят золота», и выражал надежду, что этот город будет полностью разрушен и на его территории пастухи не будут пасти овец. Когда началось возвышение Персией, Исайя (XXII: 6) восклицал: «И Элам несет колчан... и Кир обнажает щит».

Однако врагам вавилонских царей пришлось ждать еще более 60 лет. Но когда Мидия, а затем и Лидия были захвачены персами, пророки снова воспряли духом. Это нашло отражение в Книге Исаяи (Второисайя), в главах 40—48 (вероятно, также и 49—55), составление которых относится ко времени между захватом Лидии и Вавилонии персами [237, с. 241]. Некоторые места в этих главах по духу и содержанию так близки к синхронным клинописным документам (в частности, к Цилиндру Кира), что, возможно, автор или авторы Второисайи были знакомы с вавилонскими текстами [см. 312, с. 55; 127, с. 85]. В частности, Исайя несколько раз упоминает Кира по имени, называя его помазанником (мессией) бога Яхве. Последний говорит о Кире: «Он пастырь мой, и он исполнит все мои желания, говоря Иерусалиму: „Ты будешь вновь устроен“; и храму: „Ты будешь восстановлен“» (XLIV: 28). «Так говорят Яхве помазаннику своему Киру: я держу его за правую руку, чтобы низвергнуть народы перед ним, и я распяшу чресла царей, чтобы двери были открыты перед ним и ворота не были заперты... Я пойду перед тобою и сровняю холмы, сломаю медные ворота и сокрошу железные запоры» (XLV: 1—2).

Однако, согласно традиционным иудейским источникам, помазанником Яхве мог быть только иудей, и притом из древнего рода царя Давида, избранный богом для возрождения Иудейского царства. Поэтому возникает вопрос, как Исайя мог назвать чужеземца мессией Яхве. Ч. Торри полагал, что все места в Книге Исаяи, содержащие упоминания о Кире и Вавилоне, являются поздними интерполяциями [386, с. 40 и сл.]. Но это мнение, пожалуй, единодушно отвергается всеми специалистами. По предположению С. Смита, иудейский пророк действительно считал Кира мессией и законным наследником Давида, и за это он позднее в глазах своих единоплеменников приобрел репутацию изменника [368, с. 74]. Наконец, высказывалось также мнение, что слово «помазанник», примененное по отношению к Киру, имело значение «наместник» [237, с. 255]. Например, покойный И. Д. Амусин высказал нам мнение, что первоначально словом *машиях* («помазанник») обозначались те, кто по милости Яхве был назначен

на царство или первосвященство, а эсхатологическое значение слово приобрело лишь в эллинистическое время.

Как уже говорилось, в 538 г. Кир разрешил иудеям вернуться из вавилонского плена на родину и восстановить Иерусалимский храм. Кроме того, Кир назначил Шешбацара, вождя иудеев в плену и отпрыска древней династии Давида, наместником Иудеи.

Этот указ Кира сохранился в Книге Эзры в двух версиях, одна из которых написана на древнееврейском, а другая — на арамейском, и притом они довольно значительно отличаются друг от друга. Ученые долго полемизировали между собой относительно того, какая из этих версий является подлинной, и многие склонны были отдать предпочтение арамейскому тексту, а некоторые считали оба варианта более поздними подделками. Но Э. Бикерман убедительно показал, что здесь мы имеем дело с двумя независимыми друг от друга и подлинными документами: арамейский текст был официальным указом царской канцелярии, а еврейский был рассчитан на устное провозглашение в Иерусалиме и поэтому составлен в соответствии с традиционной местной фразеологией [102, с. 72 и сл.; об историческом фоне указа см. у Х. Тадмора: 380, с. 450 и сл.].

Еврейская версия (Esr. I, 1—8) указа гласит: Кир «повелел объявить по всему своему царству, словесно и письменно, и сказать так: говорит Кир, царь персидский: все царства земли отдал мне Яхве, бог небес, и возложил на меня построить ему храм в Иерусалиме... Кто из вас ²⁸ пожелает... пусть отправится в Иерусалим... и выдал сосуды ²⁹ Кир... через хранителя казны Митридата... и сдал Шешбацару» ³⁰.

Арамейская версия (Esr. VI, 3—5): «Тогда Дарий ³¹ отдал приказ, и искали в архивах, где в Вавилоне хранятся сокровища. И в Экбатанах, царской резиденции в Мидии, был найден один свиток, в котором была записана следующая памятная записка: „В первый год царя Кира царь Кир отдал приказ относительно храма божьего в Иерусалиме: пусть этот храм будет отстроен как место, где приносят жертвы... расходы будут выданы из царского дома. Также золотые и серебряные сосуды храма божьего, которые Навуходоносор вынес из храма, который в Иерусалиме, и увез в Вавилон, пусть вернут на свое место в храм, который в Иерусалиме...“» (перевод И. Д. Амусина).

Кир также распорядился, чтобы сирийские и финикийские наместники выдавали бесплатно из государственной казны — на сооружение храма и культовые нужды, а также для обзаведения репатриантов хозяйством — строительный лес, деньги, скот, вино, муку и т. д. (Esr. III, 7). В Книге Эзры говорится: «И стали выдавать серебро каменотесам и плотникам и пищу и питье и масло сидонцам и тирянам, чтобы они доставили кедровый лес с Ливана... с дозволения Кира, царя персидского».

Указ Кира заложил основы Иерусалимской самоуправляющейся храмовой общины. Однако за этим указом не последовало немедленного возвращения иудеев из Вавилонии, где они уже

в течение десятилетий жили как на своей новой родине. Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» (XI, 1,3) рассказывает, что многие иудеи остались в Вавилонии, не желая бросать свое имущество. Кроме того, условия жизни в Иудее были трудными, так как местное население враждебно относилось к репатриантам. Всего к началу царствования Дария I в Иерусалим отправилось около 42 000 человек (не считая женщин и детей), спустя много времени, в 458 г., еще примерно 50 000.

Трудно согласиться с мнением К. Галлинга, что Кир разрешил построить храм только проживавшим в Иерусалиме иудеям и что основная часть репатриантов отправилась туда лишь между 523—521 гг., а ранее из Вавилонии в Иудею проникали лишь отдельные группы, причем нелегально [166, с. 56; 164, с. 29 и сл.].

Осуществление указа Кира о сооружении Иерусалимского храма было сопряжено с большими трудностями, вызванными исторической ситуацией. Поэтому в период царствования Кира так и не приступили к строительным работам. Если верить сообщению Иосифа Флавия в «Иудейских древностях» (II, 249, 315), Камбиз, став царем, запретил сооружение храма. Он был восстановлен лишь в начале правления Дария I.

После захвата Вавилонии Кир сначала оставил наместником Месопотамии вавилонянина Набу-аххе-буллита, занимавшего этот пост еще при Набониде, но через четыре года (возможно, после смерти Набу-аххе-буллита), в 535 г., он создал единую провинцию из Месопотамии и стран, расположенных к западу от Евфрата (Финикия, Сирия и Палестина), и назначил ее сатрапом перса Губару (Гобрий)³², об административной деятельности которого свидетельствуют десятки клинописных текстов. Эта провинция, охватывавшая почти всю территорию прежней Нововавилонской державы, получила название Вавилония и Заречье (арамейское Абар-нахара, аккадское Эбир-нари — «Заречье»). Губару оставался в этой должности по меньшей мере в течение десяти лет, до 525 г. (возможно, даже до начала 520 г., см. 345, с. 53 и сл.).

ПОХОД НА МАССАГЕТОВ И ГИБЕЛЬ КИРА

Кир, несомненно, готовился захватить и Египет. Однако он решил предварительно обезопасить северо-восточные границы своего государства от набегов кочевых племен массагетов в Средней Азии. Эти набеги наносили значительный ущерб оседлым иранским народам, подданным Ахеменидской державы.

Чтобы ликвидировать опасность вторжения массагетов, Кир создал в Средней Азии, на крайнем северо-востоке своего государства, ряд пограничных укрепленных поселений, обычно называемых античными историками городами. Одно из таких поселений, основанное в бассейне Яксарта (Сырдарья) в Согдиане, вероятно, на месте нынешнего Ура-Тюбе, сохранилось до времен македонского вторжения. Античные авторы называют это укрепление Ки-

рополем или Кирэсхатой³³. Р. Т. Халлок склонен был считать, что упоминаемый в персепольских текстах крепостной стены город Куриштиш являлся, возможно, Кирэсхатой, но позднее отказался от такого мнения [РФ, с. 29, примеч. 26]. Македонскому войску удалось взять Кирополь, лишь пробив стены осадными машинами.

В 530 г. Кир предпринял против массагетов поход, который, однако, окончился для него роковым образом. По мнению И. В. Пьянкова, этот поход был направлен против кочевых племен, обитавших на равнине к северу от Гиркании и к востоку от Каспийского моря [46, с. 128]. Во время битвы на восточной стороне Амударьи Кир потерпел полное поражение и погиб сам. Эта битва, по всей вероятности, произошла в самом начале августа. Во всяком случае, к концу августа 530 г. весть о гибели Кира дошла до далекой Вавилонии.

Сохранилось несколько версий о гибели Кира, поражение которого оставило глубокий след в античной литературе. Если верить древнегреческим авторам, в войне против массагетов Кир потерял убитыми 200 000 человек; разумеется, цифра эта сильно преувеличена. Наибольшее распространение в древности получила версия о гибели Кира, подробно рассказанная Геродотом (I, 201—214). Согласно этой версии, которой с небольшими отклонениями следуют большинство античных авторов³⁴, Кир хитростью овладел лагерем массагетов и перебил их. Но затем основные силы массагетов под руководством царицы Томирис нанесли персам тяжелое поражение, а отрубленная голова Кира была брошена в мешок, наполненный кровью. Геродот пишет, что это сражение было самым жестоким из всех битв, в которых участвовали «варвары»³⁵.

Беросс и Ктесий, рассказывая об этом событии, дают несколько иную картину. Согласно Бероссу, Кир погиб в битве с дайями (дахи), скифским племенем Средней Азии [FHG, II, с. 505]. По Ктесию (Pers. 29, 6—7), в последней битве Кир сражался с дербиками, на стороне которых выступили и индийцы, использовавшие боевых слонов. В этой битве один индеец ранил Кира копьем в печень, и от этой раны он на третий день умер. Услышав об этом, царь скифов Аморг вместе с 20 000 всадников из своего племени поспешил на помощь Киру. После упорной битвы дербики были побеждены. По-видимому, утверждение Ктесия о победе персидского войска над дербиками восходит к официальной персидской традиции. Во всяком случае, все остальные источники согласны между собой относительно исхода сражения, приписывая победу врагам Кира. Ктесий не прав также, когда он утверждает, что дербики жили на индийской границе. В действительности они жили в соседстве с Гирканией [197, с. 26].

Расхождения у некоторых античных авторов относительно того, какие племена нанесли Киру поражение, можно объяснить тем, что дербики были частью могущественного союза массагетских племен, обитавших в степях между Каспийским и Аральским морями. Во времена Ктесия дербики были более известны, чем остальные массагетские племена. Но задолго до Беросса, жившего

в начале III в. до н. э., дахи заняли на исторической арене место массагетов, поэтому они у него и названы противниками Кира.

Правда, Ксенофонт в «Киропедии» (VIII, 7) пишет, что Кир умер в своей столице естественной смертью, распорядившись предать тело земле, но не класть его в серебро или золото. Однако Ксенофонт, стремясь создать в лице Кира образец идеального правителя, не останавливался перед прямым искажением фактов. Вместе с тем известно, что Кир был погребен в Пасаргадах, а это заставляет критически относиться к подробностям о его гибели (которые и так носят новеллистический характер и явно недостоверны), сообщаемым Геродотом. Возможно, что тело Кира было выкуплено у массагетов. Согласно Ктесию (Pers. 29, 9), Камбиз отправил через своего сановника Багапата тело Кира для погребения в Персию.

Если верить Цицерону (De divin. I, 23, 46), который ссылается на более ранние греческие источники, Кир погиб в возрасте 70 лет. Этот самый популярный персидский царь, основатель мировой державы, которого вавилонские жрецы считали посланником Мардука, иудеи — помазанником Яхве, а греки — великим государственным деятелем, был похоронен в Пасаргадах. Его гробница, которая сохранилась до сих пор, поражает своей благородной красотой, она отличается новизной архитектуры и, пожалуй, является самым замечательным памятником Пасаргад. С раннеисламского времени гробница Кира называлась могилой «матери Соломона»; отождествлению этого памятника европейскими путешественниками в значительной мере помогли его описания у античных авторов, составленные на основании рассказов спутников Александра Македонского.

Гробница покоится на высоком постаменте из широких плит песчаника. Над постаментом возвышается погребальная камера высотой 2,10 м, шириной 2,10 м и длиной 3,17 м, куда можно пройти через узкий и низкий вход. Гробница увенчивается двускатной крышей. Общая высота памятника — около 11 м. Сравнительно недавно над фронтоном здания английские археологи обнаружили изображение солнечного диска. По мнению Д. Стронаха, этот диск — ранний символ бога Ахурамазды, которого, по его мнению, Кир почитал [см. 374; 111а, с. 54—57].

Описание внутреннего вида погребальной камеры содержится в трудах античных авторов. Арриан (VI, 29, 4—11) и Страбон (XV, 3, 7) пишут, что гробница была расположена в парке (*парадис*), в густой чаще деревьев. В камере стояли золотой гроб, в котором был погребен Кир, и ложе с кованными из золота ножками, застланное шкурами, окрашенными в пурпурный цвет. На этих шкурах лежали царский плащ и другие предметы одежды, а также браслеты, кинжалы и т. д. Рядом с гробницей находилось маленькое помещение для магов, охранявших памятник. Арриан рассказывает также, что Александр Македонский посетил гробницу дважды, в 330 и 325 гг., причем ко времени второго его посещения усыпальница была уже разграблена.

Как отмечает К. Ниландер, каковы бы ни были истоки архитектурных форм и структуры гробницы Кира, все компоненты этого сооружения органически связаны воедино и приспособлены к новому содержанию и новой идеологии и идея ее в целом является иранской. Двускатная крыша гробницы традиционна для древних иранских домов, хотя ее ступенчатая форма, вероятно, восходит к вавилонским зиккуратам. Как и другие памятники Пасаргад, гробница Кира ярко выражает идеологические и политические концепции владыки персов, подчинившего своей власти десятки племен и народов [ср. 307, с. 138—146].

ЗАХВАТ ЕГИПТА

С того времени, как персидские войска вступили в Вавилонию, Камбиз, по-видимому, большую часть времени проводил в этой стране. В частности, в городе Сиппар был расположен один из его домов [NRV, 17; Суг., 199].

Неискушенный горец, который в 538 г. явился на новогодний праздник вавилонян в эламской одежде, легко приспособился к деловой жизни своих новых подданных и не брезговал давать через своих агентов деньги в рост. Так, в 535 г. «писец царевича Камбузии» отдал одному лицу под залог дома в Вавилоне « $1\frac{1}{3}$ мины серебра, имущество царевича Камбиза» [Суг., 177]. В текстах упоминаются несколько управляющих хозяйством Камбиза [Суг., 270, 335; NRV, 17], а также его раб — мастер по изготовлению печатей, учивший своему ремеслу других лиц [Суг., 325].

Согласно Геродоту (I, 208), Камбиз находился вместе с Киром во время похода на массагетов, но перед решающей битвой был назначен наследником престола и отправлен в Персию³⁶. В августе 530 г. он стал царем Ахеменидской державы [Самб., I и сл.]. Возможно, что после гибели Кира Камбиз также стремился обезопасить северо-восточные границы государства от сакских вторжений, но источники об этом ничего не сообщают. Во всяком случае, он двинулся против Египта не сразу, а лишь через пять лет.

Тем временем египтяне, которые знали о грозящей им опасности, готовились к войне. В 654 г., после изгнания из Египта ассирийцев, к власти пришел Псамметих I, основатель XXVI династии, называемой саисской, поскольку теперь религиозной и политической столицей страны стал город Саис в Дельте. Начался период возрождения Египта, его экономический и политический расцвет; одновременно стали подражать древним традициям. В ущерб фиванскому богу Амону, в течение многих веков возглавлявшему египетский пантеон, выдвигаются боги Дельты — прежде всего богиня Нейт, покровительница Саиса, а также бог Мемфиса Птах и древний Осирис. Почитание животных дошло до крайности, появляются многочисленные кладбища животных.

В 610 г. Псамметих I умер, передав власть Нехо II, правившему до 595 г. Следующие два фараона — Псамметих II и Априй — пра-

вили соответственно в 595—589 и 589—570 гг., после чего наступило долгое царствование Амасиса.

Готовясь к неизбежной войне с Персией, Амасис поддерживал дружественные связи с самосским тираном Поликратом, лидийским и вавилонским царями, а также с Киренаикой, греческим государством к западу от Египта, на африканском побережье Средиземного моря. Особенно тесными стали связи с эллинским миром. Еще в VII в. эллины служили фараонам, военная мощь которых в значительной мере зависела от чужеземных наемников. При Амасисе, которого греки считали своим благодетелем и называли филэллином, наемники начали распространяться по всему Египту. Греческая фактория Навкратис в западной части Дельты, возникшая еще в VII в., превращается в крупный город с чисто греческим внутренним устройством и святилищами эллинским богам. По берегам Нила стали возникать новые греческие фактории. Однако, когда число эллинов и других чужеземцев в Египте чрезмерно возросло, между ними и местным населением начали происходить стычки. Есть основания полагать, что египтяне относились к грекам хуже, чем к финикийцам, иудеям и другим семитским поселенцам, поскольку греки держались обособленно от местного населения. Сказывалось также большое различие между египетскими и греческими обычаями, в то время как с семитами у египтян было много общего. Чтобы ослабить эту вражду, Амасис стал создавать «лагеря» (обособленные кварталы) для греков, карийцев и других чужеземцев и сосредоточил наемное войско в Мемфисе. Была также прекращена свободная торговля греков в Египте, но Навкратис получил монопольное право в греко-египетской торговле. Эта торговля имела для Египта большое значение, снабжая его греческим серебром, необходимым для содержания наемников. Амасис посылал также богатые посвященные дары в греческие храмы на материке и на островах.

При Амасисе наступил наибольший хозяйственный расцвет Египта. По утверждению Геродота, в это время там было 20 000 городов, что, разумеется, является преувеличением. Население Египта, по всей вероятности, достигло 7—7,5 млн. человек — число, которое было существенно превзойдено лишь в начале нашего столетия [249, с. 274].

Но внешнеполитическая ситуация складывалась неблагоприятно для Египта. К середине правления Амасиса Египет потерял своих союзников — из них персидского плена избег лишь Поликрат Самосский. В конце 526 г. Амасис умер³⁷. Его преемнику и последнему саисскому фараону Псамметиху III суждено было царствовать только шесть месяцев.

После долгой военной и дипломатической подготовки, в результате которой Египет оказался в полной изоляции, Камбиз выступил в поход. Египетские источники изображают персидское вторжение как нашествие жителей многих чужеземных стран («жители всех стран»), которые пришли в Египет вместе с Камбизом [327, с. 16 и 167; там же даны и ссылки на тексты]. Геродот (III, 1) также

говорит, что вместе с Камбизом против Египта пошли «все покоренные им народы». В определенной мере эта картина подтверждается и одним документом из Вавилона, согласно которому некий Иддина-Набу продал в 524 г. «египтянку из своей добычи лука» вместе с ее трехмесячной дочерью [Camb., 334]. Очевидно, эта женщина была захвачена во время похода Камбиза в Египет, в котором, как можно заключить из документа, участвовали и вавилонские воины. К персидской армии были добавлены воинские контингенты и из других покоренных народов, в том числе и греки из Малой Азии (Herod. III, 7 и 25).

Сухопутная армия персов получила поддержку со стороны финикийского флота. Союзник Амасиса Поликрат Самосский, владевший сильным флотом, перешел на сторону Камбиза и послал ему в помощь 40 кораблей. Правда, эта эскадра не прибыла к месту военных действий, так как Поликрат включил в нее лиц, которых он считал нужным убрать с острова, и те вернулись с дороги, чтобы свергнуть своего тирана. Киприоты, которые при Амасисе попали в зависимость от Египта, также перешли на сторону Камбиза и поддержали его армию своими кораблями.

Войско было собрано в Палестине, а флот был сосредоточен в Акко. По сообщению Геродота (III, 7—8 и 88), Камбиз послал вестников к царю арабов, прося предоставить ему безопасный проход в Египет. Очевидно, имеются в виду арабские племена, кочевавшие в степях и пустынях между Египтом и Южной Палестиной. Царь арабов согласился на эту просьбу, заключив союз с Камбизом, и снабжал персидское войско при переходе через пустыню, пригнав туда верблюдов, навьюченных мехами с водой. За эту услугу впоследствии арабы считались не подданными, а союзниками персидского царя.

Армия Камбиза благополучно добралась до пограничного египетского города Пелусий (в 40 км от современного Порт-Саида) ³⁸. Дальнейший ход событий сильно напоминает захват Вавилонии Киром. Начальник египетского флота (он одновременно был и управляющим храмом богини Нейт в Саисе) Уджагорресент, по-видимому, и не помышлял о сопротивлении чужеземцам и лишь искал удобного случая, чтобы перейти на их сторону. Галикарнасец Фанес, командир греческих и карийских наемников, находившихся на службе еще у Амасиса, рассорился с ним из-за жалованья и затем перешел на сторону Камбиза ³⁹. Перебежав к персам, он доставил им ценные сведения о военных приготовлениях египтян и указал, как обойти укрепления, находившиеся на пути персидского войска.

Египетская армия ждала противника у Пелусия. Войско Камбиза также расположилось поблизости. В этот решающий час греческие и карийские наемники не растерялись и не поддались чувству страха. Принято считать, что наемники в периоды военных неудач ненадежны и легко переходят на сторону противника. Но наемники Псамметиха III (как и отряды греков, позднее служивших персидским царям) отнюдь не были лишены чувства воин-

ского долга и чести. В гневе на своего бывшего командира Фанеса, перебежавшего к персам, греки закололи перед строем его сыновей, находившихся в Египте, смешали их кровь с вином и, выпив эту смесь, бросились в бой. Однако их мужественный поступок свидетельствовал и о том, что основной опорой фараона являлись чужеземцы.

Единственная крупная битва произошла весной 525 г. у Пелусия. Это было кровопролитное сражение, в котором обе стороны понесли тяжелые потери. Согласно Полиэну (*Strat.* III, 9), Камбиз долго осаждал Пелусий, египтяне оказывали отчаянное сопротивление, кидая из пращей камни и горящие головни и стреляя из луков. Но утверждение Полиэна, что Камбиз овладел Пелусием, выставив впереди своего войска кошек, собак и ибисов, которых египтяне считали священными животными и поэтому из опасения попасть в них воздерживались от стрельбы, носит анекдотический характер.

Битва при Пелусии окончилась победой персов. Остатки египетского войска и наемников в беспорядке бежали в Мемфис. Геродот, который приблизительно через 70 лет посетил место боя, рассказывает, что еще в его время можно было видеть скелеты воинов, сваленные в кучи (*Herod.* III, 12).

Победители двинулись в глубь Египта по морю и по суше, не встречая сопротивления. Командир флота Уджагорресент не дал распоряжения об оказании сопротивления противнику и без боя сдал Саис и свой флот.

Камбиз послал в Мемфис корабль с вестником, чтобы потребовать капитуляции. Но египтяне напали на корабль и вырезали весь его экипаж вместе с царским послом. Началась осада города, и египтянам пришлось сдаться. 2000 пленников, включая сына Псамметиха III, было казнено в отместку за убийство посла. Но самого Псамметиха оставили в живых, он пребывал при дворе Камбиза.

Имущество бывшего фараона, надо полагать, было конфисковано: много различных предметов из этой добычи, на которых сохранились имена Нехо, Амасиса и Псамметиха III, было найдено археологами в персепольской сокровищнице. В Персеполе и в меньшем количестве в Сузах раскопаны также фигурки божеств Бэса и Исиды, египетские предметы из слоновой кости, алебастровые вазы [MDP, I, с. 117 и сл.; 327, с. 190; 355, т. I, с. 25, 182; т. II, с. 68 и 81—83]. Диодор (I, 46,4) пишет, что Камбиз увез из египетских храмов золото, серебро, слоновую кость и увел в плен ремесленников этой страны, чтобы строить дворцы в Персеполе, Сузах и Мидии. Ктесий (*Pers.* 13,30 = FGrH III, с. 459 и сл.) говорит об уводе в Персию Камбизом фараона Амиртея (ошибка: вместо «Псамметиха») и 6000 египтян в Сузы. Ктесий пишет также, что при захвате Египта погибло 50 000 египтян и 7000 персов, но вряд ли эти цифры были основаны на каких-либо достоверных источниках.

Сохранился также коптский рассказ о вторжении армии Кам-

биза в Египет, но этот текст не содержит ценной информации, так как в нем персидский царь спутан с Навуходоносором II и два столь различных по времени похода объединены в один [236; 370, с. 239].

К лету 525 г. уже весь Египет был в руках персов. Время от 525 до приблизительно 450 г., когда египтяне отпали от Персии, принято называть первым периодом персидского господства в Египте.

Жившие к западу от Египта ливийские племена, а также греки Киренаики и город Барка добровольно подчинились Камбизу и в знак покорности послали ему дары.

К концу августа ⁴⁰ 525 г. Камбиз был официально признан царем Египта. Судя по демотическим текстам, Камбиз вообще не признавал Псамметиха III (последние три документа, датированные по его царствованию, относятся к марту 525 г.) законным фараоном и период его шестимесячного правления добавил к своему царствованию, считая себя преемником Амасиса на египетском троне [322, с. 209 и сл.; 188, с. 98 и сл.]. Один египетский документ датирован даже восьмым годом правления Камбиза, хотя он умер через три года после захвата им Египта. Судя по этому тексту, возможно, что Камбиз считал себя египетским фараоном уже со времени, когда он вступил на престол в 530 г.

Камбиз основал новую, XXVII династию фараонов. Как свидетельствуют египетские источники, он придал своему захвату характер законной унии с египтянами, короновался по местным обычаям, пользовался традиционной египетской системой датировки, принял титул «царь Египта, царь (чужеземных) стран» и древние титулы «потомок (богов) Ра, Гора, Осириса». Он отправился в Саис, чтобы лично участвовать в религиозных церемониях в храме Нейт, и на коленях поклонился ей, приносил жертвы египетским богам и оказывал им другие знаки внимания [ссылки на тексты см. 327, с. 170 и сл.]. Судя по египетским текстам, Камбиз продолжал политику фараонов предшествовавшей ему XXVI династии и стремился привлечь на свою сторону народ этой страны. На рельефах он изображен в местном костюме (а не в эламском!), коленопреклоненным перед богами [187, с. 85 и сл.].

Чтобы придать захвату Египта законный характер, создавались и пропагандировались легенды о матримонильных связях Ахеменидов с египетскими царевнами и о рождении Камбиза от брака Кира с египтянкой Нитетидой, дочерью фараона Априя, а преемник последнего Амасис изображался узурпатором (сохранились три версии этой легенды: Herod. I, 1—3; Athenaios XIII, 10; Ctes., Pers. fr. 13a). В этой связи Геродот отмечает, что «египтяне считают Камбиза своим», а не чужеземным царем. Но хорошо известно, что матерью Камбиза была Кассандана, которая происходила из ахеменидского рода. По всей вероятности, источником легенд о связях Кира с египетскими царевнами послужила не египетская, а персидская или малоазийская традиция [188, с. 155; 287, с. 176; 227, с. 87 и сл.].

Вскоре после персидского завоевания Египет снова начал жить нормальной жизнью. Юридические и административные документы времени Камбиза свидетельствуют о том, что первые годы господства персов не нанесли значительного ущерба экономической жизни страны [327, с. 169; 188, с. 69]. Правда, сразу после захвата Египта персидская армия совершала грабежи, и, возможно, была разграблена школа при Саисском храме. Но Камбиз, который, по-видимому, не был лично ответствен за эти насилия, приказал своим воинам прекратить бесчинства, покинуть храмовую территорию (по крайней мере в Саисе) и возместил причиненный храмам ущерб [327, с. 11—16].

Об этих событиях рассказывает надпись Уджагорресента на наофорной статуе (т. е. на статуе, держащей в руках изображение Осириса), датированная четвертым годом царствования Дария I. Наряду с трудом Геродота это важный источник о первых шести годах персидского господства в Египте. В этой своего рода *apologia pro vita sua*, оправдывающей переход ее автора на сторону персов, события выбраны и изложены тенденциозно (в частности, не упоминается указ Камбиза о сокращении доходов египетских храмов, в том числе и святилища Нейт в Саисе). Уджагорресент изображает себя правой рукой Камбиза и Дария I, которые, по его утверждению, были благочестивыми фараонами, и пишет, что благодаря своему влиянию на них он смог оказать большие услуги городу Саису, его богам и своей семье. Ж. Познер, который обстоятельно исследовал надпись, замечает, что, поскольку она была выставлена на видном месте и прохожие могли читать ее, не следует ожидать в ней значительного искажения событий [327, с. 166; текст, французский перевод и комментарий см. там же, с. 1—26]. В частности, Уджагорресент пишет о себе: «Почтенный у Нейт великой. . . казначей царя. . . писец. . . управляющий дворцом, начальник морских кораблей царя. . . Уджагорресент. . . говорит: „Пришел правитель великий нагорий всех Камбиз в Египет, и вот чужеземцы нагорий всяких с ним. Он стал властвовать над всей этой страной, причем они поселились там, и был властителем великим Египта и правителем великим нагорий всех. Предоставил мне его величество должность великого врача, приказал он, чтобы я находился возле него как друг, управляющий дворцом, и чтобы составил я ему титулатуру его. . . Я показал его величеству величие Саиса. . . Я обратился с просьбой в присутствии царя Верхнего и Нижнего Египта Камбиза по поводу чужеземцев всяких, которые поселились в храме Нейт, чтобы изгнать их оттуда, чтобы дать храму Нейт быть во всем его великолепии, как он был издревле. Приказал его величество изгнать чужеземцев всяких. . . разрушив дома их, нечистоту их всякую, которая в храме этом. . . Приказал его величество, чтобы был очищен храм Нейт, возвращены все люди его в него. . . Приказал его величество приносить жертвы Нейт великой. . . и богам, находящимся в Саисе, как это было издревле. . . Пришел царь Верхнего и Нижнего Египта Камбиз в Саис. Когда прибыл его величество самолично в храм Нейт,

он бил челом перед ее величеством весьма, подобно тому как (это) делали цари все, и совершил он жертвоприношение большое из вещей всяких добрых для Нейт великой. . . и богов, находящихся в Саисе, подобно тому как (это) делали цари все превосходные. . . Сделал его величество полезное все в храме Нейт. . . Я установил жертвы для Нейт великой. . . сообразно с тем, что приказал мне его величество навечно"» (перевод О. Д. Берлева).

Следуя политике Кира, Камбиз предоставил египтянам свободу в религиозной и частной жизни. Египтяне, как и представители других народов, продолжали занимать свои должности в государственном аппарате и передавали их по наследству. Так, упомянутый саисский жрец и полководец Уджагорресент не только сохранил при Камбизе и Дарии I все государственные должности (кроме начальника флота), которые он занимал при египетских фараонах Амасисе и Псамметихе III ⁴¹, но и получил новые (например, начальника врачей). За переход на сторону персов он был щедро вознагражден и стал их советником в египетских делах. Именно он составил титулатуру персидских царей по образцу титулатуры предыдущих фараонов. Вероятно, он был также включен в список царских «благодетелей».

Среди других чиновников, которые сохранили свои должности при Камбизе, можно упомянуть Хнемибре, сына начальника работ в каменоломнях Вади-Хаммамата. Он занял должность отца в 526 г., еще при Амасисе, и продолжал служить при персах. В одной из его надписей содержится и имя Камбиза [327, с. 95; ср. 169, с. 136—139, где даны ссылки на все египетские тексты с упоминанием Камбиза]. Попутно отметим, что в течение 50 лет (до 473 г.) в Вади-Хаммамате постоянно производилась добыча камня под общим наблюдением персидского наместника [181, с. 116 и сл.].

Но не следует забывать, что сокращение доходов египетских храмов, тяжелые царские подати, которые необходимо было платить серебром и натуральными продуктами, и угон египетских ремесленников для сооружения дворцов в Иране вызывали сильное недовольство как египетских жрецов, так и народа господством чужеземцев.

После захвата Египта Камбиз мечтал о покорении остальной части Африки, о протяженности которой он имел более чем смутное представление. Осуществление этих планов обеспечило бы персам господство, в частности, над Западным Средиземноморьем. Но прежде всего пришлось отказаться от намерения завоевать Карфаген, так как финикийцы решительно не захотели принять участие в походе против родственного им населения, а без их флота Камбиз не мог осуществить крупные морские операции. Таким образом, оставалось овладеть оазисом Амона в северо-западной части Ливийской пустыни и Нубией (Страна эфиопов, или Куш более поздних ахеменидских надписей).

Готовясь к походу против Нубии, Камбиз послал туда согляда-таев и основал в Верхнем Египте несколько укрепленных горо-

дов⁴². В Фивах армия Камбиза разделилась: часть во главе с царем двинулась на юг, а другая — к оазису Амона. По пути Камбиз, очевидно, посетил крепости на Элефантине и взял с собою в поход семитских наемников, служивших там еще при саисских фараонах.

Согласно Геродоту (III, 17 и 25), Камбиз вторгся в Нубию без достаточной подготовки, без запасов продовольствия, поэтому в его войске началось людоедство, и он вынужден был отступить, потеряв большую часть армии. Диодор (III, 3,1) пишет, что, по словам эфиопов, Камбиз напал на них с большим войском, но потерпел полное поражение. По мнению Э. Мейера, этот поход нашел отражение в надписи эфиопского царя Настасена, в которой тот похвывается, что заставил отступить некоего Камбасудену [294, т. III, с. 191]. Однако позднее было установлено, что надпись эта относится к концу IV в. до н. э. [327, с. 269, примеч. 3].

Впрочем, некоторые историки не без оснований считают, что рассказ о поражении Камбиза содержит много преувеличений. По мнению А. Р. Бэрна, маловероятно, что Камбиз выступил против эфиопов без предварительной подготовки, особенно если учесть, насколько тщательно был запланирован им переход через Синай. Да и сами «эфиопы-долгожители», против которых был, по Геродоту, направлен поход, являются легендарным народом, название и эпитет которого восходят еще к Гомеру [122, с. 87]. Во всяком случае, Камбиз завоевал граничащую с Египтом северную часть Нубии (за Первым порогом Нила), которая ранее находилась в зависимости от фараонов. О захвате этой территории свидетельствует Геродот в другом месте своего труда (III, 97). Можно полагать, что Камбиз добрался до Второго порога; есть некоторые (правда, ненадежные) данные о том, что он поднялся на значительное расстояние вверх по Нилу. Античные авторы упоминают местность «Склад Камбиза» близ Третьего порога, носившую такое название еще в римское время⁴³. Но возможно, что эти авторы приняли за имя Камбиза какой-то сходно звучащий топоним [122, с. 87; ср. 327, с. 169, примеч. 4]. Сообщение некоторых древних историков⁴⁴ о том, что Камбиз достиг Мероэ и назвал там город по имени своей сестры, явно недостоверно. В Бехистунской надписи среди покоренных стран Куш (Нубия) еще не упоминается, эта страна появляется лишь в более поздних текстах Дария I из Персеполя. Из этого можно заключить, что Куш был включен в состав Ахеменидской державы только при Дарии I.

По утверждению Геродота (III, 26; ср. Diod. IX, 14, 3), персидская армия, посланная в оазис Амона в Ливии, целиком погибла в песчаной буре⁴⁵. Это сообщение подвергается сомнению некоторыми исследователями, которые склонны считать, что Камбиз действительно завоевал Ливию [330, с. 42, примеч. 1; 355, т. I, с. 25; ср. 122, с. 87]. Но в таком случае Ливия (Пут) была бы упомянута в перечне покоренных стран в Бехистунской надписи, а не только в более поздних текстах. Поэтому захват Ливии персами надо отнести ко времени Дария I.

Пока Камбиз в течение долгого времени находился в Нубии, египтяне, зная о его неудачах, по-видимому, были уверены в том, что он уже не вернется обратно, и подняли восстание против персидского господства. В конце 524 г. Камбиз возвратился в административную столицу Египта Мемфис и начал суровую расправу над мятежниками.

Прямым данных об этих событиях очень мало. Геродот (III, 15) рассказывает, что бывший фараон Псамметих, живший в Мемфисе, строил всяческие козни и подстрекал египтян к мятежу. Когда его изобличили, он по приказу Камбиза покончил самоубийством. В. В. Струве полагал, что это восстание нашло отражение и в надписи Уджагорресента [60, с. 11]. Однако Дж. Камерон и другие исследователи считают, что в данном тексте речь идет о восстании в первом году царствования Дария I [126, с. 307 и сл.; 245, с. 105], что, на наш взгляд, менее вероятно.

Несмотря на свою преданность Камбизу, которого он изображает продолжателем традиций местных фараонов, Уджагорресент говорит о наступлении тревожных времен, беспорядках и смутах, подобных которым раньше не было ни в его родном городе Саисе, ни во всем Египте. Согласно его словам, «спас я людей в несчастье великое, которое случилось по всей земле, причем подобного ему не случилось в долине этой. Защищал я слабого от сильного, спасал я боязливого, когда что-либо достойное порицания с ним случалось. Я делал для них полезное. . . Установил я для них (т. е. для братьев своих) должности слуг бога, дал я им поля великолепные сообразно с тем, что предоставил мне его величество навечно. . . Кормил я детей их всех. . . Сделал я для них полезное все, как если бы сделал (это) отец сыну своему, когда несчастье случилось в доме этом во время несчастья весьма великого, случившегося во всей долине» (перевод О. Д. Берлева).

Часто исследователи связывают это место надписи с рассказами античных авторов о глумлении Камбиза над египетскими святынями [ср., однако, у Познера, где такая связь отрицается: 327, с. 168]. Эти авторы единодушно изображают правление Камбиза в Египте как время насилий, грабежа святилищ и глумления над богами⁴⁶. В частности, согласно этим источникам, Камбиз убил священного тельца (апис). Но египтологи давно установили, что этот рассказ далек от действительности. Как свидетельствуют египетские тексты, апис, родившийся в 27-м году правления Амасиса, пал естественной смертью в 6-м году царствования Камбиза и был торжественно погребен. Сохранилась официальная эпитафия, в которой говорится, что для погребения этого аписа Камбиз пожертвовал красивый саркофаг. Следующий апис появляется лишь в I-м году правления Дария I, следовательно, он не мог быть убит Камбизом [327, с. 30—33 и 171—175; 188, с. 39; 114, с. 311 и сл.; 81, с. 170; 321, с. 286]. Поэтому рассказы об убийстве аписа не соответствуют действительности и, по всей вероятности, были сочинены египетскими жрецами уже после смерти Камбиза [ср. 227, с. 105].

Согласно Геродоту (III, 16), Камбиз отправился из Мемфиса в Саис, велел там вынести из гробницы мумию фараона Амасиса и стал бичевать ее, а потом предал огню. Геродот пишет также, что это было одинаково богопротивно как с точки зрения персидских, так и египетских обычаев, поскольку у персов огонь считался священным, а по представлениям египтян человек лишался будущей жизни, если уничтожить его труп. Э. Брешиаки считает, что в данном случае Камбиз поступал в соответствии с египетскими воззрениями, так как стремился уничтожить всякую память о человеке, царствование которого он считал незаконным [114, с. 313 и сл.; см. также 81, с. 171]. Однако рассказ Геродота плохо согласуется с сообщением Уджагорресента о том, что Камбиз прибыл в Саис для другой цели, а именно для поклонения богине Нейт, и, по-видимому, является более поздней тенденциозной выдумкой египетских жрецов. Поэтому предположение некоторых исследователей, что Камбиз глумился над религиозными чувствами египтян, проявляя «восточное варварство» [272, с. 98 и сл.; 351, с. 186], представляется лишенным оснований. Можно говорить лишь о том, что во время восстания несколько египетских храмов подверглись грабежу. Но причиной этого было не враждебное отношение Камбиза к египетским святыням, а нелояльность египтян к персидскому царю.

ПЕРЕВОРОТ В ИРАНЕ

Пока Камбиз в течение трех лет безвыездно находился в Египте, на его родине начались волнения. В марте 522 г., будучи в Мемфисе, он получил известие о том, что его младший брат Бардия поднял восстание в Персии и стал царем. Камбиз направился в Персию, но умер в пути при загадочных обстоятельствах, не успев вернуть себе власть [см. литературу: 397а, с. 8 и сл.]. Вскоре Дарий убил Бардию (или, по официальной версии, мага Гаумату, который выдавал себя за давно умерщвленного Бардию) и захватил престол. Такова канва исторических событий 522—521 гг., которые в течение нескольких столетий занимали воображение античных авторов.

Кроме официальной версии, изложенной в Бехистунской надписи, о перевороте в Персии рассказывают также Эсхил, Геродот, Ктесий, Ксенофонт, Платон, Помпей Трог, Плутарх, Страбон и Полиэн⁴⁷. Вопрос, убил ли Дарий действительно самозванца или же сына Кира, долго оставался животрепещущим. Об этих событиях пишут еще Порфирий из Тира в III в. до н. э., Аммиан Марцеллин в IV в. н. э. и поздние античные авторы Агафий, Иоанн Антиохийский и Орозий⁴⁸.

Источники сильно расходятся между собой относительно места, времени, способа и обстоятельств убийства Бардии, младшего сына Кира.

Согласно Бехистунской надписи (I, 26 и сл.), Бардия был убит Камбизом еще до похода в Египет: «Говорит Дарий царь. . . Сын

Кира Камбиз, из нашего рода, был здесь царем. У этого Камбиза был брат Бардия, от той же матери, того же отца с Камбизом. Затем Камбиз убил этого Бардию. Когда Камбиз убил Бардию, народ не знал, что Бардия убит. Затем Камбиз отправился в Египет».

По Геродоту же (III, 61—79), Смердис (так он называет Бардию)⁴⁹ находился вместе с войском в Египте. Оттуда Камбиз послал Смердиса обратно в Персию из зависти, так как лишь Смердис смог натянуть лук в два пальца шириной, присланный эфиопским царем. Позднее Смердис был убит персом Прексаспом по приказанию Камбиза, опасавшегося, что тот может замыслить заговор. Геродот приводит две версии этого убийства. Согласно первой версии, он был убит близ Суз во время охоты. По второй же, Смердис был утоплен в Эритрейском море. Причиной убийства, по Геродоту (III, 130), послужил сон, который приснился Камбизу и предвещал, что Смердис станет царем. Это убийство было известно кроме Камбиза и Прексаспа только магу Патизейту⁵⁰, оставленному Камбизом для присмотра за своим дворцом. Патизейт убедил своего брата по имени Смердис объявить себя сыном Кира.

Хотя сообщения Ктесия носят легендарный характер и очень часто недостоверны, ими все же нельзя пренебрегать при оценке событий, предшествовавших воцарению Дария. Из труда Ктесия (Pers. 29, 8—14) мы узнаем, что именно рассказывали при персидском дворе о таинственном исчезновении сына Кира и о захвате трона Дарием.

В некоторых случаях Ктесий более осведомлен в официальной персидской традиции, чем Геродот и другие авторы. Так, например, Ктесий — единственный греческий автор, которому была известна официальная дата убийства сына Кира Бардии. Все остальные античные историки, следуя за Геродотом, датируют это убийство временем египетского похода Камбиза или после него. Ктесий является также единственным греческим историком, который, как и Бехистунская надпись, называет только одного мага-узурпатора, в то время как у остальных античных авторов личность этого мага раздваивается. Поэтому трудно согласиться с мнением, берущим свое начало от И. Маркварта, что Ктесий создал рассказ об убийстве Бардии по образцу событий при Артаксерксе II, когда против последнего восстал Кир Младший [276, с. 619—620]. Маркварт полагал, что Таниоксарк⁵¹ (так у Ктесия назван Бардия) является копией Кира Младшего. На самом же деле общего между ними очень мало. Таниоксарк, согласно Ктесию, был наместником (досл. «владыкой») бактрийцев, хорамниев (т. е. хорезмийцев), парфян и карманиев. За какой-то проступок он избил мага Сфендадата⁵². Последний явился к Камбизу и оклеветал его брата Таниоксарка. По приказанию Камбиза Таниоксарк был убит — его напоили бычьей кровью, и Сфендадат, который был очень похож на покойного, стал царем⁵³. Здесь трудно проследить аналогию с мятежом Кира Младшего, и поэтому нет достаточных оснований полагать, что Ктесий перенес картину событий конца V в. на более

ранний период, наполнив ее рассказами о дворцовой жизни в Сузах своего времени. Ктесий рассказывает то, что слышал при персидском дворе. Правда, он очень часто искажает факты, но причиной этого нередко является ненадежность исторической традиции у персов о событиях столетней давности.

Ктесий пишет, что перед смертью Кир назначил Таниоксарка наместником нескольких восточных провинций, в том числе Бактрии и Парфии. Известно, что сатрапами Бактрии назначались Ахемениды или их ближайшие родственники. При Камбизе, согласно Ктесию, Таниоксарк был заменен магом Сфендадатом. Некоторые исследователи склонны считать это сообщение Ктесия достоверным [331, с. 28; 202, с. 117; 256, с. 213; 239, с. 38]. Но, судя по Бехистунской надписи, уже к моменту захвата Дарием царской власти сатрапом Бактрии был Дадаршиш, а в Парфии и Гиркании роль наместника выполнял отец Дария Виштаспа. Поэтому не исключено, что прав был Ксенофонт (Сугор. VIII, 7, 11), считавший Танаоксара (так назван Бардия у этого автора) ⁵⁴ сатрапом Мидии, Армении и племени кадусиев [ср. 56, с. 27 и сл.; 294, т. IV, с. 64; 312, с. 92]. Правда, можно было бы предполагать, что Виштаспа и Дадаршиш были назначены сатрапами позднее, при Гаумате или Дарии ⁵⁵. Однако следует иметь в виду, что Дадаршиш сразу после захвата власти Дарием перешел на сторону последнего, и поэтому вряд ли он был ставленником Гауматы. Кроме того, в начале своего царствования Дарий не имел реальной власти в таких отдаленных странах, как Парфия, Гиркания и Бактрия, и поэтому не мог смещать там сатрапов.

Версия Помпея Трога отлична от версий и Геродота и Ктесия. Прежде всего у Трога маг-самозванец назван Гомет, что является вполне закономерной латинской передачей иранского имени Гаумата, поскольку древнеперсидский дифтонг *ai* стал произноситься как *ō*. Это свидетельствует о том, что Трог воспроизводит достоверную устную историческую традицию персов, которая осталась неизвестной Геродоту. Однако эта традиция была скудна, так как за подробностями Трог обращается к Геродоту:

У Трога, как и у Геродота, выступают два мага, хотя и под разными именами. Гомет делает царем своего брата Оропаста ⁵⁶. Таким образом, Патизейту Геродота соответствует Гомет Трога, а Смердису — Оропаст. Но в отличие от Геродота у Трога нет Прекаспа, и Гомет сам выполняет его роль, убив Бардию (который у него назван Мергидом). По Трогу, убийство Мергида произошло после смерти Камбиза (Just. IX, 1—10).

Еще в первой половине прошлого века делались попытки связать сообщения Геродота о царствовании Лже-Смердиса с некоторыми данными Авесты. Такие попытки нередко встречаются и в современной литературе. Ряд ученых, ссылаясь на Ясну 53, полагают, что события, связанные с правлением Гауматы, нашли прямое отражение в Авесте [228, с. 188; 199, с. 79 и сл.; 200, с. 44—47; 266, с. 272 и сл.; 208, с. 141 и сл.; 209, с. 43]. В этой Ясне говорится о том, что Ахурамазда должен принести смерть и кровавое

воздаяние приверженцам зла. И далее о ком-то без всякой связи сказано, что он должен пройти через все мучения и вскоре после этого станет великим. Отсюда, по мнению некоторых исследователей, вытекают следующие выводы: Виштаспа не решился свергнуть Гаумату, а Дарий последовал совету Заратуштры и осуществил, таким образом, пророчество последнего — стал царем. Но это мнение покоится лишь на убеждении, что Дарий был последователем Заратуштры и спасал созданную пророком религию от преследований Гауматы, однако в пользу такого предположения невозможно привести какие-либо данные источников⁵⁷.

Теперь попытаемся установить, в какой связи находился Гаумата с Бардией, сыном Кира. Выше мы видели, что сведения об убийстве Бардии противоречивы. По Геродоту, он участвовал в египетском походе Камбиза и затем был послан в Персию и убит. В Бехистунской надписи говорится, что Бардия был убит еще до начала египетского похода, причем это оставалось неизвестным народу. Ктесий также пишет, что убийство произошло до завоевания Камбизом Египта. В остальном мнения современных ученых почти единодушны: Гаумата стал царем под именем Бардии, сына Кира, чтобы восстановить мидийскую гегемонию. Об этом узнали влиятельные персы во главе с Дарием и, убив мнимого сына Кира, восстановили господство персов над мидийцами. Однако анализ источников заставляет усомниться в справедливости такого мнения.

Геродот (III, 61) называет сына Кира Смердисом. Маг, захвативший власть под видом сына Кира, носил то же самое имя Смердис, и они были очень похожи друг на друга⁵⁸. С этим согласен и Ктесий: «Этот маг в высшей степени похож на Таниоксарка. . . Он все делает, как Таниоксарк».

Маг, по Ктесию, был настолько похож на сына Кира, что даже ближайшие к ним лица не могли отличить их друг от друга. Когда Таниоксарк был убит, Камбиз вызвал к себе его евнухов и показал им мага Сфендадата, одетого в платье убитого царевича. При этом Камбиз спросил евнухов: Таниоксарк ли этот человек? Те, удивившись, ответили: кто же другой, если не он? Это сообщение Ктесия, очевидно, восходит к персидской традиции. Здесь Ктесий подтверждает Геродота, которого он постоянно и с большой придирчивостью стремится исправлять. Очевидно, Геродоту и Ктесию была известна персидская традиция, сближавшая Бардию с тем лицом, которого Дарий называет Гауматой. Трог также говорит о сходстве мага с сыном Кира. Отсюда многие современные исследователи приходят к выводу, что маг был действительно очень похож на Бардию и это помогло ему стать царем под видом последнего [см., например, 244, с. 45; 241, с. 50; 377, т. I, с. 158; 111а, с. 78 и сл.]. Но такое объяснение событий представляется нам упрощенным.

Историки не без оснований отдают предпочтение сообщению Бехистунской надписи о времени убийства Бардии, а не рассказу Геродота. Очевидно, такой выбор несомненен, так как современ-

нику этих событий Дарию не было бы смысла относить убийство Бардии к более раннему времени, если оно произошло после египетского похода. Египет был завоеван не позднее июня 525 г., а об убийстве Бардии, согласно Бехистунской надписи (I, 48—61) и Геродоту (III, 68), стало известно только в сентябре 522 г. Но так как после убийства Бардии до завоевания далекого Египта должно было пройти, очевидно, немало времени, убийство это, согласно Бехистунской надписи, следует датировать не позднее 526 г. В таком случае со времени убийства Бардии до того момента, когда об этом стало известно, прошло пять лет. С этим поразительно совпадает и сообщение Ктесия, который пишет, что только через пять лет обман был раскрыт, и Амитада, мать Таниоксарка, узнала от одного евнуха об истинном положении вещей⁵⁹. Очевидно, эти сведения Ктесия восходят к официальной персидской традиции. Указанная датировка устранения Бардии ни у кого не вызывает сомнений и принимается всеми исследователями. Но они не задумываются над вопросом: как в течение пяти лет убийство Бардии, видного сатрапа ряда важных стран, сына Кира, могло оставаться неизвестным? Как сестры, мать, дочь Бардии, другие его родственники, друзья и слуги могли не знать об этом так долго и узнали только через пять лет, притом из уст Дария, когда он, убив своего предшественника на престоле, стал царем? Как могло убийство Бардии так долго оставаться тайной, известной только двум магам?⁶⁰ Некоторые исследователи, опираясь на Ксенофонта (Сугор. VIII, 8,2; см. также: Plat., Leg. III, 695b), склонны считать, что Бардия был убит еще в 530 г.⁶¹ [330, т. I, с. 177; 157, с. 113]. В таком случае получается, что в течение восьми лет убийство Бардии оставалось секретом. Кто же управлял его сатрапиями? Ктесий пишет, что Камбиз поставил мага Сфендадата сатрапом, выдав его за своего брата, и этот подставной маг пять лет выполнял роль младшего сына Кира, а потом стал и царем, продолжая называться его именем. Некоторые исследователи считают это сообщение Ктесия вполне правдоподобным [256, с. 217 и 340]. Например, Э. Херцфельд полагает, что Гаумата стал сатрапом вместо Бардии еще в 529 г. и, следовательно, прошло семь лет, прежде чем он был разоблачен как подставное лицо [203, с. 47].

Как видно из труда Геродота (III, 68), сестра Камбиза и Бардии Атосса и жены Камбиза с самого начала переворота Смердиса находились в его гареме и, следовательно, имели полную возможность убедиться в обмане. Однако этого не случилось. Источник Геродота стремится преодолеть эту трудность, утверждая, что в гареме Смердиса женщины были изолированы. Но из труда Геродота же (III, 68—69) видно, что эта изоляция, по-видимому, была мнимой, поскольку дочь Отаны Файдима, находившаяся в гареме Смердиса, многократно общалась с внешним миром. Не было также изоляции дворца Смердиса, так как в нужный момент семь знатных персов беспрепятственно прошли в этот дворец, не встретив никакого сопротивления со стороны дворцовой стражи.

Последняя даже не спросила заговорщиков, зачем они идут во дворец.

Прексасп, который официально считался убийцей Смердиса, решительно и многократно отрицал это убийство. Правда, Геродот пишет, что Прексасп боялся наказания за убийство Смердиса. Согласно рассказу Геродота, маги решили расположить к себе Прексаспа и уговорили его подняться на башню и оттуда объявить персам, что над ними царствует сын Кира. Прексасп, по словам Геродота (III, 75), согласился на это, но разоблачил обман и бросился с башни на землю. Однако в действительности, как справедливо заметил еще М. Дункер, ничего подобного не могло быть [150, т. II, с. 813]. Ведь сам Геродот пишет, что после смерти Камбиза об убийстве Смердиса было известно одному только Прексаспу, который категорически отрицал его⁶². Поэтому у тех, кого Геродот называет магами, совершенно не было причин побуждать Прексаспа к публичному заявлению перед персами, которые и не сомневались, как это видно из Бехистунской надписи (I, 35—43), Геродота (III, 66—67), Ктесия и других источников, в том, что над ними царствует сын Кира. Скорее всего Прексасп был устранен сторонниками Дария, поскольку он отрицал, что Бардия убит.

Бехистунская надпись не помогает в выяснении всех этих загадочных моментов, которые мы встречаем у Геродота и Ктесия. Дарий в этой надписи дает подробные сведения о многих своих противниках, с которыми ему пришлось бороться сразу после того, как он стал царем. Надпись Дария указывает, кем был по происхождению и где восстал тот или иной «самозванец», как звали его отца и т. д. Но самый опасный враг Дария постоянно называется в ней лишь «маг Гаумата». Такое пренебрежение к данным, свидетельствующим о «лжи» Гауматы, вряд ли случайно.

Теперь обратимся к сведениям, содержащимся в пьесе Эсхила «Персы» (774—777). Эсхил устами тени Дария, перечисляя мидийских и персидских царей, пишет: «Правил пятым Мард, позор отечеству и древнему трону, но доблестный Артафрен коварно убил его в покоех вместе с друзьями, на кого это дело пало». Отсюда видно, что Эсхил не считал Марда узурпатором и самозванцем [ср. 312, с. 92 и сл.]. Отрицательная характеристика Марда здесь уместна, поскольку она исходит от его врага Дария.

Все указанные обстоятельства заставляют усомниться в правдивости утверждения Дария, что он убил Лже-Бардию. Хотя вряд ли мы когда-нибудь узнаем точно, кто в действительности был предшественником Дария на персидском троне, можно высказать предположение, что Бардия, Мард, Смердис, Таниоксарк и личность, которую Дарий называет «магом Гауматой», — одно и то же лицо, а именно младший сын Кира. Такое мнение было высказано еще А. Т. Олмстедом и некоторыми другими исследователями [312, с. 92 и сл.; 341, с. 107—109; 418, с. 38 и сл.; 305, с. 75; 122, с. 91 и сл.; ср. также 173; 136а, с. 52; 102а, с. 240 и сл.; 345а, с. 84—93].

В Бехистунской надписи все, восставшие против Дария, названы «лжецами». Вместе с тем автор ее многократно говорит о соб-

ственной приверженности правде. Однако ради достижения своих целей Дарий готов был идти на что угодно. Геродот, которого, кстати, нельзя упрекнуть во враждебности к Дарию, отмечает его готовность лгать, когда это было ему выгодно. Отец истории (III, 72) вкладывает в уста Дария следующие слова: «Там, где нужно; следует лгать. Ведь мы помогаем одной и той же цели, (и) те, кто лжет, и те, кто пользуется правдой». Эти слова, по Геродоту, были сказаны Дарием на совещании семи персов-заговорщиков непосредственно перед тем, как ими было совершено нападение на Смердиса.

В Бехистунской надписи тенденциозность в освещении событий, связанных с воцарением Дария, очевидна. Автору ее приходилось прибегать к сознательному искажению фактов. Естественно, в надписи ничего не говорится о поражениях Дария в борьбе против восставших народов Персидской державы. По словам Дария, он везде и повсюду побеждал. Автор Бехистунской надписи (IV, 52—59) сам признает, что его рассказ может показаться невероятным тем, кто будет читать его. Но тем не менее он убеждает всех поверить его надписи, распространять ее содержание как истинную версию. Очевидно, современники Дария оспаривали официальную версию о событиях того времени как недостоверную. Это заставляло Дария сомневаться в том, что у будущих поколений, для которых предназначался текст, высеченный на Бехистунской скале, он найдет больше доверия, чем у своих современников. Поэтому он так настаивает на своей правоте.

Согласно Бехистунской надписи (I, 32—43), когда Камбиз находился в Египте, а Бардия был убит, «народ стал мятежным, и много лжи стало в стране, и в Персии, и в Мидии, и в других странах... Затем один человек, маг по имени Гаумата... восстал... Затем весь народ стал мятежным и от Камбиза к нему перешел, и Персия, и Мидия, и другие страны». Таким образом, захвату власти Гауматой предшествовали волнения в Персии и других странах, направленные против Камбиза. Эти волнения привели Гаумату к власти и прекратились вместе с его воцарением. Он восстал 11 марта 522 г. до н. э. и не позже чем через месяц был признан в Вавилонии, откуда мы имеем, начиная с апреля, датированные по его правлению деловые документы. Это частноправовые контракты из Вавилона, Сиппара, Урука и других городов [их перечень см. 323, с. 15; 125, с. 315, примеч. 5, к которому теперь следует добавить текст: Stigers, № 21]. При заключении различных контрактов вавилоняне стали клясться богами «Белом, Набу и Барзией, царем Вавилона, царем стран» [Sm. № 7]. В апреле 522 г. Камбиз был еще жив и в некоторых местах Вавилонии его еще признавали. Так, мы имеем от 18 апреля 522 г. последнюю табличку из Шахрину (предмесье Вавилона), датированную по его царствованию [Camb., 409].

Два вавилонских контракта, датированные правлением Бардии, называют его «царем стран», остальные — «царем Вавилона, царем стран». Четыре документа из Вавилонии датированы «годом

вступления» (собственно, «годом начала царствования») Бардии. Однако тот же самый год в остальных контрактах назван «первым годом царствования» Бардии⁶³.

К 1 июля 522 г. Гаумата получил всеобщее признание, вероятно, короновался по древнему обычаю в Пасаргадах и стал царем державы Кира и Камбиза.

В течение всего царствования Гауматы не происходило мятежей. Во всяком случае, все источники единодушно отмечают, что его правление было спокойным. Распространенное мнение, что многие страны Персидской державы находились в состоянии постоянных восстаний в течение всего периода, пока Гаумата пребывал у власти, находится в противоречии с данными источников. Бехистунская надпись совершенно ясно указывает, что восстания в Эламе, Мидии, Персии, Вавилонии и во многих странах вспыхнули после убийства Гауматы и были направлены против Дария: «Когда я убил мага Гаумату, затем один человек по имени Ассины. . . восстал в Эламе» (I, 73—75). Следовательно, восстание Ассины произошло при вступлении Дария на престол. Вслед за Ассиной восстал Фрада в Маргиане и Нидинту-Бел в Вавилоне. Пока Дарий подавлял восстание Нидинту-Бела, восстали Вахъяздата в Персии, Фравартиш в Мидии, Чиссатахма в Сагартии и др. Таким образом, все эти восстания вспыхнули после 29 сентября 522 г., когда был убит Гаумата, и именно при известии о его убийстве и вступлении Дария на престол.

Что к моменту убийства Гауматы не происходило никаких волнений, видно также и из вступительной части Бехистунской надписи (I, 12—17), согласно которой Ахурамазда вручил Дарию царство над двадцатью тремя странами, после того как он захватил престол. Следовательно, к самому началу правления Дария двадцать три страны, которые перечислены в надписи, все еще входили в состав державы. Затем в большинстве этих стран начались волнения. По мнению Ф. В. Кёнига, мятеж Нидинту-Бела в Вавилонии произошел в августе 522 г., т. е. еще при жизни Гауматы, и именно против него был направлен [256, с. 38]. Но, не говоря о Бехистунской надписи, такое предположение находится в противоречии и с данными вавилонских деловых документов. Гаумата был убит 29 сентября 522 г., а от 20 сентября того же года имеется контракт из Вавилона, датированный его правлением [Sm. 9]. А первый документ, относящийся к Нидинту-Белу (Навуходоносор III), происходит из Сиппара и датирован 3 октября 522 г. [NbK, 1; ср. 323, с. 15], т. е. пятым днем после того, как царем стал Дарий. По всей вероятности, Нидинту-Бел захватил престол уже после убийства Гауматы.

По свидетельству Геродота (III, 67), Смердис «спокойно» правил в течение семи месяцев и по поводу его гибели горевали все подвластные персам народы.

Еще начиная с середины прошлого века широкое распространение в науке получило мнение, что переворот Гауматы был реакцией мидийской знати на персидское господство и что Гаумата стремился к восстановлению гегемонии мидийцев над персами, к реставрации Мидийского царства [301, т. I, с. 156 и сл.; 150, т. II, с. 816 и сл.; 330, т. I, с. 261; 304, с. 375 и 395; 182, с. 1 и сл.; 12, т. II, с. 24 и т. д.]. Но такая трактовка упрощает сложную и своеобразную историческую обстановку, сложившуюся в конце 20-х годов VI в. до н. э. в Персии.

Прежде всего переворот Гауматы произошел вовсе не в Мидии, а в Пайшияваде, которая была расположена в Персии, как это видно из описания в Бехистунской надписи восстания Вахьяздаты, который также нашел там поддержку⁶⁴. Кроме того, Бехистунская надпись (IV, 9—10) ясно указывает, что Гаумата поднял мятеж в Персии. При описании восстания Вахьяздаты в надписи (III, 23—24) сказано, что он восстал в Персии вторым. Следовательно, его предшественником был Гаумата.

Источники не содержат никаких данных в пользу предположения, что Гаумата хотел сделать положение Мидии более привилегированным, чем положение Персии или даже остальных стран. Сообщение Геродота (III, 67) об освобождении Смердисом подвластных персам народов от податей и воинской повинности на три года иногда в литературе рассматривается как свидетельство привилегированного положения мидийцев в период царствования Гауматы. Однако от податей и воинской повинности были освобождены все народы Персидской державы, а не одни мидийцы. Временную отмену податей, вопреки мнению некоторых ученых, было бы неверно рассматривать и как демагогический прием [56, с. 20 и сл.; 21, с. 432]. На самом деле положение было более сложным. Тяжелые поборы и воинская повинность вызывали сильное недовольство покоренных народов. Положение Персии в завоеванных странах к концу царствования Камбиза было очень непрочным. В такой обстановке и были отменены подати и воинская повинность. Очевидно, это было сделано с целью удержать покоренные народы в составе державы, а не в интересах мидийцев. К тому же освобождение от податей не было беспрецедентным делом в практике персидских царей. По Геродоту (VI, 59), каждый царь персов при вступлении на престол не взимал недоимки за прошлые годы. В начале царствования Гауматы простого сложения недоимок было недостаточно для успокоения подданных. В целях сохранения самой Ахеменидской державы надо было отказаться от произвольных поборов и перейти к упорядоченной фискальной системе.

Исследователи, считающие, что действия Гауматы были направлены против персидского народа, ссылаются на слова Бехистунской надписи (I, 50—51), что «народ боялся» Гауматы. Но даже из официальной версии, изложенной в этой надписи, следует, что,

когда Гаумата стал царем, большинство персидского народа единодушно перешло на его сторону, вступление же Дария на престол ознаменовалось серьезным и длительным восстанием против него в самой Персии. Из труда Геродота видно, что персы не менее сочувственно относились к реформам Смердиса, чем другие народы.

Многие историки считают возможным говорить о мидийском характере переворота Гауматы, исходя из того факта, что он пребывал в Мидии, в области Нисайя, в крепости Сикаяватиш. Полагают, что он перенес свою столицу в Мидию, опасаясь оставаться в Персии [150, т. II, с. 553 и 816; 330, т. I, с. 265; 256, с. 196]. Однако с таким мнением также трудно согласиться. Геродот (III, 70) и Ктесий (Pers. 29, 14) пишут, что маг жил и был убит в своей столице, т. е. в Сузах. Разумеется, оба античных автора не правы, когда переносят убийство Смердиса в Сузы, поскольку Бехистунская надпись (I, 57—59) указывает, что он был убит в Мидии. Но само такое перенесение оказалось возможным, потому что столицей государства при Гаумате оставались Сузы. Пребывание его в Мидии следует объяснять другими причинами. Известно, что еще Кир II и последующие персидские цари сообразно с сезоном года жили в различных городах своей державы⁶⁵. Гаумата был убит в конце сентября, т. е. в то время года, которое Ахемениды большей частью проводили в столице Мидии Экбатанах, где лето обычно было нежарким. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Гаумата проводил лето и начало осени недалеко от Экбатан, в знаменитой Нисае, богатством и благодатностью климата которой восхищались многие античные авторы⁶⁶.

Нередко переворот Гауматы рассматривается как установление теократической власти мидийских магов [334, т. II, с. 549—553; 235, с. 61; 196, с. 133 и сл.; 239, с. 43; 408, с. 532]. Сторонники этой точки зрения ссылаются на сообщения Геродота (III, 79) и Ктесия (29, 15) об избиении магов (магофония) при вступлении Дария I на престол и об установлении особого праздника, во время которого маги подвергались побоям. Но, как показал И. Маркварт, представление об обычае избиения магов обязано своим происхождением ложному истолкованию названия древнеперсидского месяца багаядиш и праздника, который отмечался в этом месяце [278, с. 234—236; см. также 150, т. II, с. 821; т. IV, с. 462; 111а, с. 86 и сл.; 284, с. 88; 135, с. 130]. Это праздник одного из богов иранского пантеона (по всей вероятности, Митры), который совпал с днем убийства Гауматы. Вероятно, заговорщики выбрали этот день, чтобы застать Гаумату и весь его двор не готовыми к сопротивлению.

В. Б. Хеннинг, ссылаясь на выражение «убийство магов» в одном согдийско-манихейском фрагменте, полагал, что праздник избиения магов действительно был установлен при Дарии I [196, с. 133—136; см. также 302, с. 282]. Однако в указанном фрагменте речь идет об убийстве магов Александром Македонским. Как известно, зороастрийская традиция обвиняла последнего в сожжении Авесты и убийстве магов. Трудно согласиться с мнением Хеннинга, что маги стремились предать забвению истинное происхождение

считают Камбиза болезненным деспотом, без всякой рациональной цели совершавшим бессмысленные преступления. Греческая традиция, настойчиво подчеркивающая необузданный деспотизм и болезненную жестокость Камбиза, по всей вероятности, имеет в основе своей персидский источник. Из целого ряда фактов можно заметить враждебность Дария и его сподвижников к Камбизу. Согласно Геродоту (III, 80), знатный перс Отана жаловался на произвол Камбиза по отношению к персидской знати. Он обращается к своим сторонникам в заговоре против Смердиса со следующими словами: «Вы сами видели, до какой степени дошло бесчинство Камбиза». Далее Отана обвиняет Камбиза в казни подданных без суда и изображает его деспотом, который нарушает установленные предками обычаи. Здесь ясно видно осуждение персидской знатью действий Камбиза. Цитированные слова Отаны, согласно Геродоту, были произнесены им во время дискуссии семи персов о наилучшей форме правления (см. ниже). Геродот с сожалением отмечает, что греки не верят, будто эта политическая дискуссия действительно имела место. Отсюда В. В. Струве делает вывод, что источником Геродота в данном случае является персидская традиция, ставшая известной Геродоту от Зопира, правнука Мегабиза, который был одним из участников убийства Смердиса [55, с. 15].

Враждебное отношение официальной персидской традиции к памяти Камбиза можно заметить и в следующем. В то время как могила Кира охранялась как государственная святыня специально для этого назначенными магами, Камбизу не была даже сооружена гробница. Согласно Ктесию (29, 13), тело Камбиза было доставлено в Персию. Гаумата, по-видимому, не противодействовал этому. Э. Херцфельд и В. Клейсс полагают, что незаконченная царская гробница в Тахт-и Рустам, близ Персеполя, похожая по форме своих ступенек на гробницу Кира, предназначалась для Камбиза [209, с. 36; 211, с. 214; 252, с. 157 и сл.]. Если это так, то строительство ее, очевидно, велось при жизни самого Камбиза, а после его смерти она осталась незавершенной⁶⁸. Геродот (III, 64) пишет, что Камбиз надеялся умереть в мидийских Экбатанах, достигнув старости, но ему суждено было скончаться в сирийских Экбатанах. Однако география древней Сирии известна достаточно хорошо, и такого города в Сирии не существовало. Дж. Гринфильд высказал нам вполне вероятное предположение, что под сирийскими Экбатанами у Геродота имеется в виду важный город Хамат в Сирии, название которого в греческой передаче звучало сходно с названием мидийской столицы. Согласно Иосифу Флавия (Ant. Jud. XI, 2,2), Камбиз умер в Дамаске. Большой интерес представляет сообщение Демотической хроники из Египта, по свидетельству которой Камбиз умер в пути, «когда еще не достиг своей страны» [DC, с. 30, стб. С, 6].

Античная традиция идеализирует Кира, хваля его за человеческое отношение к подданным. Еще у Геродота образ Кира приобрел характер моральной абстракции [82]. Как выше говорилось,

магофонии, обвиняя в ней Александра вместо Дария. Еще античный философ Гермодор, которого цитирует Диоген Лаэртский, знал о том, что не Дарий, а Александр Македонский расправился с магами [78, с. 192]. Да и зачем спустя много столетий после смерти Дария, когда уже никто не интересовался переворотом Гауматы, маги стали бы скрывать, что они когда-то боролись за политическую власть? Кроме того, в местности Нисайя, где был убит Гаумата, очевидно, не было большого числа персов, которые могли бы осуществить массовое убийство магов. Не следует упускать из виду и тот бесспорный факт, что маги были придворными жрецами Ахеменидов. Наконец, достойно внимания и то, что в Бехистунской надписи, которая весьма подробно описывает все убийства и казни врагов Дария, нет ни слова об убийстве магов.

Но если даже допустить, что странный обычай избиения магов действительно существовал, и в этом случае нет оснований видеть в Гаумате борца за мидийское господство над персами. Если бы он восстановил мидийские привилегии, Дарий не преминул бы отметить в Бехистунской надписи, что Гаумата отнял власть у персов, а он сам оказал последним великую услугу, вернув им эту власть.

При описании событий, связанных с царствованием Гауматы, в Бехистунской надписи нет никаких указаний на то, что его политика носила промидийский характер⁶⁷. Это тем более достойно внимания, что при описании восстаний Нидинту-Бела, Фравартиша, Фрады, Арахи и др. в надписи ясно отмечается их антиперсидская направленность. Но там, где в надписи речь идет о Гаумате, на первое место выступает Персия, а не Мидия. Именно Персия играет в перевороте Гауматы первостепенную роль, именно «весь персидский народ» переходит сначала на его сторону, а лишь потом за персами следуют мидийцы и остальные народы. Дарий заявляет в Бехистунской надписи (I, 48—53): «Не было ни одного человека, ни перса, ни мидийца, ни из нашего рода, кто отнял бы царство у мага Гауматы». Официальная пропаганда изображала Гаумату не освободителем мидийцев от персидского господства, а символом зла, воплощением лжи. Не следует забывать, что, кем бы Гаумата ни был в действительности, он стал царем под именем Бардии, сына Кира, основателя Персидской державы.

Правда, у Геродота (III, 67) вскользь сказано, что об убийстве мага Смердиса горевали все народы, кроме персов. Но у него не говорится, что лишь мидийцы жалели о его гибели. Геродот нигде не пишет, что мидийцы при Смердисе получили какие-либо выгоды. Поэтому утверждение Геродота, что персы не жалели Смердиса, когда он был убит, по-видимому, не отражает персидскую традицию. Ошибочность этого мнения видна и из Бехистунской надписи, согласно которой Дарий после убийства Гауматы не нашел поддержки в Персии, где царем стал Вахъяздата, который выдавал себя за Бардию.

Чтобы попытаться разобраться в политике Гауматы, следует иметь в виду социальную политику Камбиза. Многие историки

у Геродота в качестве обвинителя Камбиза выступает не кто иной, как знатный перс Отана. Это противопоставление Кира и Камбиза у античных авторов является отражением официальной персидской традиции. Историки обычно ограничиваются фразами, что Кир воплощал в себе «высокий моральный характер», «государственную мудрость», «острый политический взор». На Международном конгрессе в Ширазе в 1971 г., посвященном 2500-летию юбилею Иранского государства, было зачитано много докладов, в которых Цилиндр Кира характеризуется как первая в истории «хартия вольностей» [см., например, 306]. Некоторые докладчики особенно подчеркивали тот факт, что Кир в отличие от преемников пророка Мухаммада не навязывал другим народам свою веру [см., например, 95, с. 127 и сл.]. Однако такие рассуждения не учитывают своеобразных особенностей идеологии древних обществ. Прежде всего древние религии до периода возникновения христианства не были догматическими и нетерпимыми. Поэтому у Кира не было ни желания, ни необходимости преследовать религии подвластных народов. Он, как и другие персидские цари, искренне и охотно поклонялся кроме своих, иранских богов также греческим, вавилонским и другим чужеземным богам и искал у них поддержки. Кроме того, он и не помышлял о какой-либо «хартии вольностей», и его Цилиндр, составленный в традиционном стиле ассирийско-вавилонских царских надписей, не представлял покоренному населению никаких свобод, за исключением права возвращения на свою родину с тех территорий, куда их насильственно поселили вавилонские цари. Репатриация этих людей была в интересах проводимой Киrom политики.

Возникает вопрос: какая социальная группа в Персии идеализировала Кира и осуждала Камбиза? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо иметь в виду, что Персидское государство, едва возникнув при Кире II, буквально через два десятилетия, еще не освободившись от господства родо-племенных отношений, стало мировой державой. Поэтому Персия не успела пройти тот исторический путь, который характерен для большинства других древних государств. Это путь борьбы между царской властью, которая стремилась к неограниченному господству, и родовой знатью, отстаивавшей свои традиционные привилегии.

При Кире II эта борьба еще не была заметна, так как персы покоряли один за другим десятки народов. Внимание Кира было обращено на дальнейшие завоевания, которые давали родовой знати возможность обогащаться и увеличивать свое влияние. Те большие привилегии семи знатнейших персидских родов, которые Геродот (III, 70 и 84) связывает со свержением Смердиса, приписывая их установление Дарию I, на самом деле, как отмечалось давно, восходят к Киру II [150, т. II, с. 811; 161, с. 13, примеч. 2; 330, т. I, с. 204]. Из труда самого Геродота видно, что эти привилегии существовали до Дария, а при нем были только восстановлены. Вот некоторые из них: царь имеет право брать жену только из круга дочерей семи знатных родов; представи-

тели этих родов обладают правом беспрепятственного входа к царю, правом наследственного наместничества в своих областях, правом подавать советы царю и носить прямую тиару.

При Кире привилегии эти соблюдались. Для их нарушения пока не было особой необходимости. Но государство развивалось, выходило из рамок патриархально-родовых отношений, завоевывались все новые и новые страны, а его социальная база по-прежнему была узка. При Камбизе обнаружились противоречия между родовой знатью и царской властью, стремившейся ликвидировать древние привилегии знати. Объективно к этому и была направлена политика Камбиза. Геродот (III, 89), Диодор (IX, 24) и другие античные авторы рассказывают, что, согласно оценке самих персов, Камбиз был суров и высокомерен, за что заслужил прозвище «деспот» — в отличие от Кира, которого за человечность, отеческую заботу и любовь к персам называли «отцом».

Под персами, которым так не нравился крутой нрав Камбиза, у Геродота, естественно, имеется в виду знать: ведь он получал свою информацию о персидских делах от представителя знати Зопира. Камбиз изобращался жестоко к знати, хотя его поступки, которые родовой знать считала бессмысленными преступлениями, были направлены к созданию сильной централизованной власти. Те тенденции к сильной царской власти и уничтожению привилегий родовой знати, которые так ясно обнаружились в период царствования Камбиза, продолжали оказывать свое влияние на ход исторического развития и после его смерти.

ЗАХВАТ ВЛАСТИ ДАРИЕМ I

В конце Бехистунской надписи (IV, 80—88) даны имена тех, кто вместе с Дарием принимал участие в убийстве Гауматы. «Говорит Дарий царь: вот мужи, которые были со мною, когда я убил мага Гаумату. . . Эти мужи действовали как мои сторонники: Виндафарна, сын Ваяспары, перс; Отана, сын Тухры, перс; Гаубарува, сын Мардония, перс; Видарна, сын Багабигны, перс; Багабухша, сын Датувахии, перс; Ардиманиш, сын Вахауки, перс. Говорит Дарий царь: ты, который впоследствии будешь царем, оберегай хорошо род этих мужей».

Об убийстве мага Смердиса более подробно рассказывает Геродот (III, 70), у которого имена заговорщиков, кроме одного, сходятся со списком Бехистунской надписи. У Геродота Ардиманиш вообще не упоминается и вместо него среди заговорщиков выступает Аспатин. Последний, очевидно, был включен Геродотом в список заговорщиков под влиянием того обстоятельства, что он занимал высокое положение при Дарии: он изображен на нахшустамских рельефах рядом с тронном Дария. В левой руке он держит колчан и лук, в правой — боевой топор. Другое изображение Аспатина, но без надписи сохранилось среди рельефов тронного зала в Персеполе, где он увековечен с коротким мечом,

из знатного рода Патеихорейев. Согласно Геродоту (VII, 2,5 и 97), его дочь была женой Дария, а он сам был мужем сестры последнего. При Дарии Гобрий являлся начальником царских копьеносцев и изображен на наксирустамском рельефе слева от трона этого царя. Видарна за участие в заговоре получил наследственное наместничество в Армении, которое, судя по Страбону (IX, 14, 15), оставалось за его родом до времен Антиоха Великого. В персепольских документах крепостной стены упоминается несколько лиц с этим именем (в эламской передаче — Митарна). Д. М. Льюис склонен полагать, что Митарна, распорядившийся перемещением больших отрядов работников царского хозяйства, по-видимому, был тем же самым лицом, что и Видарна Бехистунской надписи [270, с. 84, примеч. 14]. Багабухша (Мегабиз), если можно полагаться на «Киропедию» Ксенофонта (VIII, 6, 7), был знатным персом, который еще при Кире II занимал высокое положение. Об Ардиманише нам ничего не известно из других источников, кроме Бехистунской надписи. Возможно, что он был убит при нападении на Гаумату. Седьмой участник заговора — Дарий, как известно, происходил из рода Ахеменидов [об этих семи персах см. подробно 186; 412, с. 170 и сл.; 111а, с. 91 и сл.].

Таким образом, убийцы Гауматы (во всяком случае, большинство из них) были представителями родовой знати. При этом Дарий сыграл в заговоре отнюдь не ту главную и решающую роль, которую он приписывает себе в Бехистунской надписи. Согласно Геродоту (III, 67—72), организатором заговора был Отана, который привлек на свою сторону Гобрия. Затем к ним присоединились Интаферн, Мегабиз и остальные. У Помпея Трога ведущим в заговоре также выступает Отана. У Ктесия Дарий при убийстве мага Сфендадата не играет видной роли и в списке заговорщиков его имя стоит на последнем месте.

Эсхил убийцей Марда считал Интаферна, который у него назван Артафреном. Сам Дарий в Бехистунской надписи среди своих соратников на первое место ставит также Интаферна. Насколько можно судить по сохранившимся к «Персам» Эсхила, Гелланик также считал Интаферна убийцей Марда. По-видимому, когда Эсхил говорит об убийстве Марда Артафреном вместе с теми людьми, «на кого это дело пало», в число последних следует включить Дария и остальных заговорщиков. Очевидно, в исторической традиции, известной Эсхилу, душой заговора считался Интаферн (др.-перс. Виндафарна).

Таким образом, за исключением Бехистунской надписи, тенденциозность которой в данном случае очевидна, ни один источник не считает, что в заговоре против Гауматы Дарий сыграл решающую роль.

После убийства Гауматы между заговорщиками начались споры о форме правления, как об этом подробно рассказывает Геродот (III, 80—84). Большинство современных историков не склонны считать эти споры реальными для Персии VI в. до н. э., полагая, что они являются измышлениями греческих авторов

луком и боевым топором. В Персеполе найден также оттиск печати с легендой: «Аспатин, сын Пркшашпы». По-видимому, он был сыном Прексаспа, которого Геродот называет доверенным лицом Камбиза. После смерти Прексаспа Аспатин занял его должность при дворе. По мнению В. Хинца, Аспатин был мидийского происхождения и нес ответственность за гардероб и вооружение Дария [221, с. 270; 224, с. 59]. Но такое мнение о его этническом происхождении может быть и ошибочным, так как оно высказано лишь на том основании, что Аспатин изображен на рельефах, как полагает Хинц, в мидийском костюме.

Ктесий в рассказе об убийстве мага значительно отклоняется как от Бехистунской надписи, так и от Геродота. У него в списке заговорщиков правильно даны только три имени, а в остальных случаях он называет имена представителей тех родов, которые занимали важное положение при дворе Артаксеркса II, где он сам пребывал продолжительное время.

Источники по-разному освещают обстоятельства убийства Гауматы (Смердиса). Но они единодушны в том отношении, что убийство было совершено в результате неожиданного нападения семи знатных персов. Ктесий (29, 14) добавляет, что к этим семи заговорщикам присоединились Артасир и Багапат, придворные мага Сфендадата (соответствующего Гаумате Бехистунской надписи), которые раньше были советниками Камбиза. Багапат вынес заранее оружие из дворца. Этого никто не заметил, поскольку ключи от дворца находились у него самого. Маг Сфендадат, продолжает Ктесий, оборонялся против заговорщиков с помощью кресла, пока не был убит. По Геродоту (III, 78—79), Смердис и его брат упорно отбивались от заговорщиков, хотя были в невыгодном положении, и, несмотря на явное неравенство сил, ранили двух персов. От рассказа Геродота несколько отличается сообщение Аммиана Марцеллина (XXIII, 6, 36), который пишет о захвате престола семью магами. Остальные источники в описании этих событий следуют за Геродотом.

Чрезвычайно важен вопрос, к какой социальной группе принадлежали те шесть человек, которые вместе с Дарием убили Гаумату.

Если верить «Киропедии» Ксенофонта (VIII, 3, 21), Интаферн принадлежал к знатному роду, который уже при Кире II стремился к независимому от царской власти положению. Отана, по свидетельству Геродота (III, 2 и 68), происходил из рода Ахеменидов. Он и его род были награждены Дарием обширными землями в Каппадокии. Их резиденцию Газиуру Страбон (XIII, 3, 15) называет древней царской столицей. Род Отаны был связан с персидскими царями путем брачных союзов. Согласно Геродоту (III, 68—69), его сестра Кассандана была женой Кира II, а на его дочери был женат Камбиз. Потомки Отаны получали от царя каждый год мидийские платья и другие ценные подарки. Кроме того, Отана и его род не обязаны были подчиняться царю, если не нарушали при этом персидских законов.

Гаубарува (в греческой транскрипции — Гобрий) происходил

наподобие софистических дискуссий, которые происходили в Афинах [см., например, 150, т. II, с. 456; 330, т. I, с. 281; 36, с. 21 и сл.; 34, с. 63]. В частности, по мнению Ф. Гшнитцера, приведенная у Геродота дискуссия о формах правления в Персии основана лишь на греческой традиции и рассчитана на греческих читателей [186, с. 31—35]. Но В. В. Струве поколебал такое мнение, найдя в Накхистрамской надписи Дария (надпись «б») отражение (разумеется, косвенное) основных мотивов политической дискуссии, о которой рассказывает Геродот [55, с. 12 и сл.]. А. И. Доватур и И. М. Дьяконов также пришли к выводу, что рассказ Геродота основан на подлинной персидской традиции [20, с. 138 и сл., 195 и сл.; 23, с. 182]. В своих работах последних лет и некоторые западные ученые полагают, что политические споры знатных персов в основе своей отражают исторические факты и вовсе не являются сплошными измышлениями [80; 112; 357].

Если исходить из конкретной исторической ситуации, ничего невозможного в дискуссии о политическом строе нет. При Кире II за родовой знатью был сохранен ряд привилегий. Но при Камбизе наглядно выявились исторически неизбежные тенденции к большей централизации государственной власти, к независимости от родовой знати. При Гаумате борьба между царской властью и родовой знатью продолжалась. Яркое отражение эта борьба нашла в речи Отаны, направленной против монархии. Напомнив своим знатым сообщникам, до какой степени дошел произвол Камбиза, Отана продолжает: «И вы (сами) терпели от бесчинства мага». Это место из труда Геродота (III, 80) не оставляет сомнений относительно того, против кого боролся Гаумата. И когда Геродот пишет, что маг Смердис, став царем, не приглашал к себе знатных персов, здесь следует видеть игнорирование им права представителей родовой знати на беспрепятственный вход к царю.

Из речи Отаны мы видим, что во многом действия мага Смердиса не были беспрецедентными, что в определенной мере его политическим предшественником был уже Камбиз. Многозначителен сам факт, что персидская традиция устами Отаны ставит Камбиза в один ряд с магом Смердисом.

После свержения Гауматы персидская родовая знать уже не верила в то, что царская власть будет гарантировать ее привилегии, и хотела сосредоточить всю власть в своих руках. Родовая знать стремилась к олигархии. В описании Геродотом политической дискуссии семи заговорщиков, правда, выступает и сторонник демократии в лице Отаны. Но и в этом случае в действительности речь шла о возрождении старой племенной демократии, где в условиях существования общинно-родовых отношений народное собрание неизбежно оказалось бы под влиянием знати. Таким образом, если родовая знать с полным единодушием выступила против ненавистного ей Гауматы, то позднее начались разногласия в ее среде.

В конечном итоге, по-видимому, было достигнуто следующее компромиссное решение: 1) один из семи заговорщиков станет по

жеребью царем; 2) последний будет соблюдать привилегии родовой знати, которые были установлены еще при Кире II; 3) в свою очередь, знать будет поддерживать царя. По Геродоту, кроме Отаны, все остальные убийцы Смердиса стали претендовать на трон. Отана же, отказавшись от претензий на престол, выговорил для себя и своего рода ряд дополнительных привилегий, которые сохранялись и во времена Геродота.

Относительно того, каким образом Дарий стал царем, все античные источники согласны между собой. Здесь сообщение Геродота (III, 85—86) подтверждает и его придирчивый критик Ктесий. Шесть претендентов на трон договорились, что царем станет тот из них, чей жеребец при восходе солнца заржет раньше остальных. В таком выборе царя, засвидетельствованном всеми источниками, кроме Бехистунской надписи, по-видимому, нет ничего невозможного. В другом месте своего труда (III, 83) Геродот пишет, что у персов царь выбирался либо по жеребью, либо же по решению персидского народа (очевидно, народного собрания). По утверждению Страбона (XV, 3, 24), семь персидских родов выбрали Дария царем. Как полагает Г. Виденгрэн, в древнем Иране цари избирались из определенных родов, и соответствующий рассказ Геродота подтверждается индийскими аналогиями [410, с. 84 и сл.; 409, с. 102 и сл.; см. также 231, с. 250; 317, с. 70; 10, с. 78 и сл.]. О выборе царя знатью говорится и в надписи сасанидского времени из Пайкули. Согласно Геродоту, своеобразная хитрость конюха Ойбара доставила Дарию царскую власть.

Дарий стал царем не по праву наследования, а как один из представителей знатных заговорщиков. Правда, он в Бехистунской и других надписях многократно заявляет, что власть принадлежала его роду. Но и в таком случае не Дарий должен был стать царем, а его отец Виштаспа или дед Аршама. Трудно принять часто высказываемое в литературе мнение, что Виштаспа отказался от престола ввиду преклонного возраста [см., например, 303, с. 30; 377, т. I, с. 160]. Ведь в 522 г. он возглавил подавление восстания в Парфии и Гиркании, и в это время еще жив был его отец Аршама. В 530 г., когда Кир отправился в поход против массагетов, Дарию было около двадцати лет. Следовательно, когда Дарий стал царем, ему было не более 27—28 лет. Поскольку, как это видно из труда Геродота (I, 209), Дарий был старшим сыном Виштаспы, последнему в 522 г. было не более 55 лет, возраст не столь преклонный. Ни один античный автор не говорит ни слова о царском происхождении Дария, а, напротив, все источники настойчиво подчеркивают, что до воцарения он был незначительным по своему положению человеком. Например, согласно Геродоту (III, 139), до захвата престола Дарий «не имел никакого веса». Уже то обстоятельство, что Дарий почти в каждой из своих надписей вынужден был снова и снова повторять, что он законный царь, свидетельствует об острой политической борьбе, которая была сопряжена с его воцарением. Да и сам Дарий везде первым и основным аргументом в пользу того, что он законный царь, выставляет желание Ахура-

мазды, который «принес царство» ему. Дарий говорит: «Таково было желание Ахурамазды: он выбрал на всей земле меня (как единственного) мужчину (и) сделал царем всей земли» (DSf). Правда, Дарий происходил из царского рода Ахеменидов, но таким же образом к этому роду принадлежал, скажем, Отана, который имел на трон такое же право, как и Дарий.

С целью легитимизации своей власти Дарий женился на дочери Кира Атоссе и на всех остальных женщинах из гарема Камбиза, а позднее и Гауматы (до этого Дарий был женат на дочери Гобрия, от которой у него было три сына). Хитрая и властолюбивая Атосса заняла при дворе Дария исключительное положение, став всемогущей. В возвышении Дария она, по-видимому, сыграла не последнюю роль.

Большинство представителей знати примирилось с захватом власти Дарием. Но Интаферн вовсе не намерен был отказываться от престола. Геродот (III, 118—119) рассказывает трагическую историю гибели его вместе со всей семьей, после того как он попытался насильственно ворваться в царские покои. Дарий сначала испугался, полагая, что поступок Интаферна свидетельствует о заговоре шести знатных персов. Вызвав каждого из них в отдельности и узнав, что действия Интаферна не согласованы с остальными, Дарий успокоился и только после этого распорядился схватить Интаферна и предать его смертной казни. Он, очевидно, считал, что последний нарушил соглашение, достигнутое между знатью и царем, и поэтому заслуживает сурового наказания. По мнению В. В. Струве, Мегабиз также не примирился с захватом престола Дарием и не отказался от борьбы за него [55, с. 15]. Но, несмотря на стремление отдельных представителей родовой знати путем дворцового переворота захватить престол, который достался Дарию, в целом она была предана ему. Зато иначе отнеслись к захвату Дарием власти подчиненные персам покоренные народы и масса самого персидского народа.

В § 14 Бехистунской надписи (I, 67—71) изложена негативная, с точки зрения ее составителя, политика Гауматы и позитивная политика самого Дария. Изучение этого места надписи имеет более чем столетнюю историю. Еще первый исследователь надписи Г. Раулинсон отмечал особую трудность интерпретации данного текста [335, с. 206]. С тех пор иранисты и ассириологи многократно рассматривали его, однако и в настоящее время имеются разногласия в его переводе, не говоря о больших расхождениях в интерпретации. В персидском варианте надписи § 14 сохранился полностью, в эламском — почти полностью, в аккадском текст частично разрушен, а в арамейском сохранились только два термина.

Здесь невозможно остановиться на анализе указанного параграфа, ограничимся лишь его переводом [см. литературу: 27, с. 368—372; 18, с. 204—217; см. также 9, с. 110; 217, с. 234; 253, с. 37 и сл.; 356, с. 57; 224, с. 52 и сл.]. В персидском варианте надписи Дарий говорит: «Царство, которое было отнято у нашего рода, я вернул, как было прежде. Святилища, которые маг Гаумата

разрушил, я восстановил. Я вернул (принадлежащие) народу-войску поля и скот и рабов и хозяйства, которых его лишил маг Гаумата. Я поставил страну, и Персию, и Мидию, и другие страны, как прежде. Я вернул обратно то, что было отнято. Я это сделал милостью Ахурамазды. Я добился того, чтобы восстановить наш дом на его прежнем месте. Я милостью Ахурамазды добился, чтобы маг Гаумата не захватил наш дом». Согласно эламскому варианту, Дарий «восстановил принадлежащие народу пастбища (?) и скот и работников и хозяйства. . .». В арамейском варианте сохранились только слова, которые переводятся «их имущество и их дома». Судя по новому изданию аккадского варианта Бехистунской надписи, подготовленному по ранее не публиковавшемуся эстампажу Дж. Камерона, в соответствующем месте говорится: «Я отдал народу-войску <крупный рогатый скот, овец, поля, наемных работников, наделы> лука⁶⁹, которых этот маг Гаумата лишил его» [BID, стк. 26]. В угловых скобках даны слова, аккадские корреляты которых сохранились плохо и не поддаются бесспорному чтению. Если новое чтение интересующего нас места в аккадском варианте надписи подтвердится, очевидно, надо полагать, что в данном случае вавилонский переводчик дал несколько иную трактовку событий по сравнению с персидским и эламским вариантами. Однако, если у народа или войска можно отобрать скот и поля, непонятно, каким образом можно лишить людей наемных работников, которые работали добровольно по контракту и за плату. Конечно, воинов можно лишить их повинностных наделов, но опять-таки непонятно, ради каких целей Гаумата стал бы проводить такую политику в Вавилонии в течение своего кратковременного правления.

Во всяком случае, из арамейского варианта совершенно ясно, что, согласно надписи, Гаумата отобрал у «народа» его движимое имущество и дома, а Дарий вернул все это обратно. Дальнейшие находки и исследования могут дополнить и конкретизировать этот вывод, однако вряд ли он будет поколеблен.

Возникает вопрос: кому Дарий вернул имущество, ранее отнятое Гауматой?

Было бы неверно видеть в Гаумате какого-то революционера, предшественника вождя восставшего народа в сасанидском Иране Маздака, борца за интересы угнетенных низов, врага феодальной собственности и самого Ахеменидского государства, как это полагают Э. Херцфельд, Ф. В. Кёниг и некоторые другие исследователи. По их мнению, во время правления Гауматы в Персидской державе царили «хаос, смерть и кулачное право», так как Гаумата, чтобы привлечь на свою сторону низшие классы общества, стремился к радикальному переустройству старого социального порядка. Указанные ученые считают, что § 14 Бехистунской надписи и сообщение Геродота об отмене податей и военной повинности свидетельствуют об изъятии Гауматой у знати (так эти ученые переводят слово *kāra*) земли и феодальной свиты, а также об отмене натуральных податей скотом, вином, зерном и т. д. феодалам со стороны

крепостных крестьян [208, с. 138 и сл.; 210, с. 52; 212, т. I, с. 209; 256, с. 52 и сл., 71 и сл.; 239, с. 43, 48 и 166].

По мнению Херцфельда, во время восстаний в 522—521 гг. простой народ не играл никакой роли и был только пассивным зрителем. Не только в Персии, но и в Вавилонии, пишет Херцфельд, не народ восставал против Дария, а войско и знать [203, с. 34 и сл.]. Но возникает вопрос, кто поддерживал Дария, если народ не имел никакого значения, а войско и знать восстали против него? Если Гаумата выступал в защиту угнетенных низов и против феодалов, почему последние тем не менее восставали против Дария, врага Гауматы?

В действительности же слово *kāra* является общим термином, который охватывал не только знать, но также земледельцев-общинников и рядовых воинов, т. е. всех свободных членов общества, в котором родо-племенные отношения имели большое значение⁷⁰. Поэтому трудно согласиться и с теми исследователями, которые, понимая под *kāra* только крестьянские массы, считают, что Гаумата отбирал у персидских крестьян их имущество, а Дарий вернул обратно это имущество. По мнению этих ученых, Гаумата в интересах знати и мидийского жречества предпринял поход против персидского народа, разрушая его храмы, отбирая пастбища и стада, грабя жилища, отнимая у общинников их жен и детей, чтобы заставить их работать в царском хозяйстве [200, с. 42; 164, с. 37; 198, с. 443; 251, с. XL; 66, с. 31 и сл.; 67, с. 521].

Некоторые историки причину переворота Гауматы ищут в религиозной борьбе между персами и мидийскими магами, считая этот переворот выражением строптивости враждебного зороастризму жречества, достойно наказанной Дарием, который, по их мнению, был учеником Заратуштры [98, с. 821; 200, с. 3 и сл.; 383, с. 392; 204, с. 1—11]. Основанием для такого мнения отчасти послужило предположение, что ахеменидские цари носили два имени, одно из которых было религиозное, а другое — тронное. Поскольку в зороастрийском сочинении «Бундахишн» и в Яште 13 Авесты упоминается Спантадата, сын Виштаспы (покровителя Заратуштры), указанные исследователи отождествляют его с Дарием, считая это религиозным именем последнего, которое он носил как «маздаясонец». Эти же авторы считают, что маг Сфендадат в рассказе Ктесия — на самом деле Дарий, которого греческий историк по ошибке назвал магом [228, с. 187 и сл.; 234, с. 59; 256, с. 278, 334; 212, т. I, с. 95]. Но в пользу такого предположения трудно привести сколько-нибудь убедительные доводы⁷¹.

Если принять распространенное мнение, что Гаумата преследовал религиозные обычаи и разрушал социальные институты страны, а Дарий восстанавливал их, нам станет непонятной даже официальная версия этих событий, изложенная в Бехистунской надписи. В ней совершенно недвусмысленно говорится, что после переворота Гауматы «весь народ мятежным стал по отношению к Камбизу, на его (т. е. Гауматы) сторону перешел — и Персия, и Мидия, и другие страны». Если Дарий возвратил персидским

общинникам имущество, будто бы отнятое Гауматой, непонятно, почему такое благодеяние было встречено восстанием против него.

Мы не должны удивляться, что составитель Бехистунской надписи при рассказе о негативных мероприятиях Гауматы и собственных позитивных прибегает к общим выражениям, не поясняя конкретно, против кого выступал Гаумата и какой социальной группе вернул Дарий имущество, отнятое его врагом. Вместо ясно-го ответа на этот кардинальный вопрос Бехистунская надпись изображает Дария защитником народа вообще, а не какого-либо его социального слоя. Дарий претендует на то, что он положил конец анархии политической, социальной и религиозной и установил справедливые принципы государственного управления. Как отмечает И. М. Дьяконов, от реформ Гауматы пострадали представители родовой знати [21, с. 433]. Именно у последней Гаумата отбирал имущество, хотя Бехистунская надпись изображает его врагом не одной только знати, а народа вообще. Персидские общинники поддерживали Гаумату, поскольку его реформы были в интересах большинства народа, так как уничтожение привилегий родовой знати вело к освобождению народных масс от засилья этой знати.

ВОССТАНИЯ В ПЕРСИИ И ДРУГИХ СТРАНАХ

Сразу после захвата власти Дарием против него восстали эламиты и вавилоняне [о хронологии этих восстаний см. 110а, с. 113 и сл.]. Восстание в Эламе, по-видимому, еще не охватило широких масс населения и поэтому было легко подавлено. Дарий заявляет в Бехистунской надписи (I, 72 и сл.): «После того как я убил мага Гаумату, один человек по имени Асси́на, сын Уп-дармы, восстал в Эламе. Он так говорил народу: „Я — царь в Эламе“. Затем эламиты стали мятежниками и перешли к Ассине. Он стал царем в Эламе. . . Затем я послал гонца⁷² в Элам. Асси́на был приведен связанным ко мне, и я казнил его».

Но восстание в Вавилонии, центре державы, было очень опасным. Геродот (III, 150) пишет, что вавилоняне восстали против Дария сразу после того, как он сверг Смердиса. Если верить персидскому и эламскому вариантам Бехистунской надписи, некий Нидинту-Бел, сын Айнайра, объявил себя сыном последнего вавилонского царя Набонида и стал править под именем Навуходоносора (III). Не исключено, что он действительно был сыном Набонида, после пленения которого прошло всего 17 лет. На Бехистунском рельефе Нидинту-Бел изображен пожилым человеком. Не лишено интереса и то, что Дарий после захвата Нидинту-Бела в плен не выставил его напоказ народу, как он обычно поступал с самозванцами, выдававшими себя за представителей древних династий.

Однако неожиданные сведения о Нидинту-Беле содержит новое издание аккадского варианта Бехистунской надписи. Там (стк. 31) о нем говорится следующее: «Нидинту-Бел, сын Кинзера [. . .],

zazakku»⁷³. Издатель аккадского варианта Э. Фойгтлендер пишет, что в эламском слово *hānara* (ср. *ainaira* персидского варианта) было профессиональным обозначением [ВІД, с. 20]. Непонятно только, почему в двух последних случаях ясно говорится, что Айнаира был отцом Нидинту-Бела.

По словам Дария, «весь вавилонский народ перешел к Нидинту-Белу, Вавилон стал мятежным, он захватил царство». Уже 3 октября 522 г. Нидинту-Бел был признан царем, как об этом свидетельствует один документ из Сиппара [NbK, 1]. Другие датированные по его правлению документы происходят из Вавилона и Борсиппы, в них он носит титул «царя Вавилона, царя стран».

Дарий лично возглавил поход против восставших. Первая битва произошла 13 декабря 522 г. у реки Тигр. В персидском и эламском вариантах Бехистунской надписи (I, 84 и сл.) говорится: «Войско Нидинту-Бела занимало Тигр. . . Река была судоходна. После этого я посадил войско на бурдюки, других — на верблюдов, а для остальных достал лошадей. Ахурамазда оказал мне помощь. Милостью Ахурамазды мы перешли Тигр. Там я наголову разбил войско Нидинту-Бела». Аккадский вариант надписи, как показало новое издание, и здесь содержит интересное расхождение: «Я погрузил войско на кожаные лодки. Вместе с конями (и) верблюдами мы перешли Тигр» (стк. 35). Другими словами, конница также была доставлена на другой берег реки на лодках. Очевидно, редакторы персидского и эламского вариантов недостаточно ясно представляли ход военных действий в Вавилонии и считали, что часть войска переправилась через реку на конях и верблюдах.

Через 5 дней, 18 декабря, Дарий одержал новую победу в местности Зазана у Евфрата. Часть вавилонского войска «была брошена в воду, (и) вода унесла ее» [Beh. I, 91—92]. В отличие от персидского и эламского текстов вавилонский (стк. 38), подводя итоги похода Дария против Вавилонии, говорит: «Всех их (т. е. сторонников Нидинту-Бела) мы убили и никого не стали брать в плен».

Нидинту-Бел «с немногими всадниками» бежал в Вавилон. Но вскоре город был взят персами. В конце сообщения о подавлении мятежа Нидинту-Бела в персидском и эламском вариантах надписи говорится: «Затем я казнил этого Нидинту-Бела в Вавилоне». Вавилонская версия (стк. 40) здесь более пространна: «Затем в Вавилоне я посадил на кол этого Нидинту-Бела и мужей, которые были с ним. Я казнил всего 49 человек. Вот что я сделал в Вавилонии».

Пока Дарий был занят карательными действиями в Вавилонии и затем около трех месяцев, до начала февраля 521 г., по-видимому, жил во дворце Навуходоносора II в Вавилоне, к нему стали прибывать гонцы со всех концов государства с тревожными сообщениями. Против Дария восстали Персия, Мидия, Элам, Маргиана, Парфия, Саттагидия, сакские племена Средней Азии и Египет.

Началась долгая и ожесточенная борьба за восстановление державы Ахеменидов в ее прежних границах.

Наиболее массовым было восстание в Маргиане. Дарий в Бехистунской надписи (III, 10—19) сообщает следующее: «Страна Маргиана стала мятежной. Одного человека по имени Фрада, маргианца, они сделали (своим) вождем (в эламском и вавилонском вариантах он назван царем). После этого я послал (гонца) к персу по имени Дадаршиш, моему слуге, сатрапу в Бактрии, (и) сказал ему так: „Иди, разбей войско, которое не называет себя моим“. Затем Дадаршиш отправился с войском (и) дал бой маргианцам». Решающее сражение произошло 10 декабря 522 г., и маргианцы потерпели поражение⁷⁴. Затем последовала резня, в которой было убито 55 243 и взято в плен 6972 человека из числа восставших⁷⁵. Уже одни эти цифры свидетельствуют о том, что восстание маргианцев было одним из самых крупных народных движений древности. Ю. Юнге полагал, что цифра 55 243 погибших для такой маленькой страны, как Маргиана, невероятно велика и что в эту цифру включены и потери сакских племен, которые приняли широкое участие в восстании [239, с. 182]. Но В. М. Массон считает, что, судя по археологическим данным, древнемаргианские оазисы были густо населены. После подавления восстания жизнь в Маргиане пришла в запустение и земледельческие оазисы на трех протоках Мургаба были заброшены [39, с. 142 и сл.]. Возможно, что часть пленных маргианцев позднее была продана. Например, в 512 г. в вавилонском городе Сиппар была продана в рабство одна «бактрийка» [Pinches, RP IV, с. 104] (после подавления восстания Маргиана была присоединена к Бактрии).

Тем временем в самой Персии некий Вахьяздата выступил соперником Дария под именем сына Кира Бардии и нашел среди народа большую поддержку. Ему удалось также захватить восточноиранские области вплоть до Арахосии.

Бехистунская надпись не дает точной даты начала восстания Вахьяздаты, но, как видно из этого источника, персы восстали между октябрем и декабрем 522 г., когда основные силы Дария находились в Вавилонии. Ко второй половине декабря 522 г. восстание приняло такой широкий размах, что войска Вахьяздаты вели борьбу в отдаленной от Персии на сотни километров Арахосии.

29 декабря 522 г. у крепости Капишаканиш в Арахосии войска Вахьяздаты вступили в бой с армией Дария, которой командовал перс Вивана. Эта битва, в которой погибло 303 сторонника Вахьяздаты, не принесла решающей победы ни одной из сторон, несмотря на утверждение Бехистунской надписи о полном разгроме мятежников. Вивана нанес окончательное поражение противнику лишь 21 февраля 521 г. в области Гандутава в Арахосии, причем в битве погибло 4579 восставших. «Затем человек, который был начальником войска, посланного Вахьяздатой против Виваны, бежал с немногими всадниками. Он прибыл в крепость Аршада в Арахосии. После этого Вивана с войском двинулся по его следам, захватил

его и людей, которые были его виднейшими последователями, (и) казнил (их)» [Beh. III, 69—75].

Но в самой Персии Вахьяздата все еще оставался хозяином положения. 25 мая 521 г. восставшие дали бой у города Раха в Персии войскам Дария, во главе которых стоял полководец Артавардия. В этой битве Вахьяздата потерял убитыми 4404 человека. Но, несмотря на обычное заявление Дария о своей победе, эта битва оказалась безрезультатной, и Артавардия одержал решающую победу у горы Парга в Персии лишь 16 июля 521 г. 6246 восставших погибло в этой битве и 4464 было взято в плен. В плен попал и сам Вахьяздата. Вместе с 52 своими ближайшими приверженцами он был посажен на кол в городе Увадачайя⁷⁶ в Персии. Таким образом, это восстание, которое началось приблизительно одновременно с двумя другими крупными народными движениями (в Маргиане и Мидии), оказалось продолжительнее их и было подавлено лишь через восемь месяцев.

В научной литературе распространено мнение, согласно которому персы в самые трудные для Дария времена оставались верными ему и тем самым сделали возможной его победу, Вахьяздата же опирался на утиев и другие кочевые племена, за что последние позднее были исключены из состава Персии и обложены податями [277, с. 30; 330, т. I, с. 201 и сл.; т. II, с. 52; 239, с. 173, примеч. 38]. Мнение это аргументируется следующим образом: в Бехистунской надписи сказано, что Вахьяздата до своего восстания жил в области Яутия в Персии. А у Геродота (III, 93) говорится, что утии наряду с сагартями, миками и рядом других племен входили в 14-й податной округ Ахеменидской державы. Отсюда делается вывод, что до восстания Вахьяздаты утии входили в Персию, а затем были выделены из нее за свой мятеж.

Однако предположение, что только утии поддерживали Вахьяздату, находится в противоречии с данными Бехистунской надписи. «Вахьяздата жил в городе Тарава⁷⁷, в области Яутия в Персии. Он вторым восстал в области Яутия в Персии. . . затем персидский народ. . . стал мятежным, перешел к Вахьяздате. Он стал царем в Персии. . . сделал мятежной Персию» (III, 22 и сл.). Когда полководец Дария Артавардия прибыл в Персию, Вахьяздата «отправился с войском к городу Раха в Персии», чтобы дать бой (III, 41 и сл.). Затем Вахьяздата отправился в Пайшияваду, где за год до этого восстал Гаумата, «взял оттуда войско (и) снова отправился, чтобы сразиться с Артавардией» (III, 42—44). И в заключение своего сообщения о подавлении восстания Вахьяздаты Дарий заявляет: «Вот что мною сделано в Персии» (III, 53). Приведенные места не оставляют сомнений в том, что восстание Вахьяздаты рассматривается в Бехистунской надписи как мятеж, происходивший именно в Персии.

В Бехистунской надписи особо отмечаются случаи, когда это восстание выходило за пределы Персии. Вахьяздате удалось установить свой контроль не только в Персии, но также в Кармании,

Дрангиане, Гедросии, в некоторых частях Мидии, Арахосии и Саттагидии.

Относительно восстания Вахьяздаты персидская и эламская версии Бехистунской надписи (III, 21 и сл.), в частности, сообщают следующее: «Затем персидский народ-войско, который находился по (своим) домам и (который) прежде пришел из Яды, стал мятежным (и) перешел к Вахьяздате». Вавилонский текст (стк. 72) содержит здесь следующую фразу: «Затем персидский народ, сколько его было во дворце Вавилона (и который) прежде из Аншана ко мне прибыл, возмущился против меня и перешел на сторону Вахьяздаты». Однако, если это чтение верно, возникает вопрос, как персидское войско, будучи в вавилонском дворце, могло примкнуть к восставшим, находившимся в Персии. Далее Дарий заявляет в персидском варианте (III, 28—29): «Затем я послал (против Вахьяздаты) персидское и мидийское войско, которое находилось при мне». В эламском тексте говорится: «Затем я послал некоторое персидское войско, которое находилось во дворце (?) и которое не отпало от меня, и мидийское войско, которое было при мне». Вавилонский же текст (стк. 72—73) здесь сообщает: «Затем я послал в Персию другое небольшое персидское войско, которое не восстало против меня, и мидийское войско, которое (было) при мне». При описании восстания Вахьяздаты в различных вариантах надписи имеются и другие расхождения. Например, в персидском варианте область Гандутава, где произошла одна из битв между приверженцами Вахьяздаты и войском Дария, не локализована. Согласно эламскому тексту, она была расположена в Арахосии, но вавилонский вариант (стк. 81) помещает ее в Саттагидии. В конце отчета о подавлении охватившего многие районы восстания Вахьяздаты в персидском и эламском текстах Дарий подводит итог: «Вот что сделано мною в Арахосии», в вавилонском же сказано: «Это — то, что я сделал в Саттагидии и Арахосии».

Во всяком случае, персидский народ оказал большую поддержку Вахьяздате. А. Т. Олмстед пишет, что Вахьяздата не был «арийцем», так как на Бехистунском рельефе он изображен с низким, плоским носом, круглой головой и безбородым подбородком [312, с. 111]. Однако Бехистунская надпись (см. аккадский вариант, стк. 71) ясно указывает, что он был персом⁷⁸, и само имя его также имеет хорошую персидскую этимологию («созданный наилучшими богами» — указано В. А. Лившицем). По-видимому, Вахьяздата в какой-то степени принял политическую программу своего предшественника Гауматы, поскольку оба они выступали под именем Бардии.

Что же касается утиев, нам неизвестно, принимали они участие в восстании Вахьяздаты или нет. Согласно Бехистунской надписи, он жил в области Яутия до своего восстания, но, по-видимому, поднял мятеж в городе Увадачайя, где и был казнен. Естественно, в чужом городе легче было выдавать себя за сына Кира, чем на своей родине, где его все знали. Кроме того, само отождествление

Яутии с утиями спорно. По мнению Э. А. Грантовского, это отождествление лишено оснований, утии вообще не были иранским племенем, а в Яутии жило иранское население [16, с. 239 и сл.]. Э. Херцфельд также полагает, что утии не были иранцами [214, с. 301].

Подавление восстания Вахьяздаты было крупной победой Дария, так как теперь вся Персия оказалась в его руках. Но в других странах продолжались мятежи. Некий перс по имени Мартия, сын Чичихриша, ранее проживавший в местности Куганака в Персии, восстал в Эламе и говорил народу: «Я — Иманиш⁷⁹, царь в Эламе». По словам Дария, поскольку он находился недалеко от Элама, когда там вспыхнуло восстание, эламиты испугались, «схватили Мартию, который был у них главой, и убили его» [Beh. II, 11—13].

К тому времени, когда власть Дария в Эламе была вновь восстановлена, почти вся Мидия оказалась в руках Фравартиша, который выступил под именем Хшатрита из древнего рода мидийского царя Киаксара. Фравартишу удалось установить свой контроль кроме Мидии также на территории бывшей Ассирии, в Армении, Парфии и Гиркании. Вопреки мнению некоторых исследователей, считающих восстание Фравартиша мятежом мидийской знати, оно было массовым народным движением [21, с. 436—440]. Согласно Бехистунской надписи (II, 17 и сл.), «мидийский народ, который находился по (своим) домам, восстал против меня (т. е. Дария) и перешел к этому Фравартишу. Он стал царем в Мидии».

Дарий послал против восставших своего полководца Видарну: «После этого Видарна отправился с войском. Когда прибыл в Мидию, у города Маруш в Мидии он дал битву мидийцам. Тот, который был главой у мидийцев, в это время там не находился» [Beh. II, 23—24]. Эта битва произошла 12 января 521 г. По словам Дария, его «войско наголову разбило мятежное войско», убив 3827 человек и захватив в плен 4329. Однако в действительности битва окончилась безрезультатно, так как Видарна в течение нескольких месяцев воздерживался от дальнейших военных действий, пока Дарий не прибыл с основными силами из Вавилона в Мидию. Относительно этого в персидском варианте Бехистунской надписи (II, 27—29) Дарий заявляет: «После этого мое войско ждало меня в области Кампанда в Мидии, пока я не прибыл в Мидию». В соответствующем месте эламского текста говорится: «После этого мое войско бездействовало, дожидаясь меня в области Кампанда в Мидии, пока я не прибыл в Мидию». Вавилонский вариант (стк. 47) здесь содержит следующее сообщение: «Затем Видарна не предпринял другого похода против Мидии. В городе Кампанда, который в Мидии, они дожидались меня, пока я не прибыл в Мидию. Затем они прибыли ко мне в Экбатаны».

Дарий решил сам возглавить подавление опасного мятежа в Мидии. Тем временем мидийские воины, оставшиеся верными Дарию, были посланы в Персию для борьбы с Вахьяздатой.

7 мая 521 г. произошел решающий бой у местности Кундуруш

в Мидии, в котором восставшие потерпели поражение. 34 425 мидийцев погибло в этой битве и 18 000 попало в плен.

Но Фравартишу с частью своих приверженцев удалось бежать в область Рага на крайнем востоке Мидии. Однако в июне того же года он был схвачен и приведен к Дарию, который сам жестоко расправился с ним, отрезав ему нос, уши, язык и выколол один глаз. После этого закованного в кандалы Фравартиша отвезли в Экбатаны и посадили там на кол. Туда же были доставлены ближайшие приверженцы Фравартиша и заключены в крепость, а затем с них содрали кожу и, набив соломой, вывесили на крепостной стене. Жестокость расправы с вождями восставших и полное деталей описание их казни, а также огромное число погибших и попавших в плен мидийцев свидетельствуют о том, что это восстание было одним из самых крупных и опасных для Дария. Об этом же говорит и тот факт, что из всех многочисленных мятежей, вспыхнувших в начале царствования Дария, Геродоту (I, 130) стало известно лишь о восстаниях в Мидии и Вавилонии. После подавления восстания, которое продолжалось более семи месяцев, Мидия начала постепенно терять свое положение привилегированной сатрапии.

С восстанием Фравартиша было связано и выступление жителей страны Сагартя в Западной Мидии и на бывших ассирийских землях с центром в Арбеле (Зикирту ассирийских источников [16, с. 250 и сл.; 214, с. 301; 299, с. 364]; иногда Сагартию локализуют к востоку от Мидии, но в Бехистунской надписи речь идет о восстании в области с центром Арбела). По словам Дария, «один человек по имени Чиссатахма, сагартиец, стал мятежником по отношению ко мне. Он народу так говорил: „Я — царь в Сагартии, из рода Киаксара“. После этого я послал персидское и мидийское войско. Их начальником я сделал мидийца по имени Тахмаспада, моего слугу. . . Затем Тахмаспада отправился с войском и дал сражение Чиссатахмe. Ахурамазда оказал мне помощь. Милостью Ахурамазды мое войско разбило мятежное войско, захватило Чиссатахму (и) привело (его) ко мне. Затем я отрезал ему нос и уши и выколол ему один глаз. Его держали связанным у моих ворот, и весь народ видел его. Затем я посадил его на кол в Арбеле. . . Вот что мною сделано в Мидии» [Beh. II, 78—92].

Тем временем Виштаспа, отец Дария, который был наместником Парфии и Гиркании, составляющих одну сатрапию, в течение многих месяцев уклонялся от сражений с восставшими в этих странах, которые выступили на стороне Фравартиша. Дарий сообщает: «Парфия и Гиркания подняли мятеж против меня и перешли на сторону Фравартиша. Мой отец Виштаспа был в Парфии. Народ его покинул (и стал) мятежным» [Beh. II, 92—98]. Битва в местности Вишпаузатиш в Парфии 8 марта 521 г. не принесла победы ни одной из сторон, несмотря на заверения Дария о полной победе его войска над мятежниками. Но в этой битве погибло 6346 мятежников и 4336 было захвачено в плен.

Виштаспа стал дожидаться помощи со стороны Дария, которая прибыла лишь через три месяца, летом 521 г. 12 июля 521 г. в местности Патиграбана в Парфии восставшие были разгромлены, потеряв 6570 человек убитыми и 4192 пленными. 80 человек из них во главе с вождем восставших (его имя в надписи не приводится) были казнены.

Много хлопот причинило Дарию и восстание в Армении, где полководцы Дария, армянин Дадаршиш и перс Ваумиса, безуспешно пытались усмирить мятежников. Крупное сражение произошло еще 31 декабря 522 г. в местности Изала, на бывшей ассирийской территории, где восставшие также установили свой контроль. Армия Дария, по-видимому, потерпела поражение, хотя Бехистунская надпись утверждает, что мятежники были разбиты наголову. После этого полководцы Дария уклонялись от активных военных действий до 21 мая 521 г., когда они приняли бой у местности Зузахия в Армении. Через шесть дней у крепости Тигра в Армении произошла новая битва. Но сломить упорство восставших армян все еще не удавалось. Поэтому на помощь войску, которым командовали Ваумиса и Дадаршиш, Дарий направил новые отряды. 21 июня 521 г. около горы Уяма армяне потерпели поражение от войска Дадаршиша, а в конце июня того же года Ваумиса одержал победу над ними в местности Аутиара. Армения была покорена после семи месяцев борьбы, при этом восставшие в пяти сражениях потеряли убитыми 5097 человек, 2203 было взято в плен.

О характере восстания в Армении ученые высказывали различные мнения. В. В. Струве полагал, что восставшими были не армяне, а вторгшиеся в их страну скифские племена. И. М. Дьяконов, наоборот, считает, что это было восстание армян. Наконец, по мнению Г. А. Капанцяна, мятеж в Армении был движением племен хайев [54, с. 31 и сл.; 21, с. 359; 30, с. 155 и сл.]. Причиной столь больших расхождений между учеными является то, что Бехистунская надпись не называет восставшие племена по имени и не указывает, кто был их вождем. Однако продолжительная и упорная борьба восставших свидетельствует о том, что это движение пользовалось большой поддержкой местного населения, т. е. армян. Поскольку Бехистунская надпись указывает, что Армения была охвачена мятежом, вероятно, составитель этой надписи не видел необходимости особо отмечать племенную принадлежность мятежников, полагая, что это и так ясно.

Пока Дарий был занят подавлением волнений в Армении и других странах, вавилоняне сделали новую попытку добиться независимости. Теперь во главе восстания стоял Арах, сын Халдиты, который выдавал себя за Навуходоносора (IV), сына Набонида. В персидском и эламском текстах Бехистунской надписи он назван армянином, а в аккадском — урартом. В персидском варианте (III, 83 и сл.) говорится: «Из области Дубала он так обманывал народ», затем: «вавилонский народ... перешел на сторону того Арахы. Он захватил Вавилон и стал царем в Вави-

лоне». Эламский текст уточняет, что Дубала — город в Вавилонии. Вместо упоминания этого города в вавилонском варианте (стк. 85) совершенно неожиданно говорится, что Араха «восстал в (городе) по названию Ур в Вавилонии».

Начиная с 16 августа 521 г. вавилонские документы датированы первым годом царствования Навуходоносора (IV). Ему удалось захватить всю страну, как об этом свидетельствуют контракты из Вавилона, Сиппара и Борсиппы на севере и Урука на юге [ср. 110, с. 151 и сл.; к приведенным так текстам следует добавить NbK, 13; YOS, 17, 301 и 302].

Трудно согласиться с мнением К. Галлинга, что в восстании Арахи и в предшествовавшем ему мятеже Нидинту-Бела принимал участие не народ, а лишь войско [165, с. 21]. Достаточно сказать, что в Вавилонии после захвата страны Киром местного войска уже не было, и маловероятно, чтобы персидские гарнизонные части восстали против Дария, будучи окружены враждебным населением чужой страны. К тому же Бехистунская надпись ясно указывает, что вавилоняне перешли на сторону Арахи.

Относительно личности Арахи высказывались противоречивые мнения. Имя его отца теофорное, образованное от имени урартского бога Халди. И. М. Дьяконов полагает, что Араха был урартом, и имя его отца Халдита переводит «Халди велик». В таком случае «армянином» он в надписи назван просто как житель страны Армении [24, с. 235, примеч. 116]. На Бехистунском рельефе изображение Арахи обнаруживает антропологические черты, типичные для армян. Имя Арахи встречается и в вавилонских деловых документах ахеменидского периода [152, с. 233], и, следовательно, в это время вавилоняне также могли носить такое имя.

Г. А. Капанцян полагает, что Араха был персидским наместником в Вавилоне и, когда армяне восстали против Дария, решил оказать поддержку своим единоплеменникам [29, с. 211]. Но клинописные тексты не подтверждают такого предположения, к тому же совершенно невероятно, чтобы армянин (а не перс или в крайнем случае мидиец) был сатрапом Вавилонии. Трудно также чем-либо обосновать предположение Ф. Х. Вейсбаха, что Араха принимал участие в восстании армян, но после его подавления бежал в Вавилон и возглавил там новый мятеж против Дария [402, с. 638 и сл.].

По мнению Г. Бруннера, Араха — лицо тождественное с Навуходоносором Книги Юдифь [121]. Еще дальше в этом отношении идет К. Шедль, который, также основываясь на Книге Юдифь, полагает, что Араха — не собственное имя, а армянский титул со значением «царевич». Настоящее имя Арахи, по Шедлю, было Навуходоносор, он являлся сыном свергнутого Набонида и отправился в Вавилон, чтобы заявить претензии на престол своего отца [352, с. 245]. Но эти попытки найти сведения об Арахе (вся более или менее достоверная информация о котором ограничивается несколькими строками Бехистунской надписи) в Книге Юдифь, относящейся к селевкидскому времени, лишены основа-

ний. В этом произведении под именем Навуходоносора, как это давно установлено, выведен Антиох IV [21, с. 41; ср. 183, с. 298].

Для усмирения вавилонян Дарий послал армию во главе с персом Виндафарной, одним из своих сообщников в заговоре против Гауматы. 27 ноября 521 г. войско Арахи, в котором, судя по аккадскому варианту Бехистунской надписи, насчитывалось 2497 человек, было разгромлено, а он сам и его ближайшие сторонники посажены в Вавилоне на кол.

О восстании вавилонян против Дария рассказывает и Геродот (III, 150—160). По его утверждению, осажденные вавилоняне 20 месяцев сопротивлялись персидской армии, которую возглавлял сам Дарий. Когда осада оказалась безуспешной, персидский полководец Зопир изувечил себя и, придя в Вавилон, заявил, что это Дарий так жестоко наказал его. При этом он выразил готовность выдать вавилонянам военные планы персидского царя⁸⁰. Вскоре, будучи назначен вавилонянами комендантом крепости, Зопир открыл городские ворота персам. Однако этот рассказ, к тому же полный неправдоподобных подробностей (например, вавилоняне, готовясь к долгой осаде, якобы задушили большую часть своих женщин, чтобы не тратить на них запасы продовольствия), трудно согласовать с сообщением Бехистунской надписи. Поэтому остается неясным, какое восстание имел в виду Геродот. По мнению некоторых исследователей, это было восстание Нидинту-Бела, т. е. Навуходоносора III [см., например, 406, с. 45 и сл.; ср. 2596]. Однако не исключено, что Геродот объединил данные об обоих мятежах вавилонян в один рассказ.

Геродот рассказывает, что Дарий, взяв Вавилон, велел казнить 3000 знатнейших жителей города и разрушить городские стены. Археологические раскопки подтвердили, что внешняя стена Вавилона действительно была разрушена, но внутренняя стена упоминается в документах и спустя много времени после подавления восстания [407, с. 70; ср. 333, с. 31 и 36]. Высказывалось также мнение, что после восстания Навуходоносора IV был разрушен и храм Эанна в Уруке [421, с. 49]. Единственным основанием для такого предположения послужило то, что самые поздние тексты из Эанны, как считали, относились ко второму году царствования Дария I (519 г.). Однако сравнительно недавно в Уруке археологи нашли новый архив Эанны, где, в частности, сохранились документы, датированные даже царствованием Дария II.

Восстание Арахи было последним крупным народным движением в Персидской державе. Заканчивая свой рассказ о подавлении всех мятежей, в персидском и эламском текстах Бехистунской надписи Дарий лаконично заключает: «Этих девять царей я захватил в плен в тех битвах». Вавилонская версия здесь более проста: «Это — те девять царей, которых мое войско поразило, (а те, кто были пойманы), они были взяты в плен и казнены. Мое войско в тех битвах разгромило их войска».

Теперь, через четырнадцать с половиной месяцев после захвата престола, Дарий смог приступить к упрочению своего положения

и полному восстановлению державы Ахеменидов в ее старых границах. Но для этого понадобилось еще несколько лет. Согласно рассказу Геродота (III, 127), еще в 519 г. в государстве продолжались волнения. Поэтому Дарий, не будучи в состоянии послать войско против Оройта, сатрапа Лидии, Фригии и Ионии, не пожалевшего помочь персидскому царю в усмирении мятежников и стремившегося установить свою власть в западной части Малой Азии, вынужден был прибегнуть к хитрости для его устранения [см. подробно 107]. Хотя Бехистунская надпись ничего не говорит о волнениях в Малой Азии, о возвращении персам Ионии, Даскилеи и Лидии свидетельствуют кроме Геродота также Диодор (X, 38) и Афиней (XII, 522 В).

Среди восставших Бехистунская надпись не упоминает также Согдиану, Арейю, Дрангиану и Аравию. Но арабы считались союзниками, а не подданными персов, а остальные перечисленные страны, возможно, выступали против Дария в коалиции с Маргианой [ср. 311, с. 398].

Надпись Дария ничего не сообщает и о волнениях среди иудеев. Но, по мнению некоторых исследователей, проповеди пророков Аггея и Захарии в 520 г. отражают политическую обстановку начала царствования Дария и содержат призывы к восстанию против Персии и созданию самостоятельного государства. Как полагают, во время восстаний Нидинту-Бела и Арахы Аггей, Захария и областеначальник Иудеи Зеровавель были связаны с мятежными вавилонянами, и затем персидская администрация лишила Зеровавеля его власти [294, т. III, с. 127, примеч. 1; 293, с. 17; 399, с. 73 и сл.; 309, с. 560 и сл.]. По мнению А. Т. Олмстеда, Зеровавель даже был казнен как мятежник, поскольку его имя не упоминается в источниках после 519 г. [312, с. 140]⁸¹. Но, пожалуй, скорее прав П. Р. Экройд, считающий, что призывы к самостоятельности в проповедях Аггея и Захарии не связаны с конкретной политической ситуацией, а носят лишь характер общих рассуждений [75, с. 13—27].

Таким образом, когда Дарий захватил власть, ему остались верными только Бактрия (ее наместник Дадаршиш, возможно, был родственником Дария) и области к западу от Евфрата, где персидское господство представлялось более сносным по сравнению с традиционным египетским, ассирийским и вавилонским. Почти все остальные народы были охвачены восстаниями. Одна только Бехистунская надпись дает описание девятнадцати битв, в которых погибло более 100 000 восставших [ср. 358, с. 108].

В Персии и Мидии против Дария выступили персидские и мидийские общинники, «которые находились по (своим) домам» (в вавилонском варианте Бехистунской надписи: «мидийский народ, сколько его было дома»). Но кто поддерживал Дария в 522—521 гг., когда его положение было почти безнадежным? Дарий говорит, что он посылал против восставших «народ-войско, которое было при мне». Народ-войско, находившееся при Дарии,

очевидно, отличалось от народа, который находился «по домам» и участвовал в восстании.

Как известно, постоянная армия ахеменидских царей состояла из полков 10 тысяч «бессмертных» воинов, гарнизонных армий сатрапов и начальников крепостей. Совершенно ясно, что во время подавления народных движений на стороне Дария выступали 10 тысяч «бессмертных», войска оставшихся верными Дарию сатрапов и родовая знать со своей многочисленной челядью. Еще при Кире II в Персии возникла регулярная армия, которая находилась на содержании у царя и поэтому являлась верной опорой его власти. Остальные персы представляли резервную армию, которая привлекалась на военную службу только во время больших походов. Неудивительно, что за тридцать лет с момента, когда Персия вступила на путь завоеваний, это войско оторвалось от своих хозяйств. Ведь все эти годы были заполнены постоянными завоевательными походами, которые требовали хорошо обученной, дисциплинированной армии. Естественно, что эту армию во время восстаний 522—521 гг. мы видим сражающейся на стороне Дария. Это регулярное войско, состоявшее из персов и мидийцев, было сравнительно немногочисленно, о чем Дарий сам говорит: «Персидское и мидийское войско, которое при мне находилось, было незначительно» [Beh. II, 18—19]. Но зато ратники привыкли к военному делу, были закалены в походах, дисциплинированы и послушны. Своей армией Дарий пользовался очень умело, безошибочно определяя самые опасные мятежи и в первую очередь подавляя их. Он не в состоянии был вести карательные операции одновременно во всех направлениях именно из-за относительной малочисленности своей армии.

В большинстве своем войско Дария состояло из персов, частично также из мидийцев, эламитов, саков и представителей других народов. Мидийцы, служившие в войске Дария, в основном были представителями знати, как это мы видим на примере мидийца Тахмаспада, полководца Дария, который подавлял восстание собственного народа. Армия Дария состояла также из гарнизонных войск, находившихся в Бактрии, Арахосии и других странах. Эти войска широко использовались для подавления восстаний соседних народов. Разумеется, благополучие воинов гарнизонных войск основывалось на поборах с покоренных народов. Эти воины были окружены враждебным населением и поэтому остались верны Дарию, когда для него наступило тяжелое время. Наконец, на стороне Дария во время бурных событий 522—521 гг. выступила персидская и мидийская родовая знать. Гобрий, Интаферн, Тахмаспада и другие представители этой знати возглавляли войска Дария в самых ответственных боях в Вавилонии, Персии, Эламе, Мидии и других странах.

Согласно Бехистунской (I, 34 и IV, 74) и другим надписям Дария, «ложь» сделала мятежными подвластные ему народы, а он, «что было плохим, сделал хорошим», установив порядок, основанный на справедливости и законе. Дарий заявляет: «Много худого

было, что я сделал прекрасным. Страны были (охвачены) волнениями, (люди) убивали друг друга» [DSe, 30—33]. Но подданные Персидской державы только после упорной и продолжительной борьбы приняли «порядок», установленный Дарием. Ему удалось победить ценой огромного напряжения всех сил, поддерживавших его, и путем умелого использования их. Согласно Плутарху (Moral. 172F), Дарий гордился тем, что оставался спокойным и собранным в битвах и перед лицом страшных опасностей. Приблизительно то же самое говорится и в надгробной надписи Дария из Накш-и Рустама: «Я не горяч. В гневе я стойко сдерживаю себя. Я владею собою. . . У меня сильное тело. Как воин — я хороший воин. . . Я вижу, кто мятежник и кто нет. . . Сначала я обдумываю, потом действую» [DN-Rb 11 и сл.] ⁸².

Привилегии родовой знати персов, попранные Камбизом и Гауматой, Дарий полностью восстановил. Он принимал все меры к тому, чтобы привязать к себе знать, обеспечить себе ее преданность. Платон (Leg. III, 695B—E) пишет даже, что Дарий разделил свое царство на семь частей между своими сообщниками в убийстве Смердиса. Сообщение это, хотя оно и не соответствует действительности, могло возникнуть только при том исключительном положении, которое персидская родовая знать занимала при Дарии. Еще самый древний и хорошо осведомленный в персидских делах среди греков автор, а именно Эсхил (Pers. 956—960), говорит о шести наследственных князьях, которые по своему значению и оказываемой им чести были близки к самому царю. А из Книги Эсфирь (I, 14) мы узнаем, что приближенными персидского царя были «семь князей персидских и мидийских, которые могли видеть лицо царево (и) сидели первыми в царстве», а также давали советы царю. Поэтому неудивительно, что персидская официальная традиция идеализировала Дария. Он сам оставил много надписей, где изображает себя врагом лжи, защитником справедливости, образцом правителя и земным воплощением Ахурамазды. В Персеполе сохранились рельефные сцены, которые изображают победоносные схватки персидских царей с разного рода чудовищами с туловищем льва, рогами быка, орлиными ногами и хвостом скорпиона, олицетворявшими ложь и зло. Такие же изображения, символизирующие победу порядка, восторжествовавшего при Дарии, нередко встречаются и на печатях ⁸³.

Следуя современной ему персидской традиции, Эсхил (Pers. 645) пишет, что в Персии не было равных Дарию людей, и, замалчивая поражения последнего в Греции, обожествляет его. Не меньше Эсхила идеализирует Дария и Платон (Leg. 694 A—C). По его словам, Кир давал подданным большую свободу, но такому состоянию пришел конец при Камбизе. При Дарии же, продолжает Платон, свобода персов была почти полностью восстановлена, и Дарий обращался с народом дружелюбно.

Очевидно, Дарий стремился сохранить массы рядовых персов как боеспособное население и защитить их от чрезмерной эксплуатации знати, в то же время оберегая влияние и богатство персид-

ской знати от посягательства народа [55, с. 24]. По словам Дария, он добился того, «чтобы люди не убивали друг друга и чтобы каждый был на своем месте, сильный не убивал слабого и не грабил (его) и слабый не вредил сильному» [DSe, 37—41].

ПОБЕДНАЯ НАДПИСЬ ДАРИЯ

Подавив основные очаги восстания в конце 521 г., Дарий приступил к сооружению своего величественного памятника на Бехистунской скале, в котором он обращается к грядущим поколениям с рассказом об одержанных им многочисленных победах. На скале высечена трехъязычная надпись, в которой насчитывается около тысячи клинописных строк, каждая в среднем по два метра.

Надпись составлена на древнеперсидском, эламском и аккадском языках, и содержание всех трех вариантов в целом идентично, хотя в аккадском в отличие от остальных версий наблюдаются значительные отклонения. Составление надписи на нескольких языках было в известной степени данью традиции, поскольку аккадский и эламский были письменными языками уже в течение двух тысячелетий до Дария. Кроме того, он стремился довести содержание своей надписи до подданных всей державы.

Надпись была переведена и на многие другие языки и послана во «все страны», как на это указывается в ней самой. Сам текст на скале находится на слишком большой высоте, возвышаясь над дорогой на 105 м, и недоступен для чтения снизу. В начале нашего века на острове Элефантина во время археологических раскопок были найдены плохо сохранившиеся папирусы с переводом Бехистунской надписи на арамейский язык [AP, с. 249 и сл.]. Этот текст, написанный в официальной царской канцелярии, был предназначен для распространения в западных частях державы. Арамейский текст в значительной мере совпадает с аккадским; только эти варианты в отличие от персидского и эламского содержат данные о погибших и взятых в плен восставших. Наконец, при раскопках в Вавилоне в 1899 г. на северной окраине города, в бывшем дворце Навуходоносора II, был найден обломок каменной глыбы с отрывком аккадского варианта Бехистунской надписи. В том же дворце археологи нашли и фрагмент рельефа, напоминающий по сюжету и стилю Бехистунский; рельеф находился, вероятно, на виду у публики на стене здания [364, с. 125 и табл. 34].

Надпись состоит из введения, где дана генеалогия Дария, из собственно исторической части, в которой излагаются события, и заключения. В заключении Дарий призывает благословение Ахурамазды на тех, кто будет охранять надпись, и проклятия на голову тех, кто ее разрушит.

Историческая часть основного текста (т. е. I—IV столбцы, V столбец был добавлен позднее) начинается с сообщения о походе Камбиза в Египет и кончается описанием победы войск Дария над

Арахой. Повествование идет не в хронологическом порядке, а в географической последовательности. Другими словами, надпись дает описание военных кампаний по отдельным странам. При этом военные действия, которыми руководил непосредственно сам Дарий, выносятся на первый план, когда это можно сделать без нарушения логической связи в изложении событий.

В надписи приведены точные даты сражений и места, где они происходили, а также (в аккадской и арамейской версиях) число убитых и взятых в плен. Отсюда можно заключить, что отчеты об основных сражениях составлялись сразу после битвы, и это является несомненным признаком достоверности многих сообщаемых надписью сведений. Тем не менее Бехистунская надпись как всякий официальный документ пропагандистского характера является типичной царской надписью с субъективным, тенденциозным освещением событий в угоду Дарию. Он утверждает, что убил и захватил в плен десятки тысяч противников, но ни слова не говорит о собственных потерях.

Согласно надписи (IV, 2 и сл.), все события, связанные с борьбой Дария за власть и описанные в первых четырех столбцах, произошли в течение одного года. «Говорит Дарий царь: вот что я совершил милостью Ахурамазды в течение одного и того же года после того, как я стал царем. Я дал девятнадцать сражений. . . Я их (мятежников) разбил и захватил в плен девять царей». Толкование этих слов вызвало среди ученых много споров, так как с момента убийства Гауматы (29 сентября 522 г.) до подавления восстания Арахи (27 ноября 521 г.) прошло не 12 месяцев, а 14 месяцев и 12 дней (с учетом того, что год вступления Дария на престол имел дополнительный, тринадцатый месяц). Другими словами, все деяния Дария, о которых идет речь в основной части надписи, были совершены в течение одного года и 6 недель (поскольку календарный год в данном случае равнялся 13 месяцам) вместо предполагаемого одного года. Скорее всего здесь наблюдается влияние стиля урартских царских надписей, где формула «благодаря богу Халди я эти подвиги совершил в течение одного года» является трафаретной [61, с. 50; 143, с. 121].

Дарий заявляет: «Ты, который впоследствии прочтешь эту надпись, верь тому, что сделано мною, не считай ложью. . . Мною и многое другое сделано, что не написано в этой надписи. Не написано, чтобы тому, кто будет впоследствии читать эту надпись, не показалось, что мною сделано (слишком) много, и не поверит (в это), а сочтет за ложь. . . Те, которые прежде были царями, (в течение всей своей) жизни не сделали столько, сколько мною сделано милостью Ахурамазды в течение одного и того же года» [Beh. IV, 42 и сл.]. Но эти слова являются обычным утверждением древневосточного царя, что он сделал больше, чем его предшественники (см., например, надпись Навуходоносора II [NKI, с. 186]).

Над надписью возвышается рельеф высотой 3 м и длиной 5,48 м. Бог Ахурамазда, который парит над всеми фигурами, протягивает левую руку с кольцом к Дарию, символически вручая

последнему царскую власть, а поднятой правой рукой благословляет его. Высота фигуры Ахурамазды — 1,27 м. Сам Дарий изображен в натуральную величину (1,72 м), в царской короне. Правая рука его поднята в молитвенном жесте к Ахурамазде, а в левой он держит лук. Левой ногой Дарий попирает Гаумату, нога и рука которого подняты в агонии. Слева, за спиной Дария, находятся два его придворных—копьеносец Гобрий и, по-видимому, лучник Аспатин. Они ростом ниже Дария (1,47 м), но выше мятежных царей, изображения которых едва доходят до груди Дария (1,17 м). Непосредственно за Гауматой изображены восемь мятежных самозванцев и вождь сакского племени тиграхауда, рельеф которого на 8 см выше фигуры Дария благодаря высокой остроконечной шапке. Руки их связаны за спиной, и, кроме того, они прикованы друг к другу одной длинной цепью. Все изображения рельефа, кроме восьми вставных деталей (лук Дария, корона Ахурамазды и др.), высечены на скале на месте, а не доставлены туда в готовом виде [128, с. 60, примеч. 4].

Несмотря на осенние бури и дожди, зимние пронзительные морозы, сооружение рельефа и надписи было завершено в течение сравнительно короткого промежутка времени — между ноябрем 521 и мартом 518 г. После окончания работ поверхность скалы по краям надписи была отполирована, в результате чего надпись образует как бы нишу. Начиная с выступа, на который можно взобраться снизу, до самой надписи оставалось еще около 35 м совершенно гладкой и крутой скалы (в настоящее время там проложена тропа для туристов, которая близко подходит к надписи). Дорожка, ведущая вверх, была уничтожена строителями, для того чтобы сделать надпись недоступной и тем самым сохранить ее от преднамеренного разрушения.

ПОХОД ПРОТИВ САКОВ ТИГРАХАУДА

В 520 г. эламиты третий раз восстали против персидского господства. В V столбце Бехистунской надписи содержится следующее лаконичное сообщение: «Страна по названию Элам стала мятежной. Эламита по имени Атамаита они сделали (своим) вождем. После этого я послал войско. Перса по имени Гаубарува, моего слугу, я сделал их начальником. Затем Гаубарува отправился с войском в Элам. Он дал бой эламитами. Затем Гаубарува разгромил и сокрушил эламитов, (а также) захватил их вождя и привел ко мне, и я казнил его. После этого страна стала моей».

В том же, V столбце Бехистунской надписи рассказывается и о походе Дария против саков тиграхауда. Поход этот, согласно надписи, был совершен в третьем году царствования Дария, т. е. в 519 г.⁸⁴ «Говорит Дарий царь: затем я с войском отправился против Страны саков. Затем саки, которые носят остроконечную шапку, выступили, чтобы дать битву. Когда я прибыл к реке, на ту сторону ее со всем войском я перешел⁸⁵. Затем я наголову разбил

часть саков, а другую (часть) захватил в плен. . . Вождя их по имени Скунха взяли в плен и привели ко мне. Тогда я другого назначил (их) вождем, как (на то) было мое желание. Затем страна стала моей».

Различные исследователи по-разному локализовали племя саков, «которые носят остроконечную шапку» [см. литературу: 19, с. 177 и сл.]. В частности, еще Ж. Опперт отождествлял поход, упомянутый в V столбце, со знаменитым походом Дария против причерноморских скифов, подробный рассказ о котором сохранился у Геродота [314, т. 18, с. 364 и сл.]. Это предположение было принято многими исследователями. По мнению Э. Херцфельда, головной убор и одежда саков с остроконечными шапками отличаются от головных уборов и одежды хаумаваргских саков, но очень похожи на шапки и одежду причерноморских скифов. Исходя из этого, Херцфельд считал, что в V столбце Бехистунской надписи речь идет о походе против причерноморских скифов. Ю. Юнге высказал предположение, что головные уборы саков с остроконечными шапками значительно отличаются от головных уборов причерноморских скифов. На персепольских рельефах только саки с остроконечными шапками изображены с таким головным убором, как у Скунхи на Бехистунском рельефе. Это высокая остроконечная шапка из войлока.

Сравнительно недавно Дж. М. Балсер попытался обосновать более обстоятельно мнение, согласно которому греческие источники о скифском походе и сообщении Бехистунской надписи описывают одно и то же событие, а именно поход против причерноморских скифов [85]. Эта гипотеза была поддержана Дж. Камероном [130].

Обычно поход Дария на Северное Причерноморье ученые датируют временем между 514—510 гг., исходя из греческого текста, известного под названием *Tabula Capitolina*. Балсер полагает, что такая датировка условна и, возможно, не является точной. Однако Я. Харматта решительно отверг мнение Балсера, полагая, что *Tabula Capitolina*, вероятнее всего, следует датировать временем между 515—513 гг., и считая ошибочным отнесение рассказа Полиэна о саках к причерноморским скифам [194, с. 21 и сл.]. Кроме того, поскольку в Персидской державе к 519 г. еще не наступило полного спокойствия, вряд ли Дарий стал бы выступать против причерноморских скифов, поход на которых в этот период, задолго до подготовки войны с Грецией, не имел большого стратегического значения (на этот момент наше внимание обратил Е. В. Черненко). Да и в самих событиях, описанных у Геродота и в надписи Дария, трудно найти что-либо похожее. Но решающим доводом против указанного отождествления является то, что саки с остроконечными шапками в ахеменидских надписях, где дается перечень стран в географическом порядке, всегда упоминаются вместе с племенами Средней Азии. Следует также сказать, что позднее Балсер в письме к корреспондентам отказался от своего мнения и теперь поход против причерноморских скифов относит

к 514—511 гг., а войну с саками с остроконечными шапками — к 519 г.

На какой территории жили саки с остроконечными шапками (саки тиграхауда)? Для ответа на этот вопрос обратимся к спискам подвластных персам народов в ахеменидских надписях. В Бехистунской надписи (I, 20) среди народов Средней Азии, отложившихся от Персии в 522—521 гг., упомянуты саки без конкретного обозначения их племенного названия. В V столбце той же надписи упоминаются «саки, которые носят остроконечную шапку». В надписи Дария из Персеполя на 25-м месте помещены саки также без конкретного обозначения. Но они упомянуты среди среднеазиатских сатрапий в порядке географической последовательности. Надпись Дария из Суз [DSe] на 15-м и 16-м местах упоминает соответственно хаумаваргских саков и саков с остроконечными шапками. В надписи Дария из Накш-и Рустама (DN-Ra) на 14-м и 15-м местах упомянуты оба эти племена, а на 25-м месте появляются заморские скифы (*сака-парадрайя*), в его же надписи из Хамадана упомянута «Скифия за Согдом» как восточная граница Персидской державы. В надписи Ксеркса из Персеполя (XPh) на 26-м и 27-м местах указаны хаумаваргские и острошапочные саки.

Таким образом, во всех надписях хаумаваргские и острошапочные саки локализуются в соседстве со среднеазиатскими сатрапиями, а заморские скифы помещены между Ионией и Фракией. Следовательно, хаумаваргские и острошапочные саки жили на территории Средней Азии⁸⁶, а заморские скифы — в Северном Причерноморье. Поэтому трудно согласиться с мнением некоторых исследователей, которые считают, что причерноморские скифы вообще не упомянуты в ахеменидских надписях, а под заморскими саками имеются в виду племена саков, обитавшие близ Аральского моря [258, с. 220 и сл.; 59, с. 25 и сл.].

Сравнительное изучение списков сакских племен в ахеменидских надписях позволяет сделать следующие выводы. В ранних надписях, когда персы сталкивались только с одним сакским племенем, они называли его просто саками. Иначе говоря, собирательному названию «саки» (скифы античных источников) персы придали определенное этническое значение. Позднее, когда персы подчинили себе и других саков, они стали среди них различать несколько племен. В частности, в V столбце Бехистунской надписи под громоздким названием «саки, которые носят остроконечную шапку» упомянуто сакское племя тиграхауда. В надписи Дария из Накш-и Рустама исчезает общее для всех сакских племен название «саки» и появляются конкретные племена хаумаварга, тиграхауда и заморские саки. Хаумаваргские саки были первыми из скифских племен, которые персы покорили, вероятно, еще при Кире. Они были известны и грекам под названием амюргийских скифов.

Многие исследователи отождествляют скифов, восставших в начале царствования Дария, с острошапочными саками

У столбца Бехистунской надписи, полагая, что они были покорены еще при Кире [239, с. 50; 405, с. 65 и 77; 216, с. 371]. По мнению Р. Кента, вождь острошапочных саков Скунха возглавил восстание своего племени еще в начале правления Дария и в течение трех лет, до 519 г., оставался непобежденным [247, с. 161]. Однако саки тиграхауда оставались непокоренными до Дария, и поход против них не был карательной экспедицией за мятежом. Это видно из следующего. В Бехистунской надписи подчеркивается, что все руководители мятежей против Дария были казнены, притом их казнь зачастую описывается подробно. А о казни Скунхи в надписи нет ни слова⁸⁷. Малые надписи, содержащие пояснительный текст к изображениям самозванцев, указывают их преступления, обвиняя всех их во лжи, в мятежах против Дария. Малая же надпись, являющаяся ярлыком к изображению Скунхи, лаконична: «Это — Скунха, сак». Следует иметь в виду, что в ахеменидских надписях слово «ложь» употребляется с определенным религиозно-политическим оттенком для обозначения мятежа против «законной» власти.

Все мятежные цари на Бехистунском рельефе изображены с обнаженными головами, зато всячески подчеркнуты остальные их этнографические особенности. А Скунха, напротив, запечатлен одетым в остроконечную шапку высотой около 80 см⁸⁸, т. е. в полувину его собственного роста. Кроме того, саки тиграхауда в Бехистунской надписи ни разу не названы мятежниками в отличие от эламитов, вавилонян и других народов, восставших против Дария. Этим объясняется и тот факт, что Скунха был пощажен, хотя и лишен своего главенствующего положения. Вместо него Дарий назначил вождем саков тиграхауда другого человека из их же среды, поскольку управлять кочевыми племенами на окраинах державы через перса, а не представителя местного населения было бы невозможно [см. 53, с. 249; 69, с. 235 и сл.].

Триумф Дария над саками тиграхауда нашел отражение также на одной печати, которая, судя по стилю, относится ко времени Дария I. На этой печати изображен царь в битве со скифом, который выделяется своей шапкой. Царь хватает его левой рукой, а правой достает короткий меч для удара. Второй скиф уже побежден и лежит на земле [398, № 1052].

ДАРИЙ В ЕГИПТЕ

Бехистунская надпись упоминает среди других мятежей также восстания египтян, саков и саттагидийцев, которые вспыхнули после вступления Дария на престол, однако ничего не говорит об их подавлении. Исходя из этого, многие исследователи полагают, что Египет, Страна саков и Саттагидия были возвращены в состав Ахеменидской державы лишь после 518 г., когда закончился поход против скифского племени тиграхауда и работы по сооружению Бехистунской надписи подходили к концу, так что оказалось невоз-

можным поместить рассказ о новых событиях [216, с. 372; 405, с. 74; 126, с. 309—311; 213, с. 184; 247, с. 163; 411, с. 236]. Но с таким мнением трудно согласиться, так как от 30 декабря 518 г. сохранился демотический папирус с распоряжением Дария египетскому сатрапу (имя его разрушено) послать к нему в Сузы знатоков местных законов. Кроме того, известен также демотический хозяйственный документ, датированный третьим годом царствования Дария, т. е. 519 г. [CDP, т. III, с. 25 и сл.]. Следовательно, по крайней мере к 519 г. восстание в Египте уже было подавлено. Что же касается Страны саков и Саттагидии, они, по всей вероятности, были вновь покорены еще в 521 г., но Бехистунская надпись об этом ничего не сообщает, потому что восстание в Саттагидии прекратилось после победы войска Дария в соседней Арахосии, а волнения среди саков, по-видимому, были связаны с восстанием в Маргиане [ср. 60, с. 8]. Во всяком случае, как мы видели выше, область Гандутава, где состоялась битва между войсками Вахьяздаты и Дария, в эламском варианте Бехистунской надписи локализована в Арахосии, а в вавилонском — в Саттагидии.

В. В. Струве обратил внимание на то, что историческое повествование Бехистунской надписи начинается с 27-й строки I столбца, а упоминание о египетском восстании содержится в начале II столбца. А между тем в 14—17-й строках I столбца надписи, которые писались во втором году правления Дария, когда он уже подавил восстания и велел начать работы по сооружению Бехистунского рельефа, Египет наряду со Страной саков, Саттагидией и другими сатрапиями упомянут среди стран, уже признавших власть Дария. Другими словами, египетское восстание, так же как и восстания других народов, было подавлено не позже чем во втором году царствования Дария [60, с. 7 и сл.].

Источники не позволяют уверенно судить, охватило ли восстание в Египте широкие слои населения. Дж. Камерон, ссылаясь на надпись египетского сановника Уджагорресента, полагает, что подавление этого восстания сопровождалось массовыми убийствами [126, с. 309—311]. Но, по мнению В. В. Струве, волнения, о которых говорит надпись Уджагорресента, относятся ко времени возвращения Камбиза из похода в Нубию, восстание же против Дария было незначительным событием, оставшимся неизвестным Геродоту [60, с. 7 и сл.]. Ю. Прашек считал, что Египет вообще не восставал в начале правления Дария, но сатрап этой страны Арианд держался независимо по отношению к этому персидскому царю [330, т. II, с. 41]. Э. Бикерман высказал нам мнение, что, судя по рассказу Геродота, в Египте в начале правления Дария не было никакого восстания, если не считать отпадения Ливии, которой на время удалось стать независимой страной.

Арианд, которого Камбиз назначил сатрапом Египта, Ливии и Киренаики, возможно, не спешил выразить свою преданность Дарию и не оказывал ему помощи в восстановлении державы Ахеменидов. Согласно Геродоту (IV, 166), Арианд выпускал

серебряную монету, по чистоте не уступавшую царской, что было сочтено государственной изменой и послужило причиной его казни. Трудно сказать, насколько это сообщение соответствует действительности. По словам Геродота, монеты Арианда еще находились в обращении, когда он посетил Египет, однако до нашего времени они не сохранились. Дарий мог казнить Арианда также по какой-то другой, неизвестной нам причине.

Источники не содержат каких-либо указаний на время смещения Арианда. После смерти Камбиза Арианд подавил восстание в Ливии, но, возможно, действовал не в интересах Дария. Согласно Геродоту (IV, 200 и 204), при Арианде персы осадили Барку и начали подкоп под стену города. Затем город был сдан с условием, что персы не будут чинить в нем разрушений. Тем не менее баркияне были обращены в рабство и уведены в Персию. Однако нам опять-таки неизвестна точная дата осады Барки. Ж. Йойотт относит это событие к 513/512 г. [422, с. 266]. Ф. К. Киниц полагает, что Арианд был казнён между 510 (предполагаемая им дата похода против Барки) и 492 гг., когда сатрапом Египта определенно был Ферендат [248, с. 64 и сл., примеч. 7]. Такого же мнения придерживался и А. Т. Олмстед [312, с. 225].

В конце лета 518 г. Дарий отправился в Египет и прибыл в Мемфис. Возможно, что именно в это время был низложен Арианд и новым сатрапом назначен Ферендат [411, с. 236; 126, с. 311 и сл.; ср. 320, с. 376 и сл., где предлагаются различные даты прибытия Дария в Египет — от 519 до 515 г.]. Олмстед полагал, что Дарий подавил восстание египтян, восстановил Арианда в должности сатрапа и почти немедленно вернулся в Персию, получив известие о заговоре Интаферна, одного из своих сообщников в убийстве Гауматы [312, с. 142 и сл.]. Однако источники не содержат каких-либо данных в пользу такого предположения.

Если верить Полиэну (VII, 11, 7), египтяне, не будучи в состоянии выносить жестокость Арианда (который у Полиэна назван Ориандром), восстали и изгнали его из страны. Поэтому Дарий отправился в Мемфис, чтобы усмирить мятежников. В это время пал апис (священный бык, которого египтяне обожествляли), и Дарий предложил 100 талантов серебра для приобретения нового священного тельца, а египтяне, пораженные великодушием царя, сами прекратили восстание. Трудно сказать, есть ли хотя бы зерно истины в этом рассказе Полиэна. По египетским источникам, апис умер 31 августа 518 г. [см. 327, текст № 5].

Находясь в Египте, Дарий распорядился о сооружении канала от Нила до Красного моря. Этот канал позволил установить прямую связь между Египтом и Персией, минуя путь через Синайскую пустыню, который был ненадежен из-за набегов кочевников. Античные сообщения о канале очень противоречивы. Согласно Геродоту (II, 158 и IV, 39), египетский фараон Нехо первым начал сооружение канала, и работа эта впоследствии была продолжена Дарием, так как Нехо оставил ее незавершенной из-за неблагоприятного изречения оракула. По Геродоту, канал был

длиной в четыре дня пути и по нему две триеры (корабли с тремя ярусами гребцов) могли плыть рядом. Канал начинался с восточного рукава Нила, близ города Бубастис, проходил через Вади-Тумилат и около территории современного города Суэца выходил в Красное море. В отличие от нынешнего Суэцкого канала, укорачивающего путь из Европы в Индийский океан, древний канал был предназначен для облегчения связей между долиной Нила и берегами Красного моря.

О сооружении канала повествуют три стелы Дария на египетском (иероглифическим письмом), древнеперсидском, эламском и аккадском языках. При этом египетская версия — не перевод клинописного текста, поскольку ее стиль и фразеология чисто египетские. Б. А. Тураев полагал, что автором египетской версии был саисский верховный жрец Уджагорресент [65, с. 360]. Одна из стел о сооружении канала была найдена еще в 1889 г. В. С. Голенищевым близ Тель-эль-Масхута, на бывшем перешейке Суэцкого канала. Ее можно было видеть с кораблей, следовавших по каналу. Другая стела обнаружена в 33 км к северу от Суэца, в Шалуфе. На стеле из Суэца дана также титулатура Дария: «Царь Верхнего и Нижнего Египта, да живет вечно великий царь, царь царей, сын Виштаспы, Ахеменид». На всех трех стелах в иероглифическом тексте имеются сходные изображения, где обе половины Египта символически соединены с овалом, содержащим имя Дария (Интариуаш). Далее в иероглифическом тексте из Суэца упоминаются 24 подвластные Дарию страны, включая также Персию и Мидию. Представители каждой страны изображены в отдельных овалах, обращенными лицом к овалу с царским именем Дария. Список этот близок к перечню подвластных Дарию стран, сохранившемуся в надписи из Накш-и Рустама. По сравнению с Бехистунской надписью на стеле из Суэца появляются еще три новые провинции: Индия, Ливия (Пут) и Нубия (Куш). Следовательно, ко времени сооружения канала все три страны были завоеваны персами (по-видимому, около 517 г.).

По свидетельству египетских текстов, канал был протяженностью 84 км. Согласно одной плохо сохранившейся египетской надписи, флотилия из 24 (или 32?) кораблей направилась из Египта в Персию [327, с. 180 и сл.; все сведения о канале собраны и исследованы Ж. Познером: 328, с. 259 и сл.; 327, с. 48—87].

Наиболее пространная из клинописных надписей, найденных на Суэцком перешейке, имеет следующее содержание: «Велик бог Ахурамазда, который создал то небо, который создал эту землю, который человека создал, который для человека благополучие создал, который Дария царем сделал, который царю Дарию доставил царство великое, доброконное и добролюбное.

Я — Дарий, царь великий, царь царей, царь стран многоплеменных, царь этой великой (и) обширной земли, сын Виштаспы, Ахеменид.

Говорит Дарий царь: „Я перс; из Персии я захватил Египет

(Мудрая). Я повелел выкопать этот канал от реки Нила (Пирава), которая течет в Египте, к морю, которое начинается от Персии. Затем этот канал был выкопан, как я повелел, и корабли пошли из Египта в Персию через этот канал, как (на то) было мое желание“».

Согласно египетским текстам, Дарий как преемник традиций древних фараонов благожелательно относился к местной культуре и религии. Диодор (I, 95, 4—5) пишет, что Дарий изучал у египетских жрецов теологию и подражал правившим до него фараонам, поэтому египтяне относились к нему с большим почтением, а после смерти удостоили его божественных почестей. Это, конечно, преувеличение. Но по распоряжению Дария был отремонтирован храм бога Птаха в Мемфисе и построено крупное святилище бога Амона к западу от Фив, в оазисе Эль-Харга в Ливийской пустыне. Руины этого храма, строительство которого продолжалось 20 лет (510—490), сохранились до сих пор. В надписи этого храма говорится: «Царь Дарий соорудил (памятники) отцу своему Амон-рэ. . .» [перевод О. Д. Берлева; см. издание: 119, табл. XII; см. также 169, с. 140]. Дарий делал также богатые приношения египетским храмам. В одном из текстов серапеума в Мемфисе он назван «царем Юга и Севера, да живет он вечно, любимец аписа». Надпись эта сделана на вазе, посвященной Дарием живому апису [396, с. 56 и сл.]. В Демотической хронике говорится, что египтяне были послушны Дарию «из-за превосходности его сердца» [DC, с. 31, стб. С, 8]. Он был провозглашен сыном богини Нейт в Саисе, и ее храм занял привилегированное положение. Верховному жрецу Уджагорресенту, который в смутное время отсиживался в Сузах, Дарий велел вернуться в родной город Саис и восстановить ученое заведение (академию?) при храме, разрушенное во время волнений в этом номе [327, с. 175—190; см. также 134, № 7, 219 и 248; 131, с. 18 и сл.]. В надписи Уджагорресента говорится: «Государь, князь, казначей царя Нижнего Египта. . . великий врач Уджагорресент. . . говорит: „Приказал царь Верхнего и Нижнего Египта Дарий — да живет он вечно — чтобы я вернулся в Египет, когда его величество был в Эламе — вот он царь великий нагорный всех и правитель великий Египта, — чтобы установить палаты Домов жизни, творящие врачевание, после того как они пришли в упадок.

Несли меня чужеземцы из нагорья в нагорье, доставив меня в Египет согласно тому, что приказал владыка Обеих Земель. Действовал я согласно тому, что приказал мне его величество. Снабдил я их (т. е. палаты) персоналом всяким из детей мужей, причем не было детей черни там. . . Приказал его величество дать им вещи всякие добрые, чтобы они делали работу свою всякую. . . Сделал его величество это, потому что он знал полезность мастерства этого, чтобы оживить страждущих всяких, чтобы установить имя богов всех, храмы их, жертвы их, проведение праздников их вечно“» (перевод О. Д. Берлева).

Имя Дария I встречается на египетских памятниках чаще, чем имена всех остальных персидских царей, вместе взятых.

О строительной деятельности Дария в Египте свидетельствуют также надписи в каменоломнях Вади-Хаммамата. Согласно Ж. Познеру, из 250 надписей, обнаруженных в этих каменоломнях, 17 датированы XXVII, т. е. персидской, династией. Работы в каменоломнях велись непрерывно от 524 до 477 г., пока в Египте не настало смутное время. Имя Дария сохранилось также на каменных блоках в Фаюме, Мемфисе и т. д. [327, с. 88; 169, с. 146—155].

ЗАВОЕВАНИЕ ИНДИИ И МАКЕДОНИИ. СКИФСКИЙ ПОХОД ДАРИЯ

Подавив восстания и упрочив свою власть, Дарий решил приступить к новым завоеваниям. По-видимому, в 517 г. персы покорили северо-западную часть Индии, где в это время было много небольших государственных объединений⁸⁹. Завоеванию этой территории предшествовала совершенная по распоряжению Дария экспедиция карийского морехода Скилака в Индию и оттуда через Индийский океан к Аравийскому морю, которая дала необходимые сведения о племенах этих районов.

Новая сатрапия, получившая название Индия (Хинду), охватывала долину по среднему и нижнему течению Инда. Она была самой дальней восточной провинцией Ахеменидской державы, а по представлениям Геродота (III, 106 и IV, 40) и его современников, и самой дальней на востоке страной, за которой начиналась необитаемая и никому не ведомая пустыня. Да и представления об Индии у Геродота были довольно туманные; он упоминает лишь крупных животных и говорит о хлопке, из которого индийцы изготовляли одежду, и о несметном количестве золотого песка, который якобы добывался там. Тем не менее теперь географический горизонт подданных Ахеменидской державы значительно расширился. Страбон (XV, 1, 10) со ссылкой на Эратосфена пишет, что ко времени похода Александра Македонского в Индию река Инд служила границей между Индией и лежащей к западу от нее Арианой, которая принадлежала персам. Вероятно, к тому времени часть территории Индии была потеряна Ахеменидами.

Одновременно продолжались завоевания и в бассейне Эгейского моря, где остров Самос был последним крупным независимым государством с сильным военным флотом. Знаменитый тиран Самоса Поликрат около 522 г. был предательски убит персидским сатрапом Лидии Оройтом, а островом стал править секретарь последнего Меандр. Около 517 г. персидская армия во главе с Отаной, одним из семи заговорщиков, участвовавших в убийстве Гауматы, после внезапного нападения захватила Самос. Остров был опустошен и включен в состав Персидской державы, а его вассальным правителем назначен Силосонт, брат Поликрата, который еще до возвышения Дария был знаком с ним, сумев оказать ему небольшую услугу. Один из братьев Силосонта, Литократ, также перешел на персидскую службу и вскоре был

назначен наместником только что завоеванного острова Лемнос. Приблизительно в том же, 517 г. Хиос признал персидскую власть.

Около 516 г. Дарий собрал большой флот из кораблей греческих городов Малой Азии и направился к берегам Черного моря. Местные племена, обитавшие там, и греческое население подчинились персам, не оказав никакого сопротивления. Искусный греческий инженер Мандрокл соорудил мост из судов в самом узком месте Геллеспонта (Босфор), в результате чего впервые Европа и Азия были соединены друг с другом. На берегу Босфора были поставлены две мраморные памятные стелы на греческом языке и, согласно Геродоту (IV, 87), «ассирийскими письменами», т. е., по-видимому, на древнеперсидском, эламском и аккадском языках. Геродот (IV, 87), ахиллесовой пятой труда которого почти всегда бывают цифровые данные, пишет, что у моста было сосредоточено 700 000 пеших и конных всадников (что является заведомо фантастической цифрой) и 600 кораблей. Персидская армия прошла по мосту на южный берег Фракии и, не встретив там сопротивления, прибыла к низовью Истра (Дунай).

Теперь Дарий решил совершить поход против причерноморских скифов, стремясь предотвратить расширение их влияния в сторону Фракии. Еще до этого сатрап Каппадокии Ариарманн с небольшим флотом пересек Черное море и захватил пленников, чтобы получить у них необходимые сведения для предстоящего похода. Через Дунай был сооружен понтонный мост из судов, и, перейдя его, армия Дария начала продвигаться по южнорусским степям. Для охраны моста был оставлен греческий контингент из ионийцев, сопровождавших до этого Дария. Эти греки по распоряжению Дария должны были охранять мост в течение 60 дней и, если к тому времени персидская армия не вернется, разрушить его и отправиться домой.

Точная дата скифского похода неизвестна, но его можно более или менее уверенно отнести ко времени между 516 и 512 гг. [90, т. II, ч. 2, с. 60 и сл.; 92, с. 136; 126, с. 313; 194, с. 19 и сл.]. Основным источником об этом походе является четвертая книга труда Геродота.

Скифы не отважились вступить в решающую битву с огромным войском противника и прибегли к своей излюбленной тактике выжженной земли. Они стали отступать, угоняя с собой скот, уничтожая траву и засыпая источники. При этом скифская конница постоянно нападала на отдельные отряды персидской пехоты и уничтожала их. Долгое преследование скифов в глубь их территории истощило армию Дария, и, пока он обдумывал выход из своего затруднительного положения, скифские вожди в ответ на его требование либо вступить в открытую битву, либо заявить о своей покорности, послали в персидский стан вестника. Последний, если верить Геродоту, передал Дарию птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Дарий считал, что таким образом скифы выражают свою покорность, но Гобрий, один из семи убийц мага Смердиса,

дал совершенно противоположное истолкование загадке: если персы не улетят в небо, как птицы, не зароятся в землю, как мыши, их ждет гибель от стрел.

Тем временем отряд скифов, обойдя персов, прибыл к мосту через Дунай и обратился с призывом к охранявшим мост ионийцам разрушить его, выждав положенные 60 дней, и вернуться к себе домой, ибо они тем самым не совершат провинности перед Дарием, который сам так распорядился, и приобретут свободу. Ионийцы обещали выполнить эту просьбу, и скифы вернулись к своим основным силам.

Не имея достаточных запасов продовольствия или возможности вступить в открытый бой со скифами, Дарий решил отступить. Бросив больных воинов и часть обоза и оставив свой стан с зажженными огнями, чтобы скрыть от скифов внезапное отступление, персы ночью, скрытно двинулись в обратный путь⁹⁰. На следующий день скифы пустились вдогонку за персами, но, разойдясь с ними, прибыли к мосту через Дунай. Найдя мост целым, они снова обратились к ионийцам с требованием разрушить его. Вожди ионийцев собрались на совет. Некоторые участники совета склонялись к тому, чтобы последовать призыву скифов и тем самым освободить Ионию от порабощения. Но тиран Милета Гистией выступил против такого мнения, напомнив, что все присутствовавшие на совете тираны правят своими городами благодаря милости Дария и в случае гибели последнего потеряют власть, так как народ не будет терпеть их. Уже намеревавшиеся разрушить мост ионийцы последовали этому совету. Чтобы успокоить скифов, Гистией сказал им, что с благодарностью выполнит их просьбу, и для виду ионийцы начали разрушать мост со стороны скифов, которые затем удалились. Через некоторое время персидское войско подошло к переправе и благополучно переправилось во Фракию [см. подробно у Е. В. Черненко: 70а; см. также 35а, с. 106 и сл.].

Этот поход, который окончился явной неудачей, не следует рассматривать изолированно от внешней политики Ахеменидов по отношению к племенам, окружавшим Персидскую державу с севера и северо-востока. Дарий, как и Кир, стремился ликвидировать опасность грабительских набегов скифских племен в пределы Персидского государства. Как когда-то Кир, уже в преклонном возрасте возглавивший поход против массагетов, Дарий лично участвовал в двух походах против скифов, что свидетельствует о том значении, которое Ахемениды придавали покорению своих северных и восточных соседей. Приказав ионийцам разобрать мост через два месяца, Дарий, возможно, намеревался пройти по всей скифской территории от Северного Причерноморья до Кавказа или даже Средней Азии и вернуться в Персию через какую-либо из этих областей [294, т. IV, с. 104 и сл.; 50, с. 41; ср., однако, 122, с. 131, где высказывается сомнение, что Дарий мог поставить перед собой такую цель]. Вряд ли Дарий представлял себе, сколь велико расстояние между Причерноморьем и Средней Азией,

каковы трудности перехода через большие реки и необозримые степи.

Хотя скифский поход Дария окончился безрезультатно, Дарий проник в глубь скифской территории вслед за отступавшим противником. Это дало основание Дарию включить причерноморских скифов в список подвластных ему народов⁹¹ под названием «заморские саки» (*сака парадрайя*), но уже в надписях Ксеркса они совершенно не упоминаются.

Из Фракии Дарий вернулся в Иран, оставив своего полководца Мегабиза завершить покорение областей Геллеспонта и Фракии [см. подробно 84]. Вскоре персидская власть была установлена по обе стороны Геллеспонта, лишив греков (прежде всего афинян) возможности получать хлеб с берегов Черного моря и корабельный лес из Фракии. Мегабиз завоевал также греческие города на северном побережье Эгейского моря, жители которых упоминаются в персидских надписях среди покоренных народов под названием «щитоносные ионийцы».

Фракия, в которой обитали многочисленные, но постоянно враждовавшие друг с другом племена, стала легкой добычей персов. Были захвачены золотые и серебряные рудники, плодородные земли в бассейне реки Стримон, несколько тысяч обитателей которых из числа племени пеонов насильственно переселены в Малую Азию. Причиной такой крайней меры, по-видимому, являлось сопротивление пеонов, хотя Геродот утверждает, что Дарий велел переселить пеонов, будучи удивлен прилежанием их женщин в работе.

Когда персидская армия подошла к границам Македонии, царь этой страны Александр поспешил заявить о своей покорности и выдал свою сестру замуж за персидского вельможу. Правда, Геродот рассказывает, что Александр убил персидских послов, но эта версия была сочинена позднее, когда персы во время войны с греками начали терпеть поражение [122, с. 134]. В Македонии и Фракии были оставлены персидские гарнизоны, около 512 г. обе эти страны образовали сатрапию под названием Скудра [ср., однако, 379, где О. Семереньи полагает, что *Skudra* обозначает скифские племена, которые, по его мнению, жили в Македонии или Фракии].

Приблизительно в это же время Дарий назначил сатрапом Лидии своего сводного брата Артафрена (др.-перс. Артафарна — «обладающий праведной благодатью»). Командование морскими силами в северной части Малой Азии было передано в руки перса Отаны, сына Сисамна. Резиденция его находилась в Даскилее, и он, по-видимому, был подчинен Артафрену [122, с. 136].

Тиран Милета Гистией, который оказал важную услугу Дарию во время скифского похода, получил в награду обширные земли во Фракии, где он начал сооружать укрепления. Это показалось опасным Мегабизу, и он пожаловался Дарию. Последний вызвал Гистиея к себе и задержал его в Сузах под предлогом, что желает

иметь доверенного советника. Правителем Милета был назначен по рекомендации Гистиея его зять и двоюродный брат Аристагор. Грек Кой, также оказавший услугу Дарию, стал тираном в своем родном городе Митилена на острове Лесбос.

Конец VI в. был временем наивысшего могущества Ахеменидской державы, в которую входило более 80 народов и границы которой простирались от реки Инд на востоке до Эгейского моря на западе, от Армении на севере до Эфиопии на юге. Дарий послал на трех кораблях своих соглядатаев даже в Италию и Сицилию, где назревала война между греческими и финикийскими колонистами. Последние были естественными союзниками персов в их предстоящей войне с Грецией, и Дарий внимательно следил за ходом развития событий во всем Средиземноморье, восточная часть которого принадлежала персам. Теперь они имели мощный флот из кораблей финикийцев, карийцев, ионийцев и других морских народов.

В надписях Дария из Персеполя и Экбатан этот период персидского могущества характеризуется в следующих словах: «Дарий, царь великий, царь царей, царь стран, сын Виштаспы, Ахеменид. Говорит Дарий царь: „Вот царство, которым я владею: от скифов, которые за Согдом, до Эфиопии, от Индии до Лидии. (Это царство) даровал мне величайший из богов Ахурамазда. Да хранит Ахурамазда ⁹² меня и мой дом“» [DPh/DH].

ИОНИЙСКОЕ ВОССТАНИЕ

В VI в. в экономическом и культурном отношении ведущая роль в греческом мире принадлежала не Балканскому полуострову, а греческим колониям (прежде всего ионийским) на западном побережье Малой Азии: Милету, Эфесу и другим городам [ср. 363, с. 170]. Они располагали обширными плодородными землями, имели высокоразвитое ремесленное производство, и им были доступны рынки Передней Азии. Еще в VIII в. греческие купцы из Малой Азии вели торговлю с городами Ассирийской державы, успешно соперничая с финикийцами. Захват персами Малой Азии расширил возможности ионийской торговли с соседними и далекими странами. Ионийские купцы, особенно милетцы, торговали не только со странами Ближнего Востока, но и с материковой Грецией и Северным Причерноморьем.

Завоевав греческие города Малой Азии, персы не тронули там традиционные институты местного самоуправления и не чинили никаких препятствий экономическому и культурному развитию этих городов. В период ахеменидского господства в Милете, ведущем городе Ионии, жили выдающийся философ Анаксимандр, географ и историк Гекатей, а знаменитый математик Пифагор родился и часть своей жизни провел на острове Самос, также принадлежавшем персам. Да и отец истории Геродот родился в Галикарнасе и до своей эмиграции был подданным

персидского царя. Можно упомянуть также, что греческий алфавит возник в Милете.

По-видимому, Дарий считал, что у него имеются все основания не тревожиться относительно прочности своей власти в Малой Азии. Ведь ионийцы в течение нескольких десятилетий находились под властью персов, сжились с нею, и благополучие многих групп греческих городов зависело от их преданности царю. Однако последовавшие события опрокинули эти расчеты.

В 500 г. на Наксосе, расположенном в центре Кикладских островов и еще независимом от персов, произошел государственный переворот: власть аристократии была сменена демократией. Изгнанные «пузатые», как на Наксосе называли аристократов, бежали в Милет и обратились там за помощью к местному правителю — тирану Аристагору. Последний, желая расширить сферу своего влияния, предложил сатрапу Лидии Артафрену предпринять совместный поход против Наксоса, чтобы подчинить персам этот остров и восстановить там аристократическое правление. Артафрен доложил об этом плане своему брату, царю Дарию, и, получив у него разрешение, весной 499 г. снарядил флот из двухсот кораблей. Вероятно, теперь персы ставили перед собой цель покорить не только Наксос, но и другие Кикладские острова. Начальником эскадры был назначен Ахеменид Мегабат, а Аристагор, надеявшийся получить в свои руки командование походом, должен был вместе со своим отрядом подчиняться персидскому полководцу. Мегабат хотел неожиданно напасть на Наксос, чтобы застигнуть врасплох жителей острова, и поэтому повел флот сначала по направлению к Черному морю, затем повернул его в сторону острова, двигаясь по пустынным местам. Однако кто-то успел предупредить наксосцев, и они уже подготовились к отпору. В течение четырех месяцев флот персов и милетцев осаждал Наксос. Осада оказалась неудачной, причиной чего отчасти было соперничество между Мегабатом и Аристагором. Тем временем были израсходованы деньги, выданные для похода, и корабли, оставив берега Наксоса, вернулись обратно в Малую Азию.

Если верить Геродоту (V, 35), Аристагор боялся наказания за провал похода и поэтому решил поднять восстание против персов. Пока он обдумывал свой план, к нему явился тайный вестник от его тестя Гистиея, которого Дарий под видом своего советника держал в почетном плену в Сузах. Как уже говорилось, Гистией ранее был тираном Милета, но Дарий заподозрил его в намерении изменить персам и поэтому велел передать власть Аристагору. Однако Дарий не стал наказывать Гистиея, помня о его прошлых заслугах, когда во время скифского похода он помешал разрушить мост, благодаря чему персидская армия беспрепятственно спаслась от скифов. Теперь Гистией через своего вестника обращался к Аристагору с призывом отложиться от царя.

Аристагор созвал граждан Милета, и большинство собравшихся поддержали призыв к восстанию. Логограф Гекатей стремился удержать своих земляков от этого шага, указывая на военное могущество персов, поскольку их армия состояла из представителей десятков народов. Но его увещевания потонули в хоре сторонников решительных действий. Осенью 499 г. началось восстание.

Аристагор сложил с себя власть тирана и передал ее народному собранию, в котором ведущую роль играли торговцы и ремесленники Милета. По утверждению Геродота (V, 97), Аристагор отказался от власти, чтобы склонить народ на свою сторону. Аристагор был избран военным руководителем восстания. Народное собрание провозгласило свободу и призвало всех греков к борьбе против персидского господства.

Когда вестник объявил о восстании флоту, вернувшемуся с Наксоса и находившемуся недалеко от Милета, матросы с энтузиазмом встретили призыв к свободе. По примеру милетцев и при их поддержке повсеместно в Малой Азии начали свергать тиранов. Часть их была побита камнями, но большинству разрешили уйти в изгнание. Многие греческие области на юге и севере Малой Азии примкнули к восставшим, и из представителей различных городов было создано объединенное военное руководство; был начат выпуск монеты из электра по общему стандарту вместо старых монет разнообразной чеканки. Еще в начале нашего века П. Гарднер относил эти статеры из электра к периоду Ионийского восстания; последующие находки показали, что около 499 г. Западная Малая Азия и прилегающие острова стали выпускать монеты из электра и серебра [см. 391, с. 81—92; 167, с. 107—138; 92, с. 45].

Рассказ Геродота, являющийся нашим основным источником об Ионийском восстании, требует, очевидно, критического подхода, так как отец истории резко отрицательно относится к его участникам⁹³. По его мнению, территория Малой Азии, как и всей Азии вообще, принадлежала персидскому царю, и поэтому ионийцы должны были жить в мире с царем и не восставать против законной власти. Из этого, по-видимому, можно заключить, что родной город Геродота Галикарнас стоял в стороне от восстания. Во всяком случае, Геродот, бывший подданный персидского царя, считал восстание безумием, «блажью» и упрямством ионийцев [см. 34, с. 66—68; 122, с. 197]. Поэтому неудивительно, что Геродот сводит причины восстания к личным мотивам его инициаторов (по его мнению, интриганов и авантюристов), а именно к страху Аристагора перед персами за неудачный поход на Наксос и желанию Гистиея вернуться в Милет, так как в Сузах он очень скучал и надеялся, что Дарий отправит его в Малую Азию для усмирения мятежников. Может быть, Аристагор и Гистией действительно были авантюристами и вовсе не имели целенаправленной программы действий против персидского господства, однако возникает вопрос: почему призыв к вос-

станию нашел широкий отклик среди греков? Очевидно, для этого были достаточно серьезные причины.

Прежде всего ежегодная подать в 400 талантов серебра, которую греки Малой Азии платили вместе с Карией, Ликией и некоторыми другими более мелкими областями, вызывала недовольство персидским правлением, тем более что лишь небольшая часть этой суммы возвращалась обратно в Ионию, сковывая тем самым развитие товарно-денежных отношений. Однако вряд ли это само по себе было причиной восстания. Ведь приблизительно такую же сумму подати греки платили уже в течение многих десятилетий, еще со времен Креза, и это не считалось тяжким бременем. Пожалуй, в еще большей степени греки были недовольны системой местного самоуправления. Когда за сорок с лишним лет до Ионийского восстания персы захватили Малую Азию, в греческих городах преобладающей формой государственного управления была тирания. В те времена тираны были популярными вождями и пользовались широкой поддержкой рядовых земледельцев, ремесленников и торговцев в их борьбе против старой родовой аристократии. Персидская администрация, как правило, безразлично относилась к внутреннему политическому устройству покоренных народов в тех случаях, когда им была дарована автономия во внутренних делах. Поэтому персы и в Малой Азии не стали менять традиционные политические порядки и оказывали поддержку тиранам, а последние постепенно превратились в преданных слуг персидского царя. Геродот (IV, 137) пишет, что каждый из греческих тиранов мог править в своем городе лишь благодаря могуществу персов. Однако персидская администрация поддерживала тиранов только по традиции, и распространенный взгляд, что персы во всех случаях были на стороне тиранов и враждебны к демократии, является ошибочным.

Но в течение одного-двух поколений (вероятно, уже ко времени захвата Малой Азии персами) тирания уже выполнила свою функцию демократической диктатуры, не соответствовала духу времени и стала непопулярной, поскольку превратилась в тормоз для развития общества [см. 33, с. 188; 122, с. 195; 391, с. 121]. К концу VI в. в материковой Греции, где общественное развитие шло без существенного влияния внешних сил, тирания либо выродилась в олигархию, либо же была, как в Афинах, заменена демократией. В Ионии ремесленники и торговцы также тяготились тиранией и стремились к захвату власти. Но ионийцам казалось, что от тирании нельзя избавиться, не освободившись предварительно от власти сатрапа и царя. Естественно также, что многие греки тяготились властью персов и жаждали свободы. Вполне возможно, что именно это и явилось основной причиной восстания, как склонен полагать Г. Бенгтсон [92, с. 43].

Ученые много писали об экономических причинах восстания. Насколько можно судить по источникам, активное участие в нем приняли ремесленники, моряки и торговцы, но сельское население

оставалось в стороне. Поэтому не исключено, что городское население, благополучие которого зависело от рыночного хозяйства, сталкивалось с определенными трудностями в торговле. По мнению С. Я. Лурье, «ведущие группы торгово-ремесленного класса» в Малой Азии были заинтересованы в торговле с Причерноморьем и с Фракией, в вывозе туда своих товаров и импорте оттуда дешевого хлеба. Когда же к концу VI в. персы захватили проливы, ведущие к Черному морю, и торговля через Геллеспонт попала под их контроль, путь к черноморскому хлебу, как полагает Лурье, оказался в руках финикийских купцов. Это, по его словам, явилось «настоящим крахом» для ионийских торговцев, и поэтому они выдвинули лозунг о восстании [33, с. 186]. Но с таким предположением согласиться трудно, так как, во-первых, персидская администрация отнюдь не мешала торговле малоазийских купцов с Причерноморьем; напротив, после захвата персами Геллеспонта эта торговля стала вполне безопасной. Во-вторых, финикийцы никак не были заинтересованы ни в причерноморском хлебе, ни в лесе из Фракии, так как и то и другое они могли приобрести за дешевую цену в соседних странах — в Египте, Вавилонии и Ливане. Финикийцы были исконными конкурентами ионийских купцов в их торговле со странами Передней Азии, но господство персов не сказалось в борьбе ионийцев за рынки Северного Причерноморья. В не меньшей мере ионийские купцы испытывали конкуренцию и со стороны других греков. Например, после захвата Египта персами греческая колония Навкратис, расположенная в этой стране, стала конкурентом малоазийских купцов. В еще большей степени это относится к афинской торговле. Археологические находки в Северной Сирии свидетельствуют о том, что с конца VI в. афинская керамика сильно потеснила гончарные изделия малоазийского производства. Возможно, что именно из-за безуспешной конкуренции с афинскими торговцами в Ионии начался экономический спад, который создал почву для недовольства торгово-ремесленных кругов, вылившегося в восстание [см. 363, с. 177].

Как бы то ни было, восстание стало охватывать все новые районы и скоро распространилось на огромную территорию от Геллеспонта на севере до Карики на юге. Руководитель восставших Аристагор в 499 г. отправился в материковую Грецию просить помощи.

Сначала Аристагор направился в Спарту, самое сильное тогда в военном отношении греческое государство. Он явился к спартанскому царю Клеомену и стал просить у него, чтобы спартанцы освободили малоазийских эллинов от персидского рабства. Он убеждал царя, что персы вооружены лишь луками и короткими копьями и поэтому их легко будет победить, ибо греки превосходят персидских воинов своим оружием и тактикой. При этом Аристагор держал в руках карту на бронзовой дощечке, изготовленную, как полагают некоторые исследователи, милетским ученым Анаксимандром по образцу более ранних вавилонских карт.

На этой карте, живо запомнившейся спартанцам, которые раньше ничего подобного не видели, был изображен весь мир, известный тогда малоазийским грекам. Аристагор показывал по карте, где какие подвластные персам народы живут и как они богаты золотом, серебром, скотом, и призывал спартанцев захватить богатую Азию, вместо того чтобы воевать с бедными соседями, у которых все равно ничего нельзя отнять. Клеомен обещал дать ответ через три дня. Когда в назначенное время Аристагор явился, Клеомен отказал в помощи, сославшись на то, что от Ионийского моря до столицы персидского царя Суз три месяца пути, и велел Аристагору покинуть Спарту до захода солнца того же дня. Разумеется, спартанцы понимали, что они не в состоянии предпринять успешный поход в глубь персидского государства. К тому же они на своем горьком опыте убедились в провале прежних союзов против Персии, которые сначала были заключены с Лидией, а затем и с Египтом. Да и в самом Пелопоннесе Спарта должна была готовиться к войне со своим давним врагом Аргосом. Наконец, у спартанцев давно стало традицией по возможности не посылать большое войско за пределы Греции.

Аристагор направился в Афины, которые после Спарты были самым могущественным греческим государством. В Афинах многие группы населения, особенно знатный и очень влиятельный род Алкмеонидов, давший многих крупных государственных деятелей, выступали против конфликта с Персией, поскольку основой их благополучия были торговые интересы в Малой Азии. Сравнительно незадолго до начала Ионийского восстания, в 507 г., афиняне в ожидании вторжения в Аттику сильного войска Спарты и ее союзников направили своих послов в Сарды, к сатрапу Артафрену, чтобы заключить союз с Персией и просить военной помощи. Артафрен⁹⁴ согласился на союз, направленный против Спарты. Но это согласие сопровождалось требованием, чтобы афиняне дали «землю и воду», т. е. признали верховную власть персидского царя. По свидетельству Геродота (V, 73), это условие было принято афинскими послами и договор заключен. Поэтому прибытие Аристагора в Афины было враждебно встречено многими жителями города.

Тем не менее момент приезда в Афины оказался сравнительно благоприятным для Аристагора, так как к тому времени отношения афинян с персами стали натянутыми по следующей причине. Тиран Гиппий, лишенный афинянами власти и изгнанный из города, в 505 г. отправился к персидскому сатрапу в Сарды и стал уговаривать его, чтобы он подчинил Афины Дарию. Узнав об этом, афиняне отправили своих послов в Сарды, дабы расстроить планы Гиппия. Но Артафрен потребовал от послов, чтобы афиняне приняли Гиппия назад. Те отвергли ультиматум и начали готовиться к войне с Персией. Теперь послов, заключивших в 507 г. мир с персами, стали обвинять, утверждая, что они якобы превысили свои полномочия. Руководитель афинской

политики Клисфен подвергся суровой критике за этот мир, а проперсидски настроенные Алкмеониды и их сторонники были отстранены от власти. В 507 г. афиняне искали временного союза с Персией для защиты своей страны от Спарты. Заключив договор с Персией, руководители Афин, по-видимому, не отдавали себе отчета в том, что в силу договора персы будут считать их на вечные времена своими вассалами, к тому же добровольно взявшими на себя такую роль [см. 316, с. 264].

Явившись в афинское народное собрание, Аристагор стал убеждать своих слушателей в том, что персы не пользуются в бою щитами и копьями и потому их легко будет победить; а затем без труда можно захватить богатую Азию. Аристагор ссылался также на то, что Милет — афинская колония и поэтому долг афинян помочь родственному населению города, оказавшегося в трудном положении.

После долгих уговоров Аристагору удалось добиться обещания помощи со стороны афинян. Сообщая об этом, Геродот (V, 97) добавляет, что массу легче обмануть, чем одного человека, ибо спартанский царь Клеомен не поддавался на уговоры Аристагора, а афинское народное собрание согласилось помочь восставшим, что, по мнению отца истории, явилось источником бесчисленных бедствий как для греков, так и для персов и всех их подданных. Ссылаясь на акцию афинян, Геродот (I, 4) пишет также, что греки напали на принадлежавшую персам Азию раньше, чем персы на Грецию.

Однако, по существу, Аристагор не добился большого успеха и в Афинах, так как влиятельная часть граждан во главе с Алкмеонидами решительно выступила против помощи восставшим, поскольку это могло привести к открытой войне с Персией. Афиняне послали на помощь малоазийским грекам лишь 20 кораблей. Это было прямым вызовом Персии, но на судьбу восстания не могло повлиять. Эретрийцы на острове Эвбея, издавна тесно связанные с Милетом общностью торговых интересов, также откликнулись на просьбу восставших, но смогли послать всего пять триер.

Вернувшись в Милет, Аристагор направил вестника к племени пеонов, переселенных за двадцать лет до этого по распоряжению персидского полководца Мегабиза из района реки Стримон (Фракия) во Фригию в Малой Азии. Вестник передал пеонам предложение Аристагора: если они хотят добиться свободы и вернуться на родину, восставшие ионийцы помогут им в этом. Большинство пеонов при содействии греков вернулись на свои родные места. Но и это мало чем могло помочь успеху восстания, а лишь усилило гнев Дария, на что, по утверждению Геродота, и рассчитывал Аристагор.

Когда в Милет прибыли афинские и эретрийские корабли, Аристагор послал войско и флот против Сард. Армия восставших переправилась через реку Тмол и захватила Сарды, а сатрап Артафрен с персидским гарнизоном укрылся в акрополе, который

грекам не удалось взять. В городе во время грабежей вспыхнул пожар, уничтоживший чуть ли не все дома, поскольку крыши их были из тростника. Во время пожара сгорел и храм лидийской богини Кибелы. Все это настроило лидийцев против восстания, и они, объединившись с находившимися в городе персами, собрались на рыночной площади и стали сражаться с ионийцами. Последние отступили к своим кораблям, потеряв надежду на поддержку лидийцев.

Узнав о нападении на Сарды, персидские военачальники в Малой Азии собрали свои войска и двинулись в Лидию. Тем временем ионийцы отступили к городу Эфес, где летом 498 г. были наголову разбиты персами. Остатки войска восставших разбрелись по своим городам. Когда восставшие стали терпеть неудачи, в Афинах верх взяли персофильские группы, и после выборов в 496 г. к власти пришла партия Алкмеонидов. Сразу вслед за этим афиняне отзывали обратно свои корабли, бросив на произвол судьбы ионийцев и ответив отказом на мольбу Аристагора о помощи. Эретрийцы последовали примеру афинян, но ионийцы, у которых не было оснований надеяться на снисхождение со стороны Дария, продолжали восстание.

Гекатей Милетский, сначала безуспешно отговаривавший своих сограждан от восстания, теперь указывал на то, что на суше ионийцы не в состоянии победить персов, поэтому надо выстроить большой флот и добиться господства на море. Однако у восставших не было денег на сооружение новых кораблей, и поэтому Гекатей призывал милетцев использовать для этого сокровища храма бога Аполлона в Бранхидах, близ Милета, посвященные туда еще Крезом. При этом Гекатей предупреждал, что в противном случае сокровища попадут в руки персов. Но суеверные восставшие, боясь гнева Аполлона, не решились на это.

Ионийцы направили свой флот на Геллеспонт и захватили там Византий и другие города. Большая часть Кари и Ликии перешла на сторону мятежников. Теперь Фракийская сатрапия оказалась отрезанной от остальных персидских провинций. Вскоре восстание перекинулось и на Кипр. Население острова было смешанным, оно состояло из греков и финикийцев, между которыми издавна шла борьба. Особенно ожесточенным было соперничество между главным на Кипре греческим городом Саламин и финикийским городом Китий. Греки во главе со своими тиранами примкнули к восставшим, а финикийцы остались верными персидскому царю. Когда Саламин перешел на сторону ионийцев, царь этого города Горг бежал к персам.

Таким образом, восстание охватило районы от Геллеспонта до Кипра. Волнения на Кипре были особенно опасны для персов, так как теперь в руках мятежников оказались значительный военный флот и богатые медные рудники острова. Кроме того, владея Кипром, можно было блокировать вход финикийских кораблей в Эгейское море.

Восставшие киприоты осадили верный персам город Амафунт. Персидское войско во главе с полководцем Артибием приблизилось на кораблях к Кипру, туда же был стянут финикийский флот. Тогда на помощь восставшим киприотам прибыли ионийцы. Цари кипрских городов выбрали командиром объединенных сил Онесила, младшего брата Горга, бежавшего к персам. В происшедшей битве ионийцы одержали победу над финикийским флотом, а Артибий и Онесил сошлись в рукопашной схватке. Сpecially обученный конь Артибия ударил копытом в щит Онесила, но в этот момент оруженосец Онесила серпом подсек ноги коню Артибия, и последний упал и погиб. Однако во время сражения часть киприотов покинула поле битвы, победа досталась персам, а Онесил со многими своими сторонниками был убит. Персы восстановили в Саламине власть Горга и в течение 497—496 гг. овладели всем Кипром, потратив на замирение этого острова целый год.

Нам известны некоторые подробности осады персами кипрских городов. Так, во время осады города Идалион, близ современной Никосии, «мидийцами и китийцами» (т. е. персами и жителями финикийского города Китий на самом острове) окруженное население во главе со своим царем Стасикипросом долго сопротивлялось. По свидетельству одной бронзовой дощечки, испанной силлабическим кипрским письмом, семье врачей, а именно «Онасилу, сыну Онасипроса, и его братьям», бесплатно лечившим раненых во время продолжительной осады, была торжественно обещана награда⁹⁵. В 1950—1953 гг., во время археологических раскопок в городе Пафос, была обнаружена насыпь, с которой велась атака на осажденных. Часть насыпи была сооружена из статуй, которые персы, вероятно, брали с кладбища поблизости. В насыпи найдены сотни трехгранных стрел, выпущенных с городских стен осажденными по рабочим, которые сооружали укрепления для штурма [см. литературу: 122, с. 203 и сл.].

Потерпевшие поражение в сухопутной битве ионийцы отступили с Кипра, а персы начали покорять один за другим малоазийские города. В конце 496 г. у реки Марсия персы вступили в ожесточенный бой с примкнувшими к восстанию карийцами; в этом бою погибло 2000 персов и гораздо больше карийцев. Хотя во время сражения на помощь карийцам подошли ионийцы, персы одержали победу. Отступившие карийцы продолжали сопротивление и уничтожили много персидских военачальников, устроив им засаду⁹⁶.

Лидийский сатрап Артафрен и военачальник Отана объединили свои силы и начали планомерно усмирять восставших. Тогда павший духом Аристагор, который был инициатором мятежа, передал власть в Милете одному из граждан города, а сам вместе с теми, у которых не было охоты или решимости продолжать борьбу, отправился в область Миркин во Фракии, где вскоре погиб.

Еще когда восстание было в полном разгаре, Дарий вызвал к себе Гистиея и, сообщив ему о мятеже Аристагора, спросил, не является ли это плодом его интриг. Гистией стал уверять Дария в своей невинности и добавил, что, если бы он находился в Ионии, там не произошло бы никакой смуты. Кроме того, Гистией обещал, что если царь отпустит его в Милет, то он быстро положит конец бунту и передаст в его руки Аристагора. Дарий поверил Гистиею и послал его в Малую Азию, повелев после усмирения Ионии вернуться в Сузы.

В 496 г. Гистией прибыл в Сарды. Там сатрап Артафрен, намекая на его роль в подготовке мятежа, сказал ему: «Ты сшил эту обувь, а Аристагор надел ее». Боясь расправы Артафрена, Гистией бежал из Сард, предварительно сговорившись с некоторыми своими сообщниками (если верить Геродоту, последние были персами) поднять восстание в Лидии. Когда Гистией прибыл на острова близ Малой Азии, там его встретили без энтузиазма. Жители островов стали спрашивать у него, почему он побуждал Аристагора к восстанию и вовлек их тем самым в беды. Гистией ответил, что Дарий собирался переселить ионийцев в Финикию и это заставило его замыслить восстание. По словам Геродота (VI, 3), это была ложь, рассчитанная на то, чтобы оправдать себя. Когда Гистией попытался связаться со своими единомышленниками в Лидии, его вестник предал их, и они были казнены Артафреном. После этого Гистией направился в Милет, однако граждане города, которые установили у себя демократический строй, не захотели принять бывшего тирана. Тогда он поехал на остров Лесбос и уговорил его обитателей снарядить восемь триер и направить их вместе с ним в Византий, город на Геллеспонте, где они стали захватывать корабли тех ионийцев, которые не примкнули к восстанию. По существу, они занимались пиратством.

После одного из сражений, когда ионийцы обратились в бегство близ города Малена на севере Малой Азии, Гистией попал в руки персов. В тот момент, когда персидский воин хотел убить его, пленник, охваченный малодушием, крикнул по-персидски, что он Гистией. Тогда его отвезли в Сарды. Персидский полководец Гарпаг и Артафрен, боясь, что Дарий может простить Гистиея и тот снова станет влиятельным человеком, распяли его, а голову отослали в Сузы к царю. Последний выразил неудовольствие, что Гистией не был доставлен к нему живым, и, памятуя о его прошлых заслугах, велел предать его голову погребению⁹⁷.

Весной 494 г. персы осадили с суши Милет, являвшийся главным оплотом восстания. У стен города было сосредоточено большое войско, собранное со всей Малой Азии, поблизости находился флот финикийцев, египтян, кикийцев и киприотов. Другие ионийские города решили оказать помощь Милету для защиты его с моря. Вместе с 80 милетскими у них было всего 353 корабля, основная часть которых прибыла с островов Самос,

Хиос и Лесбос. Согласно Геродоту, в персидском флоте имелось 600 кораблей, но А. Р. Бэрн не без оснований считает эту цифру сильно завышенной и условной, поскольку столько же персидских кораблей участвовало, по Геродоту, и в скифском походе Дария, а также при высадке его армии в долину Марафона [122, с. 209].

Персидские военачальники не решались вступить в сражение и велели бывшим тиранам малоазийских городов, бежавшим после восстания к персам, обратиться к своим землякам с призывом перейти на сторону противника, обещая за это не трогать их имущества и храмы. Если же восставшие будут продолжать сопротивление, персы угрожали обратить их в рабство, земли их отдать другим народам, а дочерей увести в плен в далекие Бактры. Это предложение было передано тиранами ионийцам через гонцов, но те отклонили его.

Военачальник фокейцев Дионисий, который руководил объединенным греческим флотом, усердно готовился к битве, заставляя матросов постоянно заниматься военными упражнениями. Геродот, рассказ которого о восстании часто необъективен, а иногда даже недоброжелателен по отношению к мятежникам, пишет, что ионийцы будто бы были непривычны к тяжелому труду, им быстро надоели изнурительные упражнения и они перестали выполнять приказы Дионисия, ссылаясь на то, что тот привел с собой всего лишь три корабля. В действительности же положение восставших было очень тяжелым, так как им приходилось в разгар лета доставлять на лодках каждый глоток воды и каждый кусок хлеба на свою базу на маленьком острове Ладе, близ Самоса [см. 122, с. 312]. Дисциплина в греческом флоте была подорвана, и дело восставших становилось безнадежным.

В 494 г. при Ладе произошло решающее морское сражение. Когда финикийские суда напали на ионийцев, 49 из 60 самосских кораблей по совету изгнанного с Самоса тирана Эака, находившегося в персидском стане, покинули поле боя и вернулись на родной остров. Вслед за этими дезертирами в самом начале боя ушли и многие другие корабли, и тем самым исход сражения был предreshен. Лишь хиосцы, которые выставили сто кораблей, и матросы с нескольких более мелких островов не дрогнули перед врагом. Тем не менее они были наголову разбиты, после чего уцелевшие хиосцы бежали к себе на родину.

Разгромив ионийский флот, персы начали осаду Милета не только с суши, но и с моря. Осенью 494 г. они подтянули к городу осадные орудия и затем штурмом взяли его.

Персы сильно разрушили Милет, вырезали значительную часть мужского населения, а многих женщин и детей увели в плен в Сузы. Дарий поселил их в местности Ампа, расположенной при впадении Тигра в Персидский залив. Части жителей города удалось бежать в Сицилию: Геродот (VI, 22) утверждает, что после подавления восстания персы захватили территорию Милета, чтобы самим заселить ее, а округу за городскими стенами

отдали карийцам и, таким образом, в городе не осталось местных жителей. Действительно, археологические раскопки свидетельствуют о значительных разрушениях в Милете, причиненных в 494 г. [283, с. 114; 391, с. 77—79; там же приведена и подробная библиография]. Однако рассказ о полном уничтожении города является сильным преувеличением, и из труда самого Геродота мы видим, что Милет продолжал существовать, а через пятнадцать лет после расправы с восставшими, во время битвы при Платеях, милетский контингент находился в составе персидской армии. Попутно отметим, что из «Греческой истории» (I, 1, 31) Ксенофонта известно о существовании Милета еще в IV в. до н. э. Однако город не смог уже никогда достигнуть прежнего расцвета, район морской гавани не был даже восстановлен, и западные кварталы были покинуты [см. 122, с. 214 и сл.].

Персы разграбили и затем подожгли храм Аполлона в Бранхидах, близ Милета, о чем кроме письменных источников свидетельствуют и археологические данные [см. литературу: 391, с. 205]. Рассказ Геродота (VI, 19 и 32) о том, что сокровища этого святилища были увезены персами, подтвердился во время раскопок французских археологов в Сузах в 1911 г. Там была найдена массивная бронзовая фигура с надписью ионийскими буквами о посвящении ее в качестве десятины в храм Аполлона. В Сузах было обнаружено и много других вещей, увезенных из этого святилища [195, с. 156]. Там же находилась и статуя Аполлона, пока в 294 г. до н. э. Селевк I не вернул ее милетцам⁹⁸.

Во время раскопок в местности Карабурун, на территории древней Ликии, нашли гробницу начала V в. до н. э. с росписью на стене. В ней владелец гробницы, подвластный персам ликийский князь, изображен победителем над греками. Его воины вооружены греческими щитами и персидскими акинаками. Повидимому, он принимал участие в подавлении Ионийского восстания [см. 282, с. 263 и сл.].

Весной 493 г. финикийский флот захватил также острова Хиос, Лесбос, произведя там много разрушений, и города на Геллеспонте. Таким образом, была восстановлена связь с Фракийской сатрапией. Персы сурово расправились с восставшими, охотясь на них с сетями, сжигая храмы, обращая мальчиков в евнухов и отсылая к царскому двору красивых девушек [ср. 288, с. 63 и сл.].

На шестой год после начала восстания оно было подавлено, и в ионийских городах повсеместно восстановлена власть тиранов. Ионийцы, во главе которых стоял малодушный вождь Аристаргор, были, по существу, покинуты остальными эллинами и обречены на поражение, поскольку сами они располагали ограниченными ресурсами. Они видели слабые стороны персов и игнорировали предупреждение Гекатея о том, что персидский царь располагал для подавления восстания неограниченными материальными и людскими резервами. Кроме того, среди ионийцев с самого начала

не было единодушия. Греческое население, занимавшееся земледелием, боялось разорения своих хозяйств и воздерживалось от активного участия в восстании. Многие греческие семьи уже десятилетиями были связаны общими интересами с персидской верхушкой и решительно выступали против восстания. Поэтому неудивительно, что не все ионийские города примкнули к восставшим. По-видимому, такой крупный город, как Эфес, оставался нейтральным. Наконец, даже в объединенном штабе восстания не было единодушия — слишком сильно проявлялось соперничество между различными ионийскими городами. Хотя восстание охватило огромную территорию от Ионии до Геллеспонта и Кипра, руководители восставших оказались не в состоянии эффективно координировать военные действия такого большого размаха.

После подавления восстания персидская администрация показала большую политическую гибкость, а в ряде случаев готовность воздержаться от мести греческому населению. Лидийский сатрап Артафрен созвал тиранов малоазийских городов и велел им заключить между собой договоры и больше не враждовать друг с другом, а спорные дела решать третейским судом. Но если раньше ионийцы имели много привилегий по сравнению с другими подданными Персидской державы, сохранявшихся еще со времен Кира II, теперь они были включены в общую систему сатрапской организации. За заслуги лидийского сатрапа Артафрена в подавлении восстания Иония и Кария были переданы под его власть. Границы между территориями различных городов были заново размежеваны, а земля измерена, и в соответствии с этим урегулированы подати. Геродот с похвалой отзывается об этих реформах Артафрена, считая их благотворными для греческого населения, а подати — достаточно умеренными. По свидетельству Диодора (X, 25, 4), Артафрен восстановил в ионийских городах их прежние законы.

Однако после подавления восстания Иония потеряла былое значение, ослабела ее международная торговля, в течение некоторого времени экономика переживала упадок. Отныне на ведущее место в греческом мире выдвигаются города-государства материковой Эллады, прежде всего Афины и Спарта.

НАЧАЛО ГРЕКО-ПЕРСИДСКИХ ВОЙН

Восстановив свою власть в Малой Азии, Дарий стал готовиться к походу против материковой Греции. Он справедливо считал, что персидское господство в Малой Азии, во Фракии и на островах Эгейского моря будет непрочным, пока греки Балканского полуострова сохраняют свою независимость. В то время Греция состояла из множества автономных городов-государств с различным политическим строем, находившихся друг с другом в постоянной вражде и войнах. Поэтому казалось,

что покорение Греции не будет представлять большой трудности для персов, располагавших огромной, хорошо вооруженной армией и лучшим для своего времени флотом.

Если верить Геродоту (V, 105), когда Дарию доложили о сожжении Сард афинянами и восставшими ионийцами, он спросил, кто такие афиняне. Услышав ответ, Дарий велел одному из своих слуг ежедневно перед обедом повторять слова: «Владыка, помни об афинянах!»

Правда, афиняне всячески стремились избежать войны с персами. Когда драматург Фриних в 493 г. поставил в Афинах свою трагедию «Взятие Милета», публика единодушно рыдала от жалости к погибшим и от стыда, что ионийцы были брошены на произвол судьбы. Но власти оштрафовали Фриниха на тысячу драхм за напоминание о недавних неудачах афинской внешней политики. Многие ведущие политические деятели Афин, прежде всего Алкмеониды и сторонники свергнутых тиранов Писистратидов, а также руководимая ими масса населения либо были против сопротивления персам, либо же считали, что надо сделать все возможное для предотвращения войны с ними, и выступали против использования своими противниками театра в целях политической пропаганды.

Но не были пассивны и сторонники решительных действий. Когда Персия в конце VI в. захватила проливы, ведущие в Черное море, афинские купцы, по-видимому, еще могли торговать с Северным Причерноморьем. Но во время Ионийского восстания и после его подавления проливы оказались закрытыми для афинян. Это было большим ударом для кровных интересов значительного числа афинских ремесленников, работавших на экспорт и живших за счет привозного причерноморского хлеба, и могло привести к экономическому кризису. Одновременно афиняне лишились также возможности доставлять столь нужный им корабельный лес из Фракии и Македонии, незадолго до этого ставших персидскими провинциями. Поэтому в Афинах не было недостатка в антиперсидски настроенных гражданах, и они только ждали появления подходящих вождей. Весной 493 г. в Афины прибыл бывший тиран Херсонеса Фракийского Мильтиад, который бежал, когда этот город был захвачен персами. Всем было ясно, что Мильтиад является сторонником военной политики, и поэтому он сразу был привлечен к суду своими противниками из партии Алкмеонидов, которые обвиняли его в установлении тирании в Херсонесе. Однако суд оправдал Мильтиада, и тогда он начал объединять своих сторонников из партии землевладельцев. В том же, 493 г. одним из архонтов (высших должностных лиц) был избран Фемистокл, первый радикальный демократический деятель Афин, который опирался на ремесленников и торговцев. Он начал сооружать военные корабли для войны с персами. Все это свидетельствовало о том, что вскоре после наказания Фриниха общественное мнение стало сильно меняться и верх начали брать решительные враги проперсидской ориентации.

Теперь персофильские группы лишились власти, хотя и сохранили возможности оказывать значительное влияние на политику.

Дарий, будучи прекрасным стратегом, понимал трудности предстоящей войны и начал тщательно готовиться к ней. В частности, персидская администрация предприняла смелый шаг, свидетельствовавший о широте взгляда и политической терпимости. В 492 г. персидский полководец Мардоний распорядился заменить в большинстве греческих городов Малой Азии тиранию на демократию, чтобы не создавать недовольства среди подвластных персам эллинов и обеспечить их преданность. Этот факт говорит как о том, что Ионийское восстание в конечном итоге добилось некоторых из своих целей, так и о том, что персы были не особенно обеспокоены внутренним устройством в своих малоазийских сатрапиях и готовы были поддерживать там любые политические группы, которые не стали бы выступать против ахеменидского господства. Но сообщение Геродота (VI, 43) об установлении демократического правления в ионийских городах относится не ко всем ионийским областям Ахеменидской державы, так как на некоторых островах правление тиранов не было отменено [см. 122, с. 222]. Например, еще в 480 г. на Хиосе, по свидетельству Геродота (VIII, 132 и IX, 90), правил тиран Страттис, а после Саламинской битвы тираном на Самосе за преданность персам был посажен Феоместор. Согласно Фукидиду (VI, 59, 3), в городе Лампсак на Геллеспонте тирану Гиппоклу наследовали его сыновья и внуки.

В том же 492 г. персидская армия и флот, во главе которых стоял Мардоний, женатый на дочери Дария Артазостре, выступили в поход. Прибыв в Киликию, Мардоний оттуда отправился с флотом к Геллеспонту. Туда же двинулось и сухопутное войско. Затем оно переправилось через пролив и прошло в Македонию и Фракию, которые вместе с северным побережьем Эгейского моря были завоеваны еще за два десятилетия до этого. Но персидская власть в этих областях оказалась непрочной, так как во время Ионийского восстания пришлось перебросить оттуда гарнизонные войска в Малую Азию, и эти провинции были потеряны для персов. Мардоний прошел вдоль фракийского побережья, восстановил там персидское господство и тем самым лишил Грецию возможности получать строительный лес из северных районов Балканского полуострова.

Но около Афонского мыса на Халкидском полуострове персидский флот был разбит сильной бурей, во время которой погибло около 20 000 человек, ставших жертвой хищных рыб, и было уничтожено 300 кораблей. Кроме того, ночью на персидский лагерь напало фракийское племя бригов, которое перебило много персов и ранило самого Мардония. После этого пришлось отвести сухопутную армию и флот обратно в Малую Азию и заново начать подготовку к походу против Греции. Впрочем, С. Я. Лурье и Г. Бенгтсон, полемизируя с Э. Мейером и другими историками, полагают, что поход Мардония не был

направлен против Греции, а имел целью восстановить персидскую власть на севере Эгейского моря [33, с. 195; 94, с. 47]. Однако против такого мнения может свидетельствовать в определенной мере тот факт, что после этого похода Мардоний был отстранен от командования армией и флотом.

В 492 г. на еще независимые острова и в города материковой Греции были посланы персидские вестники с требованием «земли и воды», т. е. покорности власти Дария. Одновременно в греческие города Малой Азии были направлены гонцы с приказанием строить военные корабли и грузовые суда, чтобы принять участие в предстоящем походе. Большинство островов и многие области Греции (например, Фивы, Аргос и Эгина) ответили согласием на требование вестников персидского царя, и лишь Спарта и Афины отказались признать власть Дария и даже убили послов (афиняне бросили их в пропасть, а лакедемоняне — в колодезь). Г. Бенгтсон считает это сообщение Геродота противоречащим исторической вероятности, поскольку афиняне ранее помогали восставшим ионийцам и, следовательно, находились в состоянии войны с Персией. Поэтому, полагает он, Дарий вряд ли стал бы посылать своих вестников в Афины [94, с. 47]. Однако с этими доводами согласиться трудно, так как, во-первых, афиняне бросили ионийцев на произвол судьбы и, во-вторых, у Дария было много сторонников в Афинах.

Персы начали готовиться к новому походу; официально было объявлено, что целью войны является наказание афинян и эретрийцев за их помощь малоазийским грекам в борьбе с персами. Но истинная цель была другая. Дарий рассчитывал на то, что захват Аттики во главе с ее столицей Афинами приведет к покорению всей Греции. К тому же изгнанные из Афин и бежавшие к персам тираны Писистратиды подстрекали Дария к захвату Афин, чтобы вернуть себе утраченную власть.

Дарий в 492 г. отстранил от командования Мардония, обвинив его в неудачах первого похода против Греции. Сухопутную армию возглавил Артафрен, сын лидийского сатрапа с тем же именем и племянник Дария, а командующим флотом был назначен мидиец Датис [см. о нем 271]. По Геродоту, флот насчитывал 600 кораблей, но большая часть их была транспортными судами для переброски пехоты и конницы. Оба полководца получили приказ захватить в плен и доставить к Дарию афинян и эретрийцев.

Летом 490 г. персидский флот был сосредоточен у берегов Киликии. Туда же были направлены и грузовые суда для перевозки лошадей. В Киликии собрались также конница и пехота. Учтя опыт прошлых неудач, персидские полководцы решили переправить войско на кораблях через Эгейское море, не подвергая флот новым опасностям у беспокойного мыса Афон, а также набегам фракийцев, которых трудно было держать под эффективным контролем.

Персы высадились на Наксосу, который все еще оставался непокоренным, завоевали и опустошили его. Большинство насе-

ления острова бежало в горы. Затем персидская армия прибыла в Эретрийскую область на Эвбее. Эретрия была разделена на враждующие политические партии, причем аристократы выступали за оборону своего города, а демократы были склонны сдать его. Шесть дней эретрийцы сопротивлялись персам, но на седьмой день демократы сдали город, надеясь, что теперь их партия придет к власти. Однако персы разграбили и сожгли город и храмы, а его жителей увели в рабство. Они были доставлены в Сузы и затем по приказу Дария поселены в деревне Ардерикка в эламской области Киссии [см. 185, с. 350 и сл.].

Таким образом, одна из целей похода была достигнута, и персидские полководцы могли надеяться на успех и в Афинах. Однако чрезмерная жестокость персов в Эретрии должна была лишь усилить решимость афинян. Через несколько дней после опустошения Эретрии персидская армия с помощью опытных греческих проводников направилась на кораблях в Аттику и высадилась на равнине Марафон, в 40 км от Афин. Равнина эта тянется в длину на 9 км, ширина ее составляет 3 км. Она была выбрана для высадки потому, что там можно было легко развернуть конницу. Кроме того, когда-то землевладельцы на этой равнине и в ее округе были опорой тирана Гиппия, который теперь указывал персам путь против своей родины Афин. Датис полагал, что либо афинская армия подойдет к Марафону и он разгромит ее, либо же, если афиняне не решатся выступить, персы сами направятся к их городу. Это был период, когда персы еще господствовали на море и легко могли блокировать Афины с моря, мешая подвозу хлеба. Персидская армия вряд ли насчитывала более 15 000 человек, поскольку на кораблях трудно было доставить слишком много конницы. Среди воинов, возможно, были и вавилоняне, о чем может свидетельствовать находка на поле боя в Марафоне вавилонской цилиндрической печати [см. 319, с. 29]. Утверждение Корнелия Непота о том, что на Марафоне высадилось 100 000 персидских воинов, является вымыслом более позднего времени, рассчитанным на прославление афинского ополчения.

МАРАФОНСКАЯ БИТВА

Афиняне оказались в трудном положении, и им не пришлось надеяться на помощь со стороны: Соседняя область Беотия была враждебна к ним и открыто приветствовала появление персов. В самих Афинах продолжалась постоянная борьба между аристократической и демократической партиями. Часть афинян готова была помочь персам и втайне надеялась на их победу. Гиппий, последний афинский тиран, лишенный власти, изгнанный из страны двадцать лет назад и в течение этого времени являвшийся правителем подвластного персам города Сигей на Гелеспонте, теперь, на старости лет, вместе с персидской армией

вернулся в Аттику, где его ждали тайные сторонники. В частности, к этому времени в Афинах знатный род Алкмеонидов, будучи оттесненным от власти своим политическим противником Мильтиадом, объединился со сторонниками Гиппия, который надеялся с их помощью вернуть себе власть. Многие были против рискованной войны с персами, боясь потерять в случае поражения свое богатство и влияние. Наоборот, у них был большой соблазн сдать Афины персам и извлечь из этого все возможные для себя выгоды. Немало афинян обвиняли Алкмеонидов в сговоре с персами и Гиппием. Правда, Геродот энергично отвергает эту версию, но, во-первых, он не отрицает, что персы имели своих сторонников в Афинах, а, во-вторых, стремится отвести обвинение в сговоре с персами от Алкмеонидов, поскольку он сам принадлежал к литературному кругу Перикла, великого афинского государственного деятеля, который происходил из рода Алкмеонидов и поклонником которого был отец истории. Как мы выше видели, Клизфен из рода Алкмеонидов еще в 507 г. дал персам «землю и воду» и был наиболее влиятельным персофилом в Афинах. Попутно нужно отметить, что позднее, в ходе Греко-персидских войн, когда Алкмеониды увидели решимость народа бороться против персидского порабощения, они восприняли новую политику и дали Афинам несколько выдающихся вождей демократии.

Когда персидская армия высадилась на Марафоне, в афинском народном собрании происходили острые споры относительно тактики предстоящей войны с персами. Известный полководец Мильтиад, вождь консервативных аграриев, входивший в число десяти афинских стратегов (высших военных руководителей), опасался предательских действий сторонников проперсидской ориентации в Афинах и поэтому настаивал на немедленном выступлении против персов. Вождь радикальной демократии Фемистокл также горячо выступал за это предложение, и после долгого обсуждения оно было принято народным собранием. Судя по сообщению автора II в. н. э. Павсания (I, 32, 4), афиняне включили в свою армию и рабов, обещав даровать им свободу.

Афинское войско, которое состояло из 10 000 человек, направилось на Марафонскую равнину. Туда же прибыло около тысячи воинов из союзного беотийского города Платеи, расположенного на границе с Аттикой. Одновременно в Спарту был послан известный скороход Фидиппид, который на второй день достиг этого города и передал властям просьбу афинян о помощи. Спартанцы обещали помочь, но не спешили послать войско, ссылаясь на старинный обычай, согласно которому до полнолуния нельзя было выступать в поход. От остальных греков афиняне и не ждали помощи, ибо в лучшем случае эллины относились безразлично к судьбе афинян, дерзнувших на борьбу с «великим царем», и считали исход войны заранее предрешенным. Известный поэт Феогнид Мегарский, который еще до вы-

садки персов на Марафоне призывал к сопротивлению «мидийцам», перед лицом реальной опасности растерялся и оказался способным лишь просить помощи у бога Аполлона. Но главное святилище Аполлона — Дельфийский храм был скорее на стороне персов и фактически стремился парализовать сопротивление греков [см. литературу: 312, с. 160]. Среди эллинов афиняне имели и прямых врагов. Так, соседний остров Эгина, являвшийся давним соперником Афин, готов был выступить в союзе с персидской армией и воздержался от этого лишь из-за противодействия своего покровителя Спарты, опасавшейся, что за захватом Аттики персами последуют нападение на Пелопоннес и его морская блокада.

Реконструкции хода Марафонской битвы посвящена большая историческая и военная литература. Традиционное освещение этого боя, предлагаемое, например, учебниками истории, сводится к следующему: относительно тактики войны афинские стратеги не были единодушны, и многие были против немедленной битвы, но Мильтиаду и его сторонникам с большим трудом удалось настоять на том, чтобы напасть на персов, и нанести им поражение.

В действительности же события развивались по-иному. На Марафоне обе стороны выжидали несколько дней, не решаясь вступить в бой. При этом персидская армия располагалась на открытой равнине, где можно было применить конницу и где Датис хотел дать сражение. Афиняне, у которых совсем не было конницы, собрались в узкой части равнины и не намерены были выходить оттуда, ибо там персидские всадники не могли действовать. Между тем положение персидской армии становилось трудным, и Датис, безуспешно ожидавший выступления своих союзников в Афинах, должен был принять решение относительно дальнейших действий. Он, вероятно, знал о намерении спартанцев выступить после новолуния и, естественно, хотел решить исход войны еще до их появления. В то же время он не мог двинуть армию в теснины, где расположились афинские воины. Датис внимательно следил за положением в Афинах, откуда он ждал сигнала (поднятый над городскими стенами щит) о захвате города сторонниками свергнутого тирана Гиппия. В Афинах сторонники персов готовы были действовать, но не решались взять на себя риск и, в свою очередь, ждали, пока персидская армия нанесет поражение афинским воинам. Спартанцы могли вскоре подойти на помощь афинянам. Датис не хотел больше ждать и решил перебросить по морю часть армии против Афин, чтобы захватить их. Для этого ему пришлось разделить армию и сделать рискованный шаг, от которого он до сих пор воздерживался. Часть войска, включая конницу, была посажена на корабли, вероятно, ночью при свете луны. Теперь успех операции зависел от фактора неожиданности. Однако Мильтиад догадывался о планах Датиса или, может быть, точно знал о них через ионийцев в персидском лагере. Мильтиаду доложили о том,

что конница уже посажена на корабли и на равнине осталась лишь легковооруженная пехота⁹⁹. Теперь у него не было оснований опасаться противника.

Настало утро 12 августа 490 г. [о хронологии см. 122, с. 257]. Афинское войско быстро выстроилось, оставило свои позиции и стремительным маршем двинулось вниз на врага, чтобы дать решающее сражение. Боевая линия афинян оказалась равной персидской, но в центре у них было меньше рядов, чем у противника. Такая расстановка сил находилась в соответствии с традиционной тактикой обеих сторон: персы располагали лучшие части в центре, а греки стремились любой ценой одержать победу на флангах, чтобы затем повернуться против центра врага.

Персидские воины боролись мужественно, в центре персы и саки смяли афинские ряды и стали преследовать их. Но на флангах у персов было меньше сил, и там они потерпели поражение. Затем афиняне и платейцы стали биться с персами, прорвавшись в центр. После этого персы начали отступать, неся большие потери. При этом особенно пострадала лучшая часть войска, составлявшая центр персидской боевой линии, оказавшись теперь в окружении. Многие бежавшие попали в илистое озеро у Марафона и были там безжалостно истреблены [ср. 33, с. 196 и сл.; 122, с. 246—250]. На поле боя осталось 6400 погибших персов и их подданных и всего 192 афинянина. Платейцы также понесли потери, но число их неизвестно.

Уцелевшая часть персидского войска села на корабли и направилась к Афинам. Афинские воины захватили семь персидских кораблей и поспешили домой, куда прибыли раньше персов. После этого персидской армии оставалось только отплыть обратно в Малую Азию.

Когда наступило новолуние, Спарта послала 2000 воинов на помощь афинянам. Однако это войско прибыло, когда сражение было закончено. Спартанцы с интересом осмотрели трупы павших персов, которых они видели впервые, и вернулись домой.

Победа при Марафоне была первым успехом греков в борьбе с персидской армией, которая до того времени считалась непобедимой. По существу, победу эту одержали афиняне, которых поэт Симонид, современник событий, назвал передовыми борцами за свободу эллинов.

Поражение персов было вызвано целым рядом причин. Хотя их армия несколько превосходила численно афинскую, только часть ее смогла вступить в бой, а конница оставалась в стороне. Кроме того, персы действовали в незнакомой стране и проделали до этого большой путь. Греческие тяжеловооруженные пехотинцы (гоплиты) были закованы в железо, и легковооруженные персидские лучники не смогли расстроить их ряды. А когда начался рукопашный бой, лучники не сумели принять в нем активного участия. Большое значение имело и то, что афинским войском руководил талантливый полководец Мильтиад, который был хорошо знаком с персидским военным делом, так как во

время скифского похода он служил в армии Дария. Наконец, нельзя забывать также, что афиняне боролись за свою страну, свободу и за сохранение нарождавшегося демократического строя; они знали, что в случае поражения были бы выселены из своих родных мест и обращены в рабство. Поэтому афинянам оставалось либо погибнуть, либо победить.

Афиняне очень гордились своей победой при Марафоне. По свидетельству Павсания (I, 15, 3), среди картин на общественных зданиях в Афинах почетное место занимали сцены Марафонского сражения. На них были запечатлены наступающие афиняне и платейцы и бегущие, толкая друг друга, персы. Часть персов была изображена спасающимися на финикийских кораблях. Сохранился также персидский шлем, который был пожертвован в один из храмов в качестве трофея Марафонской битвы. На нем имеется надпись: «Зевсу от афинян, которые взяли его у мидийцев».

Однако победа при Марафоне имела скорее моральное, чем военное, значение. Лишь небольшая часть персидского войска понесла поражение, и Дарий справедливо считал, что проиграл сражение, но не войну. У него были даже некоторые основания полагать, что он одержал в материковой Греции победы, поскольку многие города дали ему «землю и воду». Поэтому он в одной из своих надписей заявляет, что ему были подвластны «ионийцы, которые на море; и те, которые за морем» [DSe, 27—29].

Другое отношение к Марафонской битве было в Афинах, где считали, что теперь наступил конец войне. Но и там проницательный Фемистокл отлично понимал, что Марафон — лишь эпизод, начало долгой и тяжелой борьбы. Но, к счастью для себя, из-за последовавшего в Ахеменидской державе кризиса греки получили десять лет передышки.

ВОССТАНИЯ В ЕГИПТЕ И ВАВИЛОНИИ

Дарий не оставлял мысли о новом походе против Греции. После Марафонской битвы он убедился, что с помощью немногочисленной армии покорить греков не удастся. Подготовка похода требовала времени, и Дарий стал рассылать гонцов в разные области своей державы с приказанием снаряжать войска и корабли и собирать продовольствие. Три года шла подготовка к войне, но на четвертый (486 г.) в Египте вспыхнуло восстание против персидского господства. Причиной восстания послужили тяжелый налоговый гнет и угон тысяч ремесленников в Иран для сооружения царских дворцов в Сузах и Персеполе. Однако вряд ли вопреки распространенному мнению поводом к восстанию послужила битва при Марафоне.

Живую картину начала мятежа дает письмо египетского чиновника Хнумемахета сатрапу Ферендату, отправленное из

города Элефантины 5 октября 486 г. В письме сообщается, что египетский чиновник Осорвер велел Хнумемахету взять с собой Артабана, персидского командира иудейского гарнизона на острове Элефантине, и отправиться в Эфиопию, чтобы доставить оттуда на корабле зерно. Привезенное зерно по распоряжению Артабана было выгружено на берег, между тем мятежники так обнаглели, что показываются даже среди белого дня, а ночью могут напасть и унести зерно. Поэтому отправитель письма просит сатрапа страны приказать Артабану установить стражу на корабле и выгружать на берег лишь столько зерна, сколько можно доставить на лодке в город Сиен (ныне Асван) на Элефантине [см. Spiegelberg, с. 604 и сл.]. Следовательно, к началу октября волнения перекинулись и на Элефантину, расположенную на юге страны. К концу того же месяца они вылились в открытое восстание.

В ноябре 486 г. Дарий, которому исполнилось 64 года¹⁰⁰, умер, процарствовав 36 лет и не успев восстановить в Египте свою власть. Еще до своей смерти он распорядился соорудить себе гробницу в 5 км к северо-западу от Персеполя, в скалах местности, носящей теперь название Накш-и Рустам, т. е. «Изображение Рустама» (средневековое предание приписывало памятник на скале этому легендарному герою). В эламских персепольских текстах крепостной стены упоминается местность Нупишти (из др.-перс. *нипишти* — «расписанное»), которую И. Гершевич и В. Хинц независимо друг от друга отождествили с Накш-и Рустамом как его более древнее название. Оба исследователя, в частности, исходят из упоминания у автора XII в. н. э. ал-Балхи горы Кух-и Нибишт («Гора письмен») близ города Истахр, который был расположен у древнего Персеполя. Судя по персепольским текстам, близ Нупишти находились и царские имения-парадисы. По-видимому, название Нупишти (в эламской транскрипции) было дано этому месту из-за высеченных на скале надписей Дария I (если не из-за еще более раннего эламского рельефа). Самое раннее упоминание Нупишти в документах относится к 497 г. Работы по сооружению гробницы на скале продолжались много лет, в 490 г. туда была направлена дополнительная партия каменотесов [см. РТТ, 9; 172, с. 177—179; 220, с. 425 и сл.].

За много веков до Дария какой-то эламский царь велел высечь на утесе в Накш-и Рустаме рельеф со своим изображением. Под этим утесом, на высоте около 20 м, сооружена гробница Дария, которая в стиле древних иранских традиций выдолблена в скале. В усыпальнице, в которую ведет дверь, в громадных нишах расположены три массивных саркофага, в одном из которых покоилось тело Дария, а в двух других — тела членов его семьи. Вход в гробницу образует портик с четырьмя колоннами. Над портиком возвышаются скульптурные изображения. Дарий в окружении своих придворных восседает на троне, который держат представители тридцати народов державы,

запечатленные с детальной передачей характерных для них антропологических и этнографических особенностей. Изображения сопровождаются надписями-ярлыками, указывающими на этническую принадлежность всех тридцати представителей. Дарий в левой руке держит лук, правая рука поднята к Ахурамазде, который парит над всем памятником. Справа стоит алтарь со священным огнем.

Слева от Дария изображены три его главных телохранителя. Один из них, согласно надписи, — «Гаубарува, патейсхорец, копьеносец царя Дария». Он держит длинное копье, которое, по-видимому, воспроизводит принадлежавшее самому царю. Кроме того, он вооружен еще луком и колчаном. Второй телохранитель — Аспатин, снаряжен боевым топором и колчаном. Его изображение сопровождается надписью: «Аспатин, колчаносец царя Дария. . .» (Аспатин представлен также на рельефах у Тронного зала и сокровищницы в Персеполе, но там нет каких-либо надписей). Третий сановник держит в руках посох Дария [см. 355, т. I, с. 133 и сл., 165 и сл., т. III; 219, с. 53 и сл.; 111, с. 388 и сл.]. По сообщению Ктесия (фр. 15), Гистасп, отец Дария, умер в возрасте 70 лет, упав при посещении погребального памятника своего сына, когда там еще шли строительные работы. Исходя из этого, В. Хинц полагает, что гробница Дария была завершена около 510 г., когда Гистасп умер [220, с. 425 и сл.]. Но, как мы выше видели, в 490 г. там еще не были закончены каменотесные работы. Рядом с усыпальницей Дария сохранились еще три гробницы ахеменидских царей, но при них нет надписей. По всей вероятности, это гробницы Ксеркса, Артаксеркса I и Дария II. Об этих могилах упоминает в своем труде Диодор (VI, 17, 71).

Еще до смерти Дария происходили продолжительные споры и гаремные распри относительно того, кто будет его преемником на престоле. У Дария до воцарения было три сына от дочери Гобрия, старшего из которых звали Артобазаном, а после восшествия на престол у него родились четыре сына от Атоссы, дочери Кира II. В стране не существовало строгого порядка престолонаследия, и Дарий в конце концов остановил свой выбор на Ксерксе¹⁰¹, старшем сыне от Атоссы, основываясь на том, что тот родился, когда его отец уже был царем, и, кроме того, приходился внуком Киру II. Таково вполне достоверное сообщение Геродота. Плутарх (Мог. 488d) пишет, что старшего сына Дария звали Ариамен и он уступил престол Ксерксу, поскольку персидские законы требовали передачи трона старшему из царских сыновей, родившемуся после вступления отца на престол. Этот поступок Ариамена Плутарх называет образцом «ничем не запятнанной братской любви». Согласно Геродоту, споры относительно назначения преемника Дария происходили за год до смерти последнего, а по Плутарху — лишь после его кончины.

Ф. В. Кёниг и вслед за ним и некоторые другие ученые высказывали мнение, что Дарий отрекся от престола, когда ему исполнилось 52 года, и в течение 11 лет после этого до своей смерти

был частным лицом, а на троне сидел Ксеркс. Сравнительно недавно в пользу такого предположения выступил и В. Нагель, который полагает, что в возрасте 52 лет персидские цари уходили с престола. При этом Нагель оговаривается, что, если наследнику престола еще не исполнилось 26 лет, царь мог править, будучи и старше 52 лет. Э. Херцфельд, Ф. Х. Вейсбах и Ю. Юнге, ссылаясь на надпись, найденную в фундаменте здания одного из дворцов Персеполя (XPh), полагали, что Ксеркс был соправителем Дария [256, с. 95; 210, с. 38; 299, с. 356 и сл.; 206, с. 4—7; 207, с. 117—125; 404, с. 318—321; 238, с. 24, примеч. 4; ср. критику этих взглядов у Х. Х. Шедера: 349, с. 503 и сл.]. Но такое мнение находится в противоречии с данными источников. В упомянутой надписи Ксеркс заявляет: «Когда мой отец Дарий ушел с трона, я милостью Ахурамазды стал царем». Выражение «ушел с трона» некоторые исследователи понимают так, что Дарий удалился от государственных дел, передав власть Ксерксу. Однако в аккадском варианте той же надписи сказано, что Дарий «отправился к своей судьбе», т. е. умер, и после этого Ксеркс стал царем. Согласно Геродоту (VII, 3), как уже говорилось, Дарий назначил Ксеркса своим преемником за год до своей смерти. Но из этого вовсе не следует, что Ксеркс был соправителем Дария.

В той же надписи Ксеркс заявляет: «Мой отец — Дарий. Отцом Дария был Виштаспа, отцом Виштасы был Аршама. Виштаспа и Аршама — они оба были живы, но у Ахурамазды было такое желание, что он сделал Дария... царем на этой земле... У Дария (и) другие сыновья были, но у Ахурамазды было такое желание, что Дарий сделал меня величайшим после себя». Здесь, очевидно, отразились отголоски борьбы за престол, с которой пришлось столкнуться Ксерксу.

На некоторых рельефах из Персеполя Ксеркс изображен в полный рост как наследник престола, стоящим за спиной Дария, который сидит на троне. Эти рельефы обычно не сопровождаются надписями, но один скульптурный портрет, изображающий Ксеркса в парадной одежде у входа во дворец, рядом с Дарием, имеет надпись: «Ксеркс, сын царя Дария, Ахеменид».

При вступлении на престол в декабре 486 г. Ксерксу было около 36 лет. Перед ним стояло много трудных задач, и о завещанном Дарием походе против греков пока нечего было и думать. Ксерксу, вероятно, понадобилось некоторое время, чтобы укрепить свою власть и произвести обычные при смене правления перемещения в высшем государственном аппарате. Впрочем, он начал с того, что заявил о своей верности морально-этическим принципам, которые ранее были провозглашены Дарием в Накши-рустамской надписи «б», и велел от своего имени составить аналогичный текст. Он найден около Персеполя и, по существу, является лишь копией надписи Дария [см. 219, с. 45 и сл.]. Ксеркс, повторяя дословно кредо Дария, заявляет, что он мудр и деятелен, друг правде и враг беззаконию, защищает слабого от притеснений сильного, но и сильного оберегает от несправедливости со стороны

слабого, умеет владеть своими чувствами и не принимает поспешных решений, наказывает и вознаграждает каждого в соответствии с его проступками и заслугами. Он также говорит о своих высоких физических качествах воина; по крайней мере эта часть его апологии не находится в противоречии с сообщением Геродота о том, что Ксеркс; когда он стал царем, был высоким, статным, красивым человеком в расцвете лет.

В январе 484 г. Ксерксу удалось подавить восстание в Египте. Дата эта устанавливается из надписей одного персидского чиновника, происходящих из Коптоса и относящихся к 486 и 484 гг. Некоторые ученые полагают, что Ксеркс лично руководил карательными действиями [109, с. 112], но источники не дают оснований для такого предположения. Египет подвергся безжалостной расправе. Имущество многих храмов было конфисковано. Если Камбиз и Дарий внушали египетскому народу, что они продолжатели древних традиций фараонов, приняли их титулатуру, поклонялись местным богам, всячески подчеркивали свое уважение к древней культуре и обычаям, называли себя царями Египта, то Ксеркс демонстративно обращался с этой страной как с завоеванной провинцией. В отличие от своих предшественников на персидском престоле он никогда не был в Египте (в этом позднее его примеру последовал Артаксеркс I) и не принял титула «царь Египта». В египетских надписях, он как и Дарий I и Артаксеркс I, назван «великим фараоном», а в арамейской надписи из Мемфиса — «царем царей» [137, № 71]. В Египте нет никаких памятников, сооружение которых связано с именем Ксеркса. Правда, работы в каменоломнях Вади-Хаммамата продолжались, и оттуда сохранилось шесть надписей, датированных царствованием Ксеркса [169, с. 8]. Но добываемый там камень использовался уже не для сооружения зданий, а для саркофагов. Начиная со времени Ксеркса до царствования Дария II египтяне допускались лишь на самые низшие должности в государственном аппарате. Спустя много десятилетий жрецы храма Буто называли Ксеркса за конфискацию храмовой земли не иначе как «этот злодей» [375, с. 203; 248, с. 68 и сл.]¹⁰². Еще до смерти Дария для погребения священного тельца был приготовлен роскошный саркофаг из гранита, но эпитафия на нем нацарапана поспешно и грубо [312, с. 235]. Очевидно погребение состоялось во время подавления восстания, и жрецам было не до культовых обрядов. Взамен Ферендата, по-видимому погибшего во время восстания, Ксеркс назначил сатрапом Египта своего брата Ахемена.

Теперь Ксеркс намеревался начать подготовку к походу против Греции. Но в месяце таммуз второго года его правления (июнь—июль 484 г.) вспыхнуло новое восстание, на этот раз в Вавилонии [109, с. 110 и сл.; 125, с. 314 и сл.; 393, с. 464 и сл.; 344, с. 335; 394, с. 73 и сл.]. Причинами восстания, как и в Египте, были налоговый гнет, угон жителей на строительные работы в Иран, большие расходы на содержание персидских гарнизонов и сатрапского двора. Восставших возглавил некий Бел-шиманни. Судя по доку-

ментам, датированным по его царствованию, мятежникам удалось захватить кроме Вавилона также города Борсиппа и Дилбат.

Весть о мятеже достигла Ксеркса, когда он проводил лето в Экбатанах. Но волнения удалось легко подавить (возможно, за две недели, которыми ограничиваются документы, датированные по царствованию Бел-шиманни), зачинщики были наказаны, однако Ксеркс воздержался от сурового возмездия. Он хорошо знал Вавилон, так как начиная с 498 г. подолгу жил там во дворце, специально выстроенном для него, и не хотел разрушать город, который, вероятно, любил. Однако в августе 482 г. вавилоняне снова восстали, теперь под руководством Шамаш-рибы¹⁰³. Мятежники легко добились крупных успехов, захватив Вавилон, Борсиппу, Дилбат и другие города, поскольку большая часть воинов персидских гарнизонов, размещенных в этой стране, была направлена в Малую Азию для участия в предстоящем походе против Греции. Это восстание было особенно опасным, так как Ксеркс уже собирался начать войну с греками и поэтому не мог допускать мятежей в тылу.

Подавление восстания было поручено зятю Ксеркса Мегабизу (др.-перс. Багабухша), внуку Мегабиза, который принимал участие в убийстве Гауматы. Осада Вавилона длилась несколько месяцев и, по-видимому, завершилась в марте 481 г.¹⁰⁴ суровой расправой. Городские стены и другие укрепления были срыты. Возможно, что некоторые жилые дома также были разрушены, хотя, судя по археологическим раскопкам, большинство домов частных лиц не пострадало. Даже течение реки было отведено, и Евфрат, по крайней мере на время, отделил жилую часть города от его святилищ. Часть жрецов была казнена. Главный храм страны Эсагила (святилище верховного вавилонского бога Мардука) и зиккурат Этеменанки также сильно пострадали. Многие предметы из сокровищницы этого храма, посвященные туда ассирийскими и вавилонскими царями, были увезены в Персеполь. Так, в развалинах персепольской сокровищницы найдены цилиндрические печати с изображениями вавилонских богов Адада и Мардука. На печати Адада сохранилась надпись: «Собственность бога Мардука. Печать бога Адада из храма Эсагила» [355, т. I, с. 174 и 179, т. II, с. 56 и сл., 64 и 67]. Золотая статуя бога Мардука весом 20 талантов (около 600 кг) была увезена в Персеполь и, вероятно, переплавлена¹⁰⁵. Тем самым Ксеркс нанес этому древнему городу страшный удар, так как теперь, по вавилонским представлениям, никто не мог провозгласить себя законным царем. Ведь для восшествия на трон необходимо было получить корону из рук Мардука в Эсагиле во время новогоднего праздника. Именно так ассирийские, вавилонские и персидские цари, включая самого Ксеркса, становились законными властителями страны. Отныне в Вавилоне не было статуи Мардука и новогодний праздник перестали справлять. Тем самым Ксеркс ликвидировал Вавилонское царство, формально еще со времен Кира II считавшееся отдельным и входившее в состав Ахеменид-

ской державы на правах унии с персидскими царями. Вавилония была низведена на положение рядовой сатрапии, и ее столица навсегда утратила свое политическое значение (полтора века спустя Александр Македонский собирался сделать Вавилон своей столицей, но после его смерти этот замысел был оставлен)¹⁰⁶. Одновременно были произведены важные изменения и в сатрапской организации. При Кире II, как отмечалось, была создана единая провинция Вавилония и Заречье (страны к западу от Евфрата), охватывавшая территорию всего Нововавилонского царства. Хотя при Дарии I эта сатрапия была разделена на две, тем не менее обе они управлялись из Вавилона, поскольку областеначальник Заречья подчинялся вавилонскому наместнику. Теперь по распоряжению Ксеркса, Вавилония была присоединена к вновь созданной сатрапии Ассирия, а Заречье стало самостоятельной провинцией и заняло ведущее место среди западных сатрапий. После этого потерял свое значение и традиционный титул ахеменидских правителей «царь Вавилона, царь стран», официально принятый Киром II и его преемниками в Вавилонии. В самом начале своего правления такой титул носил и Ксеркс, но еще в первом году своего царствования он расширил его и стал в Вавилонии называться «царем Персии, Мидии, Вавилона и стран» [VS, IV, 194]. К лету 481 г. писцы и все должностные лица Вавилонии получили предписание, что отныне во всех официальных и деловых документах Ксеркса надо величать в соответствии с его иранским титулом «царем стран». В Иране Ксеркс сохранил традиционные титулы ахеменидских правителей «царь стран, царь царей», как и его преемник Артаксеркс I, который в арамейско-лидийской билингве из Сард назван «царем царей» [385, с. 185].

После подавления восстания Вавилон перестал существовать как священный город и в определенной мере потерял свое значение крупнейшего экономического центра. Об этом, в частности, свидетельствует и резкое уменьшение количества хозяйственных текстов. После второго года царствования Ксеркса из Сиппара не сохранилось ни одного документа, и, возможно, прав И. Эльснер, полагающий, что этот город также был разрушен [308, с. 145]. Если верить Плутарху (Мог. 173С), после подавления восстания Ксеркс запретил вавилонянам носить оружие. Однако из труда Геродота видно, что вавилоняне принимали участие в походе Ксеркса на Грецию. Диодор (II, 9, 9) пишет, что после мятежа лишь незначительная часть Вавилона была обитаема, а большую часть города отвели под посевы. По всей стране земли, принадлежавшие участникам восстания, были конфискованы и пожалованы персидской знати. Сообщение Геродота (I, 196) о разорении Вавилона, по всей вероятности, относится именно к периоду после восстания при Ксерксе. Правда, позднее Вавилону удалось до некоторой степени возродить свое значение экономического центра страны. Геродот, который видел Вавилон через 20—30 лет после восстания, говорит о нем как о городе 100 ворот. Но многое из его описания взято из устных рассказов, а не из личных наблю-

дений. Так, он упоминает восьмиэтажную башню, однако к его времени Этеменанки был в руинах, хотя стены еще стояли. Во всяком случае, Геродот не мог видеть святилище Мардука на самой вершине башни. Кроме того, судя по археологическим данным, Вавилон уже не имел городских стен. Хотя Геродот многократно упоминает эти стены, он мог видеть лишь их основания [286, с. 338].

Наряду с Сузами и Экбатанами Вавилон все же оставался царской резиденцией, и отсюда происходят фрагменты строительных надписей Дария I и Артаксеркса II [407, с. 48 и сл.]. Персидские цари закладывали в Вавилоне сады с павильонами, а в 345 г. Артаксеркс велел выстроить там ападану. До своего воцарения Дарий II долго жил в Вавилоне. Что же касается Вавилонии в целом, то из «Анабасиса» Ксенофонта видно, что на рубеже V—IV вв. она оставалась богатой и процветающей страной.

ПОХОД ПРОТИВ ГРЕЦИИ

Мардоний, сын Гобрия и зять Дария, который возглавлял персидскую армию во время похода во Фракию и затем был отстранен от своей должности за военные неудачи, был позднее реабилитирован, когда его преемник Датис потерпел поражение в Марафонском бою. Мардоний стал побуждать Ксеркса к новому походу против Эллады. Одновременно из Фессалии, греческой области к северу от Аттики, прибыли послы к Ксерксу, приглашая персов идти в поход против материковых эллинов и обещая свою полную поддержку. С такой же просьбой обращались к персидскому царю и афинские изгнанники. Геродот (VII, 8—11) рассказывает, что Ксеркс созвал совет знатных персов, чтобы обсудить вопрос о предстоящей войне. На этом совете Мардоний решительно высказался в пользу похода, Артабан же, сын Гистаспа (др.-перс. Виштаспа) и дядя Ксеркса, предостерегал о трудностях войны против Греции и был против похода. Если верить Геродоту, увещевания Артабана были сочувственно встречены персидской знатью, присутствовавшей на совете.

Но Ксеркс стремился к мировому господству, да к тому же власть персов в Малой Азии и на севере Балканского полуострова была в постоянной опасности, пока материковые греки оставались независимыми. Поэтому в 483 г. Ксеркс распорядился начать все необходимые приготовления к походу. Официально целью похода было покорение Афин и Спарты, которые отказались дать «землю и воду», фактически же Ксеркс желал покорить всю Грецию.

В том же 483 г. было решено прорыть канал в восточной части полуострова Халкидика через песчаный перешеек горы Афон, чтобы флот не стал жертвой новой бури, как это случилось в 492 г. (следы этого канала обнаружены при недавних археологических исследованиях) [см. 94, с. 51]. Для переправы армии на Геллес-

понте у Абидоса были сооружены два понтонных моста длиной 7 стадий (около 1360 м). Таким образом, эти мосты, наведенные через пролив, отделяющий Европу от Азии, соединили две части света. Все работы, о которых Геродот (VII, 22—24) подробно рассказывает, продолжались в течение трех лет под руководством персов Бубара и Артаха. Отдельные участки канала были разделены между разными народами (как местными греками, так и азиатскими подданными) по жребию, и люди непрестанно работали под ударами бичей надсмотрщиков, сменяя друг друга. Ширина канала была такова, что по нему одновременно могли плыть две триеры. Финикийцы и египтяне изготовили из волокон льна и папируса канаты для мостов. Поздние античные авторы и ораторы (Исократ и др.) насмехались над этими сооружениями как памятниками безумию и мании величия Ксеркса. Однако соорудить канал было безопаснее и дешевле, чем таскать корабли по суше, а мосты позволили избежать погрузки на корабли и последующей разгрузки огромной армии с большим числом лошадей, верблюдов и мулов [см. 122, с. 318—320].

Одновременно в заранее намеченных пунктах устраивались склады продовольствия, куда из Азии на грузовых судах была доставлена мука. Особенно много таких складов было вдоль побережья Македонии и Фракии; частично их запасы пополнялись из местных ресурсов.

Шла также дипломатическая подготовка к войне. Естественным союзником персов в борьбе против греков были карфагеняне, давние торговые конкуренты эллинов, которые к тому же воевали с ними в течение десятилетий за захват земель на Кипре и в Южной Италии. Теперь персидские дипломаты стали натравливать Карфаген на сицилийских греков, чтобы последние оказались не в состоянии прийти на помощь своей метрополии. Если верить Диодору (XI, 1, 20) и другим античным авторам, Ксеркс заключил договор с Карфагеном, и обе стороны условились выступить против греков одновременно весной 480 г. Когда полчища Ксеркса двинулись на Грецию, Карфаген направил мощный флот и большую армию против Сицилии, чтобы покорить ее [см. 294, т. III, с. 356 и сл.; 94, с. 52—54].

Тем временем Фемистокл неустанно убеждал афинян готовиться к отпору персам. Он указывал на необходимость усиления флота, поскольку персы располагали большим флотом, состоявшим из финикийских, ионийских и египетских кораблей. Поэтому передышку в десять лет афиняне использовали прежде всего для создания мощного флота. Доходы с Лаврийских серебряных рудников, которые раньше распределялись между гражданами, теперь решено было направить на сооружение новых кораблей. Было построено двести триер, и тем самым положено начало будущему величию Афин как морской державы.

За прошедшее после Марафонской битвы десятилетие изменилось и отношение многих греческих государств к предстоящей войне. Теперь они готовы были к совместным действиям против

общего врага. Осенью по приглашению Спарты на Коринфском перешейке состоялся конгресс тридцати греческих государств, которые решились оказать сопротивление персам или же еще колебались в выборе между войною и капитуляцией. На конгрессе ведущую роль играли Спарта и Афины, ядром наметившегося союза были государства, расположенные на Пелопоннесе. По решению конгресса все войны между греческими государствами запрещались. Кроме того, конгресс постановил, что греческие города, которые добровольно примкнули к персам, не будучи вынужденными к этому в силу крайних обстоятельств, будут наказаны и из их имущества будет отдана десятина богам. Это означало не конфискацию десятой части имущества потенциальных персидских союзников, а полное разорение их и последующую уплату десятины из захваченной добычи.

Многие греческие государства ответили отказом на приглашение послать своих представителей на конгресс и не собирались воевать против персов. Эллы не были объединены для войны, и призыв Спарты и Афин, направленный к созданию общего фронта, имел лишь незначительный успех [ср. 178]. Новообъявленный патриотический лозунг о том, что все эллы имеют общие язык и религию, родственны друг другу и поэтому должны совместно выступить против врага, не был понятен большинству населения и не пользовался популярностью. Еще не существовало общественного сознания, что греки — единый народ, и сторонников персов лишь немногие считали предателями и изменниками. Греки смотрели на себя как на граждан отдельных государств — никто в те времена еще не учил греческих детей любви к Элладе. Несколько веков спустя Плутарх полагал, что в начале V в. до н. э., как и в более позднее время, эллы считали себя единым народом. По его мнению, когда персы напали на греков, последние были объединены общей ненавистью к врагам — варварам. Но, как отмечает С. Я. Лурье, даже Эсхил, лично участвовавший в войне с Персией, не призывал к объединению всех эллинов для разгрома персов. Напротив, он полагал, что Азия со всем ее населением, в том числе и греческим, должна принадлежать Персии [34, с. 83].

По утверждению Геродота (VII, 138), большинство греческих государств не хотело воевать с персами или даже открыто сочувствовало им. Для этого было много причин, основной из которых являлось широко распространенное убеждение, что сопротивление бесполезно и бессмысленно. Земледельческие области Фессалии, Беотии и Локриды, во главе которых стояла родовая аристократия, без колебаний готовы были перейти на сторону персов. Фукидид (III, 62, 3) метко замечает, что в столице Беотии Фивах власть находилась в руках немногих и последние призывали персов, чтобы еще больше упрочить свое положение и держать народные массы в подчинении. Другие государства, такие, как Ахея на севере, не желали быть вовлеченными в войну из-за Афин и других греческих городов, готовых к отпору персам. Аргосцы, которые незадолго

до похода Ксеркса потерпели поражение в войне со Спартой и потеряли тысячи воинов, отнюдь не горели желанием сражаться против персов под руководством спартанских царей. Некоторые даже утверждали, что аргосцы пригласили персов в Грецию, чтобы ослабить своего главного врага — Спарту. К тому же жрица Дельфийского храма дала аргосцам ясный совет оставаться в стороне от войны, если те хотят уцелеть, и они охотно последовали этому совету. Дельфийское жречество, игравшее весьма важную роль в политической жизни Греции, было убеждено в непобедимости персов и поэтому, не желая рисковать своими богатствами, держалось проперсидской ориентации и призывало греков скорее к капитуляции, чем к сопротивлению врагу [ср. 156]. Дельфийские жрецы к тому же знали, что персы хорошо относятся к святилищам бога Аполлона и что, в частности, незадолго до похода Ксеркса полководец Дария Датис преподнес храму Аполлона на Делосе ценные дары.

Таким образом, энергичная дипломатическая деятельность греческих патриотов, направленная к сплочению всех эллинов против персов, больших успехов не имела.

Эллинские послы были направлены также и к Гелону, тирану города Гелы в Сицилии, создавшему сильное государство на этом острове. Послы предупреждали Гелона о том, что если он не окажет помощи материковым эллинам, то персы захватят одну за другой все области с греческим населением, включая и Сицилию. Согласно Геродоту, Гелон встретил послов высокомерно и напомнил им, что материковые греки не пришли к нему на помощь, когда он воевал с карфагенянами. Однако, если верить Геродоту, Гелон обещал выставить для борьбы с армией Ксеркса 200 боевых кораблей, 20 000 гоплитов, 2000 лучников, прашников и легковооруженных всадников, а также согласился снабжать греческое войско продовольствием, но при условии, что командование в войне будет поручено ему. Когда лакедемонские послы твердо заявили, что эллинским войском будут руководить спартанские цари, Гелон потребовал для себя по крайней мере руководства флотом. Против этого спартанские послы, пожалуй, и не стали бы возражать, но афиняне, собравшиеся взять командование флотом в свои руки, заявили Гелону, что они пришли за помощью, а не для приглашения его в предводители. Переговоры, по утверждению Геродота, окончились безрезультатно. Гелон решил выжидать исхода войны и, если победит Ксеркс, заявить о своей готовности дать ему «землю и воду».

Э. Мейер, пожалуй, справедливо считает этот рассказ Геродота о дискуссии между Гелоном и послами из Греции абсурдным, поскольку во время похода Ксеркса сиракузяне были втянуты в войну против Карфагена [294, т. III, с. 356]. Да и из труда самого Геродота (VII, 165—167), ссылающегося на карфагенские и сицилийские источники, видно, что Карфаген вместе со своими союзниками напал на Сицилию и тем самым сделал посылку помощи Гелоном метрополии невозможной.

Эллинские послы были направлены и на Керкиру, остров в Адриатическом море, у западного побережья Балканского полуострова. Керкиряне, которые располагали сильным флотом, обещали помощь, заверив послов, что они не допустят порабощения Эллады. Однако в ходе наступившей войны их поведение было двусмысленным. Снарядив 60 кораблей, керкиряне добрались до Пелопоннеса, но не стали дальше спешить, а выжидали исхода военных действий. На любой случай у них был готов ответ: если победит Ксеркс, они думали сказать ему, что сочувствовали персам и поэтому не оказали помощи эллинам. Если же победителями окажутся греки, керкиряне собирались сообщить, что не смогли прибыть к месту решающей битвы из-за неблагоприятных ветров.

Критяне, которых эллины также просили о помощи, направили своих послов в Дельфы, чтобы запросить оракула, как им поступить. Дельфийское святилище, придерживаясь проперсидской ориентации, дало, как и в других подобных случаях, зловещее прорицание и призвало критян воздержаться от посылки помощи грекам, и те с удовольствием остались в стороне от войны. Таким образом, число греческих государств, решившихся в грозный для Эллады час бороться за свободу, было невелико и у них не было союзников.

После долгой и тщательной подготовки Ксеркс выступил в поход во главе огромной по масштабам того времени армии. Все сатрапии от Египта до Индии послали свои контингенты: одни — пеших воинов, другие — конницу (в частности, арабскую конницу на верблюдах и индийских колесничих), третьи — боевые и грузовые суда и т. д. Геродот дает подробное описание этой разноплеменной армии, состоявшей из представителей сорока шести народов, одежды и вооружения воинов, а также приводит имена полководцев. Как справедливо полагают исследователи, эта часть труда отца истории основана на официальных персидских письменных источниках. В походе принимало участие 29 высших персидских военачальников, в том числе восемь братьев самого Ксеркса. Так, бактрийцами и саками командовал Гистасп, брат Ксеркса, утиями и миками — Арсамен, другой сын Дария. В походе участвовал также Масиста, сын Дария и Атоссы. Среди полководцев были и Мегабиз, незадолго до того подавивший восстание вавилонян, Мардоний, сын Гобрия, Смердомен, сын Отаны. Флотом, состоявшим из кораблей египтян, финикийцев, киприотов, карийцев и малоазийских греков, которые были освобождены от службы в сухопутной армии, командовал сатрап Египта, брат Ксеркса Ахемен. В объединенном штабе всей армии на менее важных должностях использовались также мидийцы, вавилоняне и представители других народов. Ядро армии состояло из иранцев, т. е. персов, мидийцев, бактрийцев и саков. Хотя корабли вели финикийцы, киприоты и представители других морских народов, на каждом судне было определенное число персидских и сакских воинов, которые должны

были предотвратить мятежи или переход кораблей на сторону врага.

По утверждению Геродота (VII, 184), в армии Ксеркса во время похода на Грецию участвовало 1 700 000 пехотинцев, 80 000 всадников на конях и 20 000 — на верблюдах, колесничие, а также экипажи 1207 боевых кораблей и вспомогательные войска, всего 5 283 220 человек. По свидетельству Ктесия (XIII, 27)¹⁰⁷ и Эфора, в армии Ксеркса было 800 000 воинов, по Диодору (II, 3, 7) — более 800 000, а по другим античным авторам — 700 000 человек. Все современные историки без всяких колебаний полагают, что эти цифры абсурдны и фантастически преувеличены и что такую армию в те времена вообще невозможно было обеспечить продовольствием. Кроме того, по мнению военных специалистов, столь многочисленная армия должна была бы растянуться на несколько тысяч километров. Х. Дельбрюк и вслед за ним многие современные историки военного искусства полагают, что в войске Ксеркса было не более 50—75 тыс. человек, но и такая армия, по представлениям того времени, должна была показаться грекам действительно огромной. По мнению Э. Мейера и большинства других исследователей, максимальное число воинов в персидской сухопутной армии во время греческого похода составляло не более 100 000 человек. Очевидно, Геродот в своих цифрах в основном следовал устной традиции, постепенно утвердившейся в греческой литературе и считавшей, что против маленького свободолюбивого народа выступило огромное войско деспотического царя [294, т. III, с. 240 и сл., 374 и сл.; 94, с. 54]. Например, у прохода в Фермопилы находилась надпись, составленная в лапидарном стиле: «На этом месте против 300 000 людей лицом к лицу боролись 4000 пелопоннесцев» [см. 122, с. 322]. По предположению А. Р. Бэрна, Геродот, считая, что в армии Ксеркса было около 2 100 000 воинов, удвоил эту цифру, так как он полагал, что число поваров, конюхов и женщин, следовавших с войском, было не меньшим, чем строевых воинов, и, таким образом, получил цифру 5 283 220. Согласно Геродоту, в корпусе бессмертных воинов было 10 000 человек, а в остальных корпусах по 60 000. Как полагает Бэрд, персидская армия, подобно корпусу бессмертных, была организована по десятичной системе и, следовательно, каждый корпус насчитывал по 10 000 человек. Исходя из таких подсчетов, он приходит к выводу, что в армии Ксеркса было 200 000 человек, но все это войско невозможно было довести до Греции или сконцентрировать в одном месте из-за трудностей со снабжением. Кроме того, Ксерксу приходилось по пути оставлять в тылу гарнизоны и, таким образом, ослаблять свою армию. По мнению Бэрна, в тылу оставляли воинов из покоренных народов, а иранцы дошли вместе со своим царем до Греции [122, с. 326—332; ср. 136а, с. 101—112].

В персидском флоте, согласно Эсхилу, современнику и участнику Греко-персидских войн, насчитывалось 1207 кораблей, из которых только 207 были быстроходные. По Геродоту, к 1207 пер-

сидским кораблям позднее было добавлено еще 120 триер из греческих колоний во Фракии и прилегающих областей. Поскольку Геродот подробно сообщает, из какой области сколько кораблей было послано, у него, по-видимому, была соответствующая информация и он отнюдь не исходил из простого желания подогнать известные ему данные к цифре, взятой у Эсхила. Как полагает Бэрн, цифры о кораблях у Геродота восходят к данным греческой разведки, но тем не менее они слишком преувеличены. По мнению Бэрна, у персов не было перед греками значительного преимущества в боевых кораблях, о чем свидетельствует и тактика персидского командования, которое неуверенно чувствовало себя во время морских сражений. Греческая разведка, по-видимому, знала, сколько кораблей и сколько людей может выставить каждая персидская сатрапия, но эти подсчеты скорее носили теоретический характер. В частности, 674 старых военных корабля были использованы для наведения мостов на Геллеспонте [см. 122, с. 330—332]. Э. Мейер считает, что до начала решающих битв персидский флот численно превосходил греческий, но после потерь в пути они уравнились и в Саламинском сражении персидский флот не был сильнее греческого: у греков при Саламине было 300—400 триер, у персов — около 400—500 кораблей [294, т. III, с. 374 и сл.].

В связи с попыткой установить численность войска Ксеркса большую ценность представляет указание Фукидида (VI, 33, 5) о том, что многочисленные войска греков и «варваров», предпринимавшие далекие походы, обычно не имели успеха, так как местных жителей и их соседей, которых объединяет страх перед завоевателями, всегда больше, чем нападающих. Это мнение великого историка, который намекает на поход Ксеркса, как нам представляется, верно отражает действительное соотношение сил сторон во время похода персов на Грецию.

Сборный пункт для сухопутного войска был назначен в Каппадокии. Оттуда осенью 481 г. персидская армия переправилась через реку Галис. В городе Келены во Фригии, по рассказу Геродота (VII, 27—29), богатый лидиец Пифий устроил Ксерксу и его войску роскошный прием. Это так поразило Ксеркса, что он обратился к Пифию со словами: «С тех пор как покинул Персию, я еще не встречал ни одного человека, кто желал бы оказать гостеприимство моему войску». Из Фригии Ксеркс с войском прибыл в столицу Лидии Сарды и оттуда в том же, 481 г. направил послов в Элладу с требованием «земли и воды». При этом в Афины и Спарту никого не послали, так как в этих городах ранее были убиты вестники Дария. В 481 г. в Сарды прибыли также эллинские лазутчики, чтобы собрать сведения о персидском флоте, но вскоре они были схвачены и приговорены к смерти. Однако, узнав об этом, Ксеркс велел освободить лазутчиков и, показав им все персидское войско, отпустить невредимыми домой. По Геродоту, он поступил так, надеясь, что, узнав о величине его войска, греки не станут сражаться с ним.

Но неудачи подстерегали Ксеркса уже в самом начале похода. Буря уничтожила оба моста, соединявшие пролив при Геллеспонте. По утверждению Геродота (VII, 95), Ксеркс, узнав о буре, пришел в ярость и велел бичевать Геллеспонт и, чтобы обуздать его, приказал опустить в море оковы. Надзирателям над постройкой мостов по распоряжению Ксеркса отрубили головы. Затем были сооружены два новых понтонных моста: один из 360, а другой из 314 кораблей. На мосты были натянуты толстые канаты в несколько рядов, а на них наложены доски. Доски засыпали землей, утрамбовали ее и по обеим сторонам мостов соорудили перила, чтобы кони и вьючный скот не пугались.

Когда наведение мостов было закончено, весной 480 г. войско направилось из Сард к Абидосу. В Абидосе на одном из холмов был поставлен трон из белого мрамора, откуда Ксеркс произвел смотр своему войску. После этого начался переход войска. По одному мосту шли конница и пехота, по другому — обоз и вьючные животные. По Геродоту (VII, 56), переход войска продолжался семь суток без отдыха, и в реках не хватало воды для людей и животных. Затем войско прибыло в город Дориск на фракийском побережье. Там Ксеркс построил свою армию в боевой порядок, расставив воинов по народам. Одновременно корабли были просушены и отремонтированы. По пути войско пополнялось новыми контингентами из фракийских и македонских племен. Области, по которым проходило войско, должны были содержать его, что ложилось тяжелым бременем на население.

Из Дориска на запад армия двигалась тремя параллельными группами: часть войска во главе с Мардоном и братом Ксеркса Масистой шла вдоль побережья и эскортировалась флотом. Вторая группа под руководством Тритантехма и Гергиса направилась дорогой в глубь страны. Сам Ксеркс с Мегабизом и Смердоном сопровождал третью колонну, двигавшуюся в центре. По пути фракийские племена давали проводников, которые, вероятно, по существу, служили заложниками. Когда войско прибыло во фракийский город Аканф, Ксеркс подарил жителям мидийские одежды за их усердие в сооружении канала близ горы Афон. У города Фермы на севере Греции флот и сухопутная армия, которые двигались в тесном взаимодействии, соединились. Пока Ксеркс осматривал в Фермах достопримечательности, слушал местные легенды и любовался фессалийскими горами, вернулись вестники, посланные в греческие города с требованием «земли и воды». Фессалийцы, ахейцы, фиванцы, жители других областей и многие города изъявили готовность признать верховную власть Ксеркса.

Впрочем, капитуляцию фессалийцев можно было считать в определенной степени вынужденной. Когда персидская армия находилась в пути из Азии в Европу, фессалийские представители заявили на конгрессе на Коринфском перешейке, что они будут защищать Грецию от персов, если объединенное греческое войско согласится охранять Олимпиский проход, ведущий в Фессалию,

а в противном случае перейдут на сторону противника. Эллы послали в Фессалию 10 000 гоплитов, состоявших главным образом из спартанцев и афинян. К этим силам присоединилась и фессалийская конница.

Через несколько дней после этого в эллинский лагерь прибыли вестники от Александра, царя Македонии, который уже готовился встретить персидское войско, поскольку Македония входила в состав Ахеменидской державы. Вестники от имени Александра увещевали греков оставить Олимпиский проход, чтобы персы не уничтожили все эллинское войско. Давая такой совет, Александр уверял, что он исходит из дружелюбного отношения к эллинам. В действительности же он стремился, чтобы персидская армия не задерживалась в Македонии, уничтожая все местные запасы продовольствия [см. 122, с. 344]. Но независимо от советов Александра 10 000 гоплитов было недостаточно для защиты Олимпиского прохода, и греки боялись, что персы обойдут их у перевалов и затем окружают. Кроме того, жители Фессалии были дружелюбно настроены по отношению к персам, и поэтому трудно было охранять эту богатую область. Все это побудило греческих военачальников оставить врагу северную часть Эллады, хотя персы пока только переправлялись из Абидоса в Европу. При создавшихся обстоятельствах фессалийцы, поведение которых и раньше не внушало доверия эллинским патриотам, во главе с персофильской династией Алеватов без колебаний перешли на сторону персов и в течение всей войны энергично помогали им.

ЗАХВАТ ПЕРСАМИ ФЕРМОПИЛ

Оставив без сопротивления Северную Грецию, эллы снова собрались на Коринфском перешейке на совет и решили оказать сопротивление врагу в узком проходе Фермопилы (в переводе «горячие источники», которым обязано само название местности). Через этот проход пролегал путь в Беотию и Аттику, а с востока Фермопилы омываются морем. Это место можно было легко защитить, так как персы не могли развернуть там свое войско.

Но спартанские власти либо считали защиту Средней Греции безнадежным делом, либо же не хотели рисковать войском вдали от своей родины. Они настаивали на том, чтобы всю Среднюю Грецию оставить врагу без сопротивления и оборонять Коринфский перешеек. Когда это предложение было отвергнуто большинством эллинов, Спарта послала в Фермопилы лишь небольшой отряд в 300 гоплитов во главе со своим царем Леонидом. Последний взял с собой только тех, кто имел сыновей, чтобы не угас какой-либо род спартиатов. Как видно из этого, спартанское правительство собиралось преднамеренно пожертвовать жизнью своего царя и трехсот граждан, чтобы заглушить недовольство

остальных греков, особенно афинян, без флота которых невозможно было воевать, и в то же время сохранить в целостности основную часть войска.

Общее число эллинов, прибывших для защиты Фермопил, составляло 6500 человек. Ядро этого отряда состояло из 4000 жителей Пелопоннеса. 400 фиванцев, примкнувших к объединенному ополчению, подозревались в намерении перейти на сторону врага. Эллины, прибыв к Фермопилам, восстановили в ущелье прохода стену, которая была построена задолго до этого. Тем временем греческий флот направился к проливу у мыса Артемисия, отделяющему северную оконечность острова Эвбея от Фессалии, чтобы таким образом предотвратить нападение персов в тыл защитников Фермопил и действовать в тесной координации с сухопутными силами. Однако дальнейший ход событий показал, что греческий флот держался нерешительно, а войско, охранявшее у Фермопил доступ в Среднюю Грецию, было слишком малочисленно.

Между тем персидская армия вступила в Фессалию. Ксеркс, согласно Геродоту (VII, 197), с большим уважением относился к святыням этой области и не позволял своим воинам совершать никаких актов насилия. Видя беспрепятственное продвижение персидской армии по Северной Греции, эллинские государства, которые отказались дать «землю и воду», теперь жалели об этом, а те, кто изъявил готовность признать власть Ксеркса, радовались. В грозный час, когда Элладе угрожало ярмо чужеземного порабощения, ряды защитников свободы были очень немногочисленны и большинство греков думало лишь о том, чтобы переждать трудное время.

Персидский флот вышел из Ферм и направился в сторону Фермопил. По пути персам удалось захватить два дозорных греческих корабля. Взятые в плен эллины были обращены в рабство, но один тяжелораненый матрос, показавший чудеса храбрости, вызвал восхищение персов, и они вылечили его, прикладывая к ранам мирру и бинтуя их повязками из очень тонкого льняного полотна. Команда третьего греческого дозорного корабля поспешно покинула судно и бежала в Афины. Греческий флот оставил пролив у Артемисия, и персы без потерь подошли к Фермопильскому проходу, а их флот сосредоточился у Магнесии, недалеко от мыса Артемисий. Но затем во время сильной бури, которая продолжалась трое суток, затонуло несколько сотен персидских кораблей и погибло много людей. Узнав об этом, греки вернулись к Артемисию и захватили 15 кораблей, которые отстали от основных сил. После этого персидский флот отступил в Афеты, гавань в Магнесии.

Когда персидская сухопутная армия подошла к Фермопилам, большинство греков, оборонявших этот проход, хотело оставить его и направиться на Пелопоннес, чтобы укрепиться за Коринфским перешейком. Но против такого намерения выступили фокейцы и локры, территория которых досталась бы врагу в случае отступления от Фермопил. Поэтому Леонид, командовавший объеди-

ненным греческим войском, решил охранять проход и послал в союзные греческие города вестников за помощью.

Согласно Геродоту, Ксеркс четыре дня ждал, полагая, что греки сами уйдут из Фермопильского ущелья, а затем начал посылать отряды своего войска в лобовую атаку. Сначала он направил мидийцев и киссиев, приказав им захватить и привести к нему греков. Воины Ксеркса целый день атаковали эллинов, на место павших приходила замена, но атака окончилась безрезультатно, и пришлось отступить с большими потерями. Тогда Ксеркс направил против греков свою гвардию бессмертных во главе с их начальником Гидарном. Но они тоже не смогли развернуться в узком ущелье, а копья их были короче, чем у эллинов, и поэтому нападение было отбито. После того как персы три дня безуспешно ходили в лобовую атаку, некий Эфиальт, надеясь получить хорошую награду, рассказал персидским военачальникам о существовании тайной тропы в обход горы и провел вражеское войско ночью по этой тропе к вершине. Впоследствии многие греческие авторы писали, что, если бы не предательство Эфиальта, персам никогда не удалось бы захватить Фермопилы, а вслед за ними и Афины. Однако весь рассказ Геродота о Фермопильском сражении, изображающий Ксеркса глупым деспотом, и его утверждение о том, что у персов много людей, но среди них мало мужей, явно недостоверны. Легенда о предательстве Эфиальта, знакомая каждому со школьной скамьи, также требует критического рассмотрения. Ксеркс четыре дня не предпринимал ничего у Фермопил, конечно, не в надежде на отступление греков. Он ожидал подхода своих основных сил. Уже в первый день прибытия к Фермопилам персидской конницы началась рекогносцировка местности, и персы, выросшие в горах, сами, без помощи проводника легко могли отыскать тропинку, ведущую в обход горы. А. Р. Бэрн, изучавший топографию Фермопил, отмечает, что там имеется по меньшей мере две тропинки и одну из них персы могли и сами заметить даже издали. Кроме того, были и другие обходные пути. Поэтому вряд ли Ксеркс стал бы посылать свое войско в бессмысленную лобовую атаку [см. 122, с. 407—413]. Персы без труда могли также найти много проводников, которые показали бы обходную тропу в Фермопильское ущелье. Геродот знал несколько версий о таких проводниках; среди предателей греки, в частности, называли некоего Онета с острова Эвбея и еще нескольких других лиц. Как выше было сказано, Греция состояла из десятков самостоятельных государств и многие из них перешли на сторону персов и являлись их союзниками. Сточки зрения исторической перспективы тех, кто служил проводниками персов, можно считать предателями. Однако, если вникнуть в их психологию, придется признать, что они не изменили никаким законам, у них не было общего отечества, а некоторые государства сами пригласили персов в Грецию. Многие греки даже были убеждены, что в их страну идет сам бог Зевс в образе Ксеркса [см. 20, с. 118]. По рассказу Геродота (VIII, 140),

фракийцы еще спустя несколько десятилетий после похода Ксеркса почитали дорогу, по которой он шел, как священную. Но все это, разумеется, не может влиять на то, что наши симпатии не на стороне греческих союзников Ксеркса, а на стороне мужественных защитников Эллады.

Когда персы по тропинке обошли греков и зашли им в тыл, положение последних стало безнадежным. Греческое войско было распределено неравно: вершину горы охраняли лишь 1000 человек, остальные находились в ущелье. Горная вершина была оставлена без сопротивления, и после этого большинство защитников Фермопил рассеялось по своим городам, так как теперь невозможно стало защищать проход в Среднюю Грецию. Геродот рассказывает, что Леонид велел союзным контингентам отступить, а сам со спартамцами остался, поскольку спартанский закон не позволял им отступать. Лишь феспийцы остались добровольно со спартамцами, а фиванцам, персофильские настроения которых были хорошо известны, Леонид не разрешил уйти, задержав их как заложников. Всего вместе с Леонидом было около тысячи воинов. О мотивах решения Леонида историки еще в древности много спорили, и в современной литературе эти споры продолжают. А. Р. Бэрн справедливо отмечает, что если бы все греки отступили, то сильная персидская конница легко смяла бы и уничтожила их. Леонид остался со своим отрядом для прикрытия, чтобы другие могли безопасно отступить и продолжать борьбу против общего врага [122, с. 419]. Впоследствии вокруг имени Леонида было создано много легенд, которые распространялись спартанским правительством. Афинский драматург Аристофан в пьесе «Лисистрата» считает битву при Фермопилах самой славной страницей военной истории Спарты. Действительно, воины, отдавшие жизнь за свободу своей родины, заслужили вечную славу независимо от того, что их прославление было выгодно тем, кто бросил на произвол судьбы значительную часть Греции, хотя ее можно было защитить.

По-видимому, персы сначала обстреляли защитников Фермопил из луков. На поле боя найдено большое количество наколочников стрел, главным образом трехперых, которые характерны для скифов, персов и мидийцев [см. 122, с. 420]. Когда начался штурм лагеря Леонида, персы, если верить Геродоту, бичами погоняли вперед отряды из подвластных им народов. Фиванцы во время сражения перешли на сторону персов, но тем не менее большинство их по приказу Ксеркса были заклеяны «царской тамгой», т. е. обращены в рабов. В рукопашной схватке у большинства спартамцев копья сломались, и воины стали сражаться мечами и даже голыми руками. Все они до единого мужественно сопротивлялись до конца, пока не были изрублены. Персы понесли значительные потери. Кроме многих знатных персов Ксеркс в этой схватке потерял двух своих братьев. Несмотря на то что персы вообще с уважением относились к храброму противнику, когда было найдено тело спартанского царя, Ксеркс велел отрубить

у него голову (позднее останки Леонида, по свидетельству Павсания, были доставлены в Спарту и там захоронены). После Фермопильской битвы Ксеркс убедился в правдивости слов бывшего спартанского царя Демарата, бежавшего в Персию, который предупреждал, что лакедемоняне не дрогнут перед врагом, невзирая на исход войны, и будут сражаться, пока не победят или не погибнут сами в бою. Показательно, что двое спартанцев, посланные Леонидом еще до начала битвы в союзные города с просьбой о помощи, впоследствии были встречены в Спарте единодушным презрением. С ними никто не разговаривал, полагая, что при желании они успели бы вернуться обратно вовремя, чтобы погибнуть в бою. На месте битвы, на холме, и сегодня стоит поставленный еще в древности памятник Леониду со стихами известного поэта Симонида: «О чужестранец, поведай спартанцам о нашей кончине: верны законам своим, мы здесь костями полегли» [см. 33, с. 202].

В начале августа 480 г., пока в Фермопилах греки еще продолжали сопротивление, произошло несколько морских сражений между персами и их противником. Бывший спартанский царь Демарат советовал Ксерксу с помощью 300 кораблей захватить остров Хилон, у берегов Лаконии, и затем напасть на Спарту, чтобы отвлечь лакедемонян от помощи остальным эллинам. Но Ахемен, брат Ксеркса, командовавший морскими силами, был против раздробления флота и стоял за то, чтобы сухопутное войско и флот действовали объединенно в одном направлении. Этот совет был принят Ксерксом, хотя, по-видимому, мнение Демарата о походе на Пелопоннес было правильным.

Объединенный греческий флот стоял у мыса Артемисий, недалеко от Фермопил. Всего в нем был 271 корабль, из которых 127 принадлежало афинянам, 40 — коринфянам, а остальные — другим эллинским государствам. Флот, как и армия, находился под командованием спартанских военачальников, так как союзники не желали подчиняться афинянам. Причиной этому послужило то, что Коринф был давним торговым конкурентом Афин и соперничество между ними продолжалось и теперь. Кроме того, Эгина, выставившая значительное количество кораблей, слыла злейшим врагом Афинского государства, и между ними до похода Ксеркса происходила открытая война. В то же время Коринф и Эгина были преданными союзниками Спарты. Афиняне упорно требовали для себя командования флотом, поскольку почти половина этого флота состояла из их кораблей. Но ведущий афинский политический деятель Фемистокл настоял на том, чтобы во имя общего дела афиняне прекратили споры, и начальником греческого флота был назначен спартанец Эврибиад.

Многие капитаны эллинских кораблей не решались вступить в бой с противником и готовы были бежать к Пелопоннесу. Если верить Геродоту (VIII, 4—5), эвбейцы, которые не успели еще вывезти свои семьи и имущество с острова на безопасное место, подкупили Фемистокла за 30 талантов серебра, чтобы он уговорил

остальных военачальников не отступать. Из этих денег Фемистокл как бы из своих средств отдал 5 талантов Эврибиаду, 3 таланта — коринфскому флотоводцу Адиманту, который собирался отплыть от Артемисий, а остальную сумму утаил для себя. В результате этого, утверждает Геродот, эллины остались на месте и дали битву. Этот же рассказ повторяется Плутархом, и многие историки принимают его на веру, полагая, что Фемистокл даже в разгар смертельной для его отчества опасности не забывал набивать себе карманы золотом. Но Э. Мейер справедливо отвергает это сообщение как недостоверное, считая его политической клеветой аристократов на вождя радикальной демократической партии [294, т. III, с. 396 и сл.].

Персы, стремясь отрезать путь к отступлению эллинам, послали в обход Эвбеи 200 кораблей. Персидские корабли держались на плаву лучше эллинских и начали успешно выполнять поставленную перед ними цель. Но вскоре разразилась буря, и много персидских кораблей затонуло. Последовавшая затем битва не дала победы ни одной из сторон. Не оправдалась также надежда греков на то, что малоазийские эллины перейдут на их сторону. Последние, напротив, усердно сражались, надеясь получить от царя награду. На следующее утро из Аттики прибыли еще 53 триеры, и греческий флот напал на киликийские корабли и потопил их. После этого произошла битва у Артемисия. Силы сторон были приблизительно равны, так как персы не смогли развернуть весь свой флот. В персидском флоте особенно отличились египтяне, которые захватили пять греческих кораблей вместе с их командой. Обе стороны понесли тяжелые потери, половина афинских кораблей была повреждена, и бой, который продолжался три дня, окончился безрезультатно. Тем не менее это была определенная победа эллинов, так как теперь они убедились в своих возможностях оказать сопротивление врагу. Позднее известный древнегреческий поэт Пиндар сказал об этом сражении, что при Артемисии афиняне заложили фундамент свободы.

После битвы при Артемисии грекам стало известно о падении Фермопил. Весть об этом дошла до начальника греческого флота еще к заходу солнца того же дня, когда персы захватили Фермопилы. Тогда греческий флот покинул Артемисий и начал отступать в сторону Аттики. Перед отходом Фемистокл отправился на быстроходном корабле к источникам пресной воды и местам стоянок судов и велел вырезать на камнях надписи с призывом к ионийцам и карийцам, находившимся в армии Ксеркса, перейти на сторону эллинов. В этих надписях говорилось, что причиной войны послужила бескорыстная помощь афинян ионийцам во время их восстания против персов. Расчет Фемистокла был верный: либо ионийцы перейдут на сторону греков, либо же, на худой конец, персы не станут доверять им. Ксеркс, со своей стороны, тоже решил прибегнуть к хитрости. Он велел похоронить павших в Фермопилах персидских воинов, за исключением лишь

небольшой части, а могилы их покрыть листвою. Затем ионийцам было показано поле битвы, где лежало около 4000 греков, значительную часть которых составляли илоты, служившие в обозе. Персы говорили ионийцам, что они очень легко расправились с греками. Но этот обман не имел полного успеха, так как ионийцы увидели засыпанные листвою могилы.

После падения Фермопил и отхода греческого флота во внутренние воды вся Средняя Греция до Коринфского перешейка оказалась открытой для персидского войска. Персы захватили Дориду, Фокиду, Локриду и другие области Средней Греции и опустошили те города, где встречали сопротивление. Дельфийский храм, известный своей персофильской политикой, остался в стороне от военных действий и нисколько не пострадал. Население Беотии было на стороне персов, и последние могли теперь беспрепятственно направиться в Аттику против Афин.

САЛАМИНСКАЯ БИТВА

Теперь Афины оказались в непосредственной опасности. Но граждане города были преисполнены решимости воевать с персами, хотя было ясно, что они не могут рассчитывать на помощь союзников, которые стремились укрепиться на Пелопоннесе, за Коринфским перешейком. В Афинах был издан закон, разрешающий политическим изгнанникам вернуться на родину и принять участие в войне. Среди вернувшихся был и видный вождь партии землевладельцев Аристид, подвергшийся ostracismu в 482 г. Война за свободу родины на время объединила в один лагерь демократов и их врагов аристократов.

Еще до падения Фермопил в Дельфы были направлены афинские послы, чтобы запросить оракула, какой тактики придерживаться им в войне. Ответ был зловеющий, ибо оракул предсказывал афинянам гибель. Послы вторично обратились в святилище, умоляя бога Аполлона дать более милостивое прорицание. Получив новое прорицание, послы записали его и сообщили народному собранию в Афинах. Но необходимо было еще истолковать туманное предсказание, данное в расчете на то, чтобы в случае поражения афинян можно было обвинить их же самих в неверном истолковании божественных слов. Прорицание гласило, что афинянам надо скрыться за деревянными стенами, и относительно его толкования много спорили. Специалисты по предсказаниям призывали покинуть Афины и отправиться на кораблях в Италию, чтобы искать там себе новую родину. Фемистокл, избранный стратегом с неограниченными полномочиями, утверждал, что под деревянными стенами оракул подразумевал военные корабли и поэтому необходимо сражаться с персами на море. Это мнение было принято большинством народного собрания. Афины невозможно было защищать против огромной армии, и потому было решено оставить город, всем боеспособным мужчинам взяться

за оружие и вступить на корабли, а детей, женщин и стариков вместе с имуществом эвакуировать на Саламин, Эгину и в Трезену, издавна дружественный афинянам город в Арголиде, у Саронического залива. Многие афиняне сопротивлялись принятию такого решения, не хотели бросать храмы богов и могилы отцов. Старики плакали и умоляли не покидать родного города, но молодежь была непреклонна, и эвакуация прошла организованно под руководством ареопага (высшего исполнительного органа государственной власти).

Однако не исключено, что трагическая картина эвакуации, которую дает Геродот, не соответствует действительности. В 1960 г. была опубликована найденная на территории древней Трезены надпись с декретом афинского народного собрания, изданным в 480 г. Это декрет об эвакуации Афин, принятый по инициативе Фемистокла. Если верить этой надписи, решение об эвакуации Афин было вынесено не после гибели отряда Леонида в Фермопилах и отступления эллинов от Артемисия, а значительно раньше этих событий. В таком случае битва при Саламине была одним из этапов заранее продуманного Фемистоклом и одобренного афинским народным собранием стратегического плана: целью обороны при Фермопилах и Артемисии была лишь задержка наступающего врага, чтобы тем временем подготовиться к заранее намеченным генеральным сражениям. В таком случае поведение Спарты было безупречным и вытекало из согласованной с афинянами стратегий. Однако опыт военной истории свидетельствует против возможностей такой проницательности не только вождя, но и всего народа. Фемистокл, конечно, мог предвидеть события, но вряд ли ему удалось бы провести решение об эвакуации города еще задолго до того, как последнему угрожала опасность. Во всяком случае, в силу целого ряда особенностей текста, содержащихся в нем реалий, которые противоречат обстановке 80-х годов V в., но отражают политику оформления постановлений народного собрания в IV в. до н. э., и по некоторым другим причинам, на которых здесь невозможно остановиться, надпись из Трезены многими специалистами считается подделкой, составленной в Афинах в IV в. до н. э. для возвеличения города и Фемистокла. Поэтому уверенно полагаться на эту надпись трудно [см. обзор различных мнений у Л. М. Глускиной: 15, с. 35 и сл.].

Во всяком случае, персы захватили Аттику, разграбили и сожгли Афины, которые были покинуты жителями. Лишь немногие граждане заперлись в акрополе. Это были преимущественно хранители храмовой утвари, убежденные, что прорицание оракула о необходимости скрыться за деревянными стенами относится к воротам акрополя. Персы стали метать с противоположного холма обмотанные паклей стрелы, но тем не менее не могли взять акрополь. Найдя на скале незащищенное место, персы поднялись по нему и оказались выше акрополя. Часть защитников акрополя, увидя отряд вражеского войска над собою, бросилась со стены и погибла, а остальные скрылись в храме. Нападающие убили их

и сожгли акрополь. Затем Ксеркс велел увезти из Афин бронзовые статуи тираноубийц Гармония и Аристогитона. Эти памятники были доставлены в Сузы, но впоследствии Александр Македонский вернул их обратно в Афины.

Захватив столицу Аттики, Ксеркс послал в Сузы вестника, чтобы сообщить о победе. Со времени переправы персидской армии в Европу до захвата Афин прошло три месяца.

Греки, не желая рисковать своей армией, придерживались тактики обороны на суше и наступления на море. По требованию афинян объединенный греческий флот стоял в узкой бухте между городом Саламин и побережьем Аттики. Этот флот состоял почти из 380 кораблей, из которых 147 принадлежало афинянам и было построено недавно с учетом всех требований военной техники. Командующий флотом Эврибиад собрал военный совет и предложил всем желающим высказаться о том, где лучше дать битву. Дальнейший ход событий Геродот излагает следующим образом. Большинство присутствовавших на совете эллинских командиров высказались за отход к Коринфскому перешейку. Они опасались, что в случае поражения у Саламина греки окажутся запертыми на острове и погибнут, в то время как, если им не удастся сохранить за собой Коринфский перешеек, можно будет рассеяться по своим городам. Пока шло обсуждение, пришла весть о расправе персов с защитниками афинского акрополя, и тогда некоторые военачальники, даже не дожидаясь конца военного совета, отплыли в сторону Пелопоннеса. Оставшиеся капитаны также решили отступить к Коринфскому перешейку и там дать врагу морской бой. Такой план совпадал с тактикой спартанцев, которые давно хотели бросить на произвол судьбы Северную и Среднюю Грецию и сосредоточить все усилия на защите Пелопоннеса. Но осуществлению этого замысла энергично противились афиняне, без флота которых союзники не в состоянии были продолжать борьбу на море. Теперь в случае отступления от Саламина семьи афинян попали бы в руки персов. Поэтому, пока шла подготовка к отходу в сторону Пелопоннеса, Фемистокл обратился к Эврибиаду с просьбой вновь созвать военный совет, доказывая, что если эллины покинут Саламин, то флот рассеется. Эврибиад согласился, и Фемистокл, пустив в ход все свое искусство оратора и большое личное влияние, призвал собравшихся дать сражение у Саламина, где в узком заливе персидский флот будет лишен возможности развернуться и маневрировать. Фемистокл убеждал, что не следует без боя отдавать врагу Саламин, Мегару и Эгину и вести персов за собой в Пелопоннес, ибо битва в открытом море у Коринфского перешейка будет невыгодна эллинам, так как у них меньше кораблей, чем у врага. По утверждению Геродота, страх эллинов перед персами был велик, и Фемистоклу трудно было побудить остальных командиров к решительным действиям. Он вторично взял слово и стал доказывать, что в войне против персов главной опорой является флот. После этого он пригрозил, что, если эллины уйдут от Саламина, афиняне заберут свои

семьи и отплывут в италийский город Сирис, где им, согласно древнему оракулу, суждено поселиться, и тогда остальные греки окажутся без военной поддержки сильного флота. Боясь осуществления этой угрозы, Эврибиад решил вступить в битву с персами при Саламинё.

Тем временем персидское наступление продолжалось; по пути к войску Ксеркса присоединилось ополчение малийцев, дорийцев, локров, беотийцев и других греческих племен. Персидский флот прибыл к Афинам, и Ксеркс созвал военный совет, на который вызвал капитанов кораблей и начальников контингентов разных племен. Участники совета заняли места по указанию Ксеркса согласно своим рангам. Во главе совета сидел царь финикийского города Сидона, за ним — тирский царь и после них остальные. Ксеркс послал Мардония опросить всех по очереди, следует давать бой у Саламина или нет. Все высказывались за битву, кроме Артемисии, царицы малоазийского города Галикарнаса. Она сказала, что вся Греция во власти Ксеркса и поэтому следует воздержаться от поспешной и опасной битвы, и убеждала в целесообразности идти на Пелопоннес. Но Ксеркс решил последовать совету большинства и заявил, что сам будет следить за ходом сражения, желая этим вдохновить воинов. Персидский флот выстроился у Саламина в боевом порядке.

Настала ночь перед решающей битвой, а греческий стан, по Геродоту, все еще был во власти противоречий, объятый страхом перед мощью противника. Большинство по-прежнему не желало сражаться при Саламине, а стремилось бежать на Пелопоннес, где тем временем вовсю кипела работа над оборонительными сооружениями. Дорога туда была завалена, чтобы преградить путь персам, а поперек перешейка десятки тысяч лакедемонян, аркадцев, коринфян и жителей других областей днем и ночью строили стену из камней, кирпичей и бревен. Но многие пелопоннесские города сочувствовали персам и поэтому никого не посылали на сооружение оборонительных укреплений. Илоты и другие неполноправные группы населения, естественно, ждали прихода персов как своих освободителей. Объединенной сухопутной армией греков руководил брат погибшего спартанского царя Леонида Клеомброт. Большинство греческих воинов стена поперек Коринфского перешейка казалась единственным спасением, а решение дать битву на море они считали самоубийственным актом. Поэтому был созван новый совет.

На нем все, кроме представителей афинян, эгинцев и мегарцев, чьим землям персы угрожали непосредственно, высказались за немедленное отступление к Пелопоннесу. Тогда Фемистокл послал тайно в стан Ксеркса своего преданного слугу; перса по происхождению, который передал следующее: Фемистокл на стороне персов и желает им победы, поэтому он сообщает Ксерксу, что у эллинов нет единства и они собираются бежать; если персы нападут на эллинов, последние потерпят поражение¹⁰⁸.

Ксеркс решил одним ударом уничтожить весь вражеский флот

и тем самым победоносно закончить войну. Персы высадили на острове Пситталия, между Саламином и материком, отряд воинов, чтобы закрыть грекам путь к отступлению, а затем под покровом ночи незаметно окружили эллинские корабли. По рассказу Геродота, к этому времени на совете у греков споры подходили к концу, как вдруг известный афинский политический деятель Аристид вызвал Фемистокла и сообщил ему, что эллинские корабли уже окружены персами. По предложению Фемистокла Аристид явился на совет и заявил, что споры уже бесполезны и грекам остается только принять бой. Большинство военачальников не поверило сообщению Аристида, но вскоре на совет прибыл капитан одного из ионийских кораблей, который перешел от персов на сторону греков, и подтвердил, что эллинский флот окружен. Уже наступила заря, и Фемистокл обратился с речью к воинам, которым теперь помимо их желания предстояло сразиться. Эллинские корабли вышли в море и вступили в бой.

Многие современные нам историки не без оснований подвергают сомнению эту версию Геродота. Войско, готовое бежать и лишённое согласия между военачальниками, не может первым перейти в наступление и при этом одержать блестящую победу. По-видимому, план Саламинской битвы был заранее обдуман и принят руководством объединенного греческого войска. Инициатором этого плана действительно был Фемистокл, который, по утверждению Фукидида (I, 138), умел молниеносно изобретать наилучший выход из самого затруднительного положения. Геродот рассказывает, что наиболее настойчиво к отступлению призывал коринфский флотоводец Адимант. В этом сообщении исследователи справедливо усматривают клевету, причиной которой являлись враждебные отношения между Коринфом и Афинами, где была написана значительная часть труда Геродота. Из сочинения Плутарха «О злокозненности Геродота» (39) известно, что имя Коринфа было начертано третьим после Спарты и Афин на надписях о посвящении богам военной добычи, захваченной после Саламинской битвы. Плутарх ссылается также на надпись (она сохранилась до наших дней), согласно которой афиняне разрешили коринфянам похоронить своих воинов, павших в Саламинской битве, около Афин. Очевидно, Геродот в угоду афинянам проявляет необъективность в освещении Саламинской битвы [см. 294, т. III, с. 387; 290, т. II, с. 204 и сл.; 34, с. 73; 122, с. 436].

Битва произошла 28 сентября 480 г. в Саламинском заливе длиной 5 км и шириной 1,5 км. Она началась на рассвете и продолжалась до наступления темноты. Первыми бой начали эллины. Ксеркс следил за ходом сражения, восседая у подошвы горы, и диктовал своим писцам имена отличившихся военачальников. Поэтическое описание сражения содержится в пьесе Эсхила «Персы». По его утверждению, в битве участвовало 399 греческих кораблей (согласно Геродоту — 400). У персов было около 650 кораблей, но лишь около половины из них смогло принять участие

в бою. Незадолго до этого во время бури персидский флот понес большие потери: многие корабли были выброшены на скалистый берег.

На левом фланге против афинян сражались финикийцы, а против пелопоннесцев стояли ионийцы. Матросы персидского флота действовали упорно и отважно. Большинство ионийцев, несмотря на призыв Фемистокла, остались верными Ксерксу и стойко воевали за него. Если верить Геродоту (VIII, 10), они даже радовались, когда гибли греческие воины. Ионийцы захватили в плен несколько греческих кораблей, и в награду за это персы впоследствии назначили ионийца Феоместора тираном Самоса, а Филака, другого ионийца, внесли в список царских благодетелей. Но, несмотря на отвагу своих воинов, персы потерпели полное поражение, большинство их флота было уничтожено греками по частям. Прежде всего, персидский флот оказался скованным в узком проливе, их корабли не смогли развернуться в боевую линию, действовали порознь, беспорядочно врезались друг в друга. Кроме того, силы персов были раздроблены, так как часть их кораблей преграждала эллинам пути к отступлению. Что же касается греческих судов, они были сравнительно маленькими и поэтому очень маневренными. Наконец, грекам в этом бою предстояло либо погибнуть, либо же победить, и сознание этого факта придавало им решимости. Патриотический дух греческих воинов нашел яркое отражение в следующем стихе из пьесы «Персы» Эсхила:

«... Вперед, сыны Эллады,
Спасайте родину, спасайте жен,
Детей своих, богов отцовских храмы,
Гробницы предков; бой теперь — за все» [см. 72].

Плутарх в биографии Аристиды (9) рассказывает, что три племянника Ксеркса и многие другие знатные персы, захваченные в плен на острове Пситталия, были принесены греками в жертву богу Дионису. Эсхил устами перса-вестника сообщает о судьбе персидского отряда на Пситталии:

«Есть в море остров возле саламинских скал,
Безлюдный, недоступный кораблям...
Туда послал несчастных царь и дал приказ,
Когда враги, с обломков гиблых кораблей
Спасаясь, выплывут на берег, всех убить,
Своим же помогать, в прибое тонущим.
Не чаял царь грядущего. И в день, когда
Бог дал победу эллинам в морском бою,
Враги пришли, закованные в медь, спрыгнув
На берег с кораблей, кольцом чудовищным
Весь окружили остров, тропы, щели все.
Погибло много: камнями побитые
С пращей ременных, стрелами пронзенные...»

...Рубят наших, истребляют, бьют,
Пока у всех дыханья не похитили:
И застонал, увидя дно страданий, Ксеркс.
На крутояре, над заливом, трон царя
Стоял. Оттуда он глядел на войско все.
Порвав одежды, Ксеркс вопил пронзительно,
Отдал приказ поспешный войску пешему
И в гиблом бегстве потерялся»
[«Персы», 445—463; см. 45, с. 377].

Большая часть персидского флота была уничтожена в бою. Греки еще раз показали свое превосходство в военной тактике над персидским командованием. После победы при Саламине греки решили наградить самого храброго полководца венком из оливковых листьев. Но каждый стратег считал достойным венка самого себя, второе же место все единодушно отдавали Фемистоклу — верный признак того, что именно он был душой победы. Греками эта победа рассматривалась как полная неожиданность. Но при этом они явно преувеличивали ее значение, полагая, что теперь Персидская держава неминуемо распадется. Эсхил, который относится к персам без вражды, считая их жертвой безрассудства Ксеркса, пишет, что царская власть рухнула и азиатские подданные больше не подчиняются своему царю и не платят ему подати; народ говорит обо всем свободно и стремится избавиться от ярма рабства. Однако эти ожидания греков не оправдались, и Саламинская битва не оказала существенного влияния на судьбу подданных персидского царя, за исключением малоазийских греков [ср. 20, с. 121 и сл.].

Поражение при Саламине было первой крупной неудачей персидского флота. Теперь превосходство на море оказалось на стороне греков, персы не могли снабжать по морю большое войско, и поэтому значительная часть армии Ксеркса должна была вернуться в Азию. Но, располагая большими сухопутными силами, он еще надеялся выиграть войну.

Уцелевшие персидские корабли бежали в Фалер, где находилось сухопутное войско. Ксеркс стал опасаться, что эллины могут направиться к Геллеспонту и, разрушив там мосты, обречь его вместе с армией на гибель. Поэтому он решил вернуться обратно в Малую Азию. Однако, чтобы скрыть свое намерение от греков, он начал предпринимать демонстративные меры, как бы свидетельствующие о подготовке нового морского боя. Мардоний, инициатор похода на Грецию, которого теперь персы считали виновником всех своих бедствий, уговаривал Ксеркса продолжать военные действия и начать наступление на Пелопоннес. По его словам, персы проиграли морскую битву из-за трусости финикийцев, египтян, киприотов и киликийцев, а участь войны на Пелопоннесе будет решать храбрая персидская пехота. Но Ксеркс не склонен был больше рисковать всей своей армией и послал корабли к Геллеспонту для охраны мостов. Однако по просьбе Мардония Ксеркс решил оставить его с частью войска для покорения Греции.

Мардоний с войском должен был перезимовать в Фессалии и в следующем, 479 г. возобновить войну. Ему была предоставлена возможность отобрать ту часть войска, которую он сам пожелает. Мардоний выбрал отряды бессмертных, а также конные и пешие контингенты персов, мидийцев, саков, бактрийцев и индийцев. Согласно Геродоту, в армии Мардония было 300 000 воинов, но все исследователи считают эту цифру завышенной и полагают, что в Греции было оставлено не более 40—50 тыс. человек.

Пока основные силы персов оставались на месте, греки ничего не знали о решении Ксеркса отступить в Малую Азию. Но, узнав, что персидские корабли направились для защиты мостов, греки собрались на военный совет для принятия решения о плане дальнейших действий. На совете Фемистокл предложил преследовать персидские корабли и разрушить мосты, а затем уничтожить армию Ксеркса, которая оказалась бы запертой в Греции. По-видимому, это был выполнимый план, но пелопоннесцам такой замысел показался чересчур смелым. Спартанский полководец Эврибиад высказал мнение, что, если персам отрезать пути к отступлению, доведенный до крайности противник будет действовать отчаянно и разрушит греческие города. Большинство греческих военачальников решили дать персам возможность отступить и затем перенести военные действия на территорию противника. По Геродоту (VIII, 109), Фемистокл не стал настаивать на осуществлении своего плана, а задумал извлечь для себя выгоду из создавшейся ситуации. Он послал тайно своего слугу в персидский стан и велел ему передать Ксерксу, что Фемистокл отговорил эллинов от разрушения мостов, желая оказать ему услугу. Геродот утверждает, что Фемистокл стремился обеспечить себе убежище в Персии на тот случай, если впоследствии он будет изгнан из Афин. Но многие исследователи считают рассказ Геродота недостоверным и логически невероятным, поскольку после поражения при Саламине Ксеркс не поверил бы новому вестнику от Фемистокла. Возможно, этот рассказ был выдуман позднее врагами Фемистокла из аристократического лагеря [см. 122, с. 469].

Ксеркс начал отвод своей армии в Северную Грецию и затем во Фракию и через 45 дней прибыл к переправе в Азию. По пути войско кормилось за счет грабежа, а там, где нечего было грабить, питалось травой и древесной корой. Часть воинов умерла в Абидосе, набросившись на еду после долгого голода. Остатки войска прибыли вместе с Ксерксом в Сарды. Там персидский царь разрешил египетскому отряду вернуться домой. Финикийские матросы также были отпущены на родину. По свидетельству Диодора (XI, 19, 4), они ушли домой почти в состоянии мятежа, так как Ксеркс казнил финикийских капитанов, обвинив их в трусости во время Саламинской битвы.

Теперь Кикладские острова были очищены от персидских гарнизонов. Уцелевшие 300 персидских кораблей направились к Самосу, а греческий флот из 110 судов сосредоточился у берегов Эгины.

Весной 480 г. западные греки одержали победу над союзным персам карфагенским войском, которое высадилось в фактории Панорм, на острове Сицилия. Сиракузский тиран Гелон в отличие от материковых эллинов имел превосходную конницу, с помощью которой победил своих врагов в битве при Гимере в Сицилии.

ГИБЕЛЬ АРМИИ МАРДОНИЯ

После отхода войска Мардония в Фессалию афиняне вернулись в родной город и начали отстраивать свои разрушенные персами дома. Но дети и женщины пока оставались в эвакуации. Весной 479 г. в Афинах стратегами были избраны Аристид и Ксантипп, которые вернулись из изгнания на родину в начале войны. Тем временем в тылу у персов, в Халкидике (Фракия), вспыхнуло восстание. Персидский полководец Артабаз, сопровождавший Ксеркса во время отступления, предотвратил распространение мятежа и осадил город Потидею. После трех месяцев безуспешной попытки взять город Артабазу пришлось снять осаду и направиться со своим войском в Фессалию на помощь Мардонию.

Мардоний стремился заключить с афинянами сепаратный мир, чтобы с помощью сильного афинского флота обеспечить себе господство над остальными греками. Персы послали в Афины с предложением о мире подвластного им царя Македонии Александра. Мардоний обещал предоставить Афинам автономию (вероятно, местное самоуправление, подобное тому, которое существовало в финикийских городах), возместить весь причиненный войной ущерб и восстановить в городе разрушенные храмы и дома. Со своей стороны, Александр, связанный узами гостеприимства с афинянами, призывал последних заключить союз с Мардонием, ссылаясь на то, что грекам не одолеть многочисленную армию персидского царя. Лакедемоняне узнали о посольстве Александра и, опасаясь, что афиняне примут предложение персов, направили своих послов в Афины. От имени Спарты послы попросили афинян не изменять общему делу эллинов. По словам послов, афиняне издавна славились как освободители эллинов и поэтому они не должны принимать участия в порабощении Греции. Послы предлагали также, чтобы Спарта содержала до конца войны семьи афинян, так как последние из-за персидского вторжения дважды не смогли собрать урожай. Афиняне велели Александру передать Мардонию, что они будут продолжать войну с врагом, который предал огню их святилища. Спартанцам же афиняне ответили, что постараются не быть им в тягость из-за своих семей, но требовали, чтобы лакедемоняне срочно, до прихода персов, послали войско в Аттику.

Правители Фессалии, где пребывал Мардоний, ожидая возвращения Александра, оказывали персам всяческую поддержку и побуждали их к нападению на Афины, к демократическому строю которых фессалийская знать относилась враждебно.

Получив отказ афинян на предложенный им мир, Мардоний двинул свою армию в Аттику. Когда по пути персы вступили в Беотию, фиванцы приглашали Мардония разбить у них стан и затем посылать оттуда ценные подарки влиятельным эллинам, чтобы посеять раздоры в греческих государствах и таким образом поодиночке разбить их. Несколько десятилетий спустя персы сделали тактику подкупа основным принципом своей политики в отношении греков, но пока что Мардоний был уверен в своих силах и велел захватить Афины. Спартанцы, которые опасались крупной битвы с персидской армией, вновь отказались послать свое войско для защиты Аттики, и афинянам пришлось вторично покинуть родной город и направиться на Саламин. О захвате Афин с помощью сигнальных огней на островах Эгейского моря было сообщено Ксерксу, который все еще находился в Сардах.

Вступив в пустой город, Мардоний снова обратился к афинянам с предложением о мире. Один из афинских граждан осмелился сказать, что не следует с ходу отвергать предложение персов, а надо передать его на рассмотрение народного собрания. Этого человека тут же побили камнями, а афинянки поспешили к его дому и забросали камнями его жену и детей. Афиняне направили в Спарту своих послов, которые стали упрекать лакедемонян, что те не оказали им помощи и вследствие этого им пришлось покинуть родину. Послы добавили, что, если лакедемоняне не отправят войска для борьбы с персами, афиняне сами позаботятся о своем спасении. К этому времени строительство стены поперек Коринфского перешейка было уже завершено, и лакедемоняне, чувствуя себя в относительной безопасности, не спешили с ответом на требование афинян. Не желая рисковать своим войском, спартанцы вынашивали идею послать к берегам Фракии и Ионии флот. Однако это была малоэффективная затея, да и осуществление ее зависело от афинских кораблей. Послам, настаивавшим на немедленной помощи, спартанские эфоры заявили, что ответ будет дан на следующий день. Но послы провели в Спарте целых девять дней, пока эфоры тянули с ответом. Опасаясь, что афиняне могут перейти на сторону персов, спартанцы наконец отправили на помощь афинянам сильное войско из 5000 тяжеловооруженных воинов, не сообщив, однако, об этом послам. На десятый день послы явились к эфорам и заявили, что они видят — афиняне остались без союзников, но об этом спартамцам еще придется пожалеть. Тогда эфоры заверили послов, что спартанское войско уже находится на пути в Аттику. Вслед за гоплитами спартанцы послали еще войско из 5000 легковооруженных перизков — неполноправных жителей Лакедемона. Всего Пелопоннес направил на помощь афинянам 17 000 воинов. Старый враг Спарты Аргос, куда теперь обильно поступало персидское золото, оказался бессильным помешать выступлению пелопоннесского ополчения и потому послал в Афины своего лучшего скорохода, чтобы предупредить Мардония о грозившей опасности и сообщить ему о численности греческого войска, которое направлялось в Аттику.

Тем временем Мардоний, не теряя надежды на заключение мира с афинянами, не разрушал их город. Но, узнав о выступлении спартанского войска, персы сожгли и до основания разрушили Афины. Поскольку Аттика была неудобна для действий конницы, персидское войско направилось в дружественные Фивы. Там же к нему присоединилось ополчение греческих общин Фессалии и Беотии. Объединенные эллинские силы собрались в Беотии, у города Эрифры. Всего там сосредоточилось около 50 000 воинов из различных греческих государств, в том числе 30 000 гоплитов. Персов вместе с их союзниками было приблизительно столько же.

Вскоре произошла ожесточенная битва, во время которой раненый конь сбросил персидского военачальника Масистия, на которого накинлось множество афинян. Масистий был человеком поразительной силы и сопротивлялся отчаянно. Лишь с большим трудом афиняне смогли убить его, после чего у его тела началась продолжительная схватка. Когда персам удалось отбить тело Масистия, на помощь афинянам прибыли другие эллинские отряды, и персам пришлось отступить, бросив труп своего начальника. Эллы стали возить тело Масистия на повозке и показывать его своим воинам.

Но в целом битва окончилась безрезультатно, и эллы решили спуститься к городу Платеи в Беотии, где было много источников воды, и выстроились там в боевом порядке. Вскоре к Платеям направилось и персидское войско.

На правом крыле греческой армии расположилось 10 000 лакедемонян, половину которых составляли спартанцы. За ними находилось прикрытие из 35 000 легковооруженных илотов — представителей бесправного населения Лакедемона. Рядом со спартанцами выстроилось 1500 тегейских гоплитов, а за ними — 5000 афинян во главе с Аристидом и другие воины из союзных городов. Все греки, кроме илотов, были гоплитами, их общее число, не считая илотов, составляло 38 700 человек. Кроме того, в эллинском войске было еще 34 500 легковооруженных воинов. Если верить Геродоту (IX, 29—30), всего при Платеях находилось 110 000 эллинов. Относительно этих данных мнения современных исследователей расходятся. М. Ростовцев полагал, что в объединенном греческом войске было 100 000 пехотинцев [342, с. 133]. Э. Мейер считал, что Спарта могла выставить не более 5000 воинов, из которых собственно спартанцев было меньше половины. Общее же количество греческого войска при Платеях, по Э. Мейеру, не превышало 30 000 гоплитов [294, т. III, с. 407]. Эту цифру принимает как достоверную и Г. Бенгтсон, по мнению которого персы определенно превосходили числом греков: в их войске было около 40—50 тыс. человек [94, с. 62]. Геродот утверждает, что в войске Мардония было 300 000 человек. По Диодору и Ктесию, персидская армия состояла соответственно из 200 000 или 120 000 воинов (при этом Ктесий допускает грубую ошибку, считая, что битва при Платеях произошла раньше Саламинской). Согласно А. Р. Бэрну, ключ к определению численности армии Мардония

и его греческих союзников дают размеры приблизительно квадратного поля площадью около 900 акров, где эта армия располагалась. Эта площадь в 12—14 раз больше римского лагеря, где размещался один легион. Такие подсчеты позволяют полагать, что в персидском войске насчитывалось около 60—70 тыс. человек, из которых конница составляла не более 10 000. Бэрн склонен полагать, что объединенная греческая армия численно превосходила персидскую [122, с. 511].

Пока греки готовились к решающей схватке, в афинском войске возник заговор, направленный к сближению с персами. Многие аристократы, лишившиеся во время войны богатства и влияния, готовы были перейти на сторону Мардония. Узнав о заговоре, командир афинского войска Аристид не решился наказать изменников, которые принадлежали к той же социальной группе и политической партии, что и он сам. Он дал возможность спастись нескольким руководителям заговорщиков, а затем обратился ко всем афинским воинам с призывом объединиться для общей борьбы с врагом.

Против лакедемонян Мардоний выставил персов, а против коринфян — мидийцев. С афинянами, платейцами и мегарцами предстояло сражаться эллинским союзникам персов, т. е. беотийцам, локрам, фессалийцам и фокейцам, а также македонцам.

В течение десяти дней обе стороны воздерживались от активных действий и выжидали, не решаясь первыми начать битву. В обоих лагерях по наущению полководцев жрецы предсказывали, что тот, кто первым нападет, потерпит поражение. Греческое войско (особенно спартанское) было стойко в обороне и имело большое преимущество в тяжелом вооружении. Мардоний понимал, что он сумеет одержать победу только в открытой местности, где можно будет применить конницу, которой у греков совсем не было. Постепенно положение персидского войска становилось трудным, так как греческая армия непрерывно пополнялась за счет ополчения из близлежащих и далеких городов. У персов, зависевших от местных ресурсов и не имевших морского транспорта, начало иссякать продовольствие, в то время как греческое войско получало его из Пелопоннеса и других областей. Греки расположились на горных склонах, где персы не могли развернуть свою конницу. Дальнейшее выжидание становилось опасным для персов, и Мардоний решил созвать военный совет.

На совете знатный перс Артабаз предложил не давать при Платеях битвы, а вернуться в Фивы, где было много продовольствия для войска и корма для лошадей. По мнению Артабаза, персы должны были рассылать из Фив деньги самым влиятельным грекам и тем самым вызвать раскол среди врагов. Из этого плана Артабаза видно, что персидское командование считало положение трудным и предвидело возможность своего поражения. Но Мардоний отверг совет Артабаза и назначил вступление в бой на следующее утро.

Ночью из персидского стана тайно явился к грекам царь

Македонии Александр, который хотел заручиться дружбой эллинов на случай возможного поражения армии Мардония. Он сообщил, что утром персы начнут бой, так как у них продовольствия осталось всего на три дня. Таким образом, эллины получили возможность подготовиться к отпору врагу. Спартанский военачальник Павсаний, руководивший объединенной греческой армией, предложил афинянам занять место против персов, ссылаясь на то, что афиняне знают персидскую военную тактику. Те без возражений поменялись местами с лакедемонянами. Но на рассвете персы заметили перемещение в греческом лагере и доложили об этом Мардонию. Последний снова поставил персов против лакедемонян. Тогда лакедемоняне вернулись на свое прежнее место. Узнав об этом, Мардоний послал к Павсанию глашатая, чтобы обвинить спартанцев в трусости и предложить, чтобы персы и лакедемоняне решили исход сражения равным числом воинов и таким образом установили, кто является победителем в войне. Однако слова глашатая остались без ответа, так как лакедемоняне чувствовали себя неуверенно и боялись персов.

Не дождавшись ответа Павсания, Мардоний послал для обстрела эллинов конных лучников. Затем персам удалось оттеснить греков от источников воды, а также отрезать их от путей подвоза продовольствия из Пелопоннеса. Когда наступила ночь, эллины под покровом темноты стали отходить к городу Платеи, где и произошла решающая битва (479 г.). Полагая, что греки склоняются к бегству, персы погнались за ними. Это была большая ошибка Мардония, который двинул свое войско на холмы, где расположились греки, боясь персидской конницы. Вскоре персы настигли лакедемонян и вступили с ними в рукопашную схватку. Остальные греческие отряды еще не знали о том, что сражение началось, и не приняли в нем участия. Когда персы напали на передовую линию лакедемонян, Павсаний приносил жертвы богам, якобы желая узнать, следует ли принимать бой. Жертвоприношения сильно затягивались, а тем временем стойкие спартанские гоплиты гибли без активного сопротивления, так как Павсаний не давал приказа вступить в бой, ссылаясь на то, что жертвы были неблагоприятны. В действительности же Павсаний хотел дать персам достаточно далеко продвинуться в глубь спартанских рядов, чтобы потом они не смогли отступить под прикрытие своей конницы [см. 122, с. 538]. Мардоний во главе 1000 отборных воинов стал теснить лакедемонян и убил многих из них. Но вскоре он вместе со своими телохранителями погиб, и спартанцы начали одерживать верх. По словам Геродота (IX, 62—63), персы не уступали лакедемонянам в отваге и физической силе, храбро бросались на длинные копья гоплитов и голыми руками ломали их. Но у персов не было тяжелого вооружения, и в военном искусстве они уступали грекам. Персы располагали первоклассной конницей, но она по условиям местности не смогла принять участия в битве. Персидское войско оказалось разбитым на отдельные отряды, между которыми не было координации действий. После

отчаянной схватки с лакедемонянами, которые сражались ожесточенно и не брали пленных, персы были разгромлены. Остатки их войска отступили под командованием Артабаза. Чужеземные контингенты персидской армии бежали с поля боя еще до начала схватки. Сообщая об этом, Геродот (IX, 68) замечает, что вся сила «варваров» держалась на персах. Лишь беотийская конница сражалась отважно, прикрывая отступавших. Наряду с персидской конницей своей храбростью отличилась также и конница саков.

Плутарх в биографии Аристиды (19) утверждает, что в битве при Платеях погибло 1360 лакедемонян. По-видимому, эта цифра учитывает только потери гоплитов, но не включает погибших легковооруженных, которые не были полноправными гражданами.

Лакедемоняне захватили тело погибшего Мардония и показывали его всем эллинским воинам. Какой-то малоазиатский грек выкрал его и предал погребению, за что позднее получил от сына Мардония ценные дары. Согласно Геродоту (IX, 82), Ксеркс, покидая Грецию, оставил Мардонию свою богатую домашнюю утварь, состоящую из золотой посуды, лож и столов, а также пестрые ковры (в действительности же это, вероятно, было имущество самого Мардония, а греки думали, что только царь может располагать такой роскошью). Захватив шатер Мардония, Павсаний велел слугам последнего приготовить такой же обед, какой они раньше готовили своему господину. Когда обед был подан на золотых столах, вокруг которых были постланы пышные ковры, Павсаний велел своим слугам приготовить обычный обед лакедемонян. После этого, пригласив эллинских военачальников и обратив их внимание на разницу между персидской и спартанской пищей, он говорил о безрассудстве Мардония, который, и так живя в большой роскоши, явился в Грецию, чтобы отнять у эллинов их жалкие крохи.

После отступления от Платей персидское войско отошло к заранее подготовленным деревянным укреплениям. Но хорошо знакомым с осадным делом афинянам удалось взобраться на стену и оттеснить, а затем и уничтожить персов. Лишь один отряд персов во главе с Артабазом отступил заблаговременно и прибыл в Византий, потеряв в пути много людей в стычках с фракийцами и из-за голода. Из Византии остатки персидского войска переправились на кораблях в Малую Азию.

Тем временем греческое войско начало мстить эллинским государствам, воевавшим на стороне персов. Греки осадили Фивы и стали требовать выдачи главарей персофильской партии. Последние заявили, что они были на стороне персов не одни, а совместно со всем городом, но тем не менее согласились добровольно отправиться в греческий лагерь, чтобы избежать разорения фиванской земли. Эти руководители олигархической партии надеялись откупиться деньгами, но Павсаний велел отвезти их в Коринф и там казнить как предателей эллинской свободы. Лишь одному из приговоренных удалось бежать и спастись.

Тогда фиванцы выдали греческому командованию детей беглеца, но Павсаний отпустил их с примечательными словами, что дети не виновны в преступлениях отца. Однако казнь фиванских олигархов осталась лишь единичным актом мести союзникам персов. Клятва греческих патриотов разрушить все эллинские города, добровольно перешедшие на сторону персов, и уплатить из их имущества десятину богам так и не была выполнена: трудно было пройти огнем и мечом по горным областям Средней и Северной Греции, да и вскоре после изгнания персов из Эллады наметился раскол между Спартой и Афинами, двумя государствами, которые вынесли основную тяжесть войны на своих плечах.

БИТВА ПРИ МИКАЛЕ. ЗНАЧЕНИЕ ГРЕКО-ПЕРСИДСКИХ ВОЙН

После битвы при Платеях греческий флот из 110 кораблей под командованием спартанского царя Леотихида стоял у Делоса. На этот остров тайно от Феоместора, назначенного персами тираном Самоса, прибыли послы, направленные туда самосскими гражданами. Они призывали греческих военачальников напасть на персов, которые находились на Самосе, обещая при этом, что малоазийские эллины поднимут восстание против Ксеркса. Греческий флот направился с Делоса к Самосу, но персы не приняли боя, так как эллины превосходили их количеством кораблей. Финикийские суда с их командой давно были отпущены домой, и большая часть персидской эскадры состояла из малоазийских кораблей, на которые во избежание измены было назначено по 30 персов.

Персы направились к Микале, мысу и горе в Ионии, между Эфесом и Милетом, где было сосредоточено около 60 000 воинов во главе с полководцем Тиграном. Корабли были вытасчены на берег для ремонта, и вокруг них построен вал.

На Самосе греческие военачальники стали обсуждать план предстоящих действий. Пелопоннесцы, располагавшие сильным сухопутным войском, но лишенные значительных морских сил, считали, что утвердиться в Малой Азии невозможно. Поэтому они предлагали освободить живших там эллинов и перевезти их на запад. Но афиняне ответили на это, что ионийцы являются их колонистами, поэтому они сами позаботятся о родственном им населении и ни в коем случае не оставят Ионию на произвол судьбы. После долгих споров было решено направиться к Микале.

Прибыв туда, эллины застали персидскую армию выстроенной в боевом порядке. Эллинские военачальники обратились к малоазийским грекам, находившимся в персидском лагере, с призывом перейти на их сторону. Призыв этот был рассчитан на то, что, если ионийцы даже не изменят персам, последние все равно перестанут доверять им. Действительно, персы разоружили самосцев, а милет-

цев удалили с поля боя, направив их для прикрытия проходов к вершинам горы Микале.

Эллины сошли на берег и двинулись на персидское войско. Битва произошла в августе 479 г. Согласно греческой традиции, эта битва произошла в тот же день, что и морское сражение в Саламинском заливе, но современные исследователи считают такое предание недостоверным.

Атаку эллинов персы встретили стойко, защищаясь от вражеских копий своими сомкнутыми плетеными щитами. Но вскоре погиб персидский военачальник Тигран, а за ним командир флота Мардонт. Войско персов, оказавшееся расчлененным на отдельные группы, сражалось до последнего человека, однако было разгромлено. Во время битвы малоазийские эллины изменили персам и напали на них. Когда остатки персидского войска начали отступать и направились к вершине Микале, милетцы стали убивать их. Победа греков при Микале послужила сигналом к восстанию ионийских городов Малой Азии против персидского господства. Острова Хиос, Лесбос и Самос перешли на сторону греков, и многие персидские гарнизоны были перебиты. Однако греки оказались не в состоянии сохранить Ионию под своей властью, и им пришлось ограничиться освобождением островов Эгейского моря. Но теперь греческие суда могли свободно плавать в этом море.

Уцелевшие после битвы при Микале персы добрались до Сард, где брат Ксеркса Масиста обвинил их оставшегося в живых командира Артаинта в трусости. Греческое войско направилось на кораблях к Геллеспонту, чтобы обеспечить подвоз хлеба с побережья Черного моря в Грецию. Затем пелопоннесцы, считая войну законченной, вернулись домой, а афиняне приступили к осаде Сеста, города и сильной крепости на Херсонесе. Осада продолжалась долго, и персы, запертые в городе, вынуждены были из-за голода есть кожу. С помощью греков, находившихся в Сесте, афиняне в конце концов весной 478 г. захватили этот город, казнили персидского сатрапа Артаинкта, а затем направились обратно в Афины. Можно отметить, что рассказом о взятии Сеста афинянами Геродот кончает свой труд.

Греки и персы находились в состоянии войны до 449 г., когда между ними был заключен мир. Однако блестящие победы греков при Саламине, Платеях и Микале заставили персов отказаться от мысли о захвате Греции¹⁰⁹. Теперь военные действия были перенесены на острова Эгейского моря и на территорию Малой Азии. Поэтому уместно будет остановиться здесь на значении Греко-персидских войн.

Известный историк Арнольд Тойнби полагает, что для греков было бы лучше, если бы они без сопротивления приняли власть персидского царя. Это, по мнению Тойнби, избавило бы Грецию от междоусобных войн и бед в течение 450 лет между царствованием Дария I и правлением Августа. С другой стороны, во многих трудах по древней истории утверждается, что греки в войнах

с персами боролись за сохранение своей культуры и защищали свою религию. Однако вряд ли можно согласиться как с Тойнби, так и с теми, кто думает, что персы угрожали существованию эллинской культуры. С. Я. Лурье, Г. Бенгтсон и многие другие крупные специалисты по греческой истории справедливо считают Греко-персидские войны одной из самых ярких страниц истории человечества. Однако персы отнюдь не стремились уничтожить греков, их культуру и храмы, а только желали подчинить себе Грецию. В этом намерении прямой и надежной опорой персов были крупные греческие святилища, и прежде всего Дельфийский храм. Э. Мейер отмечает, что духовная культура, наука и философия греков могли дальше развиваться и при персидском господстве, ибо такие ученые, как Анаксимандр, Гекатей и Гераклит, беспрепятственно занимались наукой, будучи подданными персидского царя. И в международной торговле, столь важной для многих греческих государств, при персах и под их покровительством эллинские купцы успешно конкурировали бы с финикийцами. Опасность для греков была в другом. Персы прекрасно понимали и учитывали, что крупные святилища Греции были влиятельными советниками народа и целых государств и даже стремились стать политическими вождями всей страны. Именно поэтому персы оказывали греческому жречеству всяческую поддержку, посвящали в храмы ценные дары, а жрецы, в свою очередь, призывали греков к отказу от сопротивления завоевателям. Персы, за исключением отдельных случаев, отнюдь не разрушали греческие святилища, а, напротив, готовы были вместе с эллинами поклоняться богам последних. Если бы персам удалось покорить Грецию, это привело бы к господству греческого жречества в стране, как это произошло при прямой поддержке персидской администрации в ахеменидских сатрапиях Египте и Иудее. В таком случае теологическая система мышления превратилась бы в оковы для духовной свободы и развития греческого полиса, этой правовой государственной системы, непримиримой к восточному деспотизму персидского царя, и греческая культура при господстве жрецов приобрела бы религиозную окраску [см. 294, т. III, с. 444—446; 94, с. 68]. Поэтому можно уверенно полагать, что победы греков дали возможность беспрепятственного развития светской культуры, которая, будучи свободна от господства теологической системы, достигла блестящего расцвета.

Все мы со школьной скамьи привыкли считать, что во время похода Ксеркса маленький свободолюбивый народ Эллады объединился, чтобы дать отпор бесчисленной и хорошо вооруженной персидской армии, и показал превосходство демократии над монархией. В действительности же в решающих сражениях силы сторон были приблизительно равны, греки имели в своем распоряжении лучшее вооружение, чем персы, и превосходили последних в военном искусстве и технике. Кроме того, греки сражались в собственной стране в отличие от персов, которые сталкивались с большими трудностями при снабжении своей армии. Вопреки

распространенному мнению, греки отнюдь не были единодушны в борьбе с персами, и многие области Эллады переходили на сторону чужеземцев. Но это, естественно, не умаляет значения великого подвига тех греков (прежде всего афинян и спартанцев), которые не дрогнули перед мощью и ресурсами огромной державы, ценой многих тысяч жизней в решительной борьбе одержали победу и тем самым сумели сохранить свою свободу и государственное устройство, которым современная цивилизация столь многим обязана.

Великие победы греков воспевались многими эллинскими поэтами. Кроме трагедии Эсхила «Персы» им была посвящена и поэма Симонида «Морская битва с Ксерксом». Обращение к теме героического прошлого стало популярным и в искусстве. Греческие художники писали картины с изображениями эпизодов войны и выставляли их в общественных местах или же посвящали в храмы. Поход Ксеркса стал навсегда запечатлевшимся в памяти народа событием, и в Греции часто можно было услышать вопрос: «В каком возрасте ты был, когда пришел мидиец?», т. е. Ксеркс [см. 20, с. 18]. Павсаний (III, 11, 3) рассказывает, что в Спарте на городской площади было выстроено здание, которое поддерживалось колоннами с изображением побежденных персов, в том числе Мардония, а также галикарнасской царицы Артемисии. По его свидетельству (IX, 2, 5), у входа в Платеи еще во II в. н. э. находились могилы павших в битве с «мидийцами» эллинов: для лакедемонян и афинян были сооружены особые гробницы, а остальные были погребены в общей братской могиле.

Естественно, возникает вопрос: какое влияние оказал исход Греко-персидских войн на самих персов? Согласно утверждению автора I в. н. э. Диона Хрисостома, относительно этих войн персы писали, что «Ксеркс, пойдя походом на греков, победил лакедемонян у Фермопил и убил их царя Леонида, затем взял и разрушил город афинян, обратив в рабство всех тех, кто не успел бежать. Наложив дань на греков, он вернулся в Азию» [см. 34, с. 88]. Несомненно, персы (во всяком случае, их официальная традиция) не считали себя побежденными, ведь формальная цель похода была достигнута — Афины были дважды взяты, а эретрийцы уведены в плен, хотя, конечно, истинная цель была другая: под предлогом мести афинянам покорить всю Грецию. На персидских печатях со сценами борьбы с эллинами, вооруженными щитами и копьями, греки обычно изображаются поверженными ниц или упавшими на колени [см. 34, с. 88]. Как выше говорилось, Эсхил и другие греки преувеличивали значение своих побед, когда они выражали надежду, что держава Ксеркса рухнет. Для Ахеменидской империи с ее колоссальными размерами и ресурсами поражения в Греции носили характер лишь периферийных неудач.

После изгнания персов из Греции война вступила в новую фазу. Большинство эллинов было охвачено порывом патриотического единодушия в борьбе против общего врага. Но иначе оценивал обстановку прозорливый Фемистокл, которым руководил холодный политический расчет. Фукидид (I, 138, 3) пишет, что Фемистокл был «вернейшим судьей данного положения дел и лучше всех угадывал события самого отдаленного будущего». Наделенный шестым чувством в политике, он всегда моментально принимал верное решение и умел проводить его в жизнь, не пренебрегая никакими средствами. Фемистокл считал, что афиняне не заинтересованы в полном разгроме Персии, так как, по его мнению, самым опасным политическим и военным противником их государства является Спарта, а не далекая Персия. Поэтому сразу после Саламинской победы, в значительной мере одержанной благодаря ему самому, Фемистокл готов был следовать дальновидной политике сближения и мира с Персией. Он стремился установить дружественные отношения с персидским царем, чтобы готовиться к войне со Спартой. Среди греческих государств, совместно выступивших против общего врага, теперь усилились пока еще скрытые разногласия. Осенью 479 г. афиняне по инициативе Фемистокла, поддержанной и вождем аристократической партии Аристидом, начали укреплять свой город и восстанавливать его стены, чтобы обеспечить себе независимость от Спарты. Соседи афинян и их давние враги коринфяне, обеспокоенные ростом военного могущества Аттики, начали подстрекать против нее Спарту. Спартанцы и сами считали, что укрепление Афин угрожает их господствующему положению в Греции, и поэтому потребовали прекращения сооружения стен вокруг города. В оправдание своего ультиматума спартанские власти ссылались на то, что персы могут снова захватить Афины и использовать городские стены в войне против греков. Но попытка Спарты воспользоваться истощенностью Афин в войне и диктовать им свою волю оказалась обреченной на неудачу. Фемистокл заявил своим согражданам, что он сам отправится в Спарту для переговоров, а тем временем афиняне должны непрерывно, днем и ночью продолжать работу по сооружению стен. Прибыв в Спарту, Фемистокл стал тянуть время, уклоняясь от встречи со спартанскими властями. Когда ему все же пришлось отвечать эфорам, он заявил им, что в Афинах вообще не ведется никаких работ по сооружению стен и в этом легко будет убедиться, если спартанцы отправят туда своих наблюдателей. Но когда последние прибыли в Афины, они были там задержаны в качестве заложников, чтобы Фемистокл мог беспрепятственно вернуться в родной город. Таким образом, спартанцы были поставлены перед совершившимся фактом.

После побед 480—479 гг. афиняне расширили свой военный

и торговый флот и приобрели гегемонию на море, которую теперь никто не мог оспаривать. Основателем афинского морского могущества был Фемистокл, который стал самым влиятельным политическим руководителем в Афинах. Демократическая партия одержала новые победы во внутренней политической жизни. Власть в государстве принадлежала народному собранию, состоявшему из всех граждан. Афины начали повсеместно в греческом мире поддерживать демократические партии, что, естественно, шло вразрез с интересами Спарты — олигархической республики во главе с двумя царями, власть которых была ограничена советом старейшин.

Ко всему этому добавились и тактические разногласия между Афинами и Спартой относительно войны с Персией. Спарта как сельскохозяйственная страна с ограниченными ресурсами, к тому же не имевшая своего флота, чтобы воевать на море, и не заинтересованная в торговых рынках, не желала быть втянутой в войну в Малой Азии. Афинянам же, чтобы обезопасить свою торговлю, необходимо было перенести войну в Малую Азию и вытеснить персидские гарнизоны с побережья Фракии, особенно с Геллеспонта, и возобновить привоз хлеба с Причерноморья. Афиняне также стремились установить свое влияние в греческих городах Малой Азии, все еще находившихся под персидским господством. Поэтому афиняне выступили инициаторами наступательной политики против Персии. Но Спарта не хотела отказаться от своей ведущей роли в войне против Персии и поэтому весной 478 г. назначила начальником объединенного греческого флота своего царя Павсания, победителя при Платеях. Павсаний во главе 20 кораблей с Пелопоннеса, 30 кораблей из Афин и флота с островов Лесбос, Хиос и Самос отплыл к Кипру и захватил большую часть его. Летом того же года греческий флот направился к Византию и завладел им.

Но вскоре Павсаний вступил в тайные связи с Персией и стал посылать письма к Ксерксу, обещая ему установить господство персов над Грецией. У Павсания были далеко идущие планы захвата власти над всей Грецией. В самой Спарте он замыслил сломить олигархию и освободить илотов от порабощения. Для этого он стремился получить помощь от персов и собирался жениться на дочери Ксеркса, чтобы укрепить свой союз с ним. Павсаний тайно вернул персидскому царю некоторых его родственников, попавших в плен при захвате Византия, заявив грекам, что они бежали.

Получив письмо Павсания, Ксеркс назначил Артабаза, сына Фарнака, который раньше сражался в Греции в войске Мардония, сатрапом Фригии со столицей в Даскилее. Ему было поручено помогать спартанскому полководцу золотом и серебром и вести с ним доверительные переговоры, соблюдая при этом все необходимые предосторожности. Через Артабаза Ксеркс также направил Павсанию письмо, скрепленное царской печатью. Это письмо приведено в труде Фукидида (I, 129, 3). Оно по стилю очень на-

поминает ахеменидские надписи и является подлинным. По-видимому, это копия с греческого перевода персидского оригинала [ср. 310, с. 156 и сл.]. В письме Ксеркс сообщает Павсанию, что за спасение родственников царя «в нашем доме на вечные времена обеспечена милость тебе. Днем и ночью не переставай делать то, что обещал мне».

Всего год назад, после победы при Платеях, Павсаний насмеялся над роскошью персов и хвалил спартанскую простоту и непритязательность. Но теперь во время выездов из Византии он стал одеваться в персидские одежды, его сопровождали копьеносцы из персов и египтян, ему готовили персидские кушанья. Надменное поведение Павсания и открыто принятый им персидский образ жизни вызывали недовольство в греческом войске и в освобожденных от господства врага эллинских городах. Поэтому спартанские власти отозвали своего полководца. Но он не вернулся на родину, а, отправившись в качестве частного лица на Геллеспонт, продолжал переговоры с персами. Эфоры вторично послали вестника к Павсанию, требуя его немедленного возвращения. Тогда он решил отправиться на суд эфоров, поскольку против него не было никаких прямых улик. Однако и в Спарте Павсаний продолжал держать связь с персами. Его доверенный человек, который должен был доставить письмо Артабазу, испугался за свою участь, так как один из прежних посланцев Павсания не вернулся от персов назад в Спарту. Вскрыв письмо, гонец узнал, что в нем, в частности, содержалась просьба умертвить его самого. Убедившись в справедливости своих подозрений, гонец передал письмо эфорам. Павсанию пришлось бежать в одно из святилищ, и там он умер голодной смертью.

На смену Павсанию был послан другой спартанский военачальник, но греческие союзники отказались подчиняться ему. Тогда Спарта отозвала свои военные силы из объединенной греческой армии, а эллинские государства, желавшие продолжения войны с Персией, начали ориентироваться на Афины.

В 478 г. представители Афин, Самоса, Хиоса, Лесбоса и других островов Эгейского моря собрались на Делосе и заключили союз для войны с Персией. Была создана также общая касса. Те из ионийцев и жителей островов, которые ранее приняли участие в походе Ксеркса на Грецию, а теперь были освобождены от его господства, должны были вносить в эту кассу ту же сумму денег, какую они прежде платили персидскому царю в качестве подати. Делосский союз прежде всего стремился обеспечить себе господство по обе стороны Эгейского моря и очистить от персидских гарнизонов Фракию и Геллеспонт. Однако в этих районах эллины встретились с упорным сопротивлением персов. В 478 г. эллины во главе с афинским полководцем Кимоном осадили персидскую крепость Эион, расположенную в устье реки Стримон. Когда продовольствие иссякло и сопротивление стало безнадежным, комендант крепости Бог, которому Кимон обещал обеспечить безопасное отступление в Малую Азию, отказался от такого

спасения, заколол своих детей, жен, наложниц и слуг, бросил в реку золото, серебро и все ценное имущество и после этого сам кинулся в горящий костер.

Тем временем в Афинах произошли важные политические перемены. Враги Фемистокла объединили свои усилия, чтобы изгнать его с политической сцены. В клубах аристократической партии готовили тысячи черепков с именем Фемистокла, вопрос об изгнании которого был поставлен на народном собрании. Политические противники Фемистокла пустили в ход все средства, прежде всего клевету, и убеждали афинских граждан, что его влияние и могущество опасны для государства. После подсчета черепков (часть их сохранилась до настоящего времени) в 471 г. Фемистокл, ведущий политический деятель Афин, был подвергнут остракизму, т. е. политическому изгнанию. Он направился в Аргос. Поздее, когда спартанские власти узнали о тайных сношениях Павсания с персами, они обвинили в измене и Фемистокла. По требованию лакедемонян афиняне велели Фемистоклу вернуться на родину и послали людей, чтобы арестовать его и привести в суд. Но он хорошо знал, что значит передать себя в руки политических врагов, независимо от того, виновен ты или нет, и бежал на Керкиру, оттуда в Эпир и наконец на территорию персидского царя. Афинский суд заочно приговорил его к смертной казни с конфискацией всего имущества.

Теперь главной фигурой в Афинах стал руководитель аристократической партии Кимон, сын победителя при Маратоне Мильтиада. Поскольку афинские аристократы всегда страдали лакономанией, при Кимоне установились хорошие отношения между Спартой и Афинами.

Пока афиняне были заняты внутренними делами, персы восстановили свой контроль над Кипром. Персидским флотом из 200 кораблей командовал Тифравст, пехотой — Ферендат, а верховное командование было в руках Ариоманда, сына Гобрия. Флот стоял у устья реки Эвримедонт, на юге Малой Азии, дожидаясь прибытия с Кипра 80 финикийских кораблей. Кимон, командовавший флотом Делосского морского союза, насчитывавшим 200 триер, в 466 г. вступил в бой с персами еще до подхода финикийских судов и одержал решительную победу. Затем греки набросились на персидскую пехоту, которая оказала упорное сопротивление. После кровопролитного сражения греки ценой жестоких потерь нанесли персам поражение. Затем они напали на финикийские корабли, команды которых еще не знали об участии персидского флота, и разгромили их.

После битвы при Эвримедонте многие греческие города на южном побережье Малой Азии примкнули к Делосскому морскому союзу. Кимону удалось также подчинить карийские и ликийские города. Эгейское море теперь принадлежало грекам, а персы лишились там своих морских баз, сохранив их лишь в Палестине, Сирии, Финикии и Египте. Постепенно эллинам удалось изгнать персидские гарнизоны также из Фракии и Геллеспонта, за исклю-

чением города и крепости Дориск на фракийском побережье, основанной Дарием I в 512 г. Наместник Дориска Маскам отразил все попытки греков овладеть этим городом. Когда Геродот писал свой труд во второй половине V в. до н. э., Дориск все еще принадлежал персам.

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ В ПЕРСИИ

Несмотря на поражения в Греции и в бассейне Эгейского моря, Персия продолжала активную внешнюю политику; в частности, было покорено сакское племя дахов, обитавшее к востоку от Каспийского моря. Это племя впервые упоминается в списках покоренных народов при Ксерксе. Последний продолжал завоевания также на крайнем востоке, захватив горную область Акауфака (от иранского *kaufa* — «гора», что соответствует греческому *oreitai* — «жители гор») на теперешней границе между Афганистаном и Пакистаном [см. 350, с. 131; 240, с. 376].

Однако уже при Ксерксе появляются опасные для существования державы симптомы — мятежи сатрапов. Так, его собственный брат Масиста около 478 г. бежал из Суз в свою сатрапию Бактрию, чтобы поднять там восстание. Но по дороге преданные царю воины догнали Масисту и убили вместе со всеми сыновьями, сопровождавшими его. Геродот (IX, 108—113) рассказывает жуткую легенду о его гибели. Ксеркс воспылал страстью к супруге Масисты, но не смог добиться от нее взаимности. Тогда он устроил свадьбу своего сына Дария и дочери Масисты, надеясь, что это даст ему возможность сблизиться с ее матерью. Но затем он влюбился в дочь Масисты, свою невестку, которая согласилась на сожительство. Об этом узнала жена Ксеркса Аместрида и во время пира, который устраивался раз в году, а именно в день рождения царя, когда можно было попросить у последнего любой подарок, потребовала себе жену Масисты, считая ее виновницей всех своих бед, и затем зверски расправилась с нею. После этого Ксеркс вызвал к себе Масисту и сказал ему, что взамен изувеченной жены он выдаст за него свою дочь. Однако Масиста предпочел бежать в Бактрию [см. 345а, с. 51—83].

При Ксерксе велось интенсивное строительство в Персеполе, Сузах, Ване (Армения), на горе Эльвенд, близ Экбатан, и в других местах. Для укрепления государственной централизации он провел религиозную реформу, о которой нам известно из так называемой Антидэвовской надписи.

Образу Ксеркса много внимания уделено в трагедии Эсхила «Персы», действие которой происходит в Сузах. В ней содержится перечень состава войска Ксеркса и имена военачальников, затем описывается ход Саламинской битвы, после чего автор возлагает на Ксеркса ответственность за беды, причиненные эллинам и персам. Согласно пьесе, матери Ксеркса Атоссе приснился сон, предвещавший поражение персов, и она рассказывает свой

сон персидским старейшинам. В этот момент прибывает гонец и сообщает о разгроме персидского флота при Саламине. Затем появляется тень Дария, предсказывая персам новые беды, и старцы выражают опасения, что держава может рухнуть. В трагедии свободные эллины противопоставлены персам, у которых все, кроме царя, являются рабами. В финале на сцене появляется сам Ксеркс, который оплакивает свое поражение.

У других греческих авторов Ксеркс изображен окруженным евреями безумцем. Платон (Leg. 695 D) пишет, что Ксеркс получил изнеженное воспитание и, начиная с него, у персов цари были великими только по названию, а не в действительности. Обычно историки вслед за греческими авторами считают Ксеркса человеком слабого характера и игрушкой в руках евнухов [см., например, 280, с. 161]. Однако официальные персидские источники изображают Ксеркса мудрым государственным деятелем и опытным воином. Очевидно, и греческие и персидские источники тенденциозны и субъективны, но тем не менее они взаимно дополняют друг друга.

Для характеристики образа Ксеркса некоторый интерес представляет следующий рассказ Геродота (VII, 134—136). После убийства лакедемонянами персидских послов, отправленных Дарием I для требования «земли и воды», спартанские жрецы перестали получать благоприятные предзнаменования и поэтому направили в Сузы к Ксерксу двух добровольцев, чтобы они своей смертью искупили вину спартанцев. Когда они прибыли в Сузы и доложили царю о цели своего приезда, Ксеркс заявил им, что он не хочет подражать людям, которые не уважают священных международных обычаев, и отпустил обоих спартанцев невредимыми домой, сняв с лакедемонян вину за убийство послов. В другом месте своего труда (VII, 31) Геродот изображает Ксеркса эстетом, который долго восхищался красотой платана, увиденного им в Лидии.

По свидетельству Ктесия, к концу своей жизни Ксеркс находился под сильным влиянием начальника царской гвардии Артабана, родом из Гиркании, и евнуха Аспамитры (у Диодора он назван Митридатом). Вероятно, положение Ксеркса в это время было не очень прочным. Во всяком случае, из персепольских документов нам известно, что в 467 г., т. е. за два года до убийства Ксеркса, в Персии царил голод, царские амбары были пусты и цены на зерно поднялись в семь раз по сравнению с обычными. Чтобы как-то успокоить недовольных, Ксеркс в течение одного года сместил около ста государственных чиновников, начиная с самых высокопоставленных [см. 226, т. II, с. 24].

В августе 465 г. Артабан и Аспамитра, по-видимому, не без происков Артаксеркса, младшего сына Ксеркса, убили царя ночью в его спальне. Ксерксу было тогда 55 лет. Он был погребен в Накш- и Рустаме в заранее заготовленной гробнице. Дата этого заговора зафиксирована вавилонскими писцами в одном астрономическом тексте [LBAT, 1419]. Вавилоняне, несомненно, сочли

это убийство карой бога Мардука, храм которого был разрушен Ксерксом [ср. 419]. В египетском тексте более позднего времени говорится, что Ксеркс был убит вместе со старшим сыном в своем дворце и что его гибель была карой богов за конфискацию земли храма Буто в Египте [375, с. 204 и сл.; 248, с. 69]. По утверждению Элиана (Var, XIII, 3), Ксеркса умертвил во время сна его собственный сын (неясно, имеется ли в виду Дарий или Артаксеркс). Если верить Диодору (XI, 69, 4), после убийства царя заговорщики сказали Артаксерксу, что оно совершено его старшим братом Дарием, и посоветовали устранить его. Дарий был приведен к Артаксерксу, который заколол его, несмотря на заверения обреченного, что он ни в чем не виноват. Вместе с ним были убиты также и его дети. Третий сын Ксеркса, Гистасп (Виштаспа), в это время находился в Бактрии, будучи сатрапом этой страны.

Плутарх в биографии Фемистокла (27), опираясь на Динона, пишет, что в течение семи месяцев государством правил сам Артабан. В таком случае формально царем считался Артаксеркс. Но Артабан замыслил и его убить, чтобы захватить престол в свои руки. Для этого он попытался привлечь к заговору знатного перса Мегабиза, сына Зопира, который хотя и был женат на дочери Ксеркса, но в это время находился в ссоре с нею. Однако Мегабиз предупредил Артаксеркса о грозящей ему опасности, и тот сумел защитить себя и расправился с Артабаном и Аспамитрой вместе с их сыновьями, родственниками и сторонниками. Таким образом, царем стал Артаксеркс I (др.-перс. Артахшасса — «владеющий праведным царством»), которого греки прозвали «Долгоруким» (Макрохейр) из-за того, что правая рука у него была длиннее левой.

Пока Артаксеркс был занят перемещениями в административной системе, назначая близких к себе лиц сатрапами, в 464 г. наместник Бактрии Виштаспа, брат нового царя, задумал овладеть престолом с помощью бактрийской знати и поднял восстание. Но он был побежден в двух битвах и убит. Опасаясь дворцового переворота, Артаксеркс велел истребить всех остальных своих братьев. Теперь придворные интриги стали приобретать все более важное значение для судеб Персидской державы.

Вскоре после воцарения Артаксеркса в Персию бежал Фемистокл. О его прибытии туда сохранилось несколько версий, из которых наиболее достоверным является рассказ Фукидида (I, 135—138). Когда афиняне послали в Аргос людей, чтобы арестовать Фемистокла, он, своевременно узнав об этом, бежал в Ионию. Там он познакомился с одним персом и, удалившись вместе с ним в глубь материка, послал оттуда письмо Артаксерксу. Фемистокл писал, что он причинил дому царя больше бед, чем кто-либо другой из эллинов, пока вынужден был защищать свою страну от персидской армии. Но он сделал персам еще больше добра, оказав Ксерксу помощь в спасении из Греции. А теперь, продолжал Фемистокл, он прибыл к царю, гонимый соотечественниками за симпатии к персам. В письме содержалось также обе-

шание оказать в будущем Артаксерксу крупные услуги. В заключение Фемистокл писал, что он хочет прожить год во владениях царя, чтобы изучить персидский язык и затем явиться к нему. По свидетельству Фукидида, Артаксеркс согласился на это.

Согласно Плутарху, Фемистокл бежал в Малую Азию и оттуда в закрытой повозке под видом гречанки, которую якобы везли в гарем одного знатного перса, добрался до царского дворца. Там с помощью греческой наложницы начальника царской охраны, ведавшего доступом к царю, он стал просить, чтобы ему разрешили увидеть Артаксеркса. При этом Фемистокл скрыл свое имя и сказал, что он собирается сообщить царю важную весть. Царедворец, хорошо знакомый со стремлением эллинов избегать проскинесиса (унизительного земного поклона), ответил, что если он не захочет пасть ниц перед царем, то не сможет видеть последнего и должен сообщить свою весть через третьих лиц. Однако Фемистокл изъявил полную готовность совершить земной поклон и, добившись допуска к царю, открыл ему свое имя. Он сказал, что за услуги, оказанные им персам, эллины считают его своим врагом и преследуют, а потому он просит царя сохранить ему жизнь и дать убежище. Артаксеркс очень обрадовался, что знаменитый греческий политический деятель ищет у него убежища, и велел ему явиться на следующее утро. Когда Фемистокл вторично предстал перед царем, придворные, которые хорошо знали его имя и дела, открыто показывали свое враждебное отношение к нему и угрожали расправой. Но Артаксеркс, который был гораздо дальновиднее своих сановников, отнесся к греку великодушно и сказал, что Фемистокл должен получить 200 талантов, обещанных в награду тому, кто его приведет, поскольку он сам добровольно явился к царю. Когда Артаксеркс стал спрашивать Фемистокла о положении дел в Греции, тот ответил, что человеческая речь подобна ковро с узорами, ибо, если ковер свернуть, узоры искажаются. Этим он хотел сказать, что не желает беседовать с помощью переводчика, чтобы не произошло искажения его мыслей. Затем, по утверждению Плутарха, в течение года Фемистокл изучил персидский язык настолько, что мог говорить без переводчика. Корнелий Непот пишет, что Фемистокл ревностно изучал персидский язык и литературу и выступал перед царем лучше тех, кто родился в Персии. Но Фукидид, не любивший преувеличений, говорит, что Фемистокл изучил персидский язык и порядки страны «насколько мог». По свидетельству Фукидида, Фемистокл пользовался у царя таким влиянием, которого не мог достичь ни один эллин. Согласно Плутарху, положение Фемистокла при дворе не было похоже на положение других чужеземцев, он охотился вместе с царем, и его принимала у себя мать царя. Кроме того, Фемистокл получал от Артаксеркса дары, подобные тем, которые давались знатным персам. Если верить Диодору (XI, 57, 5), царь дал в жены Фемистоклу знатную персиянку. Поскольку Артаксеркс проводил перемещения среди придворных, последние ненавидели Фемистокла, думая, что все это делалось по его наущению.

Позднее Фемистокл получил в дар от царя несколько городов, чтобы жить на доходы от них. Согласно Фукидиду (I, 138, 5), Фемистокл получил Магнесию (Малая Азия) «на хлеб», и этот город приносил ему ежегодно 50 талантов дохода. Богатый виноградарями Лампсак был дан «на вино», а Миунт — «на праву». Как видно из труда Фукидида, Фемистокл был правителем Магнесии под верховной властью персидского царя. Афиней (XII, 533 D) пишет, что Фемистокл получил в Магнесии должность архонта-стефанефора. Сохранились также монеты, чеканенные Фемистоклом, с изображением орла и бога Аполлона. Сообщение о том, что Лампсак был пожалован Фемистоклу, подтверждается и надписью III в. до н. э. из этого города, согласно которой там в честь Фемистокла ежегодно справляли праздник, а его потомкам были даны почетные права [см. литературу: 45, с. 370, примеч. 168].

Умер Фемистокл незадолго до 450 г. О его смерти также сохранилось несколько версий. Согласно Фукидиду (I, 138, 4), он умер от болезни. Но Фукидид приводит также распространенный рассказ, что Фемистокл будто бы принял яд, так как не хотел участвовать в войне против эллинов, хотя и обещал царю покорить их. Фукидид сам видел на площади Магнесии памятник Фемистоклу. Плутарх в биографии Фемистокла (32) пишет, что в этом городе ему была выстроена великолепная гробница.

ВОССТАНИЕ ИНАРА В ЕГИПТЕ

В 460 г. в Египте произошло новое восстание, в результате которого эта страна оказалась вовлеченной в Греко-персидские войны. Достоверные сведения об этом событии содержатся в труде Фукидида (I, 104 и 109—110), а некоторые детали и в «Персидской истории» (XIV—XV) Ктесия, хотя нет возможности проверить последние. О восстании рассказывают также Диодор (XI, 71, 74—75 и 77; XII, 3) и, менее подробно, Геродот (III, 12 и 15; VII, 7). Согласно Диодору (I, 44, 3 и XI, 71, 3), причинами восстания были тяжелый налоговый гнет, суровое правление и пренебрежение персидских правителей к местным святыням.

Волнения начались в Западной Дельте под руководством ливийца Инара, сына некоего Псамметиха (возможно, отпрыска древней царской династии из города Саис). Инициатива восстания, по-видимому, принадлежала ливийцам. Восставшие изгнали персидских сборщиков податей, установили свой контроль в Дельте, а затем вторглись в долину Нила. Вскоре к Инару присоединился другой вождь восставших — Амиртей из Саиса. Но столица сатрапии Мемфис и Верхний Египет все еще оставались под властью персов, и оттуда сохранились документы, датированные пятым и десятым годами царствования Артаксеркса I.

Сатрап Египта Ахемен, брат Ксеркса (Ктесий неверно называет его Ахеменидом, братом Артаксеркса), собрал значительную

армию и выступил против восставших. Решающая битва произошла в 460 г. при Папремисе. Согласно Ктесию, с персидской стороны в битве участвовало 400 000 воинов (цифра эта, конечно, является фантастическим преувеличением) и 80 кораблей, из которых 20 были захвачены египтянами вместе с экипажем, а 30 потоплены. Геродот (III, 12), который через два десятилетия посетил Папремис, рассказывает, что место, где произошла битва, было еще полно черепами погибших воинов. В этой битве персидская армия потерпела полное поражение, а сам Ахеменид погиб в бою. Египтяне в насмешку послали его тело Артаксерксу, племяннику Ахеменида.

Одержав ряд побед над персами, Инарус обратился за помощью к афинянам. Последние, потеряв еще в конце VI в. северопричерноморские рынки, откуда они получали пшеницу, охотно решили помочь восставшим. Афиняне надеялись положить конец господству персов в Египте и установить с ним беспрепятственную торговлю, чтобы возместить тем самым свои потребности в зерне. В 459 г. афиняне послали для помощи Инару флот из 200 кораблей, включая и суда союзных греческих государств. Сначала флот двинулся к Кипру, который принадлежал персам, и разграбил его. Затем афинские корабли направились в Египет и, вступив в Нил, уничтожили там персидский флот. После этого афиняне напали на Мемфис, где было сосредоточено персидское войско. Им удалось захватить Мемфис, а персидский гарнизон укрылся в городской крепости под названием «Белые стены». К этому гарнизону присоединилось персидское и мидийское гражданское население в Египте, а также остававшиеся верными персидскому царю египтяне, которые не верили в успех восстания.

Осада крепости продолжалась почти целый год, и афиняне понесли большие потери. К тому времени против Афин выступили пелопоннесские государства во главе со Спартой. Персы и пелопоннессцы сначала действовали по отдельности, а афиняне пока были в состоянии успешно воевать. Но вскоре ситуация изменилась.

По рассказу Фукидида (I, 109—110), в 458 г. в Спарте появился персидский посол Мегабиз с большой суммой денег и стал побуждать лакедемонян к прямому нападению на Аттику, чтобы тем самым вынудить афинян отозвать из Египта на родину свой флот. Спартанские власти приняли персидское золото и дали согласие на поход против Афин. В 457 г. лакедемоняне объединились с фиванцами и в битве при Танagre в Беотии нанесли поражение своему противнику. Но вскоре афиняне разгромили фиванцев. Лакедемоняне чувствовали себя неуверенно, так как незадолго до этого они пострадали от землетрясения, а также выдержали восстание местного покоренного населения илотов. Поэтому деньги, привезенные Мегабизом, были потрачены на другие цели, а не на войну, и Мегабизу пришлось вернуться домой, не вполне добившись своей цели и сохранив лишь небольшую часть привезенного с собой золота.

Тем временем в Египте восставшие все еще не могли захватить

крепость Белые стены и продолжали ее осаду. В 456 г. Артаксеркс I направил против мятежников сатрапа Сирии (Заречья) Мегабиза, участника похода против Греции в 480 г. и внука Мегабиза, одного из убийц Гауматы. В распоряжении этого сатрапа были сильное сухопутное войско и финикийский флот. Теперь египтяне и афиняне потерпели поражение, а Мемфис был взят персами. Инар с остатками своих приверженцев и афинянами бежал на остров Просопитида в Западной Дельте. Там их окружили персы, но осажденные смогли продержаться полтора года. В 454 г. персы провели свои корабли по одному из рукавов Нила, затем вытащили их на берег, а рукав этот осушили, когда уровень Нила стал минимальным, отведя его воды по другому направлению. После этого персы, соорудив дамбу, соединили остров с материком и захватили этот остров с помощью сухопутного войска. Большинство египтян и афинян погибло, а Инар вместе со своими немногочисленными оставшимися в живых сторонниками и небольшой частью афинян сдался в плен Мегабизу, получив от него заверения, что всем пленникам будет сохранена жизнь. Подробный рассказ о заключительном этапе восстания содержится у Ктесия, но его данные ненадежны, а цифры о количестве воинов совершенно произвольны [см. 103, с. 20 и сл.]. Ктесий пишет, что Мегабиз отправил против Инара 200 000 воинов и 300 кораблей. В нескольких крупных битвах обе стороны понесли большие потери. Сам Инар был ранен в бедро Мегабизом. Бросив в бой все силы, персы победили, а Инар вместе с 6000 греков бежал в Библ. По Ктесию, это был сильно укрепленный город в Египте, но из других источников о существовании такого топонима в Египте ничего не известно [см. 103, с. 23 и сл.]. Персы захватили весь Египет, кроме неприступного Библа. Мегабиз направил вестников к осажденным с предложением сдаться с условием, что им не будет причинено никакого вреда. Они сдались, и Мегабиз сам отправился к Артаксерксу и получил от него обещание пощадить пленников. Во всяком случае, Мегабиз сделал все возможное, чтобы сдержать свое слово.

Лишь немногим афинянам удалось спастись с острова Просопитида и через западную пустыню прорваться в Кирену, а оттуда добраться до родины. Тем временем 50 кораблей с афинскими и союзными воинами отправились в Египет на смену тому войску, о гибели которого в Афинах еще ничего не знали. Эти корабли бросили якорь в одном из восточных рукавов Нила, не подозревая, что противник находится рядом. На них внезапно напали с суши персы, а с моря финикийский флот и потопили большую часть кораблей. Лишь несколькими из них удалось спастись. Это был тяжелый удар по Афинам, которые теперь оказались почти безоружными. В результате этого афиняне, против которых при помощи персидского золота была настроена и Спарта, лишились возможности помогать египтянам.

Таким образом, после шестилетнего восстания в 454 г. Египет снова стал персидской сатрапией, и лишь в Западной Дельте

утвердился Амиртей, один из вождей восставших, недостижимый и неуловимый в обширных болотах этого края.

Теперь у персов были все основания быть довольными достигнутыми в Египте успехами, и почти до конца V в. в стране царил покойствие. Цилиндрическая печать из халцедона, найденная в Северном Причерноморье и содержащая клинописную надпись, изображает Артаксеркса I в высокой золотой короне, с луком и колчаном за спиной и с копьем в руке, ведущим за собой трех пленников, руки которых связаны за спиной. Все пленники привязаны друг к другу веревкой. Поскольку один из них имеет на голове египетскую корону, печать, по-видимому, изображает победу Артаксеркса над Инаром (печать эта хранится в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве и издана В. К. Шилейко [71, с. 17 и сл.; см. также 226, т. II, с. 31; ср. 359, с. 37]). Оттиски сходных печатей найдены и в Персеполе [см. 355, т. II, с. 10]. В Государственном Эрмитаже также имеется печать, запечатлевшая триумф над побежденными египтянами. По мнению В. Хинца, она принадлежала Мегабизу, который подавил восстание в Египте [см. 226, т. II, с. 31].

Кипр также снова был возвращен под персидское господство, а финикийский флот стал владычествовать во всем Средиземном море, и в течение некоторого времени финикийские корабли появлялись даже в Эгейском море, где они грабили острова.

В 454 г. Мегабиз вернулся в Сирию, а новым сатрапом Египта был назначен Аршама — по-видимому, внук Дария I. Судя по данным греческих авторов, новый наместник сохранял свой пост по меньшей мере до 423 г. [см. AD, с. 10 и сл.]. В элефантинских папирусах на арамейском языке Аршама как сатрап Египта упоминается с 428 по 408 г. [см. AP, 17, 21 и др.]. Вавилонские документы, составленные в 423—403 гг., также упоминают царевича Аршаму. Сохранились и письма самого Аршамы, адресованные управляющим его имениями в Египте. Как видно из одного письма, в момент написания его автор находился в Вавилоне [AD, XI; ср. там же, с. 10—12]. Письма не содержат дат, но нет сомнения в том, что их отправитель — тот же самый Аршама, который в элефантинских папирусах упоминается как наместник Египта. Еще Ш. Клермон-Ганно высказывал предположение об идентичности Аршамы элефантинских папирусов с Арсамом, назначенным, по сообщению греческих авторов, сатрапом Египта в 454 г. [см. AD, с. 10—12]. В таком случае он сохранял свой пост в течение полувека, с 454 приблизительно до 403 г. Г. Р. Драйвер склонен был полагать, что Аршама — отправитель писем был сыном одноименного сатрапа Египта, который во время похода Ксеркса на Грецию командовал одной из армий персидского царя [AD, с. 92 и сл.]. Однако маловероятно, чтобы отец и сын носили одно и то же имя. Скорее всего Арсам греческих авторов и Аршама арамейских и вавилонских документов — одно и то же лицо. Это тем более правдоподобно, если учесть, что, согласно чтению

В. Б. Хеннинга, в одном из фрагментов писем Аршамы упоминается некий Инар, возможно, известный вождь восставших египтян. Правда, в таком случае приходится полагать, что Аршам был наместником Египта более 50 лет и прожил не менее 75—80 лет. Но это не исключено, так как Ахемениды славились своим долголетием. Геродот (III, 22) пишет, что наибольшая продолжительность жизни у персов составляла 80 лет.

По мнению Драйвера, письма из архива Аршамы относятся к 411—408 гг., когда последний отсутствовал в Египте, находясь в Сузах и Вавилоне [ср., например, AP, 27, свидетельствующий о том, что Аршам отправился к царю]. Но В. Б. Хеннинг, И. М. Дьяконов и Я. Харматта датируют архив Аршамы временем после восстания Инара [см. 22, с. 84 и сл., примеч. 62; 192, с. 201]. Такое же предположение высказывал в своих лекциях и семитолог И. Н. Винников. Харматта справедливо отмечает, что между 411—408 гг. в Египте не было значительных мятежей против персидского господства, а архив отражает ситуацию, наступившую после восстания, которое охватило Нижний и Верхний Египет. Драйвер связывал волнения, упоминаемые в письмах Аршамы, с разрушением в 410 г. иудейского храма Йахо (Яхве) на Элефантине египетскими жрецами (см. ниже). Но это был эпизод, не имевший последствий за пределами Элефантины.

Как указывают исследователи, в пользу отнесения архива Аршамы к середине V в. может свидетельствовать и следующее указание одного из писем [AD, 5]. Когда Египет восстал, 13 кикийских *гарда* (работники хозяйств царя и вельмож), принадлежавшие Аршаме и находившиеся в бараках¹¹⁰, не успели скрыться в крепости и были захвачены восставшими. Это сообщение можно связать с указанием Диодора (XI, 74), что после поражения при Папремисе персы бежали в укрепленную часть Мемфиса, называемую Белые стены. Не исключено, что в письме Аршамы и у Диодора имеется в виду одна и та же крепость. Но полной уверенности в этом нет, так как в упомянутом письме «крепостью» могли быть названы Элефантина или любой другой укрепленный пункт в Египте [170, с. 98 и сл.].

После Дария I персидские цари мало интересовались внутренними делами Египта; от времени Артаксеркса I сохранилось лишь несколько надписей в каменоломнях Вади-Хаммамата [см. 327, с. 125—128]. До нас дошло зато довольно значительное количество каменных сосудов с именем и титулом Артаксеркса I египетскими иероглифами, которые сопровождаются обычными клинописными трилингвами. Эти сосуды изготовлялись в Египте для нужд царского двора.

Вскоре после подавления восстания в Египте, около 450 г., последовал мятеж одного из знатных персов, сатрапа Заречья Мегабиза. По утверждению греческих авторов, рассказы которых восходят к ненадежному Ктесию, причиной мятежа было недовольство Мегабиза нарушением Артаксерксом I своего обещания, что Инар и другие пленные египтяне и греки не будут казнены. Но через пять лет после захвата их в плен Аместриде, матери царя, удалось добиться их казни, чтобы отомстить за погибшего в Египте Ахемена (согласно Ктесию, ее сына, что, по-видимому, неверно, поскольку Ахеман был братом Ксеркса). Инар был посажен на кол, а 50 греков обезглавлены. Однако, по утверждению Фукидида, Инар был казнен еще в 454 г.

Мегабиз в двух битвах одержал победу над войсками царя, затем (вероятно, в 449 г., когда афинская эскадра во главе с Кимоном напала на Кипр) помирился с Артаксерксом и заключил с ним выгодный для себя мир, сохранив должность сатрапа. Через несколько лет, в 445 г., его сын Зопир изменил персидскому царю, бежал в Афины и был там хорошо принят, но вскоре, уже будучи на службе у афинян, погиб.

По-видимому, ко времени наместничества Мегабиза относится надгробная надпись сидонского царя Эшмуназора [см. 164, с. 46]. В ней говорится: «Кто бы ни нашел этот саркофаг, не открывая его и не беспокоя меня, так как ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней нет при мне. Лишь я сам лежу в этом саркофаге».

Соседняя с Сирией Палестина, входившая в состав Заречья, во время царствования Артаксеркса I оставалась одной из самых спокойных областей. Провинция Асдод успешно отражала постоянные натиски кочевых племен [см. 164, с. 46].

В Иудейской провинции, составлявшей часть Палестины, в это время происходили важные по своим последствиям события. Еще до вавилонского плена в Иудее на религиозной почве возникали серьезные конфликты. Часть духовных вождей народа утверждала, что нужно почитать лишь одного Яхве (монотеистическая группа), а другая часть, которая пользовалась большой поддержкой среди простого народа, наряду с Яхве поклонялась и другим божествам (например, Астарте). Поскольку в вавилонский плен в основном была уведена знать, среди которой и преобладали воззрения о том, что Яхве — единственный бог, в Иудее победил культ, где Яхве занимал верховное место [ср. 366, с. 356 и сл.]. Подобная религия была распространена и среди элфантинских иудеев в Египте (ср. ниже).

В вавилонском плену постепенно большая часть иудеев также стала почитать наряду с Яхве и других богов. Поэтому, когда при Кире II монотеистическая группа добилась разрешения вернуться в Иерусалим, где только и можно было, согласно Второзаконию, приносить жертвы Яхве, лишь небольшая часть

иудейских пленников изъявила готовность отправиться на свою бывшую родину. Охотно вернулись также представители жреческих родов, которые хотели пользоваться доходами от культа. Но планы репатриантов установить монотеистический культ встретили сильное сопротивление местного иудейского населения, которое никогда не покидало свою страну, а также племен близлежащих областей, и попытки представителей монотеистической группы навязать народу свои воззрения окончились неудачей. Поэтому в 515—458 гг. в Иерусалимском храме кроме Яхве почитались и другие божества. В административном отношении Иудея подчинялась наместнику Самарии, и он собирал государственные подати с иудейского населения. Но в своих религиозных делах жители Иерусалима были самостоятельны. Однако в храм на богослужение приходило также население Самарии и других областей, которое поклонялось, в частности, и Яхве.

По-видимому, монотеистическая партия и ее противники обращались с доносами друг на друга к персидскому правительству, и, кроме, того, на действия монотеистической группы жаловались и областеначальники соседних с Иудеей провинций, обвиняя ее представителей в намерении поднять восстание против царя. В результате таких конфликтов в 458 г.¹¹¹ Артаксеркс I направил в Иерусалим иудейского ученого Эзру, который служил в центральной канцелярии в Сузах и был царским советником в иудейских делах. Царь велел снабдить его необходимыми на дорогу деньгами и продуктами и уполномочил провести кодификацию законов, по-видимому аналогичную той, которая имела место в Египте при Дарии I.

Эзра прибыл в Иерусалим со своими помощниками и с обильными подарками для жрецов, чтобы привлечь их на свою сторону. Он также привез уже готовый текст свода законов, известного как Пятикнижие («Закон Моисея», или Тора), отредактированный во время вавилонского плена и составляющий часть Ветхого завета. Проезжая через Месопотамию, Эзра сумел также убедить часть вавилонских иудеев последовать за ним в Иерусалим. Богатые отказались поехать, однако оказали финансовую помощь репатриантам¹¹².

С этого времени начинается новый период в истории Иудеи, период, который привел к замкнутости и изоляции иерусалимской общины [ср. 166, с. 60]. Как отмечал Э. Мейер, иудаизм был продуктом Ахеменидской державы. Хотя его идеи возникли в Палестине, они не могли быть реализованы без помощи экономически могущественной вавилонской диаспоры, которой удалось заручиться поддержкой персидских царей и при их содействии установить законы Пятикнижия не только в Иудее, но и в диаспоре [291, с. 96].

В 455 г. Эзра объявил Пятикнижие обязательным для всех членов иудейских общин — как в самой стране, так и за ее пределами. Это в основном свод мифов, легенд и культовых

законов, где гражданскому и уголовному праву уделено мало внимания. Однако попытки Эзры провести в жизнь эти законы встретили яростное сопротивление не только народа, но и части знати. Жителей Иерусалима особенно раздражало неумолимое требование Эзры о расторжении смешанных браков с самаритянами, которые придерживались культа Яхве, почитая одновременно и других богов. Да и сам иудейский народ больше поклонялся идолам, чем Яхве, и Эзра оказался не в состоянии изменить положение. Сторонники Эзры не хотели допускать самаритян в храмовую общину, в частности, из-за того, чтобы не делиться с ними выгодами, связанными со статусом граждан города Иерусалима. Его попытки обнести Иерусалим стеной также оказались обреченными на неудачу. Когда он призвал жителей города соорудить стены, правители соседних областей стали жаловаться Артаксерксу I, говоря, что они едят «соль от дворца царского» и поэтому им тяжело видеть, как царю наносится ущерб, ибо Иерусалим собирается отложиться и не платить подати. В результате этих жалоб работу по возведению стены пришлось прекратить (Esra IV, 13—15). Дальнейшая судьба Эзры неизвестна. Возможно, что он был отозван персидским царем обратно в Сузы. Теперь Иудеей управлял персидский сатрап, а общинные дела решались первосвященниками.

В 445 г. в Иерусалим прибыл другой иудейский чиновник при дворе персидского царя в Сузах и советник в иудейских делах, а именно виночерпий Артаксеркса I Неемия. Его должность считалась важной, и, по-видимому, только евнухи могли занимать ее. Неемии удалось добиться у царя разрешения отправиться в Иудею в качестве областеначальника, чтобы провести в жизнь законы Пятикнижия. Царь дал своему виночерпию также письма к наместникам Сирии и Палестины, чтобы они разрешили беспрепятственный проход по их территории. Кроме того, Артаксеркс приказал хранителю царских лесов в Сирии Асафу, чтобы он отпускал строительный лес для потребностей Иерусалимского храма и для возведения городских стен.

Неемия, как и Эзра, придерживался строгого монотеизма и поэтому был враждебно встречен не только населением соседних с Иудеей областей, но и большей частью самого иудейского народа. Иерусалим страдал от набегов окружающих бедуинских племен аммонитян, арабов и эдомитов, так как все еще не был обнесен стенами. Таким образом, перед Неемией стояли трудные задачи, с которыми до него Эзра не сумел справиться. Столь же фанатичный, как и Эзра, он в отличие от последнего был тонким и расчетливым политиком.

Как персидский областеначальник, Неемия имел в своем распоряжении военный гарнизон. Но бросить армию против всего народа было рискованно, а для целей Неемии и бесполезно. Чтобы привлечь на свою сторону народные массы, он решил сначала ослабить острую социально-политическую борьбу в иудейской общине. Для этого он провел социальные реформы,

объявив отмену долгов, ссуды под проценты, и вернул должникам обратно их заложенное имущество, а также отказался от податей на содержание сатрапского двора. 30 октября 445 г. Неемия объявил о введении законов, собранных и кодифицированных до него Эзрой. После этого по каким-то причинам Неемии пришлось вернуться ко двору персидского царя, — вероятно, он был отозван из-за жалоб иудейской знати и жречества, недовольных социальными реформами. Но в 432 г. он снова прибыл в Иерусалим и начал проводить религиозные реформы. Прежде всего он изгнал из храма Товию, наместника области аммонитян за рекой Иордан, который имел на территории Иерусалимского святилища личную комнату, полученную им от самого первосвященника. Изгнание Товии привело к прямому конфликту между Неемией и жречеством во главе с первосвященником. Но Неемия вместо обострения отношений пошел на неожиданный шаг: он укрепил положение жреческого сословия левитов, установив в их пользу десятину с сельскохозяйственных доходов, и тем самым привлек на свою сторону левитов, превратившихся в освобожденную от налогов привилегированную прослойку. Затем Неемия добился выполнения закона о ритуальной чистоте и соблюдения субботы. После этого, имея поддержку персидского гарнизона, левитов и освобожденных от долгов народных масс, он наконец приступил к самой трудной и непопулярной задаче — ликвидации смешанных браков. Принудив непокорных к молчанию с помощью палочных ударов и выдирания волос, он изгнал из Иерусалима внука первосвященника, женатого на дочери наместника Самарии Санбаллата, а также других лиц, которые не соглашались развестись со своими женами чужеземного происхождения. Все они поклонялись и другим божествам кроме Яхве. Хотя Санбаллат и носил вавилонское имя (Син-убаллит — бог «Син оживил»), он дал своим сыновьям яхвистские имена.

Теперь можно было приступить и к строительству стен вокруг Иерусалима. Но Санбаллат и наместники других соседних с Иудеей областей стали яростно сопротивляться этому, обвиняя Неемию в том, что он хочет поднять мятеж против персидского царя. Эти областеначальники вместе с подчиненным им населением стали нападать на Иерусалим, стремясь вынудить жителей города прекратить работы. Но иудеи выделили из своей среды военные отряды для охраны работающих, и вскоре Иерусалим превратился в сильно укрепленную крепость (Neh. II, 19; IV, 7—21). Таким образом, пользуясь покровительством персидского царя и действуя от его имени, Неемии удалось утвердить иудаизм в качестве господствующей идеологии в Иудее [ср. 289, с. 243]. Постепенно законы Пятикнижия были распространены и на иудеев диаспоры. Это, в частности, подтверждает арамейский папирус, в котором содержится любопытное сообщение об указе Дария II, изданном в 419 г. [AP, 21]. Через своего сатрапа в Египте Аршаму царь предписал иудейским поселенцам на Элефантине отмечать от 15 до 21-го дня месяца нисан праздник

мацы, который к тому времени был установлен в Иудее [см. 291, с. 91 и сл.; Kraeling, с. 94]. Очевидно, это был указ, обязательный не только для элефантинских иудеев, но и для иудеев всей Персидской державы.

Выполнив свою миссию, Неемия вернулся ко двору царя в Сузах. Однако укрепление Иерусалима создавало угрозу его отпадения от Персии. После Неемии наместником Иудеи был назначен Багой. Он упоминается у Иосифа Флавия (Ant. Jud. XI, 7,1) и в арамейских папирусах с Элефантины, где он назван Багохи. Трудно сказать что-либо определенное о его этническом происхождении. Имя его иранское, однако еще в VI в. до н. э., не говоря о более позднем времени, некоторые иудеи носили это и другие иранские имена. Кроме того, все три известных до Багоя наместника Иудеи от конца VI до второй половины V в. были иудеями (Шешбацар, Зеровавель и Неемия). Багой, боясь сепаратистских тенденций, заменил первосвященника Йехонана его братом, женатым на дочери Санбаллата, и тем самым ослабил влияние тех, кто вынашивал планы независимости от Персии.

КАЛЛИЕВ МИР

После того как афинскую армию, посланную на помощь восставшим египтянам, постигла катастрофа, Афины по доброй воле никогда больше не воевали одновременно против Персии и Спарты. Хотя персы все еще побуждали Спарту к войне против афинян, лакедемоняне предпочитали заняться своими внутренними делами. Согласно Фукидиду (I, 112, 1—4), по прошествии трех лет после поражения Инара пелопоннесцы и афиняне заключили между собой мирный договор на пять лет. Теперь лаконофильски настроенный афинский политический деятель Кимон стал осуществлять свою политику сосредоточения всех сил на борьбе против персов, избегая при этом конфликта со Спартой.

В 449 г. Кимон во главе эскадры из 200 кораблей афинян и членов Делосского морского союза направился к Кипру. Истерзанная бесконечными сражениями часть острова снова была захвачена афинянами, которые выдавали себя за освободителей эллинов. Однако население острова не проявляло энтузиазма по поводу прихода непрошенных освободителей. Лишь Саламин и еще несколько городов с греческим населением примкнули (и то, вероятно, будучи вынужденными) к войску Кимона.

Кимон послал 60 кораблей в Египет на помощь Амиртею, который все еще продолжал сопротивление в болотах Дельты. Кимон надеялся, что с помощью афинской эскадры Амиртей сможет поднять Египет на новое большое восстание. С остальными кораблями Кимон отправился против города Китий, являвшегося главным местопребыванием финикийцев на Кипре.

Во время осады города Кимон умер от болезни. Тем временем

сирийский сатрап Мегабиз собирал в Киликии силы для нападения на афинские корабли. Персы снарядили также большой флот, чтобы напасть на Кипр. Поэтому греки, у которых оставалось мало продовольствия, прекратили осаду Кития и отплыли к Саламину на Кипре, где предстояла битва с персидским флотом. В крупной морской битве афиняне одержали полную победу над финикийскими, кипрскими и киликийскими кораблями и захватили 100 вражеских судов¹¹³. Одновременно афиняне одержали победу и на суше (Thuc. I, 112; Plut., Cim. 18).

Это были две последние битвы Греко-персидских войн, и афиняне вместе с их союзниками имели определенные основания считать себя победителями. Однако теперь, после десятилетий тяжелых боев, обе стороны хорошо понимали, что они не в состоянии достичь желанных целей с помощью войны и что поэтому давно настало время для мирных переговоров. Таким образом, подходила к концу целая эпоха ожесточенной борьбы между Персией и греческими государствами, в которой противники несколько раз одерживали победы и терпели поражения. Вероятно, часть персидской знати считала, что политику в отношении Греции надо изменить. Во всяком случае, по свидетельству Диодора (XII, 4,4), известный нам Мегабиз и сатрап в Даскилее Артабаз сообщили в Афины, что Артаксеркс желает заключить мирный договор. После смерти Кимона в Афинах к власти пришла партия мира во главе с Периклом. Афиняне охладели к войне с персами и уже перестали надеяться на победу. Когда в афинском народном собрании обсуждался вопрос о дальнейших действиях, активные представители военной партии вместе с большей частью армии находились на Кипре и поэтому не смогли принять участия в решении этого вопроса.

Перикл стремился к установлению мира с Персией, чтобы впоследствии порвать со Спартой и подготовиться к войне с нею. Кроме того, у афинян возникло много трудностей со своими союзниками. Делосский морской союз, в котором к середине V в. было более двухсот членов, первоначально был создан как союз независимых греческих государств для продолжения войны с Персией. Однако, если Афины первоначально в этом союзе занимали лишь руководящее положение, постепенно они стали господствовать над своими союзниками. Афиняне начали также поработать малоазийских эллинов под тем предлогом, что последние подчинялись персам. Многие греческие государства были присоединены к союзу афинянами насильственно. Так, Перикл во главе большой эскадры кораблей посетил побережье Черного моря и Крым и включил в Делосский союз много городов. В 454 г. афиняне перенесли союзную кассу с Делоса в Аттику и начали пользоваться экономическими ресурсами союзников для своих внутренних нужд. Таким образом, Делосский союз превратился, по существу, в Афинскую морскую державу, а сами союзники стали подданными афинян. Со временем греческие города Малой Азии и острова Эгейского моря стали больше

страдать от греков-освободителей, чем от персов-поработителей. На горьком опыте десятилетий страданий греки, являвшиеся подданными персидского царя, хорошо знали, что лозунг об их освобождении является пустой демагогией и что политические деятели и военачальники греческих государств в своих действиях руководствуются отнюдь не идеей освобождения родственного им населения от чужеземного порабощения, а исключительно эгоистическими интересами своих стран [ср. 371, ч. 1, с. 74]. Например, когда острова Наксос, Лесбос, Хиос и другие сделали попытку выйти из Делосского союза, афиняне наказали и разорили их. Город Византий, поднявший мятеж против афинян, был сровнен с землей афинскими матросами. Поэтому жители большинства греческих городов Малой Азии предпочитали находиться под персидским господством и платить умеренные подати, что обеспечивало им спокойную жизнь и беспрепятственную торговлю. Малоазийские греки стали избегать тесных связей с государствами материковой Греции, всегда готовыми предать их интересы. Теперь многие греческие города Малой Азии сохраняли верность персидскому царю и при появлении афинских кораблей оказывали им сопротивление. Когда после смерти Кимона афиняне захватили Самос и установили там демократию, немало островитян бежало оттуда на материк. Вступив в союз с Писсуфом, сыном Гистаспа, который был правителем Сард, они напали на этот остров и, захватив его, отложились от афинян.

Все эти обстоятельства и бесперспективность войны заставляли афинян искать мира с Персией. Поэтому в 449 г. было решено отозвать флот с Кипра и из Египта, а также направить в Сузы для заключения мирного договора посольство во главе с лучшим афинским дипломатом Каллием. Туда же направились и послы дружественных Афинам греческих государств. При этом афиняне, прежде успешно вытеснявшие персов из бассейна Эгейского моря, надеялись вырвать у Артаксеркса I важные уступки.

В том же 449 г. был заключен мир между членами Делосского союза во главе с Афинами и Персией. Этот договор, который получил название Каллиев мир, еще в древности являлся предметом оживленной дискуссии между учеными.

Каллий готов был уступить персам Средиземное море, вернуть Кипр и обещать воздерживаться от вмешательства в египетские дела. За это он требовал признания за афинянами сферы влияния в Малой Азии и отказа от персидской гегемонии над малоазийскими греческими городами, часть которых теперь фактически находилась под властью Афин. Однако персы не могли пойти на официальный отказ от своих владений и признать свободу за мятежными подданными, так как это роняло достоинство царя. Но Персия нуждалась в мире, поскольку в это время в Египте Амиртей еще продолжал сопротивление. К тому же афиняне предлагали вернуть обратно Кипр, а с отпавших греческих городов Малой Азии давно не поступало никакой подати,

и трудно было рассчитывать на нее и в будущем. Поэтому были сделаны уступки с обеих сторон и найдено следующее компромиссное решение.

Малоазийские греческие города номинально оставались под верховной властью персидского царя, но право сбора подати с них было уступлено Афинам, и размер налога должен был остаться таким же, каким он был раньше при персах. Кроме того, Афинам было дано право управлять этими греческими городами. Но вопреки утверждению Плутарха (Сим. 13) персы никогда не отказывались от верховной власти над греческими городами Малой Азии. Как видно из Геродота (VI, 42) и Фукидида (VIII, 5, 6), эти территории считались исконно персидскими, и поэтому Демосфен, упоминая о Каллиевом мире, ничего не говорит о независимости малоазийских греков.

Персидское войско не должно было подходить к побережью Эгейского моря на расстояние дневного пробега коня¹¹⁴. Кроме того, персидские военные суда не должны были появляться между Хелидонскими на юге и Кианийскими на севере островами, т. е. на территории от входа в Босфор на Черном море до восточной части Средиземного моря. Таким образом, берега Эгейского моря и Пропонтиды фактически перешли к афинянам. Правда, в самом договоре об этом ничего не говорилось, но все хорошо понимали, что афиняне не оставят эти территории независимыми. По договору греческие города могли добровольно вернуться под власть царя, и афиняне не должны были противодействовать этому. Некоторые районы побережья, которые ранее не присоединились к Делосскому союзу (Смирна, Гергис в Троаде, ряд городов на Пропонтиде и т. д.), должны были оставаться, как и прежде, под персидской властью. Таким образом, Каллиев мир устанавливал своего рода распределение сфер влияния [см. 294, т. IV, с. 617; 34, с. 83].

Текст этого договора был позднее включен в «Сборник народных постановлений», составленных Кратилом, он сохранился до нас в биографии Кимона (гл. 13), написанной Плутархом (см. также и у Диодора XII, 4,4 и сл.). Но, судя по воспроизведению Кратила, текст договора был начертан не аттическими, а ионийскими буквами, вошедшими в употребление только в 401 г. На этом основании еще древний историк Феопомп считал Каллиев мир выдумкой афинян [см. FGrH, II B, 1, № 115, fr. 154], и многие историки нашего времени принимают такое мнение. Они ссылаются также на то, что Фукидид не упоминает этот договор, и самые ранние сведения о нем содержатся у Исократа в одной речи, произнесенной в 380 г. до н. э., т. е. через 70 лет после его заключения (текст договора см. у Г. Бенгтсона, который склонен считать его подлинным [93, № 152]).

Как отмечают Э. Мейер, С. Я. Лурье и А. Р. Бэрн, сомнения относительно заключения Каллиева мира в 449 г. лишены достаточных оснований. Остановимся на этом вопросе более подробно. То обстоятельство, что Фукидид в кратком введении

к своему труду умалчивает о договоре, еще ни о чем не свидетельствует, потому что он опускает много событий без всякого упоминания о них. Гораздо важнее, как на это обращает внимание Бэрн, сообщение Фукидида (VIII, 56) о том, что в 412 г. Дарий II требовал через своего сатрапа в Малой Азии Тиссаферна, чтобы Афины в ходе переговоров признали право персидского царя посылать военные корабли в Эгейское море, т. е. ревизии давно заключенного договора [см. 122, с. 563]. В том же месте своего труда Фукидид (VIII, 56) пишет, что в 411 г. афиняне, будучи в тяжелом положении, не возражали, чтобы персы владели Ионией. Но когда афинский политический деятель Алкивиад, бежавший к персам, потребовал, чтобы афиняне разрешили флоту персидского царя плавать где угодно и с любым количеством кораблей в бассейне Эгейского моря, афиняне пришли в негодование. Следовательно, Каллиев мир содержал пункт, запрещающий персам плавать в Эгейском море. Определенное отражение Каллиева мира можно заметить и в том факте, что в 405 г. персидский сатрап Кир Младший передал спартанскому полководцу Лисандру управление над греческими городами Малой Азии и сбор подати с них (см.: Diod. XIII, 104, 4; Xen., Hell. II, 1, 12).

О поездке Каллия в Сузы упоминает и Геродот (VII, 151), правда, без указания цели. Причина этого, по-видимому, заключается в том, что Геродот часто стремится затушевать невыгодные для афинян факты, а Каллиев мир отнюдь не считался в Афинах большим успехом. Афиняне были недовольны условиями договора и, полагая его позорным для себя, обвиняли Каллия в том, что он был подкуплен персидским царем. Демосфен (XIX, 273) пишет, что афиняне чуть не приговорили Каллия к смертной казни за условия мира с персами, на которые он согласился. В 447 г. при сдаче Каллием одной должности против него возбудили судебный процесс и подвергли его штрафу в 50 талантов, которые он, по предположению афинян, получил от персидского царя во время пребывания в Сузах. Одновременно некоторые друзья Перикла, зятя Каллия, были официально обвинены в персофильстве [34, с. 71].

По мнению Э. Мейера, Каллиев мир был устным соглашением, а формальное, торжественное заключение договора вообще не состоялось, и поэтому в Афинах не было представлено никакого текста договора. Это видно и из биографии Кимона (гл. 13) у Плутарха, где со ссылкой на Каллисфена сказано, что персы этого договора формально не заключали, но выполняли его условия, избегая встреч с эллинскими кораблями в Эгейском море.

Что же касается редакции договора, включенного Кратилом в сборник постановлений народного собрания, то этот текст, как полагает Бэрн, скорее был одной из реконструкций IV в. условий договора, который теперь считали делом славного прошлого [см. 122, с. 563]. Каллиев мир стал для афинян предметом

гордости лишь ретроспективно, через 60 лет, по контрасту с еще более неблагоприятным для них договором, когда они при Артаксерксе II уступили персам Малую Азию. Поэтому тогда афинские ораторы начали прославлять Каллиев мир. Например, Исократ (Ранег. 120) говорит, что афиняне препятствовали персидскому царю пользоваться Эгейским морем и ставили границы его власти. Именно в это время в Афинах была выставлена одна из реконструкций текста договора как пропагандистский документ, и Феопомп объявил ее подделкой [122, с. 563; см. подробную литературу: 92, с. 206].

После заключения мира Афины стремились залечить раны войны и восстановить большие людские и экономические потери. Теперь почти на два десятилетия наступило относительное равновесие сил и появились возможности беспрепятственной торговли и хозяйственного развития. Мир укрепил также положение финикийцев, особенно на Кипре. Например, Идалион, ранее находившийся в руках греков, попал под власть финикийского царя города Кития. В Саламине на Кипре, где прежде властвовали цари греческого происхождения, теперь стали управлять финикийские чиновники.

ПЕРЕСМОТР ПЕРСИДСКОЙ ПОЛИТИКИ

Постоянные восстания покоренных народов, мятежи сатрапов, стремившихся с помощью греческих наемников стать самостоятельными царями, и военные поражения заставили Артаксеркса I и его преемников радикально изменить свою дипломатию в отношении Греции. Хорошо осведомленные в делах эллинов, персидские политики прекрасно понимали, что, пока Греция разъединена, она никак не сможет одержать победу над персами. Поэтому персы регулярно стали прибегать к политике подкупа и дискредитации греческих государственных деятелей и ораторов, руководствуясь принципом «разделяй и властвуй». Поток персидского золота эффективно способствовал разъединению Греции. Персы стали натравливать друг на друга греческие государства, у которых и так достаточно было внутренних оснований для конфликтов. Прежде всего Греция была разъединена по политическому принципу: государства с олигархическим строем тяготели к Спарте, а с демократическим — к Афинам. Политические раздоры между Спартой и Афинами не прекращались. Союзники Спарты Коринф и Мегары, будучи торговыми конкурентами Афин, с тревогой следили за усилением позиций последних и побуждали лакедемонян к войне. Наконец в 431 г. в Греции разразилась столь желанная для персов Пелопоннесская война между Пелопоннесским союзом во главе со Спартой и Афинской морской державой. Эта самая тяжелая для древней Греции война, принесящая неисчислимые беды эллинам, продолжалась

до 404 г. до н. э., и в ходе ее в Афинах несколько раз менялся политический строй. Обе стороны обращались к персам с просьбой о помощи, и Персия помогала то Спарте, то Афинам, будучи заинтересована в ослаблении и того и другого государства.

Когда вспыхнула война, начались раздоры между демократической и олигархической партиями и в других государствах Эллады, и представители этих партий стали обращаться соответственно к Афинам и Спарте, приглашая их послать войска для разрешения своих внутренних противоречий.

В самом начале войны Афины потерпели тяжелый урон, так как в 430 г. в городе началась эпидемия сыпного тифа [см. 4, с. 134]. По сведениям Фукидида (III, 22), эпидемия сначала появилась в Эфиопии, а затем, охватив Египет, Ливию и большую часть Персидской державы, распространилась и на Аттику.

Но в этот момент Спарта оказалась не в состоянии нанести решающий удар афинскому флоту и армии, так как для продолжения войны нуждалась в деньгах. Снабдить деньгами могла только Персия, и Спарта без колебаний стала брать персидское золото, соглашаясь взамен передать греков Малой Азии обратно под персидское господство. Однако выполнение этого соглашения затягивалось. Персия боялась чрезмерного усиления Спарты, а сатрапы в Малой Азии действовали разобщенно, и каждый из них руководствовался собственными политическими целями. Со своей стороны, Спарта также тянула переговоры с представителями персидского царя, не решаясь сразу предать интересы малоазийских эллинов. Тем не менее Спарта просила персов послать финикийский флот для помощи морским силам Пелопоннеского союза, а также выплачивать жалованье экипажам пелопоннесских кораблей. Но действия спартанских политиков не были последовательны. Фукидид (IV, 50) рассказывает, что афиняне захватили у реки Стримон во Фракии перса Артафрена, который был послан Артаксерксом I в Лакедемон. При гонце было найдено письмо на «ассирийском» (т. е. арамейском) языке, в котором говорилось, что царь не понимает, чего хотят лакедемоняне, ибо все их многочисленные послы противоречат друг другу.

Пока в Греции шла война, долгое, но бедное яркими событиями правление Артаксеркса подходило к концу.

ЦАРСТВОВАНИЕ ДАРИЯ II

Артаксеркс I умер в 424 г. В тот же день, что и он, скончалась и его жена Дамаспия. Оба они были похоронены в Накш-и Рустаме. Весть об этом распространялась по державе постепенно, и в окрестностях Ниппура в Вавилонии еще некоторое время писцы продолжали датировать контракты по правлению Артаксеркса, хотя его уже не было в живых.

Царем стал сын Артаксеркса Ксеркс II, который был единственным законным наследником. Но ему удалось удержаться на троне всего 45 дней, после чего он был убит в своей спальне дворцовой знатью. В начале 423 г. власть захватил сын Артаксеркса от одной из наложниц Секудиан (по другим источникам, его звали Согдианом), который, однако, не имел серьезной опоры. Из влиятельных лиц его поддерживали лишь евнух Фарнакиас и двоюродный брат узурпатора, сын вавилонского сатрапа Менастан. Секудиан пытался убедить своего сводного брата, сатрапа Гиркании Оха (др.-перс. Вахаука), прибыть в Сузы и принять на себя царскую власть. Но Ох, подозревая с полным основанием, что его приглашают не на царствование, а на собственные похороны, не спешил в Сузы. Тем временем, по Ктесию (XVIII, 78—79), начальник конницы Арбар, сатрап Египта Арksam (Аршама) и могущественный евнух Артоксар, по происхождению пафлагонец, перешли на сторону Оха. Секудиан, правивший всего шесть с половиной месяцев, сдался, надеясь на милосердие нового правителя, но был казнен¹¹⁵.

Таким образом, в феврале 423 г. воцарился сатрап Гиркании Ох, сын Артаксеркса I от вавилонской наложницы (отсюда его греческое прозвище Нот — «незаконнорожденный»), приняв тронное имя Дарий II¹¹⁶. Он предал казни всех лиц, которые вместе с Секудианом участвовали в убийстве Ксеркса II. Брат Оха Арсит, желая захватить трон, поднял мятеж, подавление которого потребовало много времени. Вероятно, он восстал в Сирии. Против него был послан Артасир, который потерпел два крупных поражения от войска Арсита, но победил последнего в третьей битве, подкупив его греческих наемников. Легкомысленно поверив в милосердие царя, Арсит сдался в плен и подвергся казни [см. 270, с. 79].

Тем временем в Греции с переменным успехом продолжалась Пелопоннесская война. На ее ход значительное влияние оказывали выдающиеся персидские дипломаты Фарнабаз и Тиссаферн, которые в союзе со Спартой вели военные действия против Афин и стремились вернуть Ахеменидам контроль над греческими городами в Малой Азии. Фарнабаз был сыном Артабаза, персидского полководца, оставленного Ксерксом вместе с Мардонием для покорения Греции. В 413 г. Фарнабаз сменил своего отца на посту сатрапа Геллеспонтской Фригии и всей северо-западной части Малой Азии со столицей в Даскилее.

Около 413 г. в Лидии против Дария II восстал сатрап Писсуфн, который опирался на греческих наемников под руководством афинянина Ликона¹¹⁷. Подавление этого мятежа было поручено Тиссаферну, сыну знатного перса Гидарна, принимавшего участие в походе Ксеркса на Грецию в 480 г. в качестве начальника «бессмертных». Тиссаферн был крупным государственным деятелем и выдающимся дипломатом, хотя и не всегда разборчивым в средствах. Несмотря на то что его брат Термтух замыслил заговор, чтобы свергнуть Дария II, и был за это казнен вместе

с большинством своих родственников, Тиссаферну удалось сохранить свое влияние. Получив приказ подавить мятеж Писсуфна, Тиссаферн подкупил его греческих наемников, предательским образом захватил восставшего и казнил его. В награду Тиссаферн получил Лидийскую сатрапию, Карию и ионийские города. В свою очередь, он пожаловал обширные поместья командиру греческих наемников Ликону, предавшему Писсуфна.

Воспользовавшись трудностями Афин в 413—412 гг., Дарий II велел Тиссаферну собирать и посылать к нему подати с малоазийских городов. Чтобы выполнить это приказание, необходимо было ослабить влияние афинян на малоазийском побережье. Кроме того, в это время в Кarii поднял мятеж незаконный сын Писсуфна Аморг, которого поддерживали афиняне. Дарий также поручил Тиссаферну доставить к нему Аморга живым или мертвым. Все эти обстоятельства побуждали Тиссаферна к попыткам заручиться поддержкой лакедемонян. Поэтому он направил в Спарту своего посла с предложением о союзе. Тем временем в Спарту прибыли также два грека, которые находились на службе у Фарнабаза, и по его поручению просили лакедемонян послать корабли в Геллеспонт. Фарнабаз, как и Тиссаферн, стремился заключить союз со Спартой, чтобы с ее помощью взимать подати с греческих городов в своей сатрапии.

Но оба персидских дипломата прежде всего стремились к укреплению своего личного могущества и поэтому действовали порознь, поскольку каждый из них желал доказать царю, что именно благодаря его усилиям Спарта стала союзницей Персии. Поэтому послы Тиссаферна и Фарнабаза во время переговоров в Спарте без конца пререкались между собой. Лакедемоняне в конце концов решили принять условия договора, предложенные Тиссаферном. Пока шли переговоры, город Милет поднял восстание против Тиссаферна и перешел на сторону Спарты. Тогда последний решил ускорить заключение договора. Содержание этого не очень выгодного для Спарты соглашения, заключенного весной 412 г., подробно приведено в труде Фукидида (VIII, 18). По условиям договора вся страна и все города, которыми владеет персидский царь и владели его предки, должны принадлежать царю. Царь и лакедемоняне общими усилиями будут стремиться к тому, чтобы с этих территорий афинянам не поступало никакой подати. Царь и лакедемоняне со своими союзниками будут также вести войну против афинян и могут окончить ее только по взаимному решению. Если кто-либо из подданных отложится от царя, лакедемоняне будут считать мятежника и своим врагом; подобным же образом царь будет считать своими врагами тех, кто отложится от лакедемонян. Кроме того, персы взяли на себя обязательство помогать Спарте деньгами (текст договоров см. [93, № 200—202]; относительно подлинности этого и двух других договоров между Персией и Спартой см. [310, с. 157]).

Став союзниками, Тиссаферн и лакедемоняне захватили город Яс в Кarii. Там же лакедемоняне взяли в плен мятежного

Аморга и передали его Тиссаферну, чтобы тот доставил его к Дарию. Кроме того, они передали ему всех жителей Яса, как свободных, так и рабов, получив за каждого из них по статеру. Во время этих событий энергичную поддержку Тиссаферну оказали и ликийцы во главе со своим подвластным персам царем, давним врагом афинян. В одной ликийской стеле из Ксанфа говорится о войне против Аморга и сообщается о деяниях ликийского царя Керема, сына Гарпага. Имя этого царя, правда, в надписи разрушено, но оно надежно восстанавливается из легенд на монетах, выпускавшихся им же (ссылки см. [270, с. 83]). Сравнительно недавно в Ксанфе была найдена еще одна стела, которая освещает рассматриваемые события. В ней говорится о победе ликийского полководца по имени Керем над неким мятежником Тлосом, а также о разгроме ионийцев и Аморга. На стеле Тиссаферн изображен как прославленный герой, который разгромил афинян (сообщено Махтелд Меллинк). Известны также монеты, чеканенные Керемом в 410 г.

После победы над Аморгом Тиссаферн прибыл в Милет и там согласно договору уплатил всем матросам пелопоннесских кораблей по драхме на человека в день. Однако он заявил, что впредь станет платить только по три обола, т. е. по полдрахмы (1 обол равнялся 1/6 драхмы), обещав при этом, что, если царь отпустит деньги на провиант, будет сохранена оплата по целой драхме на человека.

Пелопоннесцы были недовольны условиями договора с царем, считая этот договор невыгодным для себя, и поэтому настояли на заключении нового союза. Согласно Фукидиду (VIII, 37), содержание второго договора было следующим: «Лакедемоняне и союзники заключают договор о дружбе и союзе с царем, с сыновьями царя и с Тиссаферном на следующих условиях. Против всех земель и всех городов, принадлежащих царю Дарию или принадлежавших его отцу и предкам, ни лакедемоняне, ни их союзники не должны воевать или причинять им какой-либо ущерб. Лакедемоняне и их союзники не должны собирать дань с этих городов. Царь же Дарий и его подданные не должны воевать против лакедемонян и их союзников и причинять им какой-либо ущерб. Если лакедемоняне или их союзники будут иметь какие-либо притязания к царю или царь будет иметь какие-либо притязания к лакедемонянам и их союзникам, то все, что они решат по взаимному согласию, должно считаться правильным. Войну же с афинянами и их союзниками царь и лакедемоняне должны вести сообща, и если будут заключать мир, то действовать также сообща. Царь обязан оплачивать расходы на содержание всех войск, находящихся в его стране по его просьбе. Если какой-нибудь город, участник этого договора, нападет на царские земли, то остальные города должны вступить и помогать царю, насколько это в их силах. И если кто-либо из жителей царской земли или земли, ему подвластной, нападет на землю лакедемонян или их союзников, то царь должен

вступить и помогать лакедемонянам или их союзникам по мере возможности» [см. 70, с. 366 и сл.].

Но вскоре лакедемонские послы снова встретились с Тиссаферном, считая оба предыдущих договора неудачными по своим формулировкам, так как царь мог претендовать на все земли, которые когда-то захватили персы, а именно на все острова Эгейского моря, Фессалию и всю Элладу до Беотии. Поэтому лакедемонские послы требовали заключения нового договора, что привело Тиссаферна в негодование, и он покинул стол переговоров. Однако лакедемоняне не в состоянии были без персидских денег содержать свой флот.

Тем временем в политические интриги включился выдающийся афинский полководец и государственный деятель, племянник Перикла, Алкивиад. Во время похода афинян в 413 г. в Сицилию, окончившегося неудачно, обвиненный в кошунстве Алкивиад бежал в Спарту и стал помогать ей в войне против Афин и даже выдал лакедемонянам военные планы афинского командования. Кроме того, Алкивиад склонил к мятежу против афинян почти все греческие города Малой Азии. Но в Спарте многие были недовольны его могуществом и, если верить Плутарху (Alc. 24), собирались умертвить его. Узнав об этом, Алкивиад в 412 г. тайно бежал в Малую Азию, к Тиссаферну, и быстро занял высокое положение при его дворе. Тиссаферна приводили в восхищение ум и изворотливость его нового советника и достойного партнера. Алкивиад опасался дальнейшего усиления лакедемонян и горел желанием отомстить им. Поэтому он стремился воспрепятствовать переговорам между Спартой и Тиссаферном. Алкивиад советовал последнему не спешить с окончанием войны, а разжигать раздоры между Афинами и Спартой, чтобы эллины истощали друг друга. Алкивиад также убеждал Тиссаферна выдавать жадование пелопоннесцам не регулярно и лишь по три обола на человека в день вместо аттической драхмы, говоря при этом, что избыток денег делает воинов изнеженными. Все это Тиссаферн хорошо понимал и без советов Алкивиада и задолго до прибытия последнего проводил именно такую политику. Да и Алкивиад давал такие советы лишь для того, чтобы войти в доверие к Тиссаферну. В действительности же у него была другая цель. Афиняне, которые теперь повсюду терпели поражения и бедствия, раскаивались в том, что они некогда осудили Алкивиада. Поэтому он начал осторожно настраивать Тиссаферна на союз с Афинами, убеждая его в том, что лакедемоняне стремятся к захватам на суше и при возможности постараются освободить греческие города Малой Азии от персидского господства. Афиняне же, по словам Алкивиада, хотят захватить лишь часть моря и поэтому не представляют для персов такой большой опасности, как лакедемоняне. Тиссаферн соглашался, что не следует давать пелопоннесцам возможности чрезмерно усилиться, выдавал им лишь скудное жалование и, кроме того, тайно стремился расстроить их дела. Что же касается союза с Афинами,

Тиссаферн делал вид, что готов вести переговоры по этому вопросу. При благоприятных обстоятельствах он, по-видимому, и не отказался бы от такого союза. Однако Алкивиад явно переоценивал свое влияние на Тиссаферна.

Тем временем Алкивиад связался со своими сторонниками олигархического направления в Афинах. Его приверженцы там начали публично выступать в пользу олигархии, доказывая, что иначе персы не согласятся на союз с Афинами и в таком случае государство окажется в безвыходном положении. Алкивиад также тайно отправил своего гонца к афинским начальникам на острове Самос, обещая им обеспечить расположение Тиссаферна, если «лучшие люди» возьмут дело спасения государства в свои руки. Но сам Алкивиад искал лишь возможности вернуться в Афины, а не был последовательным сторонником какой-либо политической партии. На Самосе среди сторонников олигархии в афинском гарнизоне возник заговор, чтобы ниспровергнуть демократический строй в Афинах. По словам Фукидида (VIII, 40), чернь в армии спокойно относилась к этому заговору «в приятной надежде на царское жалованье», полагая, что Дарий не доверяет демократам в Афинах и будто бы заинтересован в установлении там олигархии. Таким образом, среди гражданского населения и в армии было достаточно людей, готовых изменить существующий государственный строй Афин в угоду персидскому царю или его сатрапу Тиссаферну.

Сторонники Алкивиада послали с Самоса в Афины свое доверенное лицо Писандра, чтобы подготовить государственный переворот, ликвидировать демократию и установить олигархию. Вскоре из Афин отправили посольство во главе с Писандром, чтобы вести с Тиссаферном переговоры о мире. Посольство прибыло в город Магнесию в Малой Азии, однако у Тиссаферна не было серьезного намерения на этот счет, и он вел переговоры через Алкивиада, по утверждению Фукидида (VIII, 56), лишь для отвода глаз. Афиняне теперь согласны были отдать персам даже всю Ионию и прилегающие острова. Но Алкивиад потребовал, чтобы персидским кораблям было разрешено плавать вдоль афинских владений, и послы, которые не могли согласиться с этим, вернулись обратно на родину.

Тиссаферн, боясь теперь, что афиняне могут нанести поражение пелопоннесцам в морской битве и что последние в поисках пищи начнут грабить его владения, предложил лакедемонянам заключить новый договор, обещая им больше не враждовать и регулярно доставлять флоту содержание. В 410 г. на равнине Меандра был заключен третий договор. Он содержал следующие условия: персидский царь может распоряжаться своими владениями в Азии так, как он сам того пожелает. Лакедемоняне и их союзники не должны ходить на землю царя со злым умыслом. Кроме того, Тиссаферн обязался платить жалованье пелопоннесскому флоту, пока не придут царские, т. е. финикийские, корабли. Когда же они придут, пелопоннесцы, если

захотят, сами будут содержать свой флот. Если же они предпочтут получать содержание для флота от Тиссаферна, он должен выдавать его, но после окончания войны лакедемоняне и их союзники обязаны возместить Тиссаферну все деньги, которые они получили. Когда же придут царские корабли, они должны сообщать с пелопоннесцами вести войну против афинян.

После заключения этого договора Тиссаферн делал вид, что он будто принимает меры к тому, чтобы вызвать финикийские корабли, а тем временем удерживал лакедемонян от решающих битв, опасаясь скорого окончания войны. Кроме того, верный своей политике, Тиссаферн продолжал выдавать жалованье пелопоннесскому флоту не регулярно и не полностью.

Поэтому пелопоннесцы решили помогать вместо Тиссаферна Фанабазу, который также обещал выдавать флоту содержание, и послали в его распоряжение в город Византий 40 кораблей. В течение двух лет Фарнабаз помогал лакедемонянам содержать флот. Тем не менее попытка этого сатрапа вернуть греческие города на севере Малой Азии под власть персидского царя не имела сколько-нибудь значительного успеха.

Тем временем жители Милета напали на замок Тиссаферна, расположенный в этом городе, и захватили его, изгнав оттуда персидский гарнизон. Расстроенный разорением своего замка и переходом лакедемонян на сторону Фарнабаза, Тиссаферн послал в Спарту для переговоров приближенного к себе карийца по имени Гавлита, который кроме родного языка говорил и на греческом. Гавлита обвинял милетцев в захвате замка, стремясь настроить против них спартанские власти. Однако милетцы также направили в Спарту своих послов с жалобой на действия Тиссаферна.

Пока Тиссаферн стремился урегулировать свои отношения со Спартой, положение афинян начало улучшаться. В октябре 411 г., во время морского сражения между пелопоннесцами и афинянами при Абидосе, Алкивиад вместе с кораблями, которые были в его распоряжении, перешел на сторону афинян. Пелопоннесцы были побеждены, и воины Фарнабаза по мере возможности помогали вытаскать тонущие пелопоннесские корабли. Сам Фарнабаз, сражаясь с афинянами, въехал на коне в море. Своими действиями Алкивиад думал угодить Тиссаферну. Но последний и так боялся царской немилости за то, что он расстраивал дела лакедемонян. Тиссаферн арестовал прибывшего к нему с дарами гостеприимства Алкивиада и заключил его в тюрьму в Сардах, чтобы спартанцы не стали обвинять его в своем поражении.

Но вскоре Алкивиаду удалось вырваться из-под стражи, и он, раздобыв лошадь, бежал ночью в город Клазомены и там оклеветал Тиссаферна, заявив, будто бы тот сам отпустил его. Затем он направился в лагерь афинян, был хорошо принят там и восстановлен в гражданских правах. В течение нескольких лет афиняне под его руководством одержали ряд крупных по-

бед, в том числе и над многочисленной конницей Фарнабаза. К тому времени положение персов стало трудным, так как мидийцы подняли восстание против Дария II, и ему пришлось сосредоточить свои основные силы, чтобы усмирить мятежников. Афиняне захватили у персов город Сест на Херсонесе и превратили его в наблюдательный пункт на Геллеспонте. В 409 г. афинский флот под руководством Алкивиада одержал большую победу в Кизикской гавани над пелопоннесским флотом и кораблями Фарнабаза и вынудил бежать его самого. Афиняне захватили Кизик и, завладев Геллеспонтом, стали успешно наступать на персидское и пелопоннесское войско. Затем Алкивиад окружил Халкедон, который ранее расторг союз с Афинами и принял у себя спартанский гарнизон. Попытки прорвать осаду Халкедона окончились неудачей, и Фарнабаз в 408 г. заключил в Кизике с афинянами следующее соглашение: он обязуется уплатить афинянам определенную сумму денег, Халкедон должен вернуться под власть афинян, а последние больше не будут грабить владения Фарнабаза. Алкивиад осадил также Византий, расторгший союз с Афинами. Город остался без продовольствия и, несмотря на наличие в нем пелопоннесского гарнизона, был сдан жителями.

Но, к несчастью для Афин, в персидской политике наступил перелом. Дарий II решил покончить с балансированием между Афинами и Спартой и оказать решительную поддержку лакедемонянам. Тиссаферн, успешно натравливавший эти два государства друг на друга в течение долгого времени, теперь был отрешен от должности наместника Лидии и ряда других провинций и сумел сохранить за собой лишь Карию.

В 408 г. Парисатиде, жене и сводной сестре Дария II, которая достигла могущественного положения при дворе, удалось добиться назначения своего любимого сына Кира Младшего наместником нескольких малоазийских сатрапий — Лидии, Фригии и Каппадокии. По свидетельству Ксенофонта (Hell. I, 4, 3), Киру была дана власть над всей приморской областью, относительно чего он привез с собой письмо с царской печатью. Кроме того, новый наместник получил должность верховного командующего всеми персидскими войсками в Малой Азии, которые собирались для боевых смотров на Кастольской равнине в Лидии. По сообщению Ксенофонта, как командующий Кир носил титул *каран*, который он переводит «владыка» (вероятно, слово происходит от *kāra* — «войско») [104, с. 123, примеч. 5]. Это был энергичный правитель и способный полководец. В своих сношениях с другими государствами он действовал вполне суверенно, и античные авторы называют его царем. Прибыв в Малую Азию, он усмирил мятежных мисийцев и писидийцев, обитавших между Лидией и Киликией, и назначил к ним наместника по своему выбору.

В том же 408 г. афинские послы, попросив провожатых у Фарнабаза, направились для переговоров к персидскому царю.

По пути они встретили возвращавшихся от царя лакедемонских послов, которые заявили, что они уже добились выгодных условий соглашения с персами. Узнав об этом, а также о том, что новому наместнику Малой Азии предписано действовать совместно со Спартой, афинские послы потребовали от своих провожатых, чтобы те либо повели их к царю, либо же позволили им вернуться на родину. Однако Кир велел Фарнабазу не отпускать послов домой, чтобы афиняне не были в курсе происходящих событий. Фарнабаз был недоволен таким распоряжением и считал, что персы не должны настраивать против себя афинян. Тем не менее он вопреки своей воле три года удерживал послов, затем велел отвезти их в один приморский город в Мисии, откуда они отбыли в распоряжение афинского войска.

В 407 г., почти одновременно с назначением Кира наместником в Малой Азии, руководство пелопоннесскими военными силами перешло в руки опытного спартанского полководца, наварха (начальника флота) Лисандра. Кир стал проводить дружественную Спарте политику и энергично помогать ей, хотя и не порывал окончательно с Афинами. Это создало предпосылки для дружбы между обоими полководцами, и они встретились для переговоров в Сардах. Во время беседы Лисандр стал обвинять Тиссаферна в том, что тот, хотя и получил от царя указание помогать Спарте в войне против Афин, своей скупостью чуть не погубил пелопоннесский флот. Охотно выслушав эти обвинения против человека, которого он не без оснований считал своим врагом, Кир обещал платить воинам пелопоннесского флота в день по четыре обола в день вместо трех, которые были предусмотрены договором, и вручил Лисандру 10 000 дариков. Кир добавил, что ради помощи Спарте он готов потратить все свое личное имущество и даже разбить свой трон из золота и серебра, если будет нуждаться в деньгах для этой цели. По свидетельству греческих ораторов, всего Дарий II выдал через своих сатрапов Спарте для войны с Афинами более 5000 талантов (Andoc., De расе 29; Isocr., De расе 97). На эти деньги можно было содержать экипаж 100 кораблей в течение целых пяти лет из расчета четыре обола в день на человека. Когда Лисандр стал платить своим воинам ежедневно по четыре обола, афинские корабли постепенно опустели, так как матросы в погоне за большим жалованьем перебежали на пелопоннесские суда. Положение афинского флота, которым командовал не знавший до тех пор поражения Алкивиад, стало тяжелым.

После смещения Тиссаферна с должности лидийского сатрапа ионийские города все еще оставались в его власти. Но вскоре они, кроме Милета, были захвачены Лисандром и после установления там олигархического строя переданы Киру. Затем Лисандр стал грабить области Фарнабаза. Последний пожаловался на эти действия лакедемонским властям, напомнив при этом о помощи, которую он оказывал Спарте в ее войне с Афинами. В результате Лисандр был отстранен от командования. Получив предписание

вернуться на родину, Лисандр, который в то время находился на Геллеспонте, попросил Фарнабаза написать в Спарту письмо с заверениями, что он не потерпел от лакедемонского наварха никакого ущерба. Фарнабаз охотно согласился на это, но, прикладывая печать, ловко заменил согласованное с Лисандром письмо другим, заранее приготовленным, и дал его лакедемонянину. В Спарте ничего не подозревавший Лисандр вручил письмо эфорам, будучи уверен в том, что скоро снова получит обратно свою должность. Но когда эфоры пересказали ему содержание письма, он понял, что Фарнабаз перехитрил его.

В 407 г. из-за одной военной неудачи Алкивиад был заочно осужден в Афинах и бежал во Фригию к Фарнабазу, надеясь с его помощью отправиться, подобно Фемистоклу, к персидскому царю. Фарнабаз обошелся с ним хорошо, но вскоре военная и политическая ситуация изменилась. Персы и лакедемоняне вытеснили афинские корабли с малоазийского побережья и многих островов Эгейского моря и стремились лишить Афины возможностей подвоза продовольствия из Северного Причерноморья. Афинское командование послало флот, чтобы защитить Геллеспонт. В 406 г. афиняне нанесли поражение пелопоннесскому флоту в битве при Аргинусских островах, близ Лесбоса. Но во время бури погибло много афинских матросов. В бою пал и новый наварх пелопоннесского флота Калликратид, и тогда Лисандру удалось вернуться в Малую Азию. Хотя он и не был назначен навархом, но фактическое командование кораблями перешло в его руки. Зимой 405 г. Лисандр внезапно напал на афинский флот, стоявший у реки Эгоспотамы на Геллеспонте, и захватил 170 из общего количества 180 вражеских кораблей. 3000 афинян, которые попали в плен, были преданы казни. Это был тяжелый удар для Афин. Вскоре Лисандр с пелопоннесским войском появился у стен Афин, свергнув город в ужас. В 404 г. афиняне были вынуждены принять условия мира, продиктованные Спартой. Лисандр установил в Афинах правление Тридцати. По наущению последних, которые боялись, что Алкивиад может восстановить демократию, Лисандр послал Фарнабазу письмо с просьбой умертвить его афинского гостя. Фарнабаз поручил это своему брату Багею и дяде Сизамитре, и осенью 404 г. Алкивиад окончил свою столь богатую бурными событиями жизнь в какой-то фригийской деревне.

Итак, к 404 г. персы в союзе со Спартой снова добились гегемонии на малоазийском побережье.

ВОССТАНИЕ АМИРТЕЯ В ЕГИПТЕ

Пелопоннесская война дала персам возможность заняться своими внутренними делами. Однако эту передышку не удалось использовать в полной мере. Для периода правления Дария II были характерны дальнейшее ослабление центральной власти, дворцовые интриги и заговоры, в которых весьма деятельное

участие принимала царица Парисатида, усиление влияния придворной знати. Вдобавок к этому с конца V в. сатрапы Малой Азии постоянно вели между собой войны (в частности, за обладание богатым городом Милетом), которым ахеменидские цари не придавали значения и в которые они обычно не вмешивались. Отдельные сатрапы часто восставали против центральной власти и, опираясь на помощь греческих наемников, стремились добиться полной независимости. К тому же не прекращались и восстания покоренных народов. Эти восстания были обусловлены тем, что персидская администрация при поздних Ахеменидах обрекала население покоренных стран на разорение. Правители теперь уже не стремились найти опору для своей власти в завоеванных странах и надеялись устранить все трудности с помощью военной силы и подкупа золотом. Между 410—408 гг. произошли восстания в Малой Азии и Мидии, которые лишь с трудом удалось подавить.

В это же время происходили волнения и в Египте, которые, в частности, привели к разрушению храма иудейских военных колонистов на Элефантине. Более 150 лет отношения между элфантинскими иудеями и местным населением были мирными и даже дружественными: заключались смешанные браки, поддерживались деловые связи. В отличие от многочисленных греческих наемников, которых при поздних саисских фараонах местное население ненавидело, иудеев с последним роднило некоторое сходство их обычаев (например, обрезание, в некоторых номах — запрет есть свинину, и др.). Но к концу V в. египтяне стали враждебно относиться к иудеям Элефантины. Причины этой вражды трудно установить. Вряд ли можно согласиться с Ф. К. Киницем, который полагает, что иудейский храм был разрушен из-за религиозной нетерпимости египтян [см. 248, с. 75]. Вероятно, наибольшее значение имел тот факт, что в этот беспокойный период, когда египтяне несколько раз поднимались против персидского господства, иудеи, как и другие военные колонисты, находясь на чужбине и на военной службе у персидских царей, неизменно выступали верной опорой чужеземного господства в этой стране. Нам достоверно известно лишь, что в июле 410 г. жрецы египетского бога Хнума побудили египтян на Элефантине разрушить храм бога Йахо (Яхве). Этому не препятствовал (или, возможно, не был в силах противодействовать) и персидский наместник на Элефантине Видранг, который, если верить утверждениям колонистов, был подкуплен египетскими жрецами с помощью денег и различных драгоценностей и даже послал своего сына Нафайна, начальника гарнизона в Сиене, вместе с воинским отрядом, чтобы помочь египтянам в разрушении храма. Святилище было разграблено, его культовая утварь расхищена или сожжена. В донесении иудейских военных колонистов, направленном различным должностным лицам, говорится: «В 14-м году, когда наш господин Аршама отправился к царю, вот какое злое дело совершили жрецы бога Хнума в элфантинской крепости с согласия

Видранга, который был здесь начальником. Они дали ему серебро и (разные) вещи. . . Они разрушили храм» [АР; 27; ср. 52; 8, с. 67 и сл.].

Община египетских иудеев пожаловалась сначала первосвященнику и жрецам в Иерусалимском храме, затем сатрапу Египта Аршаме, который в момент погрома отсутствовал в стране, а также наместнику Иудеи Багою. В своих письмах к этим лицам община просила расследовать дело о погроме и помочь в восстановлении разрушенного храма. В письмах, в частности, подчеркивался тот факт, что, когда египтяне подняли восстание против Камбиза, колонисты остались верны ему и не покинули свою крепость, поэтому Камбиз, разрушая египетские храмы, не сделал никакого вреда святилищу иудеев.

Однако иерусалимские жрецы оставили эту жалобу без ответа. К тому времени в Иерусалимском храме установился догматический культ Яхве, нетерпимый к почитанию других богов, и религия египетских иудеев, поклонявшихся наряду с Яхве и другим божествам, была сочтена иерусалимскими жрецами богоотступничеством. Кроме того, с точки зрения Второзакония, храм Яхве мог существовать только в Иерусалиме. Поэтому иерусалимская община отказала в помощи колонистам.

Зато пострадавшие нашли полное понимание у сыновей Санбаллата, наместника Самарии, исповедовавших такой же культ Яхве, который существовал на Элефантине. Сыновья Санбаллата взяли на себя хлопоты просить Аршаму о разрешении восстановить храм на его прежнем месте и по старому плану (возможно, за счет государства). Багой, которому были адресованы две идентичные жалобы [АР 30, 31], также обещал довести дело до Аршамы. Тем временем как египтяне, так и иудеи стремились подкупить персидских чиновников.

Ответ Аршамы, если только он был дан в письменной форме, не сохранился. Известно только, что по возвращении в Египет он лишил Видранга и его сына их должностей и имущества. Во всяком случае, в одном письме сообщается, что все сокровища, приобретенные Видрангом, пропали и все лица, причинившие зло храму, умерщвлены. Однако в двух арамейских папирусах, которые датируются соответственно концом V в. и 399 г., упоминается некий Видранг, который (во всяком случае, в первом из них) назван начальником гарнизона [АР 38; Kraeling, 13; ср. там же, с. 283]. Если это то же самое лицо, которое занимало должность наместника Элефантины в 410 г., то Видранг не был казнен, а только смещен со своей должности. По всей вероятности, персидское правительство дало разрешение на восстановление храма. Но возможно, что его не успели построить, так как вскоре в Египте вспыхнуло восстание под руководством Амиртея II из Сайса, по-видимому внука того Амиртея, который за полвека до этого организовал сопротивление персидской армии в Западной Дельте. Инициатива восстания, как и раньше, исходила от ливийцев, живших в Дельте.

Установить дату восстания Амиртея трудно. Э. Мейер и вслед за ним другие исследователи полагали, что уже в 404 г. весь Египет был в руках мятежников [291, с. 90; 294, т. V, с. 180; 99, с. 77 и сл.]. Но позднее стали известны папирусы, из которых ясно, что элевантинский гарнизон сохранял верность персидскому царю по меньшей мере до декабря 401 г. Как отмечает Э. Крэлинг, из «Анабасиса» Ксенофонта видно, что в 401 г. Амиртей только начинал приобретать контроль над Египтом, поскольку весной этого года спартанский военачальник Клеарх предлагал Тиссаферну силы эллинских наемников, чтобы помочь отвоевать Египет для персидского царя. В 402—401 гг. на Элевантине и, по всей вероятности, вообще в Верхнем Египте еще признавали власть персов, и ряд папирусов этого времени датированы третьим и четвертым годами царствования Артаксеркса II [Kraeling, № 9—13; ср. там же, с. 111 и сл. и 148 и сл.]. По-видимому, Амиртей восстал около 405 г., но в первые годы после мятежа его власть ограничивалась Нижним Египтом. В 400 г. восставшие захватили в свои руки и Верхний Египет, включая Элевантину. Судя по одному арамейскому папирусу, иудейские колонисты перешли на службу к новому фараону [AP, 35]. Впоследствии они, по-видимому, были ассимилированы местным населением.

Тем временем мятежники одерживали одну победу за другой, и скоро вся страна оказалась в их руках. Начальник персидских войск в Сирии Аброком собрал большую армию, чтобы бросить ее против египтян, однако в это время в самом центре Ахеменидской державы Кир Младший поднял мятеж против Артаксеркса II. Армия Аброкома была направлена на помощь персидскому царю, а Амиртей, получив передышку, перенес военные действия даже на территорию Сирии. Таким образом, в начале царствования Артаксеркса II окончился так называемый первый период персидского владычества в Египте. Согласно Манефону, Дарий II был последним фараоном XXVII династии, а Амиртей основал новую, XXVIII династию, единственным представителем которой был он сам. После этого восстания Египет был покорен персами лишь через 60 лет, в 342 г., незадолго до крушения Персидской державы. Отпадение Египта было тяжелым ударом для персов, так как это лишило их основной житницы империи.

МЯТЕЖ КИРА МЛАДШЕГО

Кир мечтал получить престол с помощью своей матери Парисатиды, под сильным влиянием которой находился Дарий II. Но наследником царя уже был назначен его старший сын Арсак (по Динону — Оарс), и Дарий не согласился отменить свое решение. По Плутарху (Art. 2), Кир основывал свои претензии на трон тем, что, когда он родился, его отец уже был царем, а при рождении Арсака — всего лишь частным лицом. По утверждению Плутарха,

в год смерти Дария II Киру было около 18 лет. Но это сообщение представляется недостоверным, так как еще за четыре года до этого он был назначен наместником в Малую Азию.

В начале 404 г., узнав о болезни отца, Кир направился в Вавилон, где в это время находился царский двор (по другой версии, царь пребывал в Мидии). В марте 404 г. Дарий II умер, и Арсак после торжественной коронации в древней ахеменидской столице Пасаргадах стал царем, приняв тронное имя Артаксеркса (II). Из-за исключительной памяти греки прозвали его «памятливый» — Мнемон.

Сатрап Карики Тиссаферн, на дочери которого был женат Арсак, прибыл на коронацию и сообщил новому царю, что Кир готовит против него заговор. Это подтвердил также один маг, который был учителем Кира в его детские годы. Но если верить Ксенофону (Анаб. I, 1, 3), Кир в это время вовсе не замыслил заговора, а Тиссаферн оклеветал его. Артаксеркс велел схватить брата, чтобы предать его казни, но вдовствующей царице Парисатиде после настойчивых просьб летом 403 г. удалось освободить своего любимца и отослать невредимым обратно в Малую Азию.

Кир видел, что Ахеменидская держава постепенно приходит в упадок, и стремился возродить ее былую мощь и славу. Трудно уверенно сказать, какие политические цели кроме захвата престола ставил он перед собою и на какие социальные слои опирался. Возможно, что он хотел свергнуть господство персидской знати и создать централизованное государство, подобное тем, которые возникли в эллинистический период, и, таким образом, в определенной степени предвосхитил социальную и политическую программу преемников Александра Македонского [ср. 45, с. 28; 21, с. 29].

Во всяком случае, образ Кира оставил неизгладимое впечатление у его греческих друзей. Ксенофонт в «Анабасисе» (I, 9, 1) говорит, что, по мнению людей, знавших близко Кира, «он был самый способный и достойный занять престол из всех персов, живших после Кира Старшего» (т. е. Кира II). По утверждению этого автора, он был очень скромным и любознательным человеком, отважным охотником, искусным и храбрым воином, почитал старших и щедро награждал друзей, выше всего ставил верность заключенным договорам и союзам. Поэтому его слову верили целые города и частные лица, и, если он заключал договор со своими врагами, те нисколько не сомневались в прочности союза. У Кира было надежное войско, дельные помощники и преданные друзья, и к нему от царя и Тиссаферна перебежало много знатных персов. По свидетельству Плутарха (Art. 4), Кир был человеком блестящих дарований и разбирался в науке магов лучше, чем его брат.

Кир был знаком с эллинской культурой и мог объясняться гречески без помощи переводчика. Однако тем не менее он оставался типичным восточным деспотом. Например, по рассказу Ксенофонта (Hell. II, 1, 8), в бытность свою наместником Малой

Азии он велел предать казни Автобесака и Митрея, внуков Ксеркса, за то, что они, увидев его, не выпростили рук из кор¹¹⁸, хотя так встречать полагалось только царя. Он также обратил жителей города Кедреи в Карию в рабство, потому что они были союзниками Афин.

Вернувшись в Малую Азию, молодой царевич начал собирать значительное войско, чтобы попытаться захватить престол. При этом большую часть наемников он вербовал в глубокой тайне, а остальным воинам говорил, что военные приготовления делаются им для предстоящей борьбы с Тиссаферном. Артаксеркс II, который был занят планами приведения в порядок полученного им трудного наследия, положился на заверения Кира, поскольку междоусобные войны сатрапов за увеличение подвластной им территории уже давно рассматривались царской администрацией как нормальное явление. К тому же Кир продолжал регулярно отсылать дань царю.

Тем временем спартанцы, которые в 404 г. одержали победу над афинянами в Пелопоннесской войне и стали ведущей в Греции силой, не решались пойти на выполнение своего обещания передать после окончания войны под власть персов греческие города Малой Азии взамен за полученную от Дария II помощь, поскольку такой шаг вызвал бы осуждение со стороны общественного мнения эллинов. Поэтому вскоре отношения между Спартой и Персией начали портиться. В 402 г. Кир направил в Спарту своих послов, чтобы просить лакедемонские власти прислать в его распоряжение воинов. Эта просьба была удовлетворена; кроме того, спартанский полководец Клеарх получил предписание во всем повиноваться Киру и содействовать ему в наборе наемников. Спарта, которая предвидела мятеж Кира, вступила также в союз с Египтом, где в это время восстание Амиртея было в полном разгаре.

Недостатка в наемниках не было, так как в Греции окончилась война и много профессиональных воинов готово было служить кому угодно. В Херсонесе Фракийском спартанец Клеарх, получив от Кира 10 000 дариков, стал набирать на эти деньги войско. Фессалиец Аристипп, связанный с Киrom узами гостеприимства, набрал на своей родине 4000 наемников. Кир велел также беотийцу Проксену явиться к нему с войском якобы для похода против племени писидийцев, которые совершали набеги на области Малой Азии (о набегах писидийцев и других горных племен см. [116]). Наконец, Софенету из Аркадии и Сократу из Ахейи, также связанным с Киrom узами гостеприимства, было приказано явиться с возможно большим числом воинов под предлогом войны с Тиссаферном. Затем Кир отозвал и своих воинов, осаждавших с суши и моря принадлежавший Тиссаферну Милет, и назначил сбор всей армии, как персидской, так и греческой, в Сардах, а часть наемников должна была присоединиться в пути. В Сардах собралось 9600 греческих гоплитов, 2100 пельтастов (легковооруженные пехотинцы), 200 критских стрелков, а также большое персидское войско. Кроме того, Кир располагал конницей и флотом и привле-

Рис. 1. Гений-хранитель Кира II.
Скульптура из Пасаргад



Рис. 2. Гробница Кира II в Пасаргадах



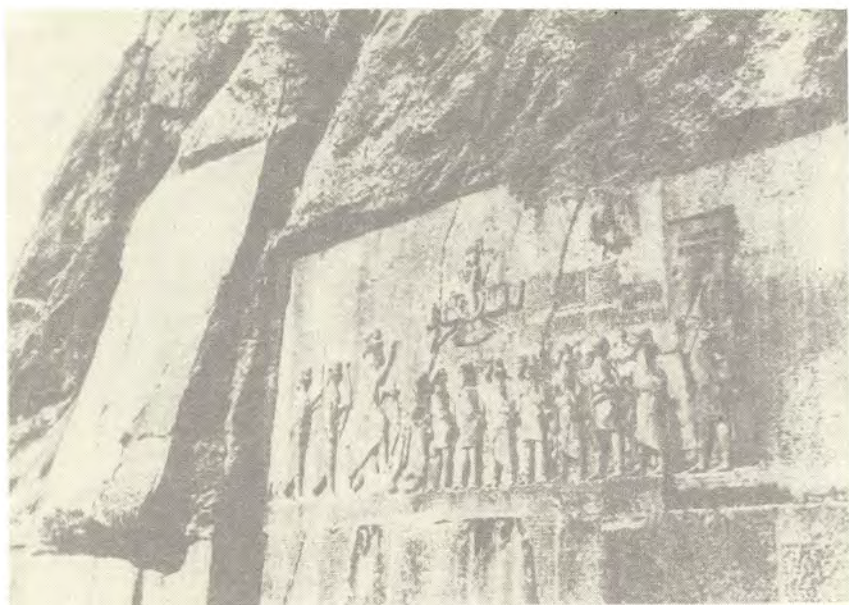


Рис. 3. Общий вид
Бехистунской надписи и рельефа



Рис. 4.
Дарий I на Бехистунском рельефе



Рис. 5. Копьеносец и лучник Дария I на Бехистунском рельефе

Рис. 6. Мятежные цари на Бехистунском рельефе



Рис. 9. Уджагорресент
(Ватиканский музей)



Рис. 10. Оттиск цилиндрической печати с именем Дария I





Рис. 11. Дарий I. Рельеф Тронного зала в Персеполе



Рис. 12. Персидские воины. Персеполь



Рис. 13. Персеполь. Общий вид

Рис. 14. Царские гробницы в Накш-и Рустаме



Рис. 15.
Фемистокл. Мраморный бюст

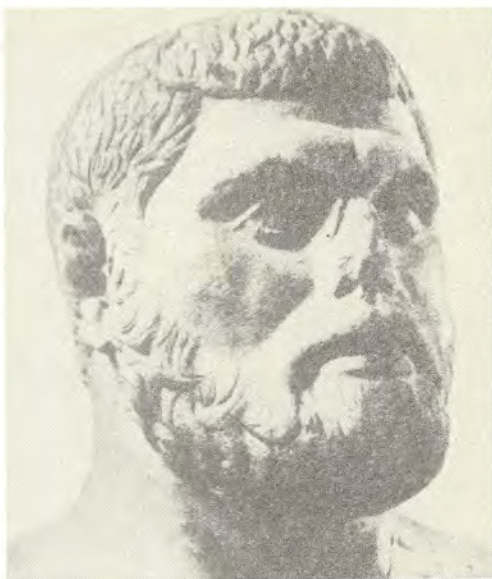


Рис. 16. Персидский воин. Рельеф из Персеполя. V в. до н. э.
(ГМИИ им. А. С. Пушкина)

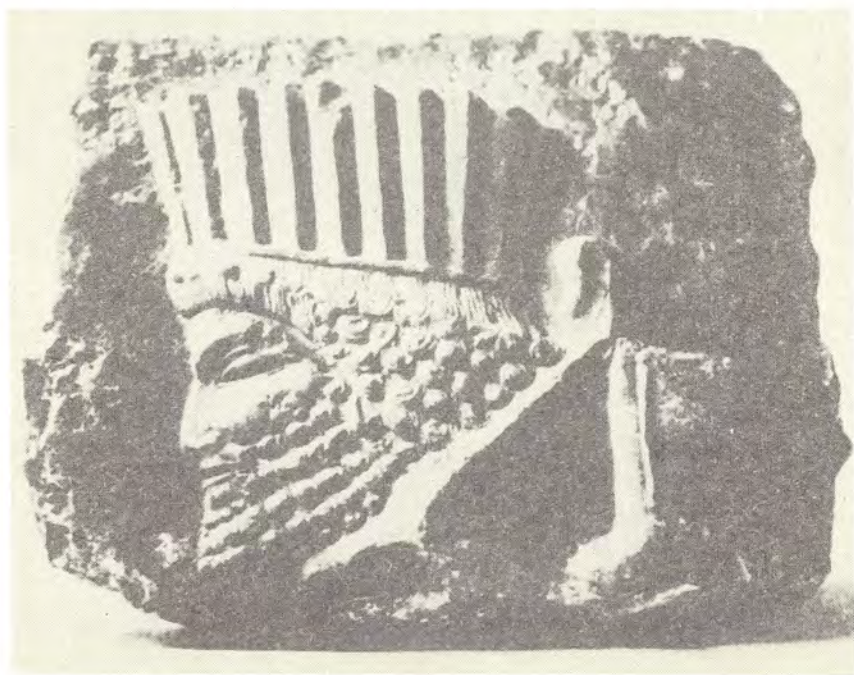




Рис. 17. Голова перса. Обожженная глина. Персеполь



Рис. 18. Серебряная монета
с изображением Тиссаферна

Рис. 19. Изображение сатрапа Фарнабаза
на серебряной монете





Рис. 20. Киликиец на рельефе из Персеполя



Рис. 21. Индиец на рельефе из Персеполя



Рис. 22. Дарий III. Персеполь



Рис. 23. Дарий III. Мозаичное изображение

Рис. 24.

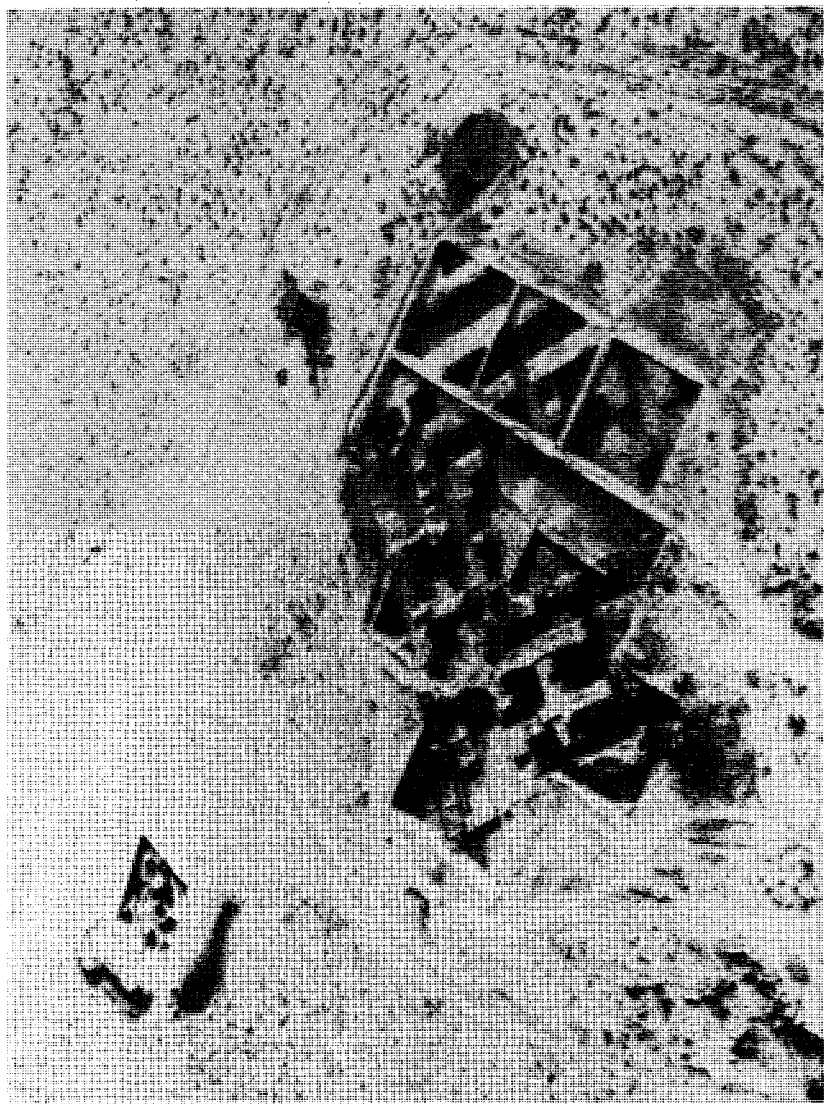
Изображение Александра Македонского
на серебряной монете



Рис. 25. Раскопки
в Аншане (фото
Дж. М. Балсера)



Рис. 25. Раскопки
в Аншане (фото
Дж. М. Балсера)



кал на свою сторону приближенных Артаксеркса. Ранней весной 401 г. Кир выступил из Сард, заявив, что собирается изгнать писидийцев из своих владений.

Узнав о сборе столь значительной армии, явно превышавшей необходимые для усмирения писидийцев военные силы, Тиссаферн поспешил к царю и информировал его о сложившейся обстановке. После этого в царских покоях вспыхнула ссора между Парисатидой и женой Артаксеркса Статирой, обвинявшей свою свекровь в тайной помощи Киру. Артаксеркс же начал лихорадочно готовиться к войне, собирая все свои войска.

Тем временем Кир направился во Фригию и там, в городе Колосс, к нему присоединилось еще около 1500 наемников. Затем Кир добрался до богатого фригийского города Келены, где находился принадлежащий ему дворец и большой парк для охоты на диких зверей. Сюда прибыли также новые отряды наемников, и здесь Кир произвел смотр эллинскому войску. Всего оказалось 11 000 гоплитов и около 2000 пельтастов. Кир уже начал испытывать трудности в деньгах, наемники более трех месяцев не получали жалованья и были недовольны этим. Но в городе Кастропедиион к нему приехала Эпиакса, жена киликийского царя Свинесия, которая, став любовницей Кира, подарила ему много денег. Это позволило Киру уплатить войску жалованье за четыре месяца.

Затем, пройдя по территории Каппадокии, Кир по крутой и неприступной дороге, которая, однако, в это время никем не охранялась, вступил в Киликию. Когда он добрался до Тарса, крупного города в Киликии, где были расположены дворцы Свинесия, там уже не было киликийского царя и большинства жителей, которые скрылись в горах. Эллыны разграбили город и дворцы. Кир через вестника вызвал к себе Свинесия, но тот отказался прибыть. Эпиакса, жена Свинесия, получив от Кира заверения, что ее мужу не будет причинен никакой вред, убедила последнего принять приглашение. Положение Свинесия было трудным, так как он опасался наказания со стороны Артаксеркса, если мятеж окончится провалом. Поэтому Свинесий стремился создать у Артаксеркса впечатление, что он враждебно относится к мятежнику, и в то же время не оказал ему сопротивления в неприступных Киликийских воротах, надеясь на вознаграждение в случае победы Кира. По свидетельству Диодора (XIV, 20), Свинесий вел двойственную политику, послав одного из своих сыновей с отрядом войска к Артаксерксу, чтобы сообщить о намерениях Кира, а другого отправил с последним, дав ему также отряд воинов. Во всяком случае, встреча Кира и Свинесия прошла дружелюбно. Киликийский царь дал Киру много денег на содержание наемников, а тот обещал больше не грабить его страну. Кроме того, Кир дал Свинесию дары, которыми царь обычно одаривал своих приближенных: коня с золотой уздой, золотую гривну, браслет и акинак, а также персидскую одежду.

Теперь эллыны уже начали подозревать, что Кир ведет их

против царя, и, опасаясь за свою судьбу, отказывались идти дальше. Их командир Клеарх, разумеется, заранее знал истинную цель похода. Но Кир заверил наемников, что он ведет их против ненавистного ему сатрапа Сирии Аброкома, который в это время находился у реки Евфрат. Наемники не вполне поверили Киру, но решили пока следовать за ним, попросив прибавки к жалованью. Кир обещал платить им впредь в полтора раза больше, чем раньше, т. е. вместо 1 дарика по 1,5 дарика в месяц каждому воину [о ставках наемников Кира см. 37, с. 70 и сл.].

Когда Кир добрался до большого портового города Исс в Киликии, туда к нему прибыло 35 кораблей из Пелопоннеса и 25 кораблей из Эфеса, которыми командовал египтянин Тамос, один из друзей персидского царевича. К войску Кира присоединилось также 400 эллинских гоплитов, которые отпали от Аброкома, и еще несколько сотен наемников, прибывших из Греции. Лакедемонский наварх Самий во главе своего флота и кораблей Кира направился вдоль побережья Киликии, чтобы парализовать действия Свинесия, если у него возникнут враждебные намерения.

Затем мятежники добрались до ворот из Киликии в Сирию — двух стен, внутренней — со стороны Киликии, которая охранялась киликийской стражей, и внешней — со стороны Сирии, где должен был быть отряд царского войска. Проход между стенами был узкий, очень крутые стены доходили до самого моря, а над ними возвышались башни. Эти ворота невозможно было взять силой, и именно поэтому Кир вызвал корабли, чтобы высадить десант по ту сторону прохода, если он будет охраняться. Но Аброком, на которого была возложена задача охраны прохода, узнав о приближении Кира, не стал оказывать ему сопротивления и вместе со своей армией малодушно отступил к царю.

Среди наемников, опасавшихся, что их ведут против царя, было много недовольных, и два греческих стратега тайно бежали от Кира на корабле. Кир, созвав остальных греческих стратегов, заявил им, что у него есть возможность догнать и захватить беглецов или задержать их семьи, которые находились в городе Траллы в Карию, но он не намерен делать это и во имя их прежних заслуг вернет бежавшим их семьи. Эти слова оказали на греков большое впечатление, и они без ропота последовали дальше за Киром.

В Сирии, у реки Дардана, Кир велел вырубить парки и поджечь дворцы, принадлежавшие сатрапу Заречья Велесию¹¹⁹. Наконец, добравшись до города Тапсак в Сирии, Кир созвал эллинских стратегов, объявил, что ведет их против царя в Вавилон и приказал передать это солдатам и убедить их следовать за ним. Солдаты опять воспользовались возможностью потребовать прибавки к жалованью, и Кир обещал платить каждому из них по пять серебряных мин в месяц и продолжать выплату денег до возвращения эллинов в Ионию. В богатой хлебом и вином Сирии воины пополнили запасы продовольствия. Но вскоре, когда армия перешла в голую область по правую сторону Евфрата, им при-

шлось питаться мясом вьючного скота, который нечем было кормить. Во время перехода через одно болото застряли повозки, и Киру показалось, что воины слишком медленно вытаскивают их. Рассердившись, он велел окружавшим его знатым персам взяться за дело. Скинув пурпурные кафтаны, в роскошных хитонах, с гривнами на шее и браслетами на руках, они бросились в болото и вытащили повозки.

Когда Кир добрался до Сирии, он начал спешить, справедливо полагая, что, чем больше времени проведет в пути, тем больше войска соберет Артаксеркс. Наконец, когда войско добралось до более плодородных районов, трава оказалась выжженной. Это воины Артаксеркса поджигали траву. Весьма искусный в военном деле, знатный перс Оронт предложил Киру, что он с 1000 всадников уничтожит тех, кто занимался поджогом. Кир согласился на это. Тогда Оронт написал письмо Артаксерксу, сообщая ему, что перейдет на его сторону со своим отрядом. Письмо было послано через человека, которого Оронт считал надежным, но тот передал его Киру. Последний арестовал изменника и созвал в свою палатку семь знатных персов и Клеарха, а вокруг нее расставил греческих гоплитов.

Кир заявил собравшимся, что он желает поступить с Оронтом согласно божеским и человеческим законам. Напомнив, что Оронт и раньше три раза изменял ему, но он прощал его и пожимал ему правую руку, Кир спросил у подсудимого, совершил ли он, Кир, против него какую-либо несправедливость. Оронт ответил отрицательно. Тогда Кир спросил Оронта, может ли тот еще раз стать другом ему. Оронт ответил, что в таком случае Кир не мог бы больше доверять его дружбе. Присутствовавшие высказались за осуждение Оронта на смертную казнь и в знак вынесения такого приговора дотронулись до его пояса. Затем Оронта увели в палатку одного из доверенных Кира, скипетроносца Артапата, после чего его никто не видел.

Прибыв в Вавилонию, Кир выстроил свое войско, так как он полагал, что скоро покажется армия царя. На следующее утро прибыли перебежчики из лагеря Артаксеркса. После этого Кир созвал на совет эллинских стратегов. Если верить Ксенофону (Анаб. I, 6, 3), Кир заявил им, что греки сильнее «варваров», и призвал их быть достойными той свободы, которая составляет их счастье. По словам Кира, войско царя было лишь огромной толпой, и если эллины выдержат в самом начале атаку, то победа будет за ними. Напомнив, что Персидское царство огромно — оно начинается от мест, где невозможно жить из-за жары, и кончается северными областями, где нет жизни из-за холода, — Кир обещал в случае победы передать своим друзьям в управление целые области и, кроме того, наградить каждого эллинского воина золотым венком.

Согласно Ксенофону (Анаб. I, 7, 10—11), в армии Кира накануне битвы было 12 900 греческих наемников, 100 000 персов и воинов из других народов, а также 20 серпоносных колесниц, где

серпы были насажены острием к земле, разрезая во время движения все, что попадется на пути. Армия Артаксеркса, «по слухам», состояла из 1 200 000 человек (цифра совершенно фантастическая), 200 серпоносных колесниц и 6000 всадников, которых возглавлял перс Артагерс. По Диодору (XIV, 19—21), в войске Кира было 70 000 персов (из них 30 000 всадников) и 13 000 эллинов, а в армии Артаксеркса — 400 000 воинов. Таковую же цифру для царской армии дает и Плутарх в биографии Артаксеркса (гл. 7) со ссылкой на Ктесия. Э. Мейер справедливо считал, что эти данные сильно завышены, так как по Сирийской пустыне не могло пройти так много людей. По его мнению, в персидском войске Кира насчитывалось не намного больше воинов, чем греческих наемников, а армия Артаксеркса не превышала 40 000 человек, и, таким образом, силы соперников были приблизительно равны [294, т. V, с. 185].

Войсками царя командовали Аброком, Тиссаферн, Гобрий¹²⁰ и Арбак. Аброком со своим войском находился в пути из Финикии в Вавилонию и опоздал к битве.

Армия Артаксеркса начала отступать, и мятежники беспрепятственно перешли Евфрат и несколько его притоков. Кир решил, что царь боится дать бой и бежит. Поэтому мятежники продвигались беспечно, даже без оружия, заранее будучи уверены в победе. Но вскоре показался знатный перс Панетий, один из приближенных Кира, который мчался на взмыленном коне и кричал на персидском и греческом языках, что царь приближается с большой армией. В стане Кира началась паника, так как воины боялись, что они не успеют подготовиться к бою. Кир сошел с колесницы, надел панцирь, сел на коня и, взяв копье, велел своим вооружиться и стать в строй.

Битва произошла 3 сентября 401 г. в 90 км от Вавилона, у деревни Кунакс. Греки расположились на левом и правом флангах. Около тысячи пафлагонских всадников заняли место на правом фланге, которым командовал Клеарх. Главный помощник Кира Арией с частью персидского войска находился на левом фланге. Кир занял место в центре, с ним было 600 всадников, облаченных в панцири, набедренники и шлемы, вооруженных греческими мечами. Но сам Кир пошел в бой с непокрытой головой, показывая этим свое пренебрежение к опасности. Войско царя двигалось размеренным шагом в полном молчании, разделенное по народностям и племенам. На левом фланге находились всадники в белых панцирях, которыми командовал Тиссаферн, рядом — легковооруженные отряды и египетские гоплиты с длинными деревянными щитами. На значительном расстоянии впереди войска шли серпоносные колесницы.

Кир через переводчика, чтобы избежать какого-либо недоразумения, велел Клеарху вести греческих наемников на вражеский центр, где находился царь. Но Клеарх, боясь окружения превосходящими силами противника, не выполнил этого приказа и ответил, что сам позаботится, чтобы все было в порядке, и просил Кира не

рисковать своей жизнью. Таким образом, Клеарх, прекрасно разбиравшийся в военной тактике, не выполнил свою основную стратегическую задачу — разбить центр противника. Он остался на правом фланге и преследовал войско Тиссаферна.

Когда греческие наемники бросились в атаку, царское войско на правом фланге дрогнуло и бежало. Колесницы не принесли пользы Артаксерксу: греки обошли их, а часть колесниц прошла сквозь ряды своих. Видя, что эллины побеждают и преследуют бегущих, окружающие начали кланяться Киру до земли как царю.

Сам Артаксеркс, который находился в центре, вне битвы, начал разворачивать войско полукругом. Боясь, что эллинское войско могут обойти с тыла и уничтожить, Кир бросился вперед на центр врага со своими 600 всадниками, обратил в бегство отряд конницы, прикрывавшей царя, и собственноручно убил Артагерса, командовавшего этим отрядом. Однако во время погони свита Кира рассеялась, и с ним остались лишь почти одни сотрапезники его. Увидев Артаксеркса, Кир воскликнул: «Вижу его» — и, бросившись вперед, ранил царя сквозь панцирь в грудь. Но в это время Кир получил сильный удар копьем в голову и погиб вместе с восемью своими приближенными из числа знатных персов. Когда скипетроносец Артапат увидел погибшего Кира, он соскочил с коня и, пав на его тело, расстался с жизнью, показав таким образом свою преданность покойному другу. Царские приближенные «по какому-то персидскому обычаю» отрубили Киру голову и правую руку (Plut., Art. 13). Артаксеркс велел подать ему голову своего брата и, держа за волосы, показывал ее всем, чтобы убедить их в гибели Кира. Согласно Ктесию, на поле боя осталось не менее 20 000 воинов Артаксеркса, хотя последнему доложили, что погибло лишь 9000 (см.: Plut., Art. 13).

После гибели Кира его персидское войско во главе с Ариеем бежало с поля боя, а греческие наемники продолжали наступать, не зная о том, что царевич убит, приняв свой тактический успех за победу. Утром следующего дня, узнав о смерти Кира, греческие стратеги предложили Ариейю посадить его на престол. Но он ответил, что есть много персов знатнее его и они не потерпят его в качестве царя, и предложил эллинам вместе отступить в Ионию. Греческие стратеги и Арией дали клятву не предавать друг друга, заклав быка, кабана и барана под щитом и окунув в кровь мечи и наконечники копий.

На следующий после битвы день к грекам прибыли послы от царя и Тиссаферна, и среди них был один эллин, служивший Тиссаферну. Они предложили наемникам сдать оружие и просить у царя милости. Наемники заявили, что победителями являются они, а не царь, и отказались сдать оружие. Через несколько дней снова появились царские послы, на этот раз предлагая заключить союз. При этом Тиссаферн убеждал наемников, что, поскольку он сам живет в Малой Азии, по соседству с Элладой, он хотел бы помочь им спастись. Было заключено соглашение, согласно которому греки не могли заниматься в пути грабежом, а должны были покупать

себе продовольствие, персы же обязаны были вести их обратно в Ионию, чтобы оттуда они могли вернуться в Грецию. В знак согласия обе стороны произнесли клятвы и пожали друг другу правую руку.

После этого к Ариейю и его приближенным стали прибывать братья и другие родственники, убеждая их, что царь не будет помнить зла, если они явятся к нему. В результате таких уговоров приближенные Ариейей стали хуже относиться к эллинам.

Добравшись до города Опис в Вавилонии, наемники встретили войско, которое направлялось из Суз и Экбатан на помощь царю. Искусный в военном деле Клеарх, который теперь все время прибегал к разного рода хитростям, велел своему войску построиться по два человека и идти вперед, время от времени останавливаясь. Это создавало у персов впечатление, что эллинское войско очень велико.

Когда греки дошли до принадлежавших Парисатиде, матери Кира, деревень в Вавилонии, Тиссаферн предоставил их на разграбление, запретив лишь уводить рабов.

Сталкиваясь с враждебным отношением со стороны людей Тиссаферна, Клеарх встретился с ним и предложил использовать наемников для усмирения писидийцев и мисийцев, которые своими набегами не оставляли персов в покое, или же для подавления восстания в Египте. Хитрый Тиссаферн постарался успокоить Клеарха, пригласив его на обед и мимоходом заявив, что только лишь одному царю приличествует носить прямую тиару, но, опираясь на эллинских наемников, всякий может мечтать о ней. При прощании Тиссаферн предложил Клеарху явиться к нему для переговоров со своими стратегами и лохагами (младшими командирами) и, обсудив все вопросы, устранить недоразумения. Когда греческие командиры дошли до ставки Тиссаферна, лохаги были предательски убиты, а стратеги арестованы (позднее их отвели к царю и отрубили им головы). Лишь одному лохагу, тяжело раненному в живот, удалось добраться до своих, поддерживая руками кишки, и рассказать о случившемся. К этому времени персидская армия во главе с Ариейей перешла на сторону царя, и, таким образом, эллины оказались далеко от родины, в незнакомой стране, в глубоком вражеском окружении, без союзников и проводников и даже без собственных командиров. Но они не растерялись, выбрали новых командиров и ценой больших усилий и потерь (из 13 000 человек в живых осталось 8600) через пятнадцать месяцев, в марте 400 г., добрались до Трапезунда у Черного моря, пройдя через всю территорию Ассирии и Армении [об их маршруте см. 88]. На западе Малой Азии наемники влились в спартанское войско, которое под командованием Фиброна вело военные действия против Фарнабаза и Тиссаферна.

Поход греческих наемников — на первый взгляд эфемерное событие, быстро изгладившееся из памяти персов, — в действительности имел большое значение для последующей истории.

Эллины своими глазами увидели казавшиеся им сказочными богатства подданных персидского царя и одновременно убедились в слабости их государства, а также показали превосходство греческого оружия и возможность победить персов на их собственной территории. Ксенофонт (Anab. 1, 5, 9) метко заметил, что «государство царя сильно обширными пространствами и множеством людей, но слабость его заключается в протяженности дорог и разбросанности сил в случае внезапного нападения» [см. 31, с. 24]. Вернувшись в Элладу, бедную страну, которая в это время переживала глубокий кризис и где массы разоренного и обездоленного населения не знали, чем прокормиться, наемники рассказывали своим согражданам, как богата продовольствием, стадами скота, золотом и серебром держава персидского царя и как легко можно избавиться от нужды, захватив чужие земли. Поэтому историки справедливо считают поход наемников Кира своеобразной предтечей завоевательных войн Александра Македонского.

После своей победы Артаксеркс придерживался осторожной политики и лишь позднее по одному стал устранять друзей Кира, которых Парисатида всячески выгораживала. Под горячую руку царь наказал лишь мидийца Арбака, который во время битвы перешел на сторону Кира, а после его гибели снова вернулся обратно. Артаксеркс обвинил Арбака не в измене, а в трусости и велел ему целый день ходить по многолюдной площади, посадив себе на шею голую потаскуху. За свою двойственную политику Свинесий был лишен сана царя Киликии, а его страна превращена в рядовую сатрапию (см.: Diod. XIV, 20).

Артаксеркс награждал также лиц, которые отличились в подавлении мятежа и спасли ему жизнь. Но впоследствии эти награды обернулись жестокой трагедией для тех, кто их получил. Убийство Кира Артаксеркс приписывал себе, а карийца, нанесшего Киру смертельную рану, царь одарил как вестника, первым сообщившего о гибели мятежника. Простодушный кариец начал говорить, что он получил свою награду за убийство Кира. Узнав об этом, Артаксеркс велел отрубить ему голову. Но Парисатида возразила, что его нельзя наказать столь легкой смертью, и, попросив передать карийца в ее распоряжение, велела палачам десять дней пытаться его, а затем выколоть глаза и влить в глотку расплавленную медь. Знатного перса Митридата, который нанес Киру первую рану, Артаксеркс награждал как нашедшего чепрак погибшего. Митридат затаил обиду, но никому не жаловался. Однако вскоре и он попал в ловушку. Однажды Митридат явился на дворцовый пир в драгоценном платье и украшениях, пожалованных царем, и изрядно выпил там. Тогда один хитрый евнух Парисатиды поздравил его с высокой наградой от царя, полученной только за доставку чепрака Кира. Пьяный Митридат громко воскликнул, что это он пробил копьем висок Кира. Эти слова сразу же были доложены Артаксерксу, который велел предать хвастуна ужасной пытке. Его положили в корыто и сверху накрыли

вторым корытом так, чтобы голова и руки оставались снаружи, а туловище было внутри. При этом корыто держали на солнце, которое слепило глаза осужденному. Затем Митридата стали кормить, а когда он отказывался от еды, насильно совали ему в рот пищу. После еды ему в рот вливали смесь молока и меда и этой же смесью мазали лицо. Мухи облепляли голову несчастного, а в нечистотах заводились черви, которые постепенно пожирали тело. Лишь через семнадцать суток пришла к Митридату спасительная смерть.

Теперь у Парисатиды остались только два врага — Тиссаферн и евнух Масабат, который отсек мятежнику голову и руку. Но пока Тиссаферн был в милости у царя, а поведение Масабата было безукоризненным. Отложив месть влиятельному Тиссаферну, Парисатида сыграла с ничего не подозревавшим Артаксерксом в кости на кого-либо из евнухов и, обыграв его, получила себе Масабата. По ее приказанию палачи содрали с евнуха кожу живьем.

АНТАЛКИДОВ МИР

После подавления мятежа Кира спартанцы за свою помощь последнему ожидали военных действий со стороны Персии и готовились к войне. Кроме того, греческие города Малой Азии, которые раньше находились под властью Кира, а позднее приобрели независимость, обращались к Спарте с просьбой о помощи. Тиссаферн, который в дополнение к своей Карийской сатрапии получил в управление все области Кира, а также должность верховного командующего персидскими войсками в Малой Азии и находился на вершине своего могущества, стремился подчинить расположенные там греческие города, чтобы собирать с них подать. Это желание вполне соответствовало заключенным в 412—410 гг. договорам со Спартой. Но теперь Спарта, победив Афины и став ведущей силой в Греции, считала себя гегемоном и защитницей эллинов и не могла открыто бросить на произвол судьбы греческие города. К тому же греки Малой Азии начиная с конца V в. до н. э. постепенно стали чувствовать себя единым народом и при благоприятных обстоятельствах готовы были добиться свободы от персидского господства [362а, с. 141 и сл.].

В 400 г. Спарта послала в Эфес (Малая Азия) 5000 воинов под командованием Фиброна. Однако столь малочисленное войско не было способно к активным действиям и стремилось лишь к защите греческих городов Эолии от персов. Со своей стороны, персидская администрация после подавления мятежа Кира стала на сторону демократических режимов и начала свержать господство аристократических партий в ионийских городах. В этот период влиятельные слои населения этих городов стремились к независимости от персов, тогда как греческие земледельцы в сельской округе, по-видимому, предпочитали персидское господство спартанскому или афинскому [см. 270, с. 115 и сл.].

Вскоре во враждебные отношения между Персией и Спартой оказался вовлеченным и Кипр. Около 425 г. Ваалмилк II, царь городов Китий и Идалион на Кипре, с помощью своего финикийского флота захватил Саламин и убил правившего там греческого тирана. Но сыну последнего Эвагору удалось бежать с острова. В 411 г. он вернулся обратно и, напад со своими сторонниками ночью на дворец, захватил царскую власть в Саламине. В следующем году Эвагор послал Афинам, которые тогда воевали с Персией, хлеб и получил за это право гражданства в этом государстве. Когда в 405 г. афинская эскадра потерпела поражение от спартанского флота при Эгоспотамах, афинский наварх Конон со спасшимися кораблями бежал к Эвагору. С помощью афинян Эвагор начал увеличивать свои владения, покоря соседние греческие и финикийские города. Из-за этого отношения между ним и персидской администрацией стали натянутыми. Однако он мог осуществить свои планы лишь в качестве преданного слуги персидского царя. По совету Конона Эвагор через посредство греков при персидском дворе, среди которых был и личный врач царя Ктесий, обратился к Артаксерксу II с просьбой утвердить захваты на Кипре. Одновременно Эвагор послал царю подно и подарки. Кроме того, он просил Артаксеркса снарядить тайно флот на Кипре и назначить его начальником Конона. Артаксеркс решил удовлетворить обе просьбы Эвагора и назначил Конона командиром персидского флота. В начале 397 г. сатрап Фарнабаз сам явился на Кипр, чтобы снарядить флот. Он привез с собой 500 талантов серебра, надеясь построить на них 100 военных кораблей. Тем временем план сооружения кораблей скрывали от лакедемонян, которые еще в 398 г. направили своих послов к персидскому царю, чтобы заключить договор. Тиссаферн и Фарнабаз делали вид, что они готовы вести переговоры со Спартой, а чиновники царя задерживали послов.

В 397 г. началась открытая война между Спартой и Персией. В Малую Азию для руководства боевыми действиями прибыл спартанский царь Агесилай. Хотя из-за своей малочисленности лакедемонское войско вело военные действия вяло, Тиссаферн начал терпеть неудачи и поэтому весной 396 г. заключил с Агесилаем перемирие на три месяца, обещая за это время добиться у царя предоставления автономии греческим городам. Однако Тиссаферн, конечно, не собирался предоставить свободу грекам и обратился с просьбой к царю послать большое войско для возобновления войны. Одновременно он, как командующий всеми персидскими войсками в Малой Азии, потребовал помощи и у Фарнабаза. Оба полководца враждебно относились друг к другу. Фарнабаз настаивал на том, что с греками надо сразиться в открытом бою, но Тиссаферн не решался на это, да и не привык к такого рода действиям. Тогда Фарнабаз отправился к царю с жалобами на бездействие Тиссаферна. Однако Артаксеркс не придавал значения этим жалобам, хотя и снабдил Фарнабаза деньгами для снаряжения значительного флота.

В 396 г. Тиссаферн, получив дополнительное войско, возобновил войну. Одновременно Агесилай, армия которого теперь насчитывала более 20 000 человек, послал на Геллеспонт для военных действий Лисандра, который привлек на сторону Спарты могущественного перса Спитридата, подчиненного Фарнабаза, вместе с 200 всадниками и находившейся в его распоряжении казной. Он изменил персам, потому что Фарнабаз оставил у себя его дочь в качестве наложницы, нарушив свое обещание жениться на ней, так как надеялся заключить брак с дочерью царя.

Сделав вид, что собирается напасть на Карию, где находилась резиденция Тиссаферна и где последний сосредоточил свои основные силы, Агесилай неожиданно вторгся во Фригию и ограбил там много городов. Весной 395 г., пока главные силы Тиссаферна были в Кари, Агесилай напал на персидскую конницу близ Сард и разгромил ее. Эти неожиданные набеги причинили большой ущерб персам. В частности, парадис и имения Тиссаферна в Лидии были разорены. Через несколько дней прибыла персидская конница и истребила немало греков, занятых грабежами. Персы не придавали большого значения своим неудачам, считая войну в Малой Азии лишь одной из многочисленных пограничных войн.

По совету Конона персы решили искать победу на море, а не на суше. Он очистил некоторые города Малой Азии от спартанских гарнизонов. Однако Конону удалось снарядить только 40 кораблей, так как львиная доля денег, отпущенных царем на снаряжение флота, попала в карманы персидских чиновников. В начале 396 г. Конон направился к южным границам Кари. Увеличив там свой флот в два раза, он напал на Родос и вынудил лакедемонян покинуть остров. Затем Конону удалось захватить большой транспорт с зерном, посланный египетским фараоном в Спарту. У Родоса на помощь Конону прибыло 80 финикийских и киликийских кораблей. Однако он не получал больше денег для ведения войны, а его просьбы об этом, обращенные к Тиссаферну, оставались без ответа. Если верить Корнелию Непоту (Соп., 2—3), Конон лично отправился к царю с жалобой на Тиссаферна, и Парисатида охотно выслушала его обвинения против главного врага своего погибшего сына Кира. Конон не стал добиваться личной аудиенции у царя, чтобы избежать земного поклона (за что впоследствии афиняне могли преследовать его), и довел свою жалобу до Артаксеркса через хилярха Тифравста. Получив полномочия для ведения войны на море и много денег, в начале 394 г. Конон вернулся к своему флоту.

Парисатида теперь приступила к осуществлению своего заветного желания расправиться с Тиссаферном и всячески настраивала Артаксеркса против него. Царь решил, что Тиссаферн вел двойную игру с целью предать персидские интересы Спарте и в 395 г. приговорил к смерти этого выдающегося полководца и дипломата, человека с широким кругозором и достойного партнера своих эллинских противников. Осуществление казни было поручено Тифравсту. Ему царь дал два письма. Одно из них было

адресовано самому Тиссаферну, в нем царь писал, что предоставляет на его усмотрение, как вести войну со Спартой. В другом письме, адресованном Ариейю, бывшему другу Кира Младшего, содержалось предписание помочь в осуществлении казни Тиссаферна. Арией в это время находился во Фригии, в городе Колоссы. Получив письмо царя, он пригласил к себе Тиссаферна под предлогом необходимости обсудить важные дела. Тиссаферн прибыл с тридцатью греческими телохранителями, оставив свое войско в Сардах. Во дворце Ариейя он начал раздеваться, чтобы принять ванну. Когда Тиссаферн снял акинак, Арией с помощью своих людей схватил его, бросил в закрытую повозку, которая была обшита со всех сторон, и отправил к Тифравсту, в город Келены во Фригии. Там Тифравст отрубил голову осужденному и отправил ее царю, который, в свою очередь, преподнес ее Парисатиде. До нашего времени сохранились серебряные монеты с выразительным портретом Тиссаферна, который изображен в персидской тиаре. На некоторых из них помещен символ афинского государства — сова и легенда на греческом языке — «царь». Эти монеты чеканились по распоряжению Тиссаферна для выплаты греческим наемникам [о недавней находке таких монет см. 361, с. 28; о Тиссаферне см. 406а].

Арией в награду за свою услугу получил в управление Карию, а Тифравст занял место Тиссаферна. Когда Конон сказал Тифравсту, что для ведения войны не хватает денег, последний дал ему из имущества Тиссаферна 200 талантов серебра. Однако в отличие от своего предшественника Тифравст мало что смыслил в военном деле и дипломатии, да никто и не предполагал наличия у него таких способностей. Он заявил Агесилаю, что признает политическую автономию греческих городов Малой Азии, если они будут платить подати, включая и недоимки за прошлые годы. Кроме того, Тифравст добавил, что Агесилай со своим войском может вернуться на родину, поскольку виновник несчастий эллинов и персов Тиссаферн наказан. Агесилай в ответ сказал, что эти вопросы могут решить только спартанские власти. Тогда Тифравст передал Агесилаю тридцать талантов серебра на «путевые расходы» и попросил его в ожидании ответа из Спарты перейти во владения Фарнабаза, чтобы именно там заниматься грабежами. Агесилай согласился заключить перемирие на шесть месяцев и принял предложенные деньги.

Осенью 395 г. Агесилай оставил в покое владения Тифравста и начал опустошать области Фарнабаза. К лакедемонянам присоединился и князь Пафлагонии Отис, который отложился от персидского царя, а также беглый перс Спитридат. Коалицию эту готов был поддержать и Арией, стремившийся к независимости. Решено было общими усилиями вести войну против Персии. Агесилай на зиму остановился в Даскилее, столице сатрапии Фарнабаза, и грабил его парадисы и имения.

Вскоре по просьбе Фарнабаза Агесилай встретился с ним для переговоров. Противники пожали друг другу руки и, согласно

этикету, первым как старший стал говорить Фарнабаз. Напомнив, что в прошлом он много помогал Спарте, Фарнабаз стал жаловаться на разграбление лакедемонским войском его дворцов, а также на вырубку красивых парков, полных деревьев и диких зверей. Агесилай ответил, что он воюет с персидским царем и именно этим продиктованы его действия, а отнюдь не враждой к Фарнабазу. Кроме того, он предложил последнему вступить в союз со Спартой. На это Фарнабаз сказал, что станет союзником лакедемонян, если царь назначит командующим персидскими войсками в Малой Азии не его, а другого человека, но если эта должность будет пожалована ему, то он сохранит верность Артаксерксу. Профессиональный наемник Агесилай с полным пониманием отнесся к такому поведению своего партнера и одобрил его разумное решение. Кроме того, он, со своей стороны, обещал, что без крайней нужды не будет грабить его области. После этого Агесилай и сын Фарнабаза заключили союз гостеприимства, который пригодился этому персу впоследствии, когда ему пришлось бежать в Пелопоннес. Хотя лакедемоняне и удалились из владений Фарнабаза, тем не менее он по совету Конона стал посылать золото для подкупа греческих политических деятелей, чтобы они натравливали свои государства на Спарту.

Вскоре произошел разрыв между лакедемонянами и Спитридатом, которого его союзники лишили доли в военной добыче. Спитридат со своей свитой направился в Сарды для переговоров с Ариейем относительно перехода на сторону царя.

Пока Спарта вела наступательную войну против Персии, жестокая и мстительная Парисатида непрестанно занималась дворцовыми интригами. Имя ее (др.-перс. Парушиятиш) дословно значит «(доставляющая) много блаженства», но в действительности всем она приносила лишь несчастья и беды. Статира, жена царя, и Парисатида ненавидели друг друга, и каждая из них искала случая, чтобы расправиться со своим врагом. Им приходилось регулярно встречаться, поскольку царь обычно обедал вместе с матерью и женой, притом первая за трапезой сидела выше царя, а супруга — ниже. Правда, в этот давно заведенный порядок Артаксеркс внес изменения и стал приглашать на обед и младших братьев. Статира тоже нарушала дворцовый этикет, стала появляться при народе в открытой повозке и позволяла людям подходить и приветствовать себя. Парисатида, естественно, пользовалась этим, чтобы дискредитировать царицу, которая согласно давно заведенному порядку не должна была появляться на людях. Однако и сама Парисатида, по представлениям тех времен уже очень пожилая женщина, допускала более серьезные нарушения принятых при дворе норм поведения. Например, некий Оронт был обвинен в прелюбодеянии с нею и по приказу царя предан казни.

Боясь отравления, Статира и Парисатида, когда им приходилось быть вместе, ели одни и те же блюда и с одних и тех же тарелок. Но с помощью одной своей рабыни Парисатида проявила исключительную изобретательность. Она разрезала поданную

к обеду птицу ножом, который лишь с одной стороны был обмазан ядом, а затем половину съела сама, отравленную же часть отдала Статире. Царица вскоре умерла в страшных муках. Против отравителей у персов существовал закон, согласно которому голову преступника клали на плоский камень и давили другим камнем до тех пор, пока череп не расплющится. Но матери царя такое наказание не грозило. Артаксеркс велел ей удалиться в Вавилон и заявил, что, пока она жива, он сам не поедет туда.

Но через некоторое время Парисатиде удалось вернуться в Персию, и она стала во всем угождать Артаксерксу и потакать всем его желаниям, чтобы восстановить свое утраченное влияние на него. В это время Артаксеркс был влюблен в свою дочь Атоссу, и Парисатида уговорила его жениться на ней. Правда, такой брак противоречил законам, но Парисатида сказала, что царь — сам закон для персов и единственный судья того, что хорошо и что плохо. Плутарх со ссылкой на Гераклида Кумского утверждает, что Артаксеркс женился и на второй своей дочери — Амстриде.

Окружение царя, занятое интригами, уделяло мало внимания войне в Малой Азии, и персы терпели там одну неудачу за другой. Это побудило Тифравста стать на испытанный путь дипломатии подкупа. Он послал в Грецию родосца Тимократа, снабдив его золотом для подкупа видных политических деятелей, чтобы они убедили своих сограждан выступить против Спарты. С помощью персидского золота Коринф, Афины, Аргос и Фивы создали союз против лакедемонян. В 395 г. началась так называемая Коринфская война, и Спарте пришлось одновременно воевать на два фронта — против Персии и коалиции греческих государств. Египет не оказал никакой помощи Спарте, несмотря на то что раньше сам пользовался ее поддержкой. По-видимому, египетский фараон находился под влиянием дружественного к Афинам Эвагора. 10 августа 394 г. объединенный греко-персидский флот из 90 кипрских, родосских и афинских кораблей под командованием Конона и Фарнабаза одержал решительную победу над спартанским флотом, во главе которого стоял Лисандр. Из 85 спартанских триер 45 было потоплено, а 40 вместе с 500 членами экипажа взяты в плен. Во время битвы сам Лисандр погиб. Спарте понадобилось целых десять лет, чтобы оправиться от этого поражения. Все острова на западном побережье Малой Азии отпали от Спарты, а некоторые государства (Эфес, Митилена и др.) добровольно подчинились персам. Таким образом, персы добились крупных успехов и даже стали предпринимать походы против берегов Греции.

В 394 г. спартанскому царю Агесилаю пришлось вернуться на родину. По поводу своего возвращения он сказал: «30 000 персидских лучников ¹²¹ изгнали меня из Малой Азии». По рассказу Плутарха, сумма в 30 000 дариков была распределена по распоряжению Артаксеркса II среди афинских и фиванских политических деятелей, чтобы сколотить блок против Спарты.

Но в июле 394 г. при Коринфе и в августе того же года при Коронее Спарте удалось одержать победы над сухопутными войсками противника. Тем временем лакедемонское войско под начальством Фиброна опустошало царские владения в Малой Азии.

Около 392 г. в Малой Азии произошли важные административные изменения. Господствующее положение сатрапа Лидии было ликвидировано. Сатрапом Ионии был назначен Струф, а Лидии — Автофрадат (до него наместником там был Тирибаз). Одновременно Кария перешла в руки местного династа Гекатомна. В 391 г. персы, которыми руководил Струф, разгромили войско Фиброна, и при этом последний погиб в бою.

В 390 г. Эвагор, царь Саламина на Кипре, который до тех пор признавал свою зависимость от Артаксеркса II и активно помогал переговорам между афинянами и персами, стал действовать как независимый правитель и начал подчинять себе другие города на этом острове. Но жители Сол, Кития и Амафунта, преимущественно финикийцы, не подчинились ему и направили послов к персидскому царю с просьбой о помощи. Артаксеркс велел сатрапу Лидии Автофрадату и правителю Карии Гекатомну снарядить войско и флот, чтобы выступить против Эвагора. Последний, в свою очередь, обратился за помощью к Афинам, которые послали на Кипр своего полководца Хабрия во главе войска и флота. В 389 г. между Эвагором, Афинами и Ахорисом, фараоном Египта, был заключен военный союз, направленный против Персии. Теперь, демонстрируя свою независимость, царь Саламина стал выпускать золотые монеты с легендой «Царь Эвагор». С помощью войска Хабрия ему удалось подчинить себе почти весь Кипр. Персы оказались не в состоянии расправиться с мятежным царем Кипра. Вскоре Гекатомн, который командовал флотом в войне против Эвагора, начал секретно помогать последнему деньгами. Около 388 г. Артаксеркс отозвал Струфа и назначил сатрапом Ионии и Лидии Тирибазом, своего старого доверенного советника и бывшего сатрапа Армении. Фарнабаз также был отозван в Сузы под предлогом женитьбы на дочери царя, а на его место наместником Фригии направили Ариобарзана. В 387 г. Тирибаз заключил Конона в тюрьму, обвинив его в том, что он вовсе не думал о восстановлении персидского господства над греческими городами Малой Азии, а пользовался флотом Артаксеркса для расширения афинских владений. Но Конону удалось бежать на Кипр к Эвагору, где он вскоре умер от болезни.

Военные действия еще продолжались, но персидское золото оказалось сильнее греческого оружия. Спарта, которая тердела поражения от персидского флота, ставшего владыкой в Эгейском море и совершавшего опустошительные набеги в Лаконию, решила вступить в переговоры с Артаксерксом. К поискам мира Спарту побуждало и опасение, что Афины могут стать чрезмерно могущественной державой. Со своей стороны, Персия нуждалась в свободе действия, чтобы обуздать Эвагора и вернуть Египет в состав

державы. Поэтому Тирибаз тайно снабдил лакедемонян деньгами, чтобы они вышли из войны. Кроме того, Персия потребовала, чтобы Коринфская коалиция прекратила военные действия против Спарты. Однако афиняне не желали мира, боясь лишиться подвластных им островов Эгейского моря. Фиванцы тоже опасались переговоров о мире, чтобы не лишиться своих владений в Беотии.

В 387 г. в Сарды к сатрапу Лидии и военачальнику Тирибазу для заключения мирного договора прибыло спартанское посольство во главе с Анталкидом [об этом и других греческих посольствах в Персию см. 229, с. 94 и сл.]. Туда же явились и послы других эллинских государств, в том числе и Афин. Показав печать царя, Тирибаз зачитал условия договора, продиктованные Артаксерксом. Афиняне, мечтавшие о возврате былого господства на малоазийском побережье, отвергали персидские условия, и поэтому переговоры затягивались. Однако Афины не могли противостоять коалиции Персии и Спарты, а тем временем видные афинские политические деятели набивали себе карманы персидским золотом.

В 386 г. в Сузах был заключен и санкционирован всеми греческими государствами договор, получивший название «Царский», или «Анталкидов мир». По существу, это был не договор, заключенный равноправными сторонами, а указ, продиктованный персидским царем Анталкиду и другим греческим послам [текст договора см. 347, с. 114; ср. 414]. Согласно этому уничижительному для греков договору, выдержки из которого сохранились в «Греческой истории» (V, 1, 31) Ксенофонта, персам вновь удалось добиться господства над восточным побережьем Эгейского моря и восстановить свой контроль над давно потерянными городами Малой Азии, которые теперь были объявлены подвластными персидскому царю. Кипр тоже должен был отойти под власть персов. Остальным греческим городам и областям царь предоставил самоуправление, кроме островов Лемнос, Имброс и Скирос, которые остались в руках афинян. Все греческие государства обязаны были соблюдать этот договор, а нарушителей его ждала всеобщая война как со стороны царя, так и всех эллинов. Анталкидов мир запрещал также какие-либо объединения греческих государств. Исключение было сделано лишь для Спарты и ее союзников, которые стали покорны персам и, предав греческие города Малой Азии, стремились такой ценой обеспечить себе гегемонию в Греции. Поэтому неудивительно, что Артаксеркс больше всех эллинских послов обладал спартанца Анталкида, которому во время одного из пиршеств он передал венок, сняв его со своей головы и окунув в благовония. Впоследствии афиняне, недовольные условиями договора, казнили своего алчного посла Тимагора, который принял от царя золото, серебро, драгоценное ложе и даже 80 коров с пастухами под тем предлогом, что он страдал какой-то болезнью и поэтому постоянно нуждался в свежем коровьем молоке. Только одним носильщикам, которые доставили Тимагора к берегу моря, было уплачено из царской казны четыре

таланта серебра. Кроме того, другой афинянин обвинил Тимагора в том, что тот во время пребывания в Сузах не хотел находиться в одной палатке с ним и часто в своих выступлениях поддерживал мнение фиванских послов. Лишь фиванский посол Пелопид отклонил ценные подарки от царя, кроме тех, которые были знаками благосклонного отношения. Однако по его просьбе Артаксеркс объявил фиванцев старинными друзьями царя, поскольку во время похода Ксеркса на Грецию они выступили на стороне персов.

Таким образом, Артаксеркс II с помощью золота одержал над греками победу, которой до него Дарий I и Ксеркс не смогли добиться силой оружия. Еще в 411 г. афинский драматург Аристофан (*Lysistr.* 1133—1134) восклицал, что у всех эллинов один общий враг — Персия. После провала мятежа Кира Младшего эту же идею проповедовал и Ксенофонт. Но персидским дипломатам удалось разобщить греков и бескровно победить их.

Однако греческие государства были недовольны Спартой, ревностной сторонницей Анталкидова мира. Вскоре в Фивах произошел демократический переворот, олигархи были перебиты, и спартанскому гарнизону, размещенному в этом городе, пришлось сдаться. Вокруг Фив в нарушение Анталкидова мира образовалось объединение беотийских городов, которое с 378 г. стало самой влиятельной в Греции политической силой. Этот союз, направленный против Спарты, поддержали и Афины. В том же, 378 г. Афины создали Второй афинский морской союз; Спарта начала терпеть поражения от обеих этих коалиций и утратила свою гегемонию в Элладе. Персидский царь выступил посредником в междоусобной войне греков и в 366 г. отправил в Грецию посольство, чтобы убедить воюющие стороны заключить между собою всеобщий мир. Так окончилась Беотийская война, которая длилась пять лет.

Воспользовавшись миром с греками, Артаксеркс II сделал попытку усмирить племя кадусиев в Мидийской сатрапии, у Каспийского моря. Но карательная акция оказалась безрезультатной, и царь был рад, что смог вернуться живым из этого похода, потеряв много воинов и почти всех лошадей. Персы не смогли сломить племя, когда-то покоренное Киrom II и отложившееся еще в середине V в. Во время царствования Артаксеркса II независимость приобрели также кардухи, тибарены, колхи и некоторые другие племена.

БОРЬБА С ЕГИПТОМ И ВЕЛИКОЕ ВОССТАНИЕ САТРАПОВ

Анталкидов мир открыл персам возможность попытаться вернуть под свое господство Египет, отпавший еще в самом конце V в. В 400 г. Тамос, египтянин из Мемфиса, который при Кире Младшем был заместителем наместника Ионии (некоторые античные авторы называют его гипархом этой области), после его гибели сохранил верность своему другу и бежал вместе с сыновьями (кроме Глоса, ставшего позднее одним из военачальников

персидского царя), флотом и казной в Египет, к Амиртею, чтобы просить у него убежища от мести Тиссаферна¹²². Однако Амиртей велел казнить всех беглецов и захватил их имущество. Но в следующем году он сам лишился престола (возможно, был убит). В одном арамейском письме от 1 октября 399 г. сообщается важная политическая весть о свержении Амиртея и приходе к власти нового правителя [Kraeling, 13]. По Манефону, Амиртей был единственным царем XXVIII династии и правил шесть лет — с 404 по 399 г. Демотическая хроника сообщает о нем следующее: «Первым правителем, который выступил после чужеземцев-мидийцев, был фараон Амиртей. . . Его сын не наследовал ему» [DC; ср. 292, с. 297 и сл.]. Теперь престол захватил основатель XXIX династии Неферит I из города Мендес в Средней Дельте [о египетских источниках о нем см. 169, с. 161 и сл.]. В 395 г. он послал сильное подкрепление спартанскому флоту, собравшемуся у Родоса, но эти корабли попали в руки афинян, которые тогда находились в состоянии войны со Спартой. При Неферите I, по-видимому, пришел конец иудейской военной колонии на Элефантине.

В 393 г. фараоном стал Ахорис, сын Неферита I. Он царствовал до 382 г. и вел активную политику в бассейне Средиземного моря, вступив в антиперсидскую коалицию совместно с афинянами, Эвагором, городом Барка в Ливии, а также с мятежным племенем писидийцев в Малой Азии и арабами Палестины. Одновременно он начал превращать Египет в морскую державу и укрепил свою армию греческими наемниками. От времени его царствования сохранилось много памятников, свидетельствующих о хозяйственном развитии и строительных работах. Однако Египет уже не смог достичь экономического уровня, который существовал при Амасисе, т. е. до захвата страны персами. Хотя при Дарии I в Египте наблюдался значительный экономический расцвет, при последующих Ахеменидах страна пришла в запустение из-за постоянной утечки в Персию в качестве подати серебра, игравшего роль денег. Постоянные войны и смуты также отрицательно сказывались на экономике.

Персы решили нанести удар одновременно по Египту и его основному союзнику Кипру. Тирибаз выступил с флотом против Эвагора, а Фарнабаз, Аброком и Тифравст около 385—383 гг. предприняли военные действия против Ахориса. Однако попытка покорить Египет оказалась обреченной на неудачу. Наоборот, Ахорис начал расширять свою территорию, поддерживая мятежников против персидского царя в Финикии и Киликии. Он даже установил контроль над Тиром и с помощью флота из 90 триер захватил восточную часть Средиземного моря. Тогда персы сосредоточили основные силы против Эвагора, который был хозяином почти всего Кипра и располагал сильным флотом и сухопутным войском. Кроме щедрой помощи из Египта он получал денежную поддержку и от Гекатомна, который задумал создать в Карии независимое государство.

В 382 г. Тирибаз завершил приготовления к походу против

Кипра, собрав в Киликии сильное сухопутное войско, которым командовал зять царя Оронт. Ядро войска составляли греческие наемники. Кроме того, в распоряжении Тирибаза был флот из 300 ионийских кораблей. Эвагор же имел войско из киприотов и греческих наемников, а также получил от Ахориса зерно, деньги и 60 военных кораблей. Всего у него было 200 триер. Наемники, служившие в персидском войске, не получая долго жалованья, стали выражать недовольство, но командиру флота Глосу, сыну египтянина Тамоса, ставшему к тому времени зятем Тирибаза, удалось восстановить порядок. В 381 г. у города Кития произошла морская битва. Хотя в начале инициатива была на стороне Эвагора, персы благодаря своему численному превосходству одержали победу. Эвагору пришлось отступить к Саламину и укрепиться там. Затем он лично отправился в Египет, чтобы просить Ахориса о помощи. Но последний смог дать лишь сравнительно небольшую сумму денег. Тем временем Тирибаз получал от царя новые пополнения войском. Эвагору пришлось обратиться к Тирибазу с предложением, что он начнет платить подать персидскому царю и откажется от своих завоеваний. Тирибаз готов был согласиться на это при условии, что тот будет покорен царю, как слуга господину. Но Эвагор соглашался подчиняться Артаксерксу II лишь как царь царю, поэтому война продолжалась, хотя исход ее казался ясным.

Однако вскоре произошли важные события. Оронт пожаловался Артаксерксу, что Тирибаз ведет войну вяло и собирается отложиться. Артаксеркс распорядился арестовать Тирибаза и доставить его в Сузы. Это значительно ухудшило положение персов. Глос, тесть которого был отрешен от командования и арестован, теперь замыслил изменить царю и вступил в тайный союз с Египтом и Спартой. Эвагор обратился за помощью к Спарте и стал снабжать Глоса сведениями, которые позволили скомпрометировать Оронта перед персидским царем. Напуганный этим шантажом, Оронт в 380 г. заключил с Эвагором договор, согласно которому последний обязался платить подать, но не в качестве слуги Артаксеркса, а как подвластный ему царь. Артаксеркс считал, что война, на которую было израсходовано 15 000 талантов, не достигла своей цели, Оронт впал в немилость, а Тирибаз был освобожден из-под ареста. Вскоре Эвагор умер, передав власть одному из своих сыновей. Глос, который вступил в союз с Ахорисом, был убит, и тем самым была устранена опасность его мятежа.

Сыну Ахориса Псаммуту не удалось удержаться на троне. Неферит II, ставший фараоном, правил всего несколько месяцев и был лишен власти Нектанебом I из Себеннита в Дельте (380—363 гг.), основателем XXX династии. В этот период политическая инициатива всегда исходила из районов Дельты, что отчасти объясняется большими возможностями связаться оттуда со странами Средиземноморья.

Афинский наварх Хабрий находился в союзнических отношениях еще с фараоном Ахорисом и теперь готов был помогать

Нектанебу. Но в 379 г., когда отношения между Афинами и Персией улучшились, по требованию персов Хабрий был отозван из Египта. Затем афиняне послали своего полководца Ификрата с войском для участия в персидском походе против Египта. В 373 г. значительная персидская армия¹²³, подкреплённая флотом под начальством Фарнабаза, выступила против Египта. Тем временем Нектанеб укрепил все устье Нила и у Пелусия заградил вход в страну каналами и дамбами. Эту оборону нельзя было пробить, но флот Фарнабаза обошел укрепления и высадился у устья Нила. Когда персидская армия вступила в Египет, воины начали грабить страну и ее храмы, устраивать массовую резню населения или продавать его в рабство.

Персы и наемники двинулись к Мемфису. Ификрат советовал Фарнабазу вступить как можно быстрее в Мемфис, поскольку еще не была организована оборона города. Но Фарнабаз не доверял Ификрату и отклонил его совет. Пока персидское командование собирало всю свою армию, египтянам удалось сильно укрепить город Мендес в Дельте. Тем временем в Ниле наступило половодье, после чего персидской армии пришлось отступить из Египта с потерями. В последующие годы попытки персов усмирить Египет были обречены на провал из-за неустойчивого положения в западных провинциях державы, восстаний покоренных народов, мятежей сатрапов в Малой Азии, а также помощи греков египтянам.

При Нектанебе Египет пережил значительный хозяйственный расцвет, от времени его правления сохранилось много памятников искусства, которые свидетельствуют о возврате к старым традициям, существовавшим до захвата страны персами.

В 362 г. к власти в Египте пришел Тахос, сын Нектанеба. В том же году он вступил в союз с Ариобарзаном, сыном Митридата, который в 387 г. заменил Фарнабаза в качестве сатрапа Фригии и позднее отложился от персидского царя. Новый фараон поставил перед собой цель перейти в наступление и захватить Сирию и Палестину, которые готовы были выступить против Артаксеркса II. Для осуществления своих честолюбивых планов Тахос снарядил большой флот и сильную армию и начал искать союзников. Любой враг Персии был естественным союзником Египта¹²⁴, и фараон обратился к Спарте и Афинам с просьбой предоставить наемников. В 361 г. в Египет вместе с гоплитами, нанятыми на выплаченные фараоном деньги, прибыл престарелый, но все еще неугомонный спартанский царь Агесилай, которому теперь было более 80 лет. В том же году на службу к Тахосу поступил и афинянин Хабрий со своими наемниками.

Однако Хабрий и Агесилай без конца спорили друг с другом из-за поста командующего, и Тахос, желая помирить их, сам возглавил ведение войны, назначив спартанского царя командиром наемников, а афинянина — начальником флота. Всего в распоряжении Тахоса было 80 000 египетских воинов, 10 000 афинских наемников и 1000 спартанских гоплитов. Флот состоял из 120 триер, на помощь которым прибыло еще 50 кораблей, посланных

мятежными сатрапами Малой Азии вместе с 500 талантами серебра.

Но вскоре Тахос начал испытывать острый недостаток в деньгах, чтобы платить жалованье огромному числу наемников, которые отказались служить за натуральную плату. Поскольку надо было собрать чрезвычайно большую сумму, в 361 г. Тахос по совету Хабрия провел важные экономические реформы.

Согласно Псевдо-Аристотелю (Оес. II, 25—27; ср.: Polyaeu. III, 5—7), Тахос заявил египетским жрецам, что из-за непомерных расходов военного времени придется закрыть некоторые храмы и распустить большую часть священнослужителей. Напуганные этой угрозой, жрецы передали государству принадлежавшие храмам золото и серебро в качестве ссуды. Тогда фараон заявил, что он может утвердить лишь $\frac{1}{10}$ традиционных государственных поставок храмам, а остальное собирается возместить после победы. Кроме того, в стране все, вплоть до строительства новых домов, было обложено налогами. С урожая, доходов ремесленных мастерских, со всех сделок купли-продажи необходимо было платить государству десятую часть. Население заставили сдать весь запас находившихся у него благородных металлов. Сдавая золото и серебро государству, египтяне надеялись получить за них высокие проценты. Однако фараон выдавал своим подданным лишь натуральный эквивалент внесенных ими денег. Эта технически совершенная реформа предвосхитила птолемеевскую финансовую систему [см. 416, с. 225 и сл.]. Правда, вопреки утверждению Псевдо-Аристотеля не все звенья этой реформы были нововведением Тахоса. Например, по свидетельству одной стелы из Навкратиса, десятипроцентная пошлина на ввоз и десятина с доходов ремесленников существовали еще в 380 г. [см. 248, с. 120]. Во всяком случае, Тахосу удалось реквизировать весь драгоценный металл в Египте, и он начал чеканить деньги для выплаты наемникам [133, с. 78—86 и 165—167; 215, с. 24 и сл.; 298, с. 43—92; см. подробную литературу: 114, с. 392, примеч. 56].

Закончив проведение в жизнь этой реформы, Тахос поручил правление в Египте своему брату и вторгся в Сирию. Но пока фараон вел успешную наступительную войну в Сирии, египтяне восстали против него. Народ был недоволен тяжелыми налогами, а жрецы не хотели мириться с конфискацией части храмового имущества. Когда восстание разгорелось, его возглавил Некта-неб II, племянник Тахоса и один из командиров египетской армии в Сирии, который выступил против своего дяди (360 г.). Тахос просил Агесилая и Хабрия остаться верными ему. Хабрий сохранял верность Тахосу, пока у того были хоть какие-то шансы на победу. Агесилай же сказал, что он послан своим государством на помощь Египту, а не для выступления против этой страны, и добился, чтобы спартанские власти разрешили ему перейти на сторону Некта-неба II. В результате Агесилай со спартанскими гоплитами остался в египетской армии, а Хабрий с афинскими наемниками вернулся на родину. Положение Тахоса стало безнадежным,

и он бежал к персидскому царю в Сузы. Если верить Элиану (Var. V, 1), Тахос умер в Персии от чревоугодия, так как перенял персидскую роскошь, к которой не был привычен.

Тем временем в городе Мендес в Дельте новый узурпатор (источники не приводят его имени) восстал против Нектанеба II и провозгласил себя фараоном. Он послал к Агесилаю гонцов, стремясь привлечь его на свою сторону. Но Агесилай остался верен Нектанебу, боясь прослыть изменником и предателем. Теперь Нектанебу пришлось вернуться из Сирии в Египет. В одном из городов Дельты войска фараона и Агесилая были осаждены узурпатором, который нашел себе много приверженцев. Осаждавшие стали рыть глубокий ров вокруг городских стен, чтобы запереть там верное фараону войско. Но Агесилай и Нектанеб со своими отрядами напали на мятежников, которые, находясь на разных концах незавершенного рва, лишились своего численного превосходства и были разгромлены. После этого Нектанеб вернулся к угодной для жречества политике и отменил реформу Тахоса. Но одновременно с этим ему пришлось отказаться от ведения наступательной войны с Персией.

Таким образом, попытки персов усмирить Египет окончились неудачно. Положение в других провинциях Ахеменидской державы было не намного лучше. В финикийских городах и малоазийских сатрапиях происходили восстания. К этому времени относится опасное для персидского царя возвышение Датама, сына карийца и какой-то скифской женщины. Он отличился в войне против племени кадусиев, затем был назначен начальником телохранителей Артаксеркса II. Около 378 г. ему удалось стать наместником ряда областей Каппадокии и подавить мятеж пафлагонского князя Отиса. Постепенно он превратился в самого влиятельного персидского наместника в Малой Азии. Энергичные действия Датама вызвали одобрение Артаксеркса, который послал в награду своему сатрапу большое войско. Однако возвышение Датама возбудило зависть придворных, которые жаждали повода, чтобы очернить его. Хранитель царской сокровищницы Пандант, будучи другом Датама, предупредил его письмом, что он будет оклеветан придворными, если потерпит поражение в военных действиях, ибо царь привык приписывать победы себе, а неудачи — другим лицам. Датам вел себя осторожно и начал присоединять к своему наместничеству соседние области, главным образом за счет территорий восставших князей. Постепенно ему удалось стать правителем многих стран от Тавра до Черного моря. Весной 373 г. он начал проявлять открытую непокорность царю. Сохранились монеты, выпущенные Датамом в персидском стиле (в частности, на них изображен крылатый диск Ахурамазды).

Перикл из Лимира, ликийской области на востоке Малой Азии, также стал расширять свои владения, оттесняя персидских сатрапов. Династ Кариин Гекатомн (395—377), опираясь на греческие города и наемников, превратил свою сатрапию в наследственное царство, хотя и воздерживался от открытого выступления

против Артаксеркса. Гекатомн выпускал монеты с изображением карийского бога войны. При его сыне Мавсоле (377—353) греческая культура стала широко распространяться в карийских городах. Он хорошо понимал ее значение для развития своего народа и начал переселять сельское население в города, строительство которых шло интенсивно. В результате мероприятий Мавсола карийцы стали ревностными приверженцами эллинской культуры. При Мавсоле столица Карики была перенесена из Миласы в Галикарнас. Из Миласы сохранились декреты «полиса миласцев» (т. е. городского народного собрания), датированные годами правления персидских царей и сатрапства Мавсола. Эти декреты направлены против карийских заговорщиков, злоумышлявших против Мавсола, который назван благодетелем общины. Народное собрание Миласы конфисковало имущество заговорщиков в пользу города. Очевидно, власть Мавсола не была неограниченной [см. 44, с. 16—18]. С Мавсолом связано сооружение в Галикарнасе хорошо известного музея — гробницы карийской династии и одновременно храма, названного по имени этого династа Мавсолеем (отсюда происходит современное слово «мавзолей») и считавшегося в древности одним из чудес света. По своей планировке Мавсолей восходит к знаменитой гробнице Кира в Пасаргадах.

Когда Датам вышел из повиновения персидскому царю, его открыто поддержал в 367 г. сатрап Фригии Ариобарзан. На стороне Датама тайно выступали также Мавсол и некоторые другие наместники в Малой Азии. Лидийский сатрап Автофрадат, который оставался верным Артаксерксу, получив приказание подавить мятеж, вторгся в Каппадокию, но был оттеснен войсками Датама. Ариобарзан и Датам собрали значительную армию и обратились за помощью к Афинам и Спарте. Спартанский царь Агесилай, который в силу привычки уже не мог жить мирной жизнью, отправился в распоряжение Ариобарзана, надеясь на месте собрать наемников на средства мятежного сатрапа. Афиняне послали на помощь Ариобарзану 30 военных кораблей и 8000 наемников во главе с военачальником Тимофеем. Однако последний получил указание не нарушать договора с персидским царем — как будто помощь мятежнику не была нарушением условий Анталкидова мира! Мятеж расширился и охватил даже финикийские города, а верный царю Автофрадат оказался совершенно изолированным и предпочел перейти на сторону врагов Артаксеркса, вместо того чтобы вступить с ними в рискованную битву. К мятежникам перекинулся даже зять Артаксеркса, сатрап Ионии Оронт. Восставшие сатрапы отправили некоего Реомитра за помощью к египетскому фараону Тахосу. Последний послал на помощь мятежникам деньги и корабли. Коалицию врагов персидского царя поддерживали также писидийцы и ликийцы.

Таким образом, вся Малая Азия и некоторые прилегающие области находились в состоянии войны с Персией. Однако цели мятежников были эгоистичны, и каждый из них готов был вступить в переговоры с персидским царем на выгодных для себя

условиях, предав своих союзников. Никто никому не доверял. В 363 г. Оронт, который должен был возглавить войско, предназначенное для вторжения в Сирию, перешел на сторону Артаксеркса и передал ему тех мятежников, которые находились у него. Вслед за Оронтом на сторону царя перешел и Автофрадат. Наконец, в 360 г. Ариобарзан был предан своим сыном Митридатом и казнен. Царским дипломатам удалось также возбудить войско Датама против него самого, и он был убит. Таким образом, в 359 г. с великим восстанием сатрапов было покончено. Лишь один Мавсол в Кarii остался безнаказанным, так как он открыто ни в одном мятеже не участвовал, хотя и не упускал случая расширить свои владения и вынашивал планы стать совершенно независимым государем. Ему, в частности, удалось захватить остров Родос.

В 353 г. Мавсол умер, и власть перешла к его сестре и жене Артемисии. Узнав об этом и с презрением относясь к правлению женщины, родосцы послали флот в Галикарнас, чтобы захватить город внезапным нападением. Но в восточной части городской гавани еще при Мавsole был построен тайный арсенал. Зная о предстоявшем нападении родосцев, Артемисия секретно разместила там свои военные корабли. Когда родосцы высадились в главную гавани и покинули свои корабли, направившись в город, карийские матросы открыли канал, неожиданно выплыли в главную гавань и захватили пустые корабли противника. Затем Артемисия посадила на них карийцев и отправила на Родос. Жители острова беспрепятственно пропустили возвратившийся домой флот, и после этого Родос снова был захвачен карийцами. В честь своей победы Артемисия соорудила на Родосе памятник. Когда впоследствии родосцы восстановили свободу, они не могли разрушить этот памятник, поскольку он был посвящен богам. Поэтому вокруг него была построена высокая стена, чтобы скрыть его от взоров публики.

После кратковременного правления Артемисии (353—350) династами стали сначала второй сын Гекатомна Гидрей (351—343) и дочь Ада (343—341), а затем, с 340 по 335 г., младший сын Гекатомна Пиксодар. Сравнительно недавно был найден его декрет, составленный на греческом, арамейском и ликийском языках. В греческом тексте говорится: «Когда Пиксодар, сын Гекатомна, стал сатрапом Ликии, он назначил Гиерона и Аполлодата архонтами Ликии и Артемиласа наместником Ксанфа». Затем в декрете сообщается о сооружении алтаря богу Кавну. В арамейском варианте трилингвы дана и дата декрета, а именно «месяц сиван 1-го года Артаксеркса». По всей вероятности, здесь имеется в виду Артаксеркс III, и в таком случае декрет относится к 358 г. [см. издание: ST]. Но выше говорилось, что Пиксодар стал династом Кarii в 340 г. Поэтому возникает вопрос: как он еще в 358 г. мог быть сатрапом соседней области Ликии? Издатели текста полагают, что Артаксеркс III, став царем, был недоволен Мавсолом, замешанным в восстании сатрапов, и Пиксодару,

самому младшему из сыновей Гекатомна, с помощью интриг удалось занять место своего старшего брата [см. ST, с. 166; ср. 134а, с. 78]. Такое мнение находится в некотором противоречии с данными других источников. Поэтому Э. Бадриан высказал предположение, что указанный декрет был составлен не в 1-м году Артаксеркса III, а в самом начале правления Арсеса, т. е. в 337 г. [см. 83]. Это хорошо согласуется с традиционной датой правления Пиксодара, но в таком случае надо полагать, что Арсес носил тронное имя Артаксеркса (IV). Например, известно, что Артаксеркса II до вступления на престол называли Арсесом. Однако пока не известен ни один текст, где Арсес носил бы имя Артаксеркса (IV).

К концу царствования Артаксеркса II многие племена, жившие в труднодоступных местах, начиная от Аравии и кончая Средней Азией, уже не повиновались ему и не платили податей. К этому же времени Хорезм, Согдиана и сакские племена из подданных царя стали его союзниками.

При погрязшем в интригах царском дворе трудно было найти людей, которые трезво оценивали сложившуюся политическую обстановку и стремились восстановить порядок в государстве. Правда, Артаксеркс II заявил, что все желающие поговорить с ним о делах могут без всяких опасений делать это. Однако мать царя Парисатида предусмотрительно советовала тем смельчакам, которые хотели откровенно обсудить с царем злободневные дела, пользоваться мягкими выражениями (см.: Plut., Mor. 173 F — 174 A).

КРАТКОВРЕМЕННЫЕ УСПЕХИ

У Артаксеркса II от 366 жен и наложниц было 150 сыновей. Трое из них (Дарий, Ариасп и Ох) были от царицы Статирь. Старший сын Дарий был объявлен наследником престола и получил разрешение носить прямую тиару, что было царской привилегией. Однако правление Артаксеркса II тянулось слишком долго, особенно для Дария, которому уже минуло 50 лет. Он решил ускорить свое восшествие на престол и замышлял заговор против отца. Но из-за предательства одного евнуха заговор был раскрыт, и Дария вместе с его детьми привели к царю. Артаксеркс передал рассмотрение дела царским судьям, велел им записывать все выступления в суде и затем приносить ему. Судьи единодушно вынесли заговорщику смертный приговор. Осужденного повели в соседнюю комнату, куда явился палач с острым ножом, чтобы лишить царевича головы. Судьи, которые находились рядом в другой комнате, требовали исполнения приговора, и дрожавший палач схватил преступника за волосы и обезглавил. По другой версии, которая приведена в биографии Артаксеркса у Плутарха, судебное заседание происходило в присутствии самого царя. Уличенный в заговоре Дарий молил на коленях своего отца о прощении. Но разгневанный Артаксеркс собственноручно убил мечом Дария.

Выйдя из дворца и поклонившись солнцу, он воскликнул, что великий Ормузд (Ахурамазда) наказал замышлявших зло и беззаконие. Все сыновья Дария, кроме одного, также были казнены.

Теперь престол должен был перейти ко второму сыну Артаксеркса — Ариаспу. Но младший сын царя Ох, действуя через евнухов, стал пугать Ариаспа, будто отец подозревает его в соучастии в заговоре и собирается предать мучительной и позорной казни. Доведенный до отчаяния Ариасп покончил жизнь самоубийством. Артаксеркс не любил Оха и, желая лишить его надежды на престол, назначил своим наследником Арсама (Аршаму), побочного сына от одной из наложниц. Но вскоре по наущению Оха Арсам был убит одним персом. Таким образом, Оху удалось устранить всех претендентов на престол, после чего он был объявлен наследником царя.

Наконец в декабре 359 г. Артаксеркс II умер в возрасте 86 лет, из которых 45 он провел на троне. Его гробница в Персеполе является единственным памятником ему в этом городе.

В том же году на престол вступил Ох, который принял тронное имя Артаксеркс (III). По рассказу Элиана (Var. II, 17), когда Ох стал царем, маги по каким-то приметам предсказали, что в период его правления будут обильные урожаи и жестокие казни. Трудно сказать, оправдались ли надежды на урожай, но относительно казней предсказание вполне сбылось. Прежде всего новый царь истребил всех своих ближайших родственников, чтобы предотвратить в будущем всякие заговоры. Лишь в один день было убито 80 его братьев.

Ох был человеком железной воли и крепко держал в своих руках бразды правления. Он энергично взялся за восстановление Ахеменидской державы в ее прежних границах. Вскоре противники Персии поняли, что в политике подул свежий ветер. Началось подавление многочисленных мятежей и восстаний в Малой Азии, Сирии и в других странах. Племя кадусиев, некогда входившее в состав державы, а теперь совершавшее набеги на подвластные персам территории, было приведено к покорности. Если верить Юстину (X, 3), перед битвой в единоборстве с вождем кадусиев отличился Арсам Кодоман (будущий царь Дарий III), которому в награду было пожаловано сатрапство в Армении.

В 356 г. Артаксеркс III велел наместникам в Малой Азии, которые давно вели себя как самостоятельные правители, распустить наемные войска. Этому приказу подчинились все, кроме Артабаза, который был сатрапом Фригии и командующим персидскими войсками в Малой Азии. Он поднял мятеж, и к нему присоединился наместник Мисии Оронт. С помощью афинских и фиванских наемников восставшие нанесли поражение армии, посланной против них Артаксерксом III. Но в последующих битвах они сами были разгромлены, и в 352 г. Оронт сдался на милость победителя, а Артабаз бежал к царю Македонии Филиппу. В 345 г. зять Артабаза Ментор добился у Артаксеркса

прощения для него, и он вернулся в Персию и впоследствии принимал участие в войне с македонцами.

В 350 г. персы сделали попытку покорить Египет, который стремился установить свое влияние в Сирии, Палестине и на Кипре. Но египтяне успешно отразили натиск врага.

В 349 г. против Персии восстали финикийские города, которые пользовались поддержкой Египта. Душой восстания был Сидон и его царь Теннес. Волнения начались в городе Триполис (между Арадом и Библом), где находился центр объединения финикийских городов. Кроме сообщений греческих авторов факт существования такого объединения подтверждается и находками монет [см. литературу: 114, с. 197, примеч. 132]. В Триполисе на расстоянии одной стадии друг от друга были расположены кварталы арадцев, сидонцев и жителей из Тира, и там эти финикийские города устраивали общие заседания, чтобы принять согласованные решения. Персидские чиновники, находившиеся в сидонском квартале, обращались к сидонцам высокомерно, и последние решили добиться свободы. Восставшие разрушили прекрасный царский парадис, расположенный близ Сидона, срубили деревья, сожгли запасы корма, предназначенного для персидской конницы, и убили царских чиновников. Сидонцы построили много триер, заготовили оружие и продовольствие и собрали ополчение, а также войско из наемников. Кроме того, они направили послов в Египет, чтобы просить помощи. В 346 г. фараон Нектанеб II послал в распоряжение Сидона 4000 греческих наемников под руководством Ментора с Родоса. Царю Сидона Теннесу удалось нанести поражение двум персидским армиям, которыми командовали сатрап Заречья Велесий и наместник Киликии Мазей. Восставшие перенесли военные действия на территорию противника. Мятеж распространился на Киликию, Иудею и Кипр. Девять кипрских городов во главе со своими царями объединились между собой и с финикийцами, чтобы дать отпор персам.

При таких обстоятельствах Артаксеркс III решил принять командование на себя. В 345 г. он собрал большую армию и флот и выступил против Сидона. Согласно Диодору (XVI, 43—51), персидская армия насчитывала 300 000 человек, в том числе 30 000 всадников, а флот состоял из 300 боевых и 500 грузовых кораблей.

Сидонцы сражались мужественно. Но Теннес, узнав, насколько многочисленна вражеская армия, решил предать подданных, чтобы спасти свою жизнь. Когда персы собирались осадить Сидон, окруженный тройными высокими стенами и рвом, Теннес послал в лагерь Артаксеркса одного верного слугу и через него выразил свою готовность пожертвовать городом вместе с его населением и принять участие в походе против Египта. Персидский царь согласился с этим предложением и обещал Теннесу щедрую награду. Последний посвятил в свои предательские планы и Ментора, передав ему якобы для охраны важную часть города. Сам Теннес вместе с 500 воинами и 100 видными жителями Сидона выступил из города, заявив, что направляется в Триполис

для консультации с представителями других финикийских городов. Но за городскими стенами Теннес сбросил маску и вероломно предал персам своих спутников, которые по распоряжению Артаксеркса были казнены. Наемники Ментора впустили в Сидон персидское войско без сопротивления. Жители города, которые сожгли свои суда, чтобы никто не мог бежать, бросив остальных граждан, подверглись безжалостной резне. Артаксеркс решил сурово наказать Сидон, чтобы морально сломить другие финикийские города. Многие сидонцы сами сожгли свои дома вместе с собою, детьми и женами. Оставшихся персидские воины бросали в огонь с городских стен. По Диодору, погибло более 40 000 человек. Артаксеркс даже продал пожарище, в котором находилось много золота и серебра, расплавившихся от огня. Царь Теннес, в котором Артаксеркс больше не нуждался, также был казнен. Ментор вместе с греческими наемниками, находившимися раньше у египетского фараона и затем у сидонского царя, поступил на службу к Артаксерксу. Уцелевшая часть населения Сидона была обращена в рабство и уведена в Вавилон и Сузы, о чем свидетельствует следующий документ, составленный в Вавилоне в октябре 345 г.: «В 14-м году Умакуша¹²⁵, которого называют Артаксерксом, в месяце ташриту, пленники, которых царь захватил из Сидона, [были доставлены] в Вавилон и Сузы. На 13-й день того же месяца несколько (отрядов) войска вступило в Вавилон. На 16-й день... женщины, пленницы из Сидона, которых царь послал в Вавилон, вступили во дворец царя» [АВС, с. 114].

В 344 г. остальные финикийские города также прекратили сопротивление. Теперь Финикия была объединена в одну сатрапию с Киликией, и наместником туда был назначен Мазей. Иудеи, которые восстали вслед за Сидоном, были подвергнуты наказанию, и часть их переселена в Гирканию у Каспийского моря, где они находились еще во времена Орозия, в V в. н. э. [см. источники и литературу: 185, с. 352; 248, с. 102]. В 344 г. восстание городов Кипра также было подавлено, кроме мятежа Пнитагора, царя Саламина, который сдался в начале 343 г. и сумел сохранить за собой престол.

Теперь настала очередь расправиться и с Египтом. В конце 344 г. в Элладе появились послы Артаксеркса III, требуя участия греческих государств в походе против Египта. Афины и Спарта обошлись с послами вежливо, обещали сохранить дружбу с персами, но отказались от союза и не послали свои войска в Египет. Но Фивы выставили 1000 гоплитов, Аргос — 3000. Кроме того, греки Малой Азии выделили 6000 воинов. Зимой 343 г. Артаксеркс направился в Египет. Навстречу персидской армии выступил фараон Нектанеб II во главе войска, в котором насчитывалось 60 000 египтян, 20 000 греческих наемников и столько же ливийцев, не говоря о сильном флоте.

Когда персидская армия дошла до пограничного города Пелусия, подготовка египтян к войне подходила к концу, и фараон был уверен в неприступности своей обороны. Однако план еги-

петских укреплений Пелусия был выдан персам Ментором, который прежде служил фараону, а теперь командовал греческими наемниками персидского царя. Артаксеркс разделил свою армию на три части, поручив командование ими грекам, но приставив к каждому из них перса. Фиванский отряд, часть персидской пехоты и конницы были поставлены под начальство грека Лакрата и сатрапа Ионии и Лидии Расака. Воинами из Аргоса и 5000 отборных персов командовали грек Никострат и перс Аристазан. В их распоряжении было еще 80 кораблей. Третью группу составляли наемники Ментора, персидское войско под начальством Багоря и флот. Отряды Лакрата и Расака штурмовали Пелусий, отведя течение рва в другое место и соорудив насыпи, с которых обстреливали город осадными машинами. Египтяне быстро заделали бревнами бреши в стенах и отбили все атаки. Но затем пришла весть, что персидское войско находится в тылу египтян, в Дельте. Нектанеб вернулся в Мемфис, и после нескольких дней ожесточенных боев Пелусий пришлось сдать. Во время этих боев погибло 5000 египтян. Такое же число греческих наемников, оборонявших Пелусий, сложило оружие, получив гарантию свободного возвращения в Грецию вместе со своим имуществом. Артаксеркс уполномочил Багоря принять капитуляцию этого города-крепости.

Персы начали захват городов Дельты. Затем возникли разногласия между египтянами и их греческими наемниками. Военачальники Нектанеба советовали ему дать решающий бой персам, немедленно напад на них. Однако фараон не отважился на такой шаг, и персидское командование, воспользовавшись передышкой, сумело провести свой флот вверх по течению Нила, и теперь персы оказались в тылу египетского войска. Последнему пришлось отступить к Мемфису. Ментор овладел Бубастисом и другими городами, распустив слух, что те, кто перейдет на сторону персов, получат пощаду, а города, взятые силой, подвергнутся разрушению. Ментор отпустил пленников, чтобы эти слухи распространились по всей стране, и жители стремились опередить друг друга в сдаче своих городов. Вскоре все греческие наемники, служившие фараону, перешли на сторону Артаксеркса III. В 342 г. персы захватили Мемфис и весь Египет, а Нектанеб II собрал свои сокровища и бежал в Нубию, где он оставался независимым правителем до 341 г., о чем свидетельствуют его надписи, найденные в Эдфу [см. 120, т. III, с. 549].

За свое восстание египтяне были сурово наказаны, города и храмы разграблены, стены важнейших городов срыты, страна опустошена. Как полагают некоторые исследователи, именно к этому времени относятся слова Демотической хроники о том, что в египетских домах не осталось людей, чтобы жить в них, а сами эти дома были захвачены «мидийцами», т. е. персами. В этом источнике, составленном по схеме оракула, пророк возвещает катастрофу для египтян и захват их страны чужеземцами. Согласно Хронике, после Тахоса будет править еще один местный

фараон, а затем в Египет вторгнутся чужеземцы, и земля наполнится плачем [ДС, с. 14 и сл.; см. также 248, с. 107; 292, с. 298 и сл.; 188, с. 46].

Если верить Плутарху (*De Is.*, II, 6) и Элиану (*Var.* VI, 8), Артаксеркс III не только разграбил египетские храмы, но также убил аписа, расчленив его на части, и посадил на его место осла (по другой версии, сохранившейся у Динона, персидский царь велел изжарить аписа и вместе со своими сотрапезниками съел его). Однако эти рассказы анекдотического характера скорее заставляют сомневаться в объективности античных сообщений о погромах в египетских святилищах.

Таким образом, через 60 лет после приобретения независимости, в 342 г., Египет снова стал персидской сатрапией, и тем самым началось «Второе персидское господство» в этой стране, которое продолжалось лишь 10 лет. Артаксеркс III основал XXXI династию фараонов. Покорение Египта было его крупнейшим достижением, и он вернулся в Персию с богатой добычей. Греческие наемники были отпущены домой. Сатрапом Египта царь назначил перса Ферендата. Ментор Родосский, который отличился во время подавления восстания, был награжден титулом верховного командующего персидской армией в западных районах Малой Азии.

Тем не менее положение персов в Египте не было прочным, так как в стране не прекращались волнения и смуты, с которыми Ферендат не мог справиться. Египетский чиновник по имени Петосирис писал около 340 г.: «Я провел семь лет как управитель храма бога Тота, заведую его доходами, и не было обнаружено никакого недостатка, хотя чужеземный царь был в полной власти в Египте. И не было никого, кто был бы на своем прежнем месте, так как битвы шли в центре Египта. Юг был в беспорядке, север — в мятеже. Люди путешествовали в страхе, и не было ничего в храме, что было бы в распоряжении тех, кто заслуживал бы этого. . . Жрецы были слишком далеко и не знали, что происходит. . . (В храме) не делалось никакой работы, так как прибыли чужеземцы и вторглись в Египет» [см. 264, т. I, с. 3—5].

По мнению Э. Брешиани, между концом 338 и 336 г. Египет пережил кратковременный период независимости от Персии под управлением своего царя Хабабаша [см. 114, с. 328]. Античные авторы ничего не сообщают о нем, но он упоминается в довольно значительном числе египетских текстов. Столицей его оставался Мемфис, и в одной надписи он назван «сыном солнца» [см. 296, с. 97 и сл.]. Стела сатрапов свидетельствует о том, что во втором году своего правления Хабабаш инспектировал укрепления в Дельте, чтобы отразить предстоявшее нападение персов. Согласно тому же источнику, Хабабаш велел вернуть храму Буто земли, которые раньше были конфискованы персидским царем. По-видимому, Хабабаш был нубийским князем из Южного Египта, которому на короткое время удалось установить свою власть в этой стране.

При Артаксерксе III Ахеменидская держава в своей значительной части была в последний раз восстановлена, и Персия еще раз показала свою силу и способность отстоять единство огромного государства — правда, с помощью крайне жестоких средств. Если бы не преждевременная смерть Артаксеркса, возможно, Персия смогла бы лучше подготовиться к предстоявшей войне с Македонией. Для этого у персов было достаточно материальных ресурсов и бесчисленные людские резервы. Однако не следует забывать, что единство державы было достигнуто главным образом с помощью греческих наемников, а не персидской армии, которая уже давно утратила свои боевые качества и сильно отстала от греков в тактике и вооружении. Характерно, что Артаксеркс для усмирения Египта не только пользовался греческими наемниками, но даже командирами своего войска назначал эллинских полководцев, а персидские военачальники были лишь приставлены к ним в целях предосторожности. Кроме того, и в период правления этого жестокого деспота не прекращались дворцовые и гаремные интриги, жертвой которых стал и он сам.

В 338 г. был положен конец энергичной деятельности Артаксеркса III, который был отравлен своим личным врачом по наущению придворного евнуха Багой, пользовавшегося наибольшим доверием царя. Его похоронили в Персеполе, куда при жизни он, по всей вероятности, ни разу не приезжал. Насколько известно, единственный крупный архитектурный памятник, сооруженный в период его правления, — ападана, которую он выстроил в Вавилоне [см. 392, с. 40]. Описание многокрасочных украшений этого дворца сохранилось в труде Диодора (II, 7).

В Персии на трон был посажен Арсес, младший сын убитого царя. В одном вавилонском тексте астрономического содержания, обнаруженном в Британском музее, упоминается этот «Арсес, сын Умакуша (т. е. Оха), называемого Артаксерксом» [см. 83, с. 50]. Однако через два года, в июне 336 г., он также оказался жертвой заговора Багой и был убит вместе со всей своей семьей.

Несмотря на столь кратковременное правление, Арсес успел заслужить ненависть подданных. Во всяком случае, в вавилонском пророческом тексте про него сказано (но, как и другие правители, он в этом источнике по имени не назван): «Этот царь будет притеснять страну... Все страны будут доставлять ему подать. Во время его правления у Аккада не будет мирного жилища. Два года [он будет царствовать], евнух убьет этого царя» [BHLT, II, 24—III, 5].

МАКЕДОНСКАЯ УГРОЗА

В 336 г. всемогущий евнух Багой посадил на престол представителя боковой линии ахеменидского рода сатрапа Армении по прозвищу Кодоман (см. примеч. 71). Новый царь, которому исполнилось 45 лет, принял тронное имя Дарий (III). Позднее Багой

попытался отравить и этого своего ставленника, но Дарий заставил его самого осушить чашу с ядом.

В самом начале своего правления Дарий подавил волнения в Египте, и один демотический папирус датирован вторым годом его царствования [см. 169, с. 194]. Согласно птолемеевскому канону, он правил в Египте четыре года, в то время как клинописные тексты говорят о его пятилетнем царствовании в Вавилонии.

К этому времени Карфаген сильно расширил свои владения и превратился в могущественную державу, которая в будущем могла стать соперницей Персии в борьбе за захват Египта.

Пока верхушка персидской знати была занята дворцовыми интригами и переворотами, на политическом горизонте появился новый опасный противник. С середины IV в. до н. э. на Балканском полуострове началось возвышение Македонии, которая стала играть все большую роль в политической жизни Греции.

В 360 г. царем Македонии стал Филипп II, который по местным законам одновременно был верховным командующим, жрецом и судьей. Он объединил всю Македонию и с 349 г. постепенно стал покорять греческие города на Халкидике, а с 342 г. начал завоевания и во Фракии.

Македония была богата всем необходимым для ведения войны и экономического развития: просторными пастбищами и пашнями, прекрасным строительным лесом. Филипп провел военную реформу, создав фалангу в 16 рядов в глубину. Воины задних рядов были вооружены пятиметровой длины копьями (сарисса), чтобы вся фаланга могла принять участие в бою, не нарушая своего строя. По бокам фаланги размещались легковооруженные и маневренные воины. Армия имела на своем вооружении тараны, катапульты и другую осадную технику.

Теперь Македония превратилась в крупнейшее на Балканском полуострове государство. А Греция по-прежнему была разъединена на мелкие автономные государства, которые переживали тяжелый экономический и социальный кризис. Греки, которым было ясно, что Филипп попытается подчинить их себе, давно с тревогой следили за его успехами.

Тем временем в греческих государствах шла упорная борьба между сторонниками и противниками Филиппа. Еще в 341 г. знаменитый афинский оратор, вождь демократической партии Демосфен в своих речах, направленных против Филиппа («филиппики»), призывал всех греков заключить с персами союз, направленный против Македонии, и отстаивать свою свободу. Противник Демосфена из лагеря олигархов Исократ видел, что полисная система не в состоянии объединить Грецию, и поэтому призывал эллинов объединиться с македонцами и выступить в совместный поход против Персии, чтобы вывести на Восток колонии безземельных и бездомных людей. Несколько позднее, когда македонская армия уже одерживала победы над персидской, один из идеологов панэллинского похода против Персии, афинянин Эсхин (III, 132),

восклидал: «Мы не живем обычной жизнью. Мы рождены, чтобы стать чудом для потомства».

Однако большинство греков вслед за Демосфеном не хотели объединения Греции ценой отказа от свободы и считали Персию меньшим злом по сравнению с Македонией. Исократ и его сторонники обвиняли Демосфена в том, что он хотел превратить греков в рабов персидского царя. Но конечно, это было не так, и дряхлеющая Ахеменидская держава не представляла уже больше опасности для греков. Например, в это время Малая Азия состояла из ряда полугреческих монархий, и каждый персидский сатрап готов был провозгласить себя независимым царем. Лишь Финикия поддерживала персидское господство из-за своей торговой конкуренции с греками. Что же касается осуществления мечты македонского царя об объединении Греции, то в действительности это привело бы к ликвидации свободы греческих государств и порабощению эллинов. Поэтому у сторонников сохранения свободы не было другого выхода для отражения македонского нашествия, кроме союза с персидским царем. Враги Демосфена утверждали, что он был подкуплен персидским правительством и принимал от него золото, но это, очевидно, было политической клеветой.

Филипп II и эллинизированная македонская знать претендовали на то, что македонский народ по своему происхождению эллинский и поэтому выступает защитником греческой культуры. Но большинство греков, которым была непонятна македонская речь, не склонны были согласиться с такими претензиями и отказывали македонцам в эллинском происхождении. Споры эти продолжались и в современной науке, пока лингвистические исследования не показали, что македонский язык был одним из диалектов греческого, наиболее близким к фессалийскому, и, развиваясь в течение многих веков изолированно, имел много особенностей и большое число заимствованных чужеземных слов [см. литературу: 94, с. 264].

С 343 г. начала усиливаться напряженность между Македонией и Персией главным образом из-за захвата Филиппом Фракийского Херсонеса. В том же году Аргос, Мессена и некоторые другие пелопоннесские государства заключили союз, направленный против Афин. Македонские цари, которые издавна были гостеприимцами афинян, теперь стали угрожать их независимому существованию. Но в следующем году Ахея и Аркадия вступили в союз с Афинами. Несмотря на политическую и социальную анархию, греки временно оказались в состоянии сопротивляться Филиппу. Однако в отличие от греков Македония располагала прекрасной обученной армией и имела превосходство в коннице. В 338 г. в решающей битве у города Херонея в Беотии Филипп нанес поражение объединенным силам афинян и беотийцев. Это была победа монархии над полисной системой, и Филиппу удалось положить конец греческой независимости. В 337 г. под его руководством в Коринфе был созван общегреческий конгресс, куда все эллинские

государства, кроме Спарты, послали своих представителей. На конгрессе был провозглашен всеобщий мир на Балканском полуострове, объявлены свобода и автономия греческим государствам. Однако это были лишь пустые слова, и эллины в действительности должны были подчиняться Филиппу. В Фивах и Коринфе были размещены македонские гарнизоны. Таким образом, состоялось объединение греков, к чему те вовсе не стремились. Македония стала вершительницей судеб Греции, превратившейся теперь в политическую периферию. Филипп получил титул стратега-автократора и был объявлен главнокомандующим объединенной греческой армией, хотя Македония и не вошла формально в этот панэллинский союз. Было также решено готовиться к походу против Персии. Лишь одна Спарта отказалась признать лидерство Филиппа даже тогда, когда оно было закреплено решением Коринфского конгресса.

В 336 г. Филипп послал в Малую Азию 10 000 македонских воинов под командованием опытного полководца Пармениона. Предлогом для этого похода являлось освобождение греческих городов Малой Азии от персидского господства. Некоторые греческие города восторженно встретили новых завоевателей. Такие города, как Кизик, Эфес, и даже сатрап Карики Пиксодар готовы были к сотрудничеству с Македонией. К тому же в 336 г. неожиданно умер опытный полководец Ментор Родосский, который провел ряд лет на службе у персидского царя.

Но в июле 336 г. Филипп в возрасте 46 лет был убит заговорщиками на свадьбе у дочери. Они были схвачены на месте царской охраны, но осталось невыясненным, было ли это покушение совершено из-за личных счетов заговорщиков, или же за их спиной стояла отвергнутая Филиппом его бывшая жена Олимпиада.

Царем стал сын Филиппа Александр, которому было всего 20 лет. Греки Балканского полуострова готовы были поднять восстание против молодого царя. Ему противостояли не только демократы, но и аристократы многих греческих городов. Враждебное Македонии движение возглавили Фивы. Фиванцы призывали греков с помощью персидского царя уничтожить тиранию македонцев в Элладе. Но Александр захватил Фивы, разрушил их и учинил свирепую расправу над жителями. Македонские солдаты по всему городу волокли детей и девушек, которые жалобно зывали к матерям. Дома были разграблены, укрывшиеся в храмах дети, женщины и старики подверглись варварской резне. Немногие оставшиеся в живых были проданы в рабство. После этого Александр решительными действиями упрочил Коринфский союз. Теперь эллины окончательно утратили независимость, греческие города стали частью монархической державы, и многим политическим противникам Александра пришлось искать спасения у Дария III.

Александр понимал, что для предстоящей войны с Персией требуется большая подготовка, и поэтому отозвал из Малой Азии

армию Пармениона, считая, что Македония еще не готова к такой войне. Тем самым он усыпил бдительность персидского командования.

Таким образом, Персия получила передышку на два года. Однако персидский двор по-прежнему был занят междоусобными интригами, и драгоценное время не было им использовано, чтобы подготовиться к отражению грозившей опасности. Персидские полководцы даже не стремились улучшить свою армию и совершенно игнорировали достижения греков в военном искусстве, особенно в осадном деле. Хотя высшие командиры персидской армии понимали, что македонцы превосходят их в военном деле, тем не менее они не стали реформировать свое войско, состоявшее из разноплеменных ополчений с их традиционным и сильно устаревшим вооружением. Персы ограничились лишь добавлением к своей армии 30 000 греческих наемников, представлявших самую боеспособную часть их армии.

В предстоящей войне персы кроме неисчерпаемых материальных ресурсов и денег превосходили македонцев мощным флотом, обеспечивавшим господство на море. Правда, греческие государства и Македония, вместе взятые, имели не меньше военных кораблей, чем Персия. Однако Александр не мог твердо рассчитывать на помощь греков. Самое сильное на море греческое государство, а именно Афины, вовсе не жаждало воевать на стороне Александра. Да и количество греческих контингентов в армии Александра было невелико, и им опять-таки нельзя было доверять. Зато македонские воины были оснащены лучшим в тогдашнем мире оружием, преданы своему царю и ими руководили опытные полководцы.

ПОХОД АЛЕКСАНДРА

Весной 334 г. македонская армия выступила в поход против Персии под предлогом отмщения за поругание греческих святынь во время нашествия Ксеркса в Грецию. Армия состояла из 30 000 пехотинцев и 5000 конницы. Война официально велась от имени Коринфского союза, и в походе участвовало еще 7000 греческих пехотинцев, 600 фессалийских всадников и несколько сот критских лучников. Ядром армии были тяжеловооруженная македонская пехота и конница. Войско сопровождало 160 боевых кораблей, половину которых предоставили ненадежные греческие союзники.

Поход был тщательно подготовлен. Для штурма городов и крепостей везли осадные машины. В штабе армии шли историки, географы и естествоиспытатели, которые должны были писать историю похода и изучать достопримечательности во вновь завоеванных странах.

Хотя Дарий располагал более многочисленным, чем Александр, войском, по своим боевым качествам оно сильно уступало македонскому (особенно в тяжелой пехоте), и наиболее стойкой

частью персидской армии были греческие наемники под командованием Мемнона, брата умершего к тому времени Ментора Родосского. К началу похода Александра персы сосредоточили в северо-западной части Малой Азии значительные военные силы из Лидии, Фригии и Каппадокии. К ним присоединился и контингент греческих наемников. Начальник последних Мемнон был единственным человеком в персидском стане, кто имел определенный план действий в наступившей войне. Он советовал избегать открытого боя с Александром и отступать, превращая страну в пустыню, чтобы македонцы не могли наступать из-за отсутствия продовольствия для воинов и травы для лошадей. Кроме того, Мемнон предлагал перенести войну на Балканский полуостров и объединиться с врагами Македонии в Греции. Но сатрап Фригии Арсит хвастливо заявил, что он не допустит сожжения хотя бы одного дома у подданных царя¹²⁶. Другие сатрапы также требовали сразу же дать противнику решающий бой. Дарий был уверен в своей полной победе и приказал захватить Александра живым и доставить к нему в Сузы.

Первое столкновение произошло в мае 334 г. при реке Гранике, на берегу Геллеспонта. В этой битве персидская пехота по своей численности значительно уступала македонской. Согласно Арриану (I, 14), при Гранике персы имели 20 000 конницы и почти столько же воинов наемной пехоты. По Диодору (XVII, 19), персидская кавалерия насчитывала 10 000 человек, а пехота — 100 000, что является явным преувеличением. Утверждение Юстина (XI, 6), что в персидском войске было 600 000 человек, вообще лишено всяких оснований. Македонцы, первыми перешедшие на другую сторону реки, были изрублены. Сатрап Лидии и Ионии Спитридат набросился на Александра и копьем ранил его. Исход битвы в основном решила македонская кавалерия. Когда погибло около тысячи персидских всадников, армия Дария покинула поле битвы. Лишь стойкие греческие наемники, занимавшие во главе с Мемноном левое крыло, продолжали сопротивление, неся большие потери. Македонцы окружили наемников, взяли в плен 2000 человек и убили многих. Из персидских военачальников погибли сатрап Спитридат и один из сыновей Дария. Уцелевшие персы вместе с Мемноном и его наемниками бежали в Милет.

Победа при Гранике дала Александру доступ к портам Малой Азии. Чтобы ослабить Персию, Александр решил сначала захватить базы персидского флота на малоазийском побережье, а затем обратиться против Сирии и Финикии. После Граника Александр двинулся к Сардам. Когда он еще не достиг города, навстречу ему вышел комендант крепости в Сардах Митран вместе с самыми знатными людьми, чтобы сдать ему столицу Лидии, окруженную тройной стеной, крепость и сокровищницу царя. После этого вся Лидия и Фригия без сопротивления перешли на сторону Александра. Греческие города Малой Азии также открыли ворота завоевателям. Лишь в Милете и Галикарнасе Александр встретил

сильное сопротивление греческих наемников. Мемнону пришлось оставить врагу Милет. Близ города персы имели сильный флот, и поэтому македонцы уклонились от битвы в море. Галикарнас, столица Кари, отнюдь не жаждал обещанного Александром освобождения и долго сохранял верность персидскому царю. Оборону города возглавлял сам Мемнон, назначенный Дарием наместником Нижней Азии и начальником персидского флота. С помощью осадных машин македонцы стали разрушать городскую стену. Осажденные совершали вылазки и поджигали сооружения для штурма. Когда город стало невозможно оборонять от численно превосходящих македонцев, защитники подожгли его и скрылись в крепости. В Галикарнасе македонцы захватили огромную добычу, а также послов Спарты, Афин и Фив, которые прибыли для переговоров с персидским царем. В греческих городах Малой Азии была восстановлена демократия и, как в других позднее завоеванных областях, сохранены подати в размере, который был устанавлен во время персидского господства.

В Милете Александр дал приказ отослать домой греческий флот, который до сих пор был с ним. Это было решение, которое могло все поставить на карту. Поскольку персы сильно превосходили македонцев боевыми кораблями, Дарий мог направить свой флот в материковую Грецию, чтобы ослабить тыл противника. Этого хотели и сами греки (прежде всего Спарта). Именно такой план действий настойчиво предлагал Мемнон, которому удалось захватить Хиос и большую часть Лесбоса. Однако внезапная смерть Мемнона весной 333 г., при осаде Митилены на Лесбосе, избавила Александра от опасного противника. Персидская армия лишилась единственного своего полководца, который как стратег, возможно, не уступал Александру. Вместо Мемнона командующим был назначен Фарнабаз, сын Артабазы.

После смерти Мемнона в ставке Дария стали обсуждать план дальнейших действий. Афинянин Харидем, служивший персам, советовал Дарию не выступать самому во главе армии, дабы не рисковать царством, а послать флот в Элладу. Харидем убеждал, что войско из 100 000 человек, треть которого составили бы наемники, одержит победу в Греции, и готов был взять на себя командование. Но персидские полководцы стали внушать Дарию, что Харидем хочет предать его. В свою очередь, афинянин тут же, на военном совете, стал упрекать персов в трусости. Оскорбленный Дарий схватил Харидема за пояс. Это был знак, который по персидскому обычаю обрекал провинившегося на казнь. Когда слуги Дария уводили Харидема, он крикнул, что скоро наступит крушение Персидского царства.

По распоряжению Дария персидский флот был отозван из греческих вод, и инициатива окончательно перешла в руки Александра. Его армия продолжала двигаться в глубь страны. Наместник Киликии Аршама следовал тактике, к которой раньше призывал Мемнон, т. е. он отступал, оставляя за собой выжженную землю. Летом 333 г. македонцы захватили Киликию, и теперь в их

руках была вся Малая Азия. Встречая лишь слабое сопротивление, Александр направился в сторону Сирии. Дарий собрал в Вавилоне войско и затем двинулся в Киликию. Он предполагал отрезать македонскую армию и, нанеся поражение Александру в Киликии, повернуть на юг против войска, которым командовал Парменион. Но план этот оказался нереальным, так как Дарий не смог вовремя прибыть в Киликию. Сначала персы шли по широкой равнине, где Дарий мог развернуть всю свою армию и где его конница могла бы свободно действовать. Македонец Аминта, перебежавший от Александра к персидскому царю, советовал ему не покидать эту равнину. А Александра пока не было видно, и льстецы говорили Дарию, что македонский царь боится его и будет растоптан им. Поэтому Дарий направился к теснинам у города Исса, на границе между Киликией и Сирией. В ноябре 333 г. там произошла крупная битва. После перехода македонцев через Аман персидская армия неожиданно оказалась в их тылу. Персы захватили македонский лагерь и истребили найденных там больных и раненых воинов. По распоряжению Дария некоторые пленные были проведены по персидскому лагерю и отпущены, чтобы они своими рассказами о силах противника внушили страх македонцам. Это был весьма опрометчивый шаг, позволивший Александру своевременно подготовиться к битве.

При Иссе войска противников стояли друг против друга. Правое крыло персов и левое крыло македонцев примыкали к морю. По Курцию Руфу (III, 2, 4), в персидской армии насчитывалось 100 000 человек, из которых 30 000 составляли всадники. Кроме того, в битве приняло участие около 30 000 греческих наемников, не считая военных контингентов, присланных покоренными народами. Согласно Арриану (II, 8, 5), всего в армии Дария во время этой битвы было 600 000 человек. Персидское командование отводило решающую роль коннице, которая должна была смять левое крыло противника. Чтобы укрепить свое левое крыло, Александр сосредоточил там всю фессалийскую конницу, а сам с македонской конницей нанес персам решающий удар. Персидский правый фланг был разбит, но одновременно в македонском центре образовалась брешь, в которую вступили греческие наемники Дария, стремясь столкнуть противника в море. Александру пришлось поспешить в центр, чтобы восстановить там порядок. В то же время левое крыло македонцев также оказалось в трудном положении. Но воины Александра успешно наступали на телохранителей Дария. Многие персидские военачальники пали, сгрудившись вокруг колесницы своего царя. Кони в его колеснице, исколотые копьями, отчаянно стремились освободиться от упряжи. Дарий потерял самообладание, сошел с колесницы, бросил знаки царского достоинства, чтобы его не узнали, и, перешагнув через гору трупов воинов, которые пали, защищая его жизнь, вскочил на лошадь и бежал, не дожидаясь исхода битвы. Эта битва еще не была решающей, но она оказалась началом конца, и с этого времени персидская армия стала беспорядочно отступать. Лишь

греческие наемники сохранили порядок и смогли отойти организовано. Персидский лагерь попал в руки македонцев. Знатные персиянки тщетно молили захватчиков о пощаде. Мать, жена, две дочери и малолетний сын Дария были схвачены в палатке, где завоеватели были поражены обилием золотых кувшинов и флаконов для духов. Впрочем, руководствуясь политическими целями, Александр милостиво обошелся с семьей Дария.

После битвы при Иссе проход в Сирию и на финикийское побережье оказался открытым, и Александр не стал преследовать Дария, а продолжал захват новых территорий. Наместник Дамаска предательски выдал Пармениону царские сокровища (2600 талантов). В Дамаске были взяты в плен также три дочери Артаксеркса III, семьи Ментора и Мемнона и много знатных персов. Македонцы завоевали Сирию и финикийские города Арад, Библ и Сидон, где им не было оказано никакого сопротивления. В Сидоне еще хорошо помнили о резне, учиненной Артаксерксом III, и жители города, ненавидя персов, сами пригласили Александра. Теперь персидский флот лишился господствующего положения, а Александр создал свой мощный флот — из финикийских и кипрских кораблей, ранее принадлежавших Дарию.

Однако хорошо укрепленный Тир, самый могущественный из финикийских городов, оказал захватчикам ожесточенное сопротивление: его осада длилась целых семь месяцев, с января по июль 332 г., что расстроило планы Александра о захвате Египта с ходу. Македонская армия показала себя способной справиться с чрезвычайно сложными задачами осадного дела. Город лежал на острове, на расстоянии 800 м от суши, и со всех сторон был окружен высокими стенами. Александр велел соорудить дамбу и с помощью насыпи соединил Тир с материком, а затем блокировал город финикийскими и кипрскими кораблями. После этого жители Тира, не решаясь вступить в морскую битву, закрыли вход в город своими судами. Осажденные отбили несколько штурмов и с помощью специальных механизмов стали бросать на головы македонцев железные щиты с нагретым песком. Но ценою больших потерь осаждавшие захватили город и разрушили его. Из 13 000 пленных Александр казнил 6000 человек. 2000 жителей Тира были пригвождены к столбам вдоль берега моря, а 3000 проданы в рабство.

Пока шла осада Тира, персидское войско во главе с Набарзаном сделало попытку восстановить свое господство в Малой Азии, а сам Дарий собирал свое войско в Вавилонии. Это был трудный период для Александра, так как Набарзан мог отрезать его армию от Македонии, на которую тогда собиралась напасть Спарта. Однако Антигон, назначенный Александром сатрапом Фригии и командиром войска в Малой Азии, сумел разгромить персов и расстроить планы их военачальника [см. 115, с. 53 и сл.].

Теперь Дарий готов был уступить Александру все области к западу от Евфрата, выдать за него замуж свою дочь Статиру, и так находившуюся в плену у македонцев, уплатить 10 000 талан-

тов серебра в качестве выкупа за свою семью и на этих условиях заключить договор о мире. Но Александр потребовал, чтобы Дарий лично явился к нему и признал его царем Азии. Однако на это Дарий не мог согласиться.

Осенью 332 г. Александр направился в Египет. Но по пути туда, в Газе, он встретил ожесточенное сопротивление, и город был взят лишь через два месяца. Около 10 000 персов и местных жителей, защищавших город, было истреблено. Царя Газы Бетиса македонцы пытали на потеху Александру, привязав к колеснице ремнями, продетыми через пятки, и волоча вокруг города. Газа совершенно опустела и впоследствии была заселена окрестными жителями.

Еще в битве при Иссе на стороне Дария сражалось египетское войско под командой египтянина Семнантефнехета из Гераклеополя. В своей надписи, составленной после захвата страны Александром, он сообщает, что спас жизнь персидскому царю, а затем бежал через чужие страны и пересек море, чтобы вернуться в Египет [см. 248, с. 111]. Сатрап Египта Савак пал в битве при Иссе, а македонец Аминта, находившийся на службе у персов, после битвы при Иссе бежал с 8000 воинами в Египет, выдавая себя за посланца Дария, чтобы заменить погибшего сатрапа. Но когда Аминта прибыл в Мемфис, новый наместник страны Мазак убил его.

В конце 332 г. Александр явился в город Пелусий, жители которого радостно приветствовали его. По всей стране египтяне начали собираться, чтобы расправиться с персидскими гарнизонами, и Мазак, в распоряжении которого не было значительного войска, без сопротивления сдал страну. Александр направился в Мемфис, древнюю столицу, где жрецы возложили на его голову двойную корону фараонов Верхнего и Нижнего Египта. В начале 331 г. на западном берегу Нила был заложен город Александрия. Жрец бога Амона приветствовал Александра как сына Амона, и это вызвало восторг новоявленного египетского бога и одновременно энергичные возражения Олимпиады, которая напомнила своему сыну, что родила его не от Амона, а от Филиппа. Египетская легенда считала отцом Александра фараона Нектанеба II, который при Артаксерксе III бежал в Нубию. Таким образом, как некогда при захвате страны Камбизом, египтяне тешили себя легендами об освобождении Египта потомками царя местной династии, так и теперь они считали, что отпрыск древних фараонов наконец принес им свободу от чужеземного господства. Александр принял обычные титулы фараонов, приносил жертвы египетским богам, однако воздержался от каких-либо изменений в персидской налоговой системе. Покорив Малую Азию, Финикию, Сирию и Египет, он из правителя македонцев превратился в царя мировой державы.

Из Египта Александр вернулся в Сирию. По рассказу Курция Руфа (IV, 8, 9—10), когда Александр находился в Египте, жители Самарии убили назначенного македонским царем префекта Сирии Андромаха. Как показали археологические раскопки на террито-

рии древней Самарии, при своем возвращении в Сирию Александр безжалостно расправился с непокорным населением. Узнав о приближении македонцев, жители Самарии бежали, и большая часть их спряталась в пещере пустыни Вади-Далиях. Македонцы выследили их и истребили до единого, включая детей, женщин и стариков [см. 138, с. 48 и сл.].

Тем временем Дарий собирал свои войска у большого селения Гавгамелы¹²⁷, недалеко от Арбелы, в 35 км от современного Мосула. Согласно Арриану (III, 8, 3), на помощь Дарию прибыли среди прочих контингентов индийцы, бактрийцы и согдийцы, которыми командовал сатрап Бактрии Бесс, конные стрелки саков, арейи, парфяне, гирканцы и др. Данные античных авторов о численности армии Дария, собранной у Гавгамел, явно преувеличены. По Арриану (III, 8, 6), она состояла из 40 000 конных всадников, 1 000 000 пехотинцев, 200 колесниц и 15 слонов, в то время как войско Александра насчитывало лишь 7000 всадников и около 40 000 пехоты. Согласно Диодору (XVII, 53, 3), у Дария было около 800 000 пехоты, не менее 200 000 конницы и 200 серпоносных колесниц. Современные исследователи считают, что в этом бою Дарий располагал конным войском около 34 000 человек [см. 279].

До начала битвы Александром были перехвачены письма, в которых Дарий подбивал греков в македонском лагере убить своего царя. Последний собирался огласить эти письма на сходке, но осторожный Парменион отговорил его от этого, боясь, что они могут вызвать соблазн у кого-либо из греков польститься на всемогущее персидское золото.

Перед битвой Дарий заклинал своих воинов отечественными богами, неугасимым огнем, блеском солнца и вечной памятью Кира Великого спасти персидский народ и его собственное царственное имя. Для ободрения своего войска он ехал на высокой колеснице, чтобы все могли видеть его.

1 октября 331 г.¹²⁸ произошла битва при Гавгамелах, которая, по существу, решила судьбу Ахеменидской державы. Центр персидского лагеря занимали греческие наемники, против которых стояла македонская пехота. На левом фланге были 1000 бактрийских всадников, часть персидской пехоты и конницы. Как и в битве при Иссе, персы имели перевес на правом фланге, где были сосредоточены мидийцы, парфяне, саки и другие иранцы. Правым флангом командовал Мазей, бывший сатрап Киликии, который развернул наступление на македонский лагерь. Сначала конница саков смяла ряды противника, затем персы выпустили серпоносные колесницы. Но македонцы обезвредили часть их дротиками, а при приближении остальных расступились. Положение македонцев на этом фланге становилось трудным, и командовавший им Парменион просил Александра срочно прислать подмогу. В это время Александр с македонской кавалерией проник в центр персидского войска и начал поражать копьями телохранителей Дария. Хотя исход битвы еще не был ясен, Дарий малодушно бежал и

направился в Мидию. Тем временем на правом фланге войны Мазея, еще не зная о бегстве царя, продолжали теснить противника. Но постепенно в персидском лагере началась паника, и огромная армия была разгромлена¹²⁹. Согласно античным сообщениям, в этой битве погибло до 30 000 «варваров» и всего 100 македонцев. После битвы при Гавгамелах эллинским городам Греции пришлось расстаться с надеждой на помощь от персов для борьбы с Македонией.

Александр через Арбелу, где в царской сокровищнице нашел 4000 талантов серебра, направился к Вавилону. Сатрап этой страны Мазей, который отличился в битве при Гавгамелах, теперь вышел навстречу Александру и сдал ему Вавилон без сопротивления. Обрадованный тем, что отпала необходимость осады хорошо укрепленного города, Александр сохранил за Мазеем должность сатрапа. Жители Вавилона, стоя на городских стенах, наблюдали за вступлением нового царя в город. Начальник крепости и хранитель царской казны Багофан устал весь путь Александра к центру города цветами и венками. По обоим сторонам дороги стояли серебряные курильницы, в которых возжигали фимиам и другие благовония. В качестве подарков завоевателю пригнали стада овец, табуны лошадей, привезли диких животных в клетках и т. д. Александра встречали также иранские маги, халдейские жрецы, певцы, плясуны и т. д. Он вступил в колеснице во дворец и весь следующий день провел, осматривая казну, доставшуюся ему от Дария. В октябре 331 г. он был признан царем Вавилонии¹³⁰. Александр принес жертвы Мардуку и провел в Вавилоне целый месяц. Перед своим выездом из города он подарил Пармениону дом перса Багоя, в котором только одежды было найдено на 1000 талантов серебра.

Из Вавилонии Александр направился в Элам, пока оставив в покое Дария, бежавшего с бактрийской конницей и 2000 греческих наемников в мидийские горы. За двадцать дней Александр добрался до Суз, которые в феврале 330 г. были сданы ему без боя. Здесь ему досталась громадная добыча — 40 000 талантов серебра и золота в слитках, а также 9000 золотых дариков, составлявшие неприкосновенный запас персидских царей на случай чрезвычайной опасности. Когда Александр направился в Персиду, родину ахеменидских царей, сатрап этой страны Ариобарзан со своим отборным войском оказал энергичное сопротивление. Но один ликийский пастух, попавший когда-то в плен к персам и говоривший на нескольких языках, показал македонцам дорогу в обход войска Ариобарзана, и последнему пришлось отступить в Мидию, где все еще пребывал Дарий. Теперь в руки македонцев попали династийные столицы Персеполь и Пасаргады, где хранились главные сокровища ахеменидских царей. В Персеполе Александр завладел сокровищницей, полной золота и серебра. Всего благородных металлов там было на 120 000 талантов серебра, и для их доставки в Сузы и Вавилон понадобилось 10 000 подвод и 300 верблюдов. При приближении

захватчиков часть населения Персеполя разбежалась, а остальных по личному распоряжению Александра ждала безжалостная резня. Кроме царских дворцов, весь город Александр отдал на разграбление своим воинам. Они набросились на золото, серебро, роскошную утварь и расшитые золотом или выкрашенные в пурпурный цвет одежды. Богатую одежду и дорогие сосуды с высокохудожественной отделкой разрубили мечами на части, и каждый брал свою долю. Как показали археологические раскопки, дворцовые кухни также были разграблены, о чем свидетельствуют многочисленные осколки разбитой посуды. Из-за добычи грабители убивали друг друга. Многие персы, искавшие легкой смерти, успели с женами и детьми броситься с высоких городских стен, а некоторые сожгли себя вместе со своими домами.

В конце мая 330 г. Александр, будучи в состоянии сильного опьянения, направился с горящим факелом во дворец Ксеркса и поджег его. Пожар распространился на весь город, и в огне исчез царский архив документов на коже и папирусе. С македонским штабом путешествовали историки, однако кроме бесконечных попок Александра интересовала лишь история собственных деяний, и о сохранении исторических документов других народов он думал меньше всего.

Относительно цели варварского уничтожения Персеполя еще в древности много спорили, и современные исследователи также не имеют единого мнения по этому вопросу. Клитарх, Диодор, Плутарх и Курций Руф рассказывают, что поджог был инспирирован некоей афинской куртизанской Таидой [ссылки на тексты и современную литературу см. 86, с. 120]. Арриан (III, 18, 11) пишет, что Парменион отговаривал Александра от разрушения города. Александр же ответил ему, что надо наказать персов за их поход на Грецию, который состоялся за 150 лет до этого. Некоторые современные ученые считают, что Александр уничтожил Персеполь из-за идеологической роли этого города, являвшегося религиозной столицей и символизировавшего связь Ахурамазды с персидским царем и его подданными [см. 118, с. 80; 86, с. 128; 38, с. 191 и сл.].

Когда весной 330 г. Александр вступил в Экбатаны, Дария там уже не было. Он со своими приближенными бежал через Раги вдоль южного берега Каспийского моря в Восточный Иран, надеясь собрать там достаточно сил из Бактрии и других среднеазиатских областей, чтобы попытаться изменить ход войны в свою пользу. Вместе с неудачливым царем находилось 30 000 персов и греческих наемников. Но Ахеменидская держава давно уже превратилась в колосс на глиняных ногах, и после битвы при Гавгамелах эффективное сопротивление захватчикам стало невозможным, поскольку западные сатрапии теперь находились в руках Александра. Участь последнего ахеменидского царя Дария, которому было 50 лет, решил сатрап Бактрии Бесс, предательски убив его. Для трусливого правителя огромной державы это была вполне заслуженная кара. В последние дни его жизни

вместе с ним оставалось всего несколько тысяч верных ему персов и греков, которые, однако, оказались не в состоянии помешать убийству своего царя. По распоряжению Александра Дарий был погребен в незаконченной гробнице в Персеполе.

Бесс провозгласил себя царем под именем Артаксеркса (IV) и обосновался в Бактрии, объединив вокруг себя тех, кто был полон решимости дать отпор захватчикам. Но в 329 г. Бактрия была захвачена македонцами, и Бесс попал в плен. По распоряжению Александра ему отрубили нос, кончики ушей и на цепи, без всякой одежды повели на казнь. Бесса привязали к вершинам двух деревьев, пригнув их. После того как деревья отпустили, они выпрямились и разодрали осужденного пополам.

В Средней Азии (особенно в Согдиане) македонская армия встретила сильное сопротивление и смогла укрепиться там только в 327 г., после трех лет непрерывных боев.

Всегда подозрительный, мстительный, доверчивый к наветам и не любивший возражений Александр в Средней Азии стал прибегать к массовым казням и уничтожению целых племен, а его солдаты, по свидетельству Курция Руфа (X, 1, 2—4), насилиями и бесчинствами сделали само имя македонцев ненавистным народам этого региона. Еще в древности некоторые историки (например, Курций Руф) считали жестокость Александра бессмысленной. Однако эта жестокость была рассчитана на то, чтобы парализовать сопротивление целых народов не только в военном, но и в моральном отношении. В Бактрии Александр распорядился разрушить до основания добровольно сдавшийся город, населенный греками, которые были поселены там еще при Ксерксе, и до единого человека истребить беззащитных и безоружных жителей. Они были обвинены в преступлении, которое совершили Бранхиды, их предки, за 150 лет до этого, выдав персам храмовые сокровища близ Милета.

Когда Александр находился в Дрангиане, ему донесли о заговоре, который замыслил его друг Филота, сын Пармениона, оказавшего исключительные услуги македонскому царю. Трудно уверенно сказать, действительно ли имел место заговор, но Александр, твердо решив погубить Филоту, тем не менее пригласил его к себе и говорил с ним дружески. Затем ночью спящий Филота был арестован и закован в цепь. После судебного фарса, приговор которого был давно предрешен, Филоту терзали огнем и бичом. Затем Александр послал к Пармениону убийц с приказанием доставить его голову. Клита, еще одного своего друга, который дважды спас ему жизнь в бою, Александр убил безоружного в ночной темноте только за то, что тот хвалил подвиги Филиппа, его отца, тем самым умаляя деяния самого Александра.

Начиная еще с древности историки высказывают совершенно противоположные мнения об Александре. Многие называют его великим человеком [см., например, 382; 348], но некоторые осуждают его завоевания и считают его самого предшественником Тимура [см. 275]. Поход Александра в Индию, продиктованный

целью достичь «конца света», ряд исследователей рассматривает как бессмысленный [об этом походе см. 151]. Александр умер рано, и мы не знаем, какие социально-экономические и политические порядки он собирался ввести в завоеванных странах. Скорее всего он не имел четких планов относительно этого и сохранял старые ахеменидские институты. Поэтому П. Бриан совершенно справедливо назвал его «последним Ахеменидом» [см. 117, с. 1414]. Самым большим достижением его завоеваний было введение на Востоке греческой полисной организации [см. 100, с. 104]. Однако и в этом отношении нужно отметить, что еще при Ахеменидах на Ближнем Востоке стали возникать некоторые важные институты эллинистического полиса (например, политевма в Вавилонии).

Александр предпринял поход в Среднюю Азию, имея самые фантастические представления о ней. Например, хотя еще Геродот знал, что Гирканское и Каспийское моря — одно и то же, Александр вслед за своим учителем Аристотелем считал их разными морями, Аральское море Александр сначала принял за Азовское. Завоевания македонцев значительно расширили географические представления греков, открыв им доступ в мир, простиравшийся от Эгейского моря до Гиндукуша, от среднеазиатских областей до Нубии. Вслед за воинами Александра в страны Востока проникли греческие мастера и ученые, распространяя там эллинскую культуру.

Александр не мог бы сохранить господство над огромной державой, опираясь лишь на македонцев, и поэтому он стал приближать к себе персов в качестве самых доверенных лиц, телохранителей и чиновников государственного аппарата. Начав свой поход под лозунгом освобождения греков от персидского господства, он постепенно принимал обычаи и порядки ахеменидского двора, вплоть до земного поклона, и требовал от македонцев и греков их соблюдения. Задавшись целью сблизить иранцев и македонцев, Александр женился на дочери Дария, и по его примеру не менее 10 000 македонцев женились на персиянках.

Историка, читающего древние описания походов Александра, не покидает чувство, что персидская армия должна победить: персы сражались храбро, у них было большое число опытных и верных своему долгу греческих наемников, явное превосходство во флоте, неистощимый экономический потенциал. Тем не менее крушение Ахеменидской державы оказалось неизбежным. Измученные постоянными восстаниями и междоусобицами, доведенные до разорения, подданные персидского царя совершенно безучастно следили за ходом войны. От старых правителей они уже не ожидали никакого облегчения налогового бремени и, как это в таких случаях бывает (часто, правда, без всяких оснований), ждали новых завоевателей как своих освободителей. Круг завершил: как некогда вавилонян не спасли в войне против Кира II их неприступные укрепления, так теперь персам не помогли их грозные серпоносные колесницы и боевые слоны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ До сих пор ученые полагали, что столицей Элама во все периоды были Сузы. Но недавно Ф. Валла высказал предположение, что в те периоды, когда эламские области составляли единое государство, столицей последнего был Аншан и Сузы были подчинены ему [395, с. 2 и сл.].

² Этимологии имен Камбиза, Кира и Чишипиша вызвали в науке много споров. Ф. К. Андреас, Г. Хюзинг, А. Гоффманн-Кучке, Р. Фрай и некоторые другие считали эти имена эламскими [233, стб. 318—322; 228, с. 182; 68, с. 123, примеч. 59]. Р. Цадок обратил внимание на то, что в одном долговом документе из Вавилона, датированном 541 г. [VS III, 55], среди свидетелей упомянут некий *Mar-du-ú*, сын *Ku-ur-ra-šú*. Первое имя может быть иранским или эламским, а второе — имя Кира (ср. *Kur-raš* в эламском документе из Суз [MDP, IX, 98]). Исходя из того, что указанный вавилонский документ составлен за два года до захвата Месопотамии персами, Цадок склонен считать *Kurrašu* эламским именем [423, с. 62 и сл.]. Однако в определении языковой принадлежности этого имени следует учесть следующие два момента. Во-первых, еще до завоевания Вавилонии персами в этой стране были лица, носившие иранские имена. Во-вторых, эламиты заимствовали многие иранские имена, и очень вероятно, что к числу последних относилось и имя Кира. В. Эйлерс собрал большой материал, относящийся к имени Кира, но его попытка связать это имя с иранским корнем *kur-* — «слепой» [153] вызвала решительное возражение со стороны В. И. Аббаева. Последний полагает, что имя Кира этимологизируется из иранского и имело значение «дитя», «герой», а имя Чишипиш переводится им как «мощный». Что же касается Камбиза, Аббаев принимает мнение Я. Шарпантье, что это имя связано с названием упоминаемого в индийских источниках восточноиранского племени камбожа, жившего на территории современного Афганистана и говорившего на языке, близком к авестийскому [2, с. 288 и сл.; ср. 155, с. 54; 96, с. 44 и сл.].

³ Т. е. в 550 г., который традиционно считается датой победы Кира над Астиагом. Однако в настоящее время некоторые ученые считают эту дату недоказанной [см. литературу: 147, с. 1, примеч. 2]. По их мнению, нет оснований предполагать, что Вавилонская хроника датировала разгром Мидии в войне с персами шестым годом правления Набонида, поскольку предшествующая часть текста отломана и поэтому неизвестно, к какому году относилось указанное событие. Правда, сразу после интересующей нас части хроника переходит к изложению событий седьмого года Набонида, но в ней освещаются не все годы. Поэтому Р. Дрюс полагает, что, согласно Вавилонской хронике, падение Астиага можно датировать лишь периодом между первым и шестым годами правления Набонида, т. е. 554—549 гг., поскольку все цифры с обозначениями дат до седьмого года упомянутого вавилонского царя в этом источнике отбиты [147, с. 2]. Далее, ссылаясь на Сиппарский цилиндр Набонида, Дрюс склонен отнести победу Кира в войне с мидийцами к 554—553 гг. [147, с. 4]. Судя по этому источнику, в 553 г. войско Астиага действительно было разгромлено персами, но данная победа могла быть лишь одним из эпизодов долгой войны, а не ее завершением. Таким образом, дата разгрома Мидии пока не может считаться окончательно установленной.

⁴ Астиаг, реальное вавилонское произношение — Иштуег.

⁵ Досл. «город царственности».

⁶ Вероятно, кубок ассирийского царя Ашшурбанапала с его надписью, хеттский кубок и много других ценных вещей, найденных в Персеполе, попали из Ниневии в Экбатаны, а оттуда были доставлены в ахеменидские дворцы [ср. 335, т. II, с. 84].

Относительно этого этнического названия, под которым в данном тексте имеются в виду мидийцы, см. подробную литературу и различные интерпретации у Г. Комороци [255].

⁸ Имеется в виду третий год царствования Набонида, т. е. 553 г. В политическом памфлете, направленном против Набонида, также говорится о восстановлении храма Эхульхуль в том же году.

⁹ Т. е. Астиага, а не Мардука, как полагает С. Лэнгдон [NKI, с. 221] и вслед за ним и многие другие исследователи, поскольку в таком случае в прямой речи было бы сказано «мой», а не «его» [ср. CAD, §, с. 182; 166, с. 13].

¹⁰ Н. Дибвойз полагает, что Парфия была завоевана персами между 546 и 539 гг., т. е. после захвата Лидии [141, с. 5]. Однако более вероятно, что Кир сначала покорил все народы бывшей Мидийской державы и лишь затем выступил против такого могущественного государства, как Лидия.

¹¹ О хороших отношениях между Египтом и Лидией могут свидетельствовать и египетские вазы, памятники скульптуры и т. д., найденные недавно в Сардах в комплексе вещей времени правления Креза [263, с. 219].

¹² Однако некоторые историки подвергают сомнению сообщение Геродота о союзе Спарты и Лидии [см. литературу у Г. Бенгтсона: 92, с. 126, примеч. 1].

¹³ Согласно «Киропедии» (VII, 4, 1; VIII, 6, 8) Ксенофонта, киприйцы и киприоты во время похода Кира против Лидии добровольно предоставили последнему помощь, и за это он никогда не посылал в эти страны сатрапов, оставив у власти местных правителей, которые платили персидскому царю дань, а в необходимых случаях выставляли также войско. Относительно Киликии Ксенофонт, очевидно, прав, но его сообщение о помощи Кипра Киру находится в противоречии с указанием Геродота (III, 19) на то, что киприоты примкнули к персам лишь в 525 г., во время похода Камбиза против Египта [269, с. 164; ср. 368, с. 41 и 144, примеч. 106; где С. Смит считает достоверным сообщение Ксенофонта о переходе Кипра на сторону Кира].

¹⁴ Следовательно, через Ассирию и Северную Сирию вдоль вавилонских границ, может быть нарушив их.

¹⁵ Некоторые исследователи подвергают сомнению, что в разрушенном месте следует восстанавливать слово «Лидия», и склонны полагать, что здесь имеется в виду какой-то район Ассирии [см., например, 372, с. 11]. Но последнее предположение маловероятно, так как в середине VI в. до н. э. на прежней коренной территории Ассирии уже не было ни одного самостоятельного государства. Сравнительно недавно Дж. Каргилл обстоятельно исследовал интересующий нас здесь отрывок Вавилонской хроники и пришел к выводу, что в сохранившейся части этого источника ничего не говорится о походе Кира против Лидии и труд Геродота по-прежнему остается нашим основным источником о захвате Сард персами. Остановимся более подробно на его доводах. Около половины текста Хроники в рассматриваемом месте разрушено, и от названия страны сохранился лишь один знак, и то в дефектном виде. Поэтому трудно точно сказать, против какой страны был направлен поход Кира и когда он состоялся, ибо в разрушенной части Хроники могла быть приведена и другая дата, о которой нам ничего не известно. Возможно, что в тексте упоминалась Ликия или какая-либо другая страна в Малой Азии. Кроме того, Хроника датирует указанный поход месяцем аяру (апрель-май), что противоречит указанию Геродота о падении Лидии зимой. Геродот не дает точного года захвата Сард персами, и событие это могло иметь место между 545—540 гг. [см. 131а, с. 97 и сл., где также приведена исчерпывающая литература]. Эти доводы Каргилла нам представляются в достаточной степени вескими и, пока не будут обнаружены новые клинописные источники, вопрос о падении Лидийского царства не может считаться окончательно выясненным.

¹⁶ На греческих вазах Крез часто изображается на костре, который собираются зажечь [см. 329, с. 201, и сл.]. Согласно Николаю Дамаскину (фр. 77), когда Крез вззошел на костер, с высокой горы спустилась какая-то пророчица и призвала персов не навлекать на себя гнева богов. Тогда Кир велел потушить огонь,

что оказалось уже невозможно, но Аполлон вял мольбе Креза о спасении и обрушил на костер ливень. В этот момент персы вспомнили предписание Зороастра, запрещающее осквернять огонь.

¹⁷ Как полагают, современный Теджен-Герируд, долина которого граничила с Парфией и Дрангианой [41, с. 172 и сл.]. Но, по мнению Ньюли, Ак невозможно отождествить с какой бы то ни было рекой [179, с. 239].

¹⁸ Как уже отмечали исследователи, религиозные реформы Набонида относятся к эпохе, когда наметились определенные сдвиги в сторону централизации культа. Что же касается раскопок Набонидом рухнувших храмовых зданий, он исходил не из интереса к исторической старине, а руководствовался требованиями точного воссоздания святилищ по их старым планам [180, с. 145 и сл.]. При обсуждении данной работы В. А. Якобсон высказал совершенно правильное предположение, что конфликт Набонида с населением древних городов носил традиционный характер борьбы между народным собранием вавилонских городов и месопотамскими царями, стремившимися отменить привилегии (например, право на самоуправление, освобождение от строительных повинностей) граждан Вавилона, Борсиппы, Урука и т. д.

¹⁹ Для I тысячелетия до н. э. название Гутуим является анахронизмом и часто употребляется наряду с Субарту (в этот период тоже анахронизм) или вместо него, обычно как синоним востока, но иногда и севера [189, с. 717—719]. Наместник провинции Гутуим Угбару является тем же самым лицом, что и Гобрий, о котором рассказывает Ксенофонт в «Киропедии» (IV, 6,1—7). Согласно Ксенофону, Гобрий был «ассирийцем», который перешел на сторону Кира, передав ему область, которой он сам управлял как наместник вавилонского царя, в придачку гнева убитого его сына. Очевидно, в этой части своего труда Ксенофонт располагал более или менее надежной информацией, поскольку он в отличие от Геродота и других греческих авторов знал роль Гобрия в завоевании Вавилона [ср. 265, с. 342]. И. М. Дьяконов отождествляет Угбару с Ойбаром Ктесия, полагая при этом, что под Гутуимом в Вавилонской хронике имеется в виду Мидия [21, с. 422 и сл., примеч. 4; ср. у Э. Херцфельда: 214, с. 201, который также считает Угбару сатрапом Мидии]. В. Шейль со ссылкой на одно вавилонское письмо, упоминающее Губару (вариант имени Угбару), полагал, что последний еще при Навуходоносоре II занимал важную военную должность в Южной Вавилонии, а позднее был назначен наместником Гутуима [353, с. 165—169]. Это мнение было принято Л. Грейем, А. Т. Олмстедом и многими другими учеными [182, с. 12, примеч. 1; 312, с. 45]. Однако в письме YOS III, 111, на которое ссылаются эти ученые, речь идет вовсе не о войске, как полагал Шейль, а о беглых и умерших храмовых работниках. Кроме того, еще в 1921 г. А. Клей показал, что указанное письмо относится ко времени царствования Кира, а не Навуходоносора II [136, с. 466; ср. также 362, с. 250; 345, с. 12]. Трудно согласиться и с мнением А. Т. Олмстеда, Г. Нюберга и некоторых других исследователей, что Гутуим в Вавилонской хронике обозначает Элам и что Навуходоносор II назначил Угбару наместником этой страны [312, с. 45; 305, с. 65].

²⁰ *Par-[su]*. Но такое чтение опирается на восстановление разрушенного места Э. фон Фойгтлендер в ее неизданной диссертации, на которую ссылается Камерон. Обычно указанное слово читают *Tam-[tim]* — «Приморье», т. е. юг Вавилонии (сохранившийся знак имеет, в частности, значение *par* и *tam*). Последний издатель Вавилонской хроники А. К. Грейсон принял под вопросом чтение *Ta[m-tim]* [ABC, с. 108].

²¹ Для сравнения можно указать, что Ниневия (самый большой город на древнем Востоке) имела в окружности 12 км. Руины Вавилона находятся в 85 км к югу от Багдада, образуя равнобедренный треугольник и занимая больше территории, чем руины других городов Месопотамии, а именно около 850 га (ср.: руины Ниневии — 750 га, Ашшура — 53, Урука — 450, Ура — 55).

²² Но, как мы видели, согласно Хронике, он был взят в плен в Вавилоне, а не в Борсиппе.

²³ Ю. Прашек и С. Смит считали это сообщение недостоверным [330, т. I, с. 23; 367, с. 35]. Более поздний автор Абиден пишет, что впоследствии Дарий отобрал у Набонида часть Кармании [123, с. 28]. Но когда Дарий пришел к власти, престарелого Набонида, по всей вероятности, уже не было в живых.

²⁴ Т. е. Мидию. Как отмечает Г. Комороци, трудно сказать, относится ли к области Гутиму последующее добавление об умман-манда, или оно в данном случае обозначает какой-то иной народ, а не мидийцев [255, с. 50 и сл.].

²⁵ Т. е. от Средиземного моря до Персидского залива.

²⁶ Основатель Нововавилонского государства Набопаласар носил архаичный титул «царь Вавилона, царь Шумера и Аккада». Но Навуходоносор II и его халдейские преемники называли себя «царями Вавилона». В Иране Ахемениды обычно носили титул «царь царей, царь стран». Титулом «царь стран» в отдельных случаях пользовались также еще ассирийский и вавилонский цари Ашшурбанапал и Навуходоносор II [ТМН II/III, 36 и 37; ABL 266, 272 и др.; YOS XVII, 162; ср. там же, с. XXII; ср. 345, с. 43, примеч. 2]. По всей вероятности, именно от ассирийцев через мидийское посредство заимствовали Ахемениды этот титул, и трудно согласиться с Р. Н. Фрайем, когда он пишет, что титул «царь царей» отражает иранскую концепцию и в тех случаях, когда он встречается у других народов, его следует рассматривать как результат заимствования [162, с. 36 и сл.; ср. 184, с. 148]. В одном тексте из Вавилонии Кир назван «царем стран, царем царей» [BE VIII, 58] а в другом — «царем персов» [YOS VII, 8]. Очевидно, в начале его правления в Вавилонии еще не было унифицированного и одобренного сверху титула, и писцы употребляли различные варианты его. Греки передавали титул персидского царя словами «великий царь» (с определенным артиклем). Ср. также финикийскую передачу титула ахеменидских правителей как «владыка царей» (указано И. Ш. Шифманом).

²⁷ Имеется в виду месяц нисанну, т. е. 15 марта 538 г.

²⁸ Т. е. иудеев в вавилонском плену.

²⁹ Т. е. сосуды Иерусалимского храма, хранившиеся в Вавилоне.

³⁰ См. также: II Paralip. XXXVI: 22—23; Neh. VII: 66; Joseph., Ant. Jud. X, 10; XI, 1—6.

³¹ Имеется в виду Дарий I.

³² Некоторые исследователи считают, что этот Губару то же самое лицо, что и Угбару Вавилонской хроники. С этим, конечно, нельзя согласиться, так как Угбару умер вскоре после захвата Вавилона персами. Еще дальше идет В. Швенцер, полагая, что Угбару (наместник Гутума), Губару (областнаачальник Вавилонии), а также Губару, сподвижник Дария при свержении Гауматы, и, наконец, копыеносец Дария, изображенный на Накширустамском рельефе и носивший то же самое имя, — одно и то же лицо [362, с. 48].

³³ Strabo XI, 11, 4; Curt., Anab. Alex. VII, 6, 10, 27; Arrian., Anab. IV, 3, 1; Amm. Marc. XXIII, 6, 59. Ср. [285, с. 277 и сл.], где, в частности, со ссылкой на Э. Бенвениста указывается, что в основе этого названия лежит персидский топоним *Kuruškatha* — «Город Кира».

³⁴ Strabo XI, 6, 2; XI, 8, 6; Arrian., Anab. IV, 11, 9; V, 4, 5; Just. I, 8; Polyaen. VIII, 28; Diod. II, 44, 2; Joseph., Ant. Jud. XI, 2, 1; Frontin, Strat. II, 5, 5; Amm. Marc. XXIII, 6, 7.

³⁵ Как известно, Геродот называл так негреков, не вкладывая в это понятие никакого пренебрежительного оттенка. Согласно Страбону (XIV, 2, 28), прозвище «варвары» первыми получили карийцы, которые еще издревле находились под влиянием эллинской культуры, но когда они говорили по-гречески, их речь звучала как набор звуков типа *бар-бар*.

³⁶ См. также: Хеп., Сугор. VIII, 7, 11; Ctes., Pers. 29, 8.

³⁷ Большинство египтологов считали, что Амасис умер в 527 г., но Р. А. Паркер, исходя из одного документа, содержащего двойную датировку (по египетскому и лунному календарю), показал, что Амасис правил 44 года и умер в 526 г. [322, с. 208—212].

³⁸ В V в. до н. э., во время подавления восстаний в Египте, персидская армия пользовалась морским путем в обход Синайской пустыни. Но при Камбизе персы были еще слишком мало знакомы с морем, чтобы выбрать этот более удобный путь.

³⁹ В Галикарнасе была обнаружена монета, на которой сохранилась пометка с именем Фанеса [230, т. I, с. 236]. Сохранилась также часть статуи, посвященной «Фанесом, сыном Главка», в храм Аполлона в Навкратисе [325, с. 55].

⁴⁰ Самое раннее свидетельство пребывания Камбиза в Египте относится к этому времени, а не к 29 мая, как раньше полагали [81, с. 170, примеч. 30a].

Познер считает, что позднее июня нельзя датировать завоевание Египта, поскольку Псамметих III царствовал шесть месяцев, а античные авторы относят конец его правления к июню [327, с. 173, примеч. 2].

⁴¹ Впрочем, Ж. Познер полагает, что Уджагорресент, сын саисского жреца, который из других источников неизвестен, не тождествен с лицом с тем же именем, являвшимся крупным чиновником при саисских царях [327, с. 164 и сл.]. Однако в приведенной выше надписи Уджагорресент называет себя «начальником морских кораблей царя».

⁴² См. сообщения античных авторов: Plin., *Hist. Nat.* VI, 181; Ptolem. IV, 7; Joseph., *Ant. Jud.* XI, 4, 4. Ср. там же II, 15,1 малодостоверный рассказ о том, что Камбиз основал близ Мемфиса город Вавилон.

⁴³ Ptol. IV, 7, 16; ср. Plin., *Hist. Nat.* VI, 55.

⁴⁴ Strabo XVII, 1, 5; Joseph., *Ant. Jud.* II, 10, 2; Diod. I, 33, 1.

⁴⁵ Сравнительно недавно появились сообщения, что египетские археологи обнаружили скелеты и вооружение персидских воинов, погибших в этой буре, однако подробности до сих пор не опубликованы [ср. 412, с. 2, примеч. 1].

⁴⁶ Herod. III, 27—38; Diod. I, 44, 3; I, 49, 5; X, 14, 3; Plut., *Mor.* 368 F; Plin., *Hist. Nat.* XXVI, 66; Strabo XVII, 1, 27; Justin. I, 9.

⁴⁷ Herod. III, 61—79; Plat., *Leg.* III, 694—695; *Epist.* VII, 332a; Strabo XV, 3, 24; Polyae. VII, 11, 2; Plut., *Moral.* 490a.

⁴⁸ FGrH II, с. 1222; *Amm. Marc.*, *Hist.* XXIII, 6, 36; FHG IV, с. 552; Oros. II, 8.

⁴⁹ Бардия (Бехистунская надпись), Смердис (Геродот), Мардос (Эсхил), Мердис (Николай Дамаскин), Мергид (Помпей Трог) — одно и то же имя. Ср. также имя Смердс, которое у Аристотеля (*Polit.* III, 9, 6) засвидетельствовано для одного малоазийского грека. В аккадском варианте Бехистунской надписи и в частично исправленных контрактах из Вавилонии имя это передается в мидийской форме Барзия.

⁵⁰ Как показал И. Маркварт, это не собственное имя, а титул со значением «надзиратель царского дома» [278, с. 213 и сл.; см. также подробно у И. Визе-хёфера: 412, с. 49—50]. По мнению Э. Херцфельда, Патизейт — титул Бардии, сына Кира [212, с. 205].

⁵¹ В переводе значит «большой (сильный) телом» [литературу см. 18, с. 124, примеч. 13]. Имя Бардия дословно значит «высокий» и, по-видимому, также указывает на большую физическую силу [см. там же]. У Геродота Смердис выступает богатырем, так как семь персов с трудом убили двух магов, т. е. Патизейта и Смердиса [ср. 56, с. 19 и сл.]. Ю. Прашек полагал, что вначале сын Кира назывался Таниоксарком, а позднее принял имя Бардия [332, с. 4]. Но скорее, по-видимому, Бардия — собственное имя, поскольку оно засвидетельствовано Бехистунской надписью, а Таниоксарк — прозвище, данное ему из-за его физической силы.

⁵² Ctes., *Pers.* 29,8. Имя Сфендадата (древнеиранское Спантдата) не вымышленное, а подлинно иранское, которое встречается и в Авесте и имеет значение «сотворенный священным духом». Ж. Опперт [314, с. 379] и И. Маркварт [276, с. 620] полагали, что Сфендадат является вторым Лже-Бардией, известным в Бехистунской надписи под именем Вахьяздаты. По мнению Ф. Юсти, Сфендадат — прозвище Гауматы [242, с. 308].

⁵³ О маге Сфендадате рассказывает также поздний автор Кедрен: «Братья, маги Сфендан и Кимердий, царствовали семь месяцев» (*Cedrenus, Georgius, ed. Im. Bekker. Vol. I. Вонпае, 1838, с. 252*). Трудно сказать, какими источниками пользовался Кедрен. Имя Кимердий напоминает имя Бардии.

⁵⁴ И. Маркварт и А. Т. Олмстед полагали, что в рассказе о Танаоксаре Ксенофонт восходит к Ктесию [276, с. 618, примеч. 397; 312, с. 92 и сл.]. Но в распоряжении Ксенофонта были и другие источники: по мнению К. Леманн-Хаупта, в данном случае он следовал Дионисию Милетскому [267, § 5].

⁵⁵ Например, Ф. В. Кёниг полагал, что Дадаршиш и сатрап Арахосии Вивана были назначены на их должности Дарием или Вишгаспой [256, с. 334].

⁵⁶ Иранское имя, которое также свидетельствует о том, что Трог кроме Геродота использовал и другие источники.

⁵⁷ Э. Херцфельд попытался реконструировать генеалогию Заратуштры, исходя из сообщения Ктесия, согласно которому мидиец Спитама был женат на Амтитде, дочери мидийского царя Астиага, и их сын носил имя Спитак. По мнению

Херцифельда, Спитак значит «маленький Спитама», и он был не кто иной, как Заратуштра, поскольку Спитама было родовым именем пророка, известным по Авесте. Если это так, то Астиаг был дедом Заратуштры. Когда Кир женился на Амитиде, их дочь Атосса стала сводной сестрой Заратуштры, т. е. последний был шурином Камбиза и Дария, которые были последовательно женаты на Атоссе. Херцифельд полагал, что Заратуштра, узнав от Прексаспа об убийстве Бардии, призывал Дария свергнуть самозванца, а также просил его — по своей скромности — не упоминать о нем в Бехистунской надписи [212, т. I, с. 46—66]; ср. критику этой гипотезы у В. Б. Хейнинга [197, с. 7 и сл.], где, в частности, указывается, что в действительности Заратуштра был сыном Поурушасы и женщины по имени Дугдава. Кроме того, Спитама — обычное у иранцев имя, которое засвидетельствовано у Ктесия и для времени Артаксеркса I (FGhH, т. I, с. 467). А. Т. Олмстед также полагал, что Дарий имел многократные встречи и беседы с Заратуштрой, который, по его мнению, погиб от руки Фрады, вождя восставших в 522 г. маргианцев [312, с. 107].

⁵⁸ Геродот, однако, говорит, что маг Смердис был безухим. Но это — искажение, основанное на игре слов, поскольку термин «маг», в частности, имел оттенок: жрец, следующий письменной традиции и, следовательно, как бы не имевший ушей [98, с. 821 и сл.; 140, т. II, с. 4]. Легенда о том, что Смердис не имел ушей, по-видимому, греческого происхождения [142, с. 95 и сл.]. Во всяком случае, на Бехистунском рельефе Гаумата изображен с ушами.

⁵⁹ Согласно Ктесию, у Астиага не было сыновей, а только дочь Амитида. Как уже говорилось, на ней был женат Спитама. Кир убил последнего и стал мужем Амитиды, а Камбиз и Таниоксарк были их сыновьями. Но, по Геродоту (II, 1 и III, 2), который заслуживает гораздо больше доверия, чем Ктесий, матерью Камбиза и Смердиса была Кассандана, дочь Фарнаспа, происходившего из рода Ахеменидов. Согласно Гелланику [FGhH, т. I, с. 149], у Камбиза было два брата, Марафис и Мерфис. Это сообщение сохранено составителями схоллий к произведению Эсхила «Персы». Схолиасты, возможно, неточно передают содержание соответствующего места труда Гелланика. По всей вероятности, Марафис и Мерфис являются различными вариантами имени Бардия.

⁶⁰ Согласно Геродоту (III, 66—67), об убийстве Смердиса кроме Камбиза и Прексаспа знали только два мага, а персы верили, что над ними царствует сын Кира. По Ктесию (Pers. 29, 10), об этом убийстве знали Камбиз, маг Сфендадат, а также придворные Артасир, Багапат и Изабат.

⁶¹ Ксенофонт утверждает, что Танаоксар восстал против Камбиза. Но Геродот и Ктесий согласны между собой в том, что младший сын Кира не совершил никакого проступка по отношению к Камбизу и был обвинен ложно.

⁶² У Ктесия (Pers. 29, 13) роль Прексаспа в аналогичном эпизоде выполняет евнух Изабат, который рассказал войску об истинном положении вещей и искал спасения в храме, но был обезглавлен там.

⁶³ По вавилонскому лунному календарю новый год начинался с месяца нисанну (март-апрель). Промежуток времени после вступления на престол до первого нисанну относился к «началу царствования», а первого нисанну начинался первый год нового царя. Гаумата восстал в 14-й день месяца аддару (12-й месяц вавилонского календаря), и, таким образом, начало его правления не совпало с началом нового года. Поэтому первые 17 дней царствования Бардии должны быть отнесены к «началу его царствования», а документы, составленные после нисанну, необходимо было датировать первым годом. Но писцы в данном случае допустили определенный разнбой.

⁶⁴ По мнению Дж. Хансмана, Пайшиявада была расположена в Южной Персии, к западу от Ятути [191, с. 304; см. также 412, с. 51—54].

⁶⁵ Xen., Cyrop. VIII, 6, 22; Xen., Anab. III, 5, 15; Strabo XI, 13, 5; Plut., Moral. 78 D; Arrian. Anab. III, 16, 7; Dan. 8, 2; Esth. I, 2, 5; II, 3, 5.

⁶⁶ Herod. VII, 40; Strabo XI, 13, 7; XI, 14, 9; Arrian. Anab. VII, 13. Местность Нисайя (Нишшайя) упоминается еще в ассирийских текстах [см. 324, с. 269].

⁶⁷ Правда, в вавилонском варианте Бехистунской надписи он назван «мидийцем (по имени) Гаумата, магом» [BID, стк. 15], в то время как в остальных вариантах он упомянут как «маг Гаумата».

⁶⁸ В таком случае перенос столицы государства из Пасаргад в Персеполь, осуществленный Дарием I, планировался еще при Камбизе [355, т. I, с. 25].

⁶⁹ Наделы, которые ахеменидская администрация жаловала воинам за несение службы в качестве лучников.

⁷⁰ Г. Виденгрэн со ссылкой на мнение В. Эйлерса, высказанное на конгрессе немецких востоковедов, полагает, что *kāra*-персидское соответствие мидийскому слову *spāda*- [408, с. 533]. Однако, на наш взгляд, разница между этими терминами вовсе не диалектная: *spāda* — профессиональное войско, а *kāra* — ополчение. Заслуживает внимания в этой связи, что среди иранских языков известен по крайней мере один, в котором представлены рефлексы как др.-иранского *kāra*-, так и *spāda*-. Это согдийский, в котором *sp'd* — «войско», «армия», *k'r* (*kār*) — «народ» (указано В. А. Лившицем).

⁷¹ Некоторые ахеменидские цари после коронации действительно принимали тронные имена. Р. Шмитт недавно рассмотрел все такие случаи. Иосиф Флавий (Ant. Jud. XI, 6, 1) пишет, что, «когда умер Ксеркс, царская власть перешла к его сыну Киру, которого греки называют Артаксерком» (имеется в виду Артаксеркс I). Согласно Ктесию (Pers. XV, 50, 55), сатрап Гиркании Ох (др.-перс. Вахаука) стал царствовать под именем Дария II, а Арсак (по другому варианту — Арсес) при вступлении на престол принял имя Артаксеркса II. Это подтверждается и вавилонскими текстами. В LBAT, 1426 упоминается «Умакуш, называемый Дарием». В датировочной части вавилонского астрономического текста LBAT, 162 говорится об «[Ар]шу, называемом Артакшатсу», т. е. Артаксерксе II. Диодор Сицилийский (XV, 93, 1) пишет, что Ох при вступлении на престол принял имя Артаксеркса III. В вавилонских астрономических текстах (LBAT, 1394 и др.) о нем сказано: «Умакуш (т. е. Вахаука/Ох), называемый Артакшатсу». Как видно из труда Курция Руфа (IV, 1, 10), Дарий III до своего воцарения назывался каким-то другим именем. Судя по тем же астрономическим табличкам (LBAT, 193+194), до вступления на трон он носил имя Арташат («Арташат, называемый Дарием царем»). В этой связи Р. Шмитт правильно отмечает, что вопреки Юстину (X, 3, 3—5) Кодоман — прозвище, а не собственное имя его. Наконец, как известно, сатрап Бактрии Бесс объявил себя царем под именем Артаксеркса IV. Исходя из всех этих данных, Р. Шмитт приходит к следующим выводам: принятие персидскими царями тронных имен хорошо засвидетельствовано для периода от Артаксеркса I до Дария III; хотя у нас нет сведений относительно изменения имен при восшествии на престол для более раннего времени, естественно будет предположить, что имена Дария I и Ксеркса также были тронными; по всей вероятности, обычай принимать тронные имена восходит к Дарию I [359а, с. 92—93]. Такое мнение, пожалуй, является несколько категоричным. Прежде всего нет каких-либо данных о том, что имена Дария I и Ксеркса действительно были тронными. Ксерксу наследовал его сын Артаксеркс I, которого, если верить Иосифу Флавию, звали Киrom. Трудно сказать, какими источниками в данном случае пользовался Иосиф Флавий. Как известно, в основном его источниками служили библейские произведения, в которых ахеменидская хронология часто ненадежна. Во всяком случае, более информированные в персидских делах, чем Иосиф Флавий, греческие авторы, которые к тому же были современниками Ахеменидов, не говорят, что Артаксеркс I до вступления на престол носил имя Кир. Принятие Дарием II, Артаксерксом III, Дарием III и Бессом тронных имен можно объяснить исключительными обстоятельствами, а не тем, что каждый царь при коронации должен был выбрать себе новое имя [ср. 199, с. 64]. Никто из них не был законным наследником престола: Дарий II был сыном вавилонской наложницы, Артаксеркс III — младшим из детей царской семьи, а Бесс и Дарий III — лишь дальними родственниками ахеменидских правителей. Правда, Артаксеркс II, который был законным наследником престола, как говорилось выше, до коронации носил другое имя. Возможно, издание в будущем обширной коллекции вавилонских астрономических текстов, хранящихся в Британском музее, внесет ясность в этот вопрос, поскольку их датировочные формулы дают много сведений о правлении персидских царей [см. пока предварительное исследование А. Сакса: 343а, с. 129 и сл.].

⁷² Переведено по эламскому и аккадскому вариантам, в персидском ничего не говорится о гонце.

⁷³ Высокопоставленный чиновник налогового аппарата.

⁷⁴ На Бехистунском рельефе мятежные цари изображены в основном в той же последовательности, в какой рассказывается об их восстаниях в первых трех

столбцах надписи. Однако Фрада, вождь маргианцев, изображен на девятом месте, а не на седьмом, как следовало бы ожидать. Другими словами, Фрада на рельефе следует за Вахьяздато и Арахой, хотя он и потерпел поражение задолго до того, как последние подняли мятеж. Изображение Фрады стоит настолько близко к самому краю рельефа, что оно, очевидно, является более поздним добавлением. Чтобы понять, почему Фрада не был изображен на полагавшемся ему седьмом месте, необходимо обратить внимание на следующий факт. В IV столбце надписи, где дано резюме побед Дария, события перечислены в той же последовательности, как и в трех первых столбцах, содержащих подробный рассказ об этих событиях. Но в IV столбце Фрада рассматривается как плененный и казненный, хотя в предшествующих столбцах ничего не говорилось о захвате его в плен. Из этого видно, что в IV столбце в известной степени отобразены события более позднего времени, чем в трех предшествующих. Другими словами, IV столбец одновременен с рельефом, где Фрада изображен плененным [346, с. 197; 257, с. 14]. Очевидно, во время подавления восстания маргианцев в декабре 522 г. Фраде удалось бежать, но позднее он был пойман. Характерно, что в аккадском варианте Бехистунской надписи в отличие от персидского и эламского упоминается казнь Фрады. Из этого можно сделать вывод, что аккадский текст был составлен несколько позднее, чем персидский и эламский. Об этом же свидетельствует и тот факт, что только в аккадском и арамейском вариантах содержатся цифровые данные о потерях восставших. Когда составились остальные варианты надписи, эти данные, вероятно, еще не были известны.

⁷⁵ Так в арамейском варианте надписи, в аккадском — 6572 пленных и 55 200 убитых (конец цифры отбит).

⁷⁶ Вероятно, это был крупный населенный пункт, так как Бехистунская надпись не дает пояснений, где он был расположен, в то время как при упоминании малоизвестных топонимов указывается их локализация. В эламском варианте надписи персидскому Увадачайя соответствует Матезиш, который часто упоминается и в табличках крепостной стены из Персеполя [PF 741, 760 и др.]. Судя по этим текстам, иногда там пребывал и сам царь.

⁷⁷ Город Таруана в Кармании, который упоминается Птолемеем [326, с. 286].

⁷⁸ По мнению К. Гоффмана, Вахьяздата был персом, которому Персия во многом обязана распространением на ее территории зороастризма. Вахьяздата посылал свои войска в Арахосию против Виваны, поскольку считал зороастрийскую Арахосию своей «религиозной родиной» [227а, с. 92 — указано В. А. Лившицем].

⁷⁹ В эламском варианте Бехистунской надписи Уманиш — очевидно, имя древнего эламского царя Хумпаникаша [ср. 21, с. 276, 456].

⁸⁰ Ср. также: Frontin., *Strat.* III, 3; Just. I, 10, которые рассказывают об этом событии, относя, однако, его ко времени Кира II. Согласно Ктесию, когда при Ксерксе вавилоняне восстали, они убили своего наместника Зопира. Его сын Мегабиз, чтобы отомстить за отца, изувечил себя и сказал вавилонянам, что это царь наказал его. Завоевав таким образом доверие вавилонян, он разгромил их. Позднее внук Зопира, который также назывался Зопиром, согласно Геродоту, бежал в Афины и, как полагают некоторые ученые, встречался там с отцом истории. Примечательно, что, по Геродоту, восстание в Вавилоне подавил Зопир, хотя такое утверждение находится в противоречии с данными Бехистунской надписи.

⁸¹ 15 февраля 519 г. Зеровавель и верховный жрец Иосия заложили основание Иерусалимского храма. Однако сразу же провинциальные персидские канцелярии и правитель Самарии стали чинить препятствия строительным работам. Сатрап Заречья Татнай, в подчинении которого находился наместник Иудеи, прибыл в Иерусалим и спросил, кто разрешил строительство храма. В ответ на этот вопрос иудейские вожди сослались на указ Кира, копией которого они сами, однако, не располагали. Татнай сообщил Дарию, что жители Иерусалима сооружают храм, ссылаясь на указ Кира. В своем письме Татнай намекал также, что работы надо прекратить, ибо храм в будущем может превратиться в оплот мятежников. Дарий распорядился разыскать оригинал указа в царском архиве в Вавилоне. Розыски там оказались тщетными, но документ был найден в Экбатанах, где в 538 г., во время издания указа, пребывал Кир. Тогда Дарий

санкционировал завершение строительства храма и велел наместнику Заречья оказывать всяческое содействие работам (Есг. VI, 7—9). В течение пяти лет (519—515) сооружение храма было завершено.

⁸² Страбон (XV, 3, 8) довольно точно, хотя и в обобщенной форме передает начало этой надписи следующим образом: «Я был другом для друзей, наилучшим всадником и стрелком, отличным охотником. Я мог делать все». Ср. весьма своеобразную передачу той же надписи у Афиней (Deipnos. X, 434 D): «Я мог выпить много вина и тем не менее выдержать его хорошо». Сравнительно недавно была найдена надпись Ксеркса, которая является точной копией надгробной надписи Дария I. По мнению В. Хинца, надпись Ксеркса была списана с документа царской канцелярии, а не со скалы [219, с. 45 и сл.]. Разумеется, современники Александра Македонского, на которых ссылается Страбон, также прочитали надпись Дария не со скалы (это возможно только с помощью оптических приборов), а, вероятно, с копии арамейского перевода, которая была депонирована в архив [ср. 210, с. 13].

⁸³ См. фото таких печатей [355, т. II, с. 7 и сл., 29 и сл. и др.]. На некоторых печатях имеются также трехязычные надписи с именами Дария и Ксеркса. Подобные же печати в большом количестве найдены при раскопках в Даскилее, резиденции персидского сатрапа на северо-западе Малой Азии [87, с. 124 и сл.], а также в Египте ахеменидского времени [Kraeling, с. 123 и сл.; ср. 340].

⁸⁴ Л. Трюмпельманн полагает, что, поскольку Гаумата был убит 29 сентября 522 г., с этого же дня и начинается первый год царствования Дария и соответственно его третий год кончается в октябре 519 г. [387, с. 297]. Но такая датировка спорна, поскольку, как выше говорилось, судя по вавилонским текстам ахеменидского периода, промежуток времени от прихода какого-либо царя к власти до начала нового года в месиде нисанну (март-апрель) считался годом вступления на престол, а первый год правления начинался с нисанну. Следовательно, промежуток времени между 29 сентября 522 и 14 апреля 521 г. составлял лишь год вступления Дария на престол, а первый год его правления начинался с 1 нисанну, т. е. с 14 апреля 521 г. Соответственно третий год Дария охватывал промежуток времени между 23 марта 519 и 12 марта 518 г. Впрочем, Э. Бикерман склонен был полагать, что в самом Иране Ахемениды могли и не следовать вавилонской системе датировки (устное сообщение).

⁸⁵ Ср. перевод этих строк Я. Харматтой: «Я прибыл к морю. Реку по названию Арахша я пересек со всем снаряжением». По мнению этого ученого, Дарий вышел к Аральскому морю у устья реки Арахша, которую он отождествляет с Араксом Геродота и Оксом эллинистического времени, т. е. Сырдарьей [194, с. 23 и сл.; ср. также перевод В. Хинца 223, с. 243 и сл.].

⁸⁶ Ареал распространения саков хаумаварга достигал Восточного Памира включительно [32, с. 115 и сл.].

⁸⁷ Поэтому мнение Э. Шмидта и А. Т. Олмстеда, что Скунха был казнен, лишено оснований [355, т. I, с. 38; 312, с. 141].

⁸⁸ Этой шапке и обязано своим происхождением название племени *тиграхауда* («островерхая шапка»). Греческое название этого племени ортокорибантии, упоминаемое у Геродота (III, 92; VII, 64), является переводом персидского *тиграхауда* [250, с. 16 и сл.]. От остальных скифских племен Средней Азии, а также от хорезмийцев и бактрийцев тиграхауда отличались своим головным убором, в то время как одежда всех этих народов была одинаковой и состояла из коротких полукафтанов с широким ремнем и узких штанов. Геродот (VII, 64) ошибочно приписывает островерхую шапку амюргийским скифам, а не ортокорибантиям.

⁸⁹ Э. Херцфельд относил это завоевание к 519—518 гг., А. Т. Олмстед — к 513 г. [201, с. 2; 312, с. 145].

⁹⁰ Согласно Полиэну (VII, 11), некий скиф по имени Сирак нанес себе увечье и, отправившись в лагерь Дария, сказал ему, что это скифские вожди так обезобрадили его. Обещав персам показать дорогу, Сирак завел их в совершенно бесплодную пустыню. Тогда Дарий, сложив на высоком холме свои тирару, жезл и корону, обратился к богу с мольбой послать дождь. Просьба Дария была выполнена, и тем самым персидская армия спасена. Рассказ этот носит явно легендарный характер, как и многие детали в повествовании Геродота. Однако возможно, что рассказ Полиэна имеет в виду поход Дария против

среднеазиатских саков. Да и само имя Сирак характерно для восточноиранской ономастики (указано В. А. Лившицем).

⁹¹ Ф. Х. Вейсбах полагал, что, поскольку описанный Геродотом поход на скифов потерпел провал, а в надписях Дария они упомянуты как покоренные, он вторично — и на этот раз успешно — напал на них [405, с. 80]. В пользу такого предположения приводилось сообщение Ктесия о приказе Дария сатрапу Каппадокии Ариарамне совершить набег на северное побережье Черного моря с целью разведки. Однако, как отмечалось выше, набег этот предшествовал известному нам походу Дария (см. Ctes., Pers. XIII; Strabo XIV, 1, 17; Athen. XII, 522).

⁹² В аккадском варианте: «Ахурамазда вместе с богами».

⁹³ См. монографию П. Тоцци [391] об этом восстании, содержащую подробный анализ литературных, эпиграфических, археологических и нумизматических источников (с. 22—99), исследование хода событий и их хронологию, планы и карты военных операций (с. 100—230) и обстоятельную библиографию (с. 231—236). Ср. также [389; 388; 390].

⁹⁴ По Геродоту (V, 105), Артафрен и вообще персы до 507 г. и понятия не имели о том, кто такие афиняне и где они живут. Но, вероятно, это утверждение не соответствует исторической действительности. По мнению Л. Орлина, афинское присутствие на Геллеспонте и влияние афинской политики на Ионийском побережье начинаются по меньшей мере около 600 г. до н. э. [316, с. 264, примеч. 28; подробно о греко-персидских отношениях в ранний период см. 363, с. 170—230].

⁹⁵ GD, t. I, N 60; ICS, с. 235. Многие ученые, начиная с К. Белоха, относят сообщение этой таблички ко времени Ионийского восстания. Однако некоторые исследователи полагают, что здесь имеются в виду события между 478 и 470 гг., когда Идалион был захвачен и включен в царство Кития с его проперсидски настроенным финикийским населением. Некоторые даже считают, что в указанном тексте имеется в виду экспедиция Кимона в 449 г. По мнению П. Тоцци, *terminus ante quem* осады города Идалион, о котором говорится в тексте бронзовой дощечки, является 470 г. [см. 391, с. 93; там же приведена вся литература, относящаяся к этому вопросу].

⁹⁶ В 1954 г. была опубликована греческая надпись (она датируется временем несколько ранее 478 г.), из которой видно, что в 80-х годах V в. до н. э. в Афинах жило много карийцев. Очевидно, это были участники восстания, бежавшие от расправы персов. Г. Бенгтсон полагает, что среди них были и такие активные деятели восстания, как Гераклид, тиран карийского города Миласы, и знаменитый мореход Скилак из Карианды [91, там же приведена и ссылка на издание надписи; см. также 146, с. 34 и сл.].

⁹⁷ Кроме литературных свидетельств о Гистиее сохранилась также его посвятельная надпись в храм Дидиме [см. 391, с. 92].

⁹⁸ Павсаний (I, 16, 3) пишет, что эта статуя была увезена по распоряжению Ксеркса и находилась в Экбатанах. Согласно Страбону (XIV, 1, 5 и XVII, 1, 43), храм в Дидимах был сожжен Ксерксом, а его сокровища были переданы персам жрецами этого святилища, которые затем бежали в Иран, боясь наказания за святотатство. Впоследствии храм был восстановлен милетцами, но его размеры оказались такими большими, что здание пришлось оставить без крыши.

⁹⁹ В лексиконе византийского времени Суда под рубрикой «Уход за лошадьми» говорится, что, когда Датис высадился в Аттике и затем начал отступать, ионийцы забрался на деревья и стали давать оттуда сигналы афинянам, сообщая им об отступлении конницы; Мильтиад, узнав об этом, предпринял атаку и одержал победу [ср., однако, 363, с. 190 и сл., где подвергается сомнению это сообщение Суды].

¹⁰⁰ Согласно Ктесию (фр. 19), Дарий прожил 72 года. Но это противоречит указанию Геродота (I, 209) о том, что около 530 г. ему было приблизительно 20 лет.

¹⁰¹ Др.-перс. Хшайрша — «владеющий над героями», хотя Геродот (VI, 98) утверждает, что имя Ксеркса значит «воин» [ср. 354].

¹⁰² Однако, по мнению Э. Брешиани, в так называемой Стеле сатрапов, написанной в 312 г. до н. э. и свидетельствующей о конфискации земли храма Бутто, под «злодеем» имеется в виду Артаксеркс III, а не Ксеркс [113, с. 167]. Но, во всяком случае, в тексте завоевателем Египта назван Ксеркс.

¹⁰³ М. Сан-Николо полагал, что восстание Шамаш-рибы последовало почти сразу за подавлением мятежа Бел-шимини. Но Ф. М. Т. Бёль показал, что между этими событиями прошло два года [344, с. 337; 110, с. 150; 109, с. 110 и сл.].

¹⁰⁴ Очевидно, еще до праздника Нового года, который отмечался в марте, так как Шамаш-риба не успел короноваться и его имени нет в вавилонских царских списках.

¹⁰⁵ Об этих разрушениях и грабежах см.: Herod. I, 184; Arrian. III, 16, 4; VII, 17, 1; Strabo XVI, 1, 5; Diod. II, 9, 9; XVII, 112; Plin., Hist. Nat. VI, 120; Plut., Mor. 173 C; Ctes., Pers. XII, 9; Aelian., Var. XIII, 3. Однако Арриан относит указанные разрушения ко времени после похода Ксеркса на Грецию. Согласно Страбону, уничтожению подверглась будто бы и гробница Кира — четырехступенчатая пирамида из обожженных кирпичей. На самом деле речь идет о Вавилонской башне (Этеменанки). Элиан пишет, что Ксеркс открыл усыпальницу Бела (одно из имен Мардука) и позднее его постигло за это возмездие. Несколько вавилонских документов 483-482 гг. датировано по правлению Акши-марши и Шикущти, которых иногда причисляют к мятежным царям [см. 393, с. 464]. Однако Дж. Камерон показал, что здесь мы имеем дело с не совсем правильными вавилонскими передачами имени Ксеркса [см. 125].

¹⁰⁶ Арриан (VII, 17, 2) пишет, что Ксеркс разрушил храм Бела (т. е. Эсагилу), а Александр Македонский решил восстановить его и велел вынести с его территории мусор от обвалившихся стен. Это сообщение подтверждается вавилонским документом, по свидетельству которого в 331 г. была предпринята расчистка Эсагилы [СТ IV, 39 С].

¹⁰⁷ Дж. М. Бигвуд справедливо отмечает, что Ктесий для любых периодов истории, в том числе и самых отдаленных, приводит цифровые данные о числе воинов, но во всех случаях они ни на чем не основаны [103, с. 10 и сл.].

¹⁰⁸ С. Я. Лурье полагал, что этот рассказ о посылке гонца к Ксерксу был сочинен позднее, чтобы прославить Фемистокла [33, с. 203]. Однако участник Саламинской битвы Эсхил устами персидского вестника также сообщает о том, что к Ксерксу прибыл один грек из афинских рядов и принес весть: ради спасения жизни эллины собираются бежать. См. также: Plut., Themist. 12.

¹⁰⁹ Фукидид (I, 23, 1) считает, что исход войны был решен в морских битвах при Артемисии и Саламине и сухопутном бою при Платеях, не включая сражение при Микале в число решающих. Соответственно под Греко-персидскими войнами он понимает военные действия лишь двух лет, т. е. 480—479 гг.

¹¹⁰ М. Н. Боголюбов, исходя из этимологии иранского слова, которым обозначена профессия этих *гарда*, полагает, что они были погонщиками скота (устное сообщение).

¹¹¹ Мы следуем традиционной датировке деятельности Эзры и Неемии. Некоторые ученые высказывали мнение, что Эзра был направлен в Иерусалим не при Артаксерксе I, а в 398 г. Артаксерксом II. Х. Крейссиг относит деятельность Неемии к 445, а Эзры — к 430 г. [см. обсуждение проблемы и литературу: 259, с. 16 и сл.; 243, с. 63; 77, с. 52; 111а, с. 190].

¹¹² По подсчетам И. П. Вейнберга, к середине V в. в иерусалимской общине было около 42 000 человек, или приблизительно 20 % всего населения Иудеи. К концу V в. число членов общины увеличилось до 150 000 человек, что составляло около 70 % населения этой провинции [см. 11].

¹¹³ Об этой победе подробно рассказывает Диодор (XI, 62), который, однако, ошибочно связывает ее с битвой при Эвримедонте.

¹¹⁴ Так у Плутарха (Сим. 13), который, однако, ошибочно связывает это условие с битвой при Эвримедонте. Согласно Диодору (XI, 4, 4), персы не могли подходить к морю на расстояние трехдневного пробега коня.

¹¹⁵ По Диодору (XII, 71, 1), Секудиан правил семь месяцев. Этот же автор пишет, что Ксеркс II правил два месяца.

¹¹⁶ Секудиан в вавилонских документах вообще не упоминается, а самый поздний текст, датированный по царствованию Артаксеркса I, написан 26 февраля 423 г., хотя к тому времени этого правителя, очевидно, не было в живых. Надо полагать, что писцы предусмотрительно выжидали, не зная, кто выйдет победителем в борьбе за трон, и пока предпочитали датировать контракты правлением уже покойного царя. Самое раннее достоверное свидетельство вавилонских документов о вступлении Дария II на престол относится к 13 февраля

423 г. Однако сохранились три контракта, датированные «41-м годом (Артаксеркса I), годом вступления на престол» Дария II. Наиболее ранний из этих контрактов составлен 16 августа 424 г. в Вавилоне [см. 323, с. 18; 270, с. 72, примеч. 145].

¹¹⁷ Иногда это восстание предположительно относят к лету 422 или 421 г. [см. 270, с. 80 и сл.; там же приведена и литература].

¹¹⁸ *Кора*, по Ксенофону, персидское слово для обозначения очень длинного рукава, который лишал возможности свободно действовать руками.

¹¹⁹ Он упоминается и в вавилонских документах под именем «Белшуну, наместник Заречья» [EKBK 25].

¹²⁰ В текстах архива Мурашу, составленных между 421—417 гг., упоминается «наместник Аккада» (т. е. Вавилонии) Губару [BE X, 101 и др.]. Очевидно, это то же самое лицо, которое упоминается у Ксенофонта под именем Гобрий [см. 362, с. 247; 339 с. 672].

¹²¹ Намек на золотые монеты-дарики, где изображен стреляющий из лука царь.

¹²² У Диодора (XIV, 35, 3) говорится, что Тамос бежал к Псамметиху. Но это ошибка, так как в это время фараоном был Амиртей.

¹²³ По Диодору (IV, 29, 4), эта армия состояла из 200 000 человек, не считая 20 000 греческих наемников, и 300 кораблей.

¹²⁴ Аристотель (Rhetoric, II, 20, 3—4) считал, что эллины должны помогать Египту и другим врагам Персии, ибо в случае своей победы персы нападут на Грецию.

¹²⁵ Артаксеркс III назван Умакуш (т. е. Ох) и в некоторых других текстах из Вавилонии [см. 392, с. 318, примеч. 3]; ср. выше, примеч. 71. Правильное чтение имени предложено Р. Шмиттом; раньше имя читали Умасу.

¹²⁶ По мнению П. Бриана, разорение территории царя могло быть понято населением как мятеж против правительства [см. 116, с. 188 и сл.].

¹²⁷ По утверждению Плутарха (Alex. 30), это название в переводе с персидского языка означает «верблюжий хлев». Р. Цадок считает, что это арамейское название, которое действительно переводится «верблюжий хлев» [см. 424, с. 177].

¹²⁸ Дата известна точно, поскольку за одиннадцать дней до битвы произошло лунное затмение.

¹²⁹ В одном вавилонском пророческом тексте говорится, что вавилонский царь, имени которого, как и в других аналогичных случаях, не приводится, будет править пять лет. Потом на его землю нападут «ханейцы» и будут грабить ее. «Затем царь соберет армию и поднимет свое оружие. Эллиль, Шамаш и [Мардук] пойдут на стороне (его) войска, (и) он уничтожит армию ханейца» (BHLT, III, 6—9). Издатель текста А. К. Грейсон полагает, что здесь под вавилонским царем имеется в виду Дарий III, а под «ханейцем» — Александр Македонский, поскольку в это время термин Хану, обозначающий во II тысячелетии до н. э. одно из арамейских племен, относился к Фракии [там же, с. 26 и сл.]. Но если принять такое мнение, неясно, как можно примирить это предсказание с поражением армии Дария при Гавгамелах. Маловероятно также, что здесь мы имеем дело с действительным предсказанием, поскольку затем в тексте сразу говорится о трех последующих царствованиях.

¹³⁰ В вавилонских текстах имеется путаница в датировке царствования Александра, поскольку одни писцы начинали первый год его правления в соответствии с вавилонской практикой с наступлением нового года 3 апреля 330 г., а другие — с момента восшествия на престол в Македонии еще в 336 г.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Х в. до н. э.	— Начало иммиграции персов на территорию Юго-Западного Ирана
Ок. 675—640 гг.	— Правление Чишпиша
Ок. 600—559 гг.	— Царствование Камбиза I, царя персов
558—530 гг.	— Царствование Кира II
553 г.	— Восстание персидских племен против мидийского господства
550 г.	— Победа Кира II над мидийским царем Астиагом
Ок. 549 г.	— Покорение Элама персами. Союз между лидийским царем Крезом и египетским фараоном Амасисом
549—548 гг.	— Завоевание персами Парфии, Гиркании и Армении
547 г.	— Переход Киликии на сторону Персии. Захват Лидии Киром II
546 г.	— Завоевание всей Малой Азии персами
545—539 гг.	— Покорение персами восточноиранских и среднеазиатских областей
Весна 539 г.	— Поход персидской армии против Вавилонии
Август 539 г.	— Разгром вавилонского войска персами в битве при Описе
10 октября 539 г.	— Взятие Сиппара армией Кира II
12 октября 539 г.	— Взятие Вавилона персами
29 октября 539 г.	— Торжественное вступление Кира II в Вавилон
539—538 гг.	— Покорение персами Сирии, Палестины, Финикии и Самарии
538 г.	— Указ Кира II о восстановлении Иерусалимского храма и разрешении иудеям вернуться из вавилонского плена
538—537 гг.	— Царствование Камбиза, царя Вавилонии
Июль-август 530 г.	— Поход персов против массагетов и гибель Кира II
Август 530—июль 522 г.	— Царствование Камбиза II, царя Ахеменидской державы
Весна 525 г.	— Битва у Пелусия между персидской и египетской армиями
Лето 525 г.	— Завоевание Египта персами
525—450 гг.	— «Первый период» персидского господства в Египте
11 марта 522 г.	— Переворот Гауматы
1 июля 522 г.	— Признание Гауматы царем Ахеменидской державы
29 сентября 522 г.	— Убийство Гауматы и захват власти Дарием I
522—486 гг.	— Царствование Дария I
3 октября 522 г.	— Восстание Навуходоносора III (Нидинту-Бел) в Вавилонии
10 декабря 522 г.	— Победа бактрийского сатрапа Дадаршиша над восставшими маргианцами
13 декабря 522 г.	— Битва у реки Тигр между армиями Дария I и Навуходоносора III
18 декабря 522 г.	— Победа Дария I над Навуходоносором III в битве у реки Евфрат

- 29 декабря 522 г. — Битва у крепости Капишаканиш между войсками сатрапа Арахосии Виваны и мятежного Вахьяздаты
- 31 декабря 522 г. — Битва в местности Изала между войском Ваумисы, полководца Дария I, и восставшими армянами
- 12 января 521 г. — Победа Видарны, полководца Дария I, над восставшими мидийцами в битве у города Маруш в Мидии
- 21 февраля 521 г. — Победа сатрапа Арахосии Виваны над войском Вахьяздаты в битве при Гандутабе в Арахосии
- 8 марта 521 г. — Битва между восставшими парфянами и войском Виштаспы, отца Дария I, в местности Вишпаузатиш в Парфии
- Март 521 г. — Окончательная победа Виваны над войском Вахьяздаты в Арахосии
- 7 мая 521 г. — Победа Дария I над восставшими мидийцами в битве при Кундуруше
- 21 мая 521 г. — Битва в местности Зузахия в Армении между войсками Дадаршиша, полководца Дария I, и восставшими армянами
- 25 мая 521 г. — Битва у города Раха в Персии между восставшими персами во главе с Вахьяздатой и войском Артавардин, полководца Дария I
- 31 мая 521 г. — Победа Дадаршиша над восставшими армянами в битве у реки Тигр
- Июнь 521 г. — Победа Тахмаспады, полководца Дария I, над восставшими армянами в местности Аутиара
- 21 июня 521 г. — Победа Дадаршиша над армянами в битве у горы Уяма
- 12 июля 521 г. — Окончательная победа Виштаспы над восставшими парфянами и гирканцами в битве при Патиграбане
- 16 июля 521 г. — Окончательная победа Артавардин над войском Вахьяздаты в битве у горы Парга в Персии
- Август 521 г. — Восстание Навуходоносора IV (Араха) в Вавилонии
- 27 ноября 521 г. — Захват Навуходоносора IV в плен Виндафарной, полководцем Дария I
- 520 г. — Восстание в Эламе под руководством Атамаиты
- 519 г. — Поход Дария I против *сака тиграхауда*
- 519—515 гг. — Восстановление Иерусалимского храма
- 518 г. — Прибытие Дария I в Египет
- Ок. 517 г. — Административно-финансовые реформы Дария I. Покорение персами северо-западной части Индии и островов Самос и Хиос
- 516—512 гг. — Завоевание персами Фракии и Македонии. Поход Дария I против причерноморских скифов
- 507 г. — Договор между Афинами и Персией
- Весна 499 г. — Нападение персов на Наксос
- Осень 499 г. — Начало Ионийского восстания
- Лето 498 г. — Разгром восставших ионийцев в битве при Эфесе
- 497—496 гг. — Подавление персами восстания кипрских городов
- Конец 496 г. — Разгром восставших карийцев в битве у реки Марсия
- 494 г. — Разгром персами ионийцев в морском сражении при Ладе
- Осень 494 г. — Захват персами мятежного Милета
- 493 г. — Подавление Ионийского восстания
- 492 г. — Установление демократии в греческих городах Малой Азии. Неудачный поход Мардония против Греции. Прибытие послов Дария I в Грецию с требованием «земли и воды»
- 12 августа 490 г. — Марафонская битва
- Декабрь 486 г. — Восстание в Египте
- Ноябрь 486 г. — Смерть Дария I. Воцарение Ксеркса I
- 486—465 гг. — Царствование Ксеркса I
- Январь 484 г. — Подавление восстания египтян
- Июнь-июль 484 г. — Восстание в Вавилоне под руководством Бел-шиманни

- 483 г. — Сооружение канала в восточной части полуострова Халкидика
- Август 482—
март 481 г. — Восстание вавилонян под руководством Шамаш-рибы
- Весна 480 г. — Поход Ксеркса на Грецию. Начало Греко-персидских войн
- Август 480 г. — Битва при Фермопилах. Морское сражение при Артемисии
- 28 сентября 480 г. — Саламинская битва
- 479 г. — Битва при Платеях
- Август 479 г. — Битва при Микале
- Весна 478 г. — Захват афинянами у персов города Сеста на Херсонесе
- 478 г. — Учреждение Делосского морского союза для борьбы с Персией
- 466 г. — Битва при Эвримендонте
- Август 465 г. — Убийство Ксеркса. Воцарение Артаксеркса I
- 465—424 гг. — Царствование Артаксеркса I
- 460 г. — Восстание Инара в Египте. Захват Мемфиса восставшими. Битва при Папремисе
- 454 г. — Подавление восстания Инара
- Ок. 454 г. — Мятеж сатрапа Сирина Мегабиза
- 449 г. — Экспедиция Кимона против Кипра. Каллиев мир. Окончание Греко-персидских войн
- 431—404 г. — Пелопоннесская война
- 424 г. — Смерть Артаксеркса I. Убийство Ксеркса II. Правление Секудиана
- Февраль 423—404 гг. — Царствование Дария II
- Ок. 413 г. — Мятеж Писсуфна
- 412—410 гг. — Договоры между Спартой и персидским сатрапом Тиссаферном
- 411 г. — Эвагор становится царем на Кипре
- Июль 410 г. — Разрушение храма иудейских колонистов на Элефантине
- 410—408 гг. — Восстания в Малой Азии и Мидии против персидского господства
- 409 г. — Победа афинского флота над пелопоннесским и персидским флотом в Кизикской гавани
- 408 г. — Договор между персидским сатрапом Фарнабазом и афинянами. Назначение Кира Младшего сатрапом в Малую Азию
- 407 г. — Назначение Лисандра навархом пелопоннесского флота, действовавшего в Малой Азии
- Ок. 405 г. — Восстание Амиртея в Египте
- Март 404 г. — Смерть Дария II. Воцарение Артаксеркса II
- 404—359 гг. — Царствование Артаксеркса II
- 401 г. — Мятеж Кира Младшего
- 3 сентября 401 г. — Битва при Кунаксе
- 399 г. — Свержение Амиртея и приход к власти в Египте Неферита I
- 397 г. — Начало войны между Спартой и Персией
- 396 г. — Военные действия спартаицев в Малой Азии
- 395 г. — Казнь Тиссаферна
- 395—377 гг. — Правление Гекатомна, династа Карии
- 10 августа 394 г. — Победа персидского и афинского флота над спартанским
- 393—382 гг. — Правление Ахориса, фараона Египта
- 392 г. — Назначение Автофрадата сатрапом Лидии
- 391 г. — Разгром спартанского войска Фиброна персидской армией под начальством сатрапа Ионина Струфа
- 390 г. — Эвагор выходит из повиновения персидскому царю
- 389 г. — Договор между Эвагором, Афинами и Египтом против Персии
- 388 г. — Назначение Тирибаза сатрапом Ионии и Лидии

- 386 г. — «Царский», или Анталкидов мир между Персией и греческими государствами
- 381 г. — Победа персов над Эвагором в битве у города Кития
- 380 г. — Договор между Эвагором и Оронтом, персидским наместником в Малой Азии
- 380—363 гг. — Правление Нектанеба I, фараона Египта
- 378 г. — Создание Второго афинского морского союза для войны с Персией
- 377—340 гг. — Правление Мавсола, династа Карии
- 373 г. — Неудача похода персов и афинских наемников против Египта. Мятеж сатрапа Каппадокии Датама
- 367 г. — Мятеж сатрапа Фригии Ариобарзана. Великое восстание сатрапов
- 362—360 гг. — Правление фараона Тахоса в Египте
- 361 г. — Финансовые реформы Тахоса
- 359 г. — Подавление восстания сатрапов
- Декабрь 359 г. — Смерть Артаксеркса II. Воцарение Оха (Артаксеркс III)
- 359—338 гг. — Царствование Артаксеркса III
- 356—352 г. — Мятеж Артабаза и Оронта, персидских сатрапов в Малой Азии
- 353—350 гг. — Правление Артемисии в Карии
- 350 г. — Неудачная попытка Артаксеркса III покорить Египет
- 349—344 гг. — Восстание финикийских городов и Кипра против Персии
- 345 г. — Взятие Артаксерксом III мятежного города Сидона
- Зима 343 г. — Поход Артаксеркса III против Египта
- 342 г. — Взятие Мемфиса персами и подавление египетского восстания
- 342—332 гг. — «Второе персидское господство» в Египте
- 340—335 гг. — Правление Пиксодара, династа Карии
- 338 г. — Убийство Артаксеркса III
- 338—336 гг. — Правление Арсеса
- 336—330 гг. — Царствование Дария III
- Весна 334 г. — Поход Александра Македонского против Ахеменидской державы
- Май 334 г. — Битва при Гранике
- Ноябрь 333 г. — Битва при Иссе
- Январь—июль 332 г. — Осада Тира войсками Александра Македонского
- Конец 332 г. — Захват Египта македонской армией
- 1 октября 331 г. — Битва при Гавгамелах
- Октябрь 331 г. — Коронация Александра Македонского на престол в Вавилоне
- 330 г. — Вступление македонской армии в Сузы. Захват Персеполя и Пасаргад Александром Македонским. Поджог Персеполя. Взятие Экбатан. Крушение Ахеменидской державы

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники ¹

- | | |
|--------|---|
| ABC | — A. K. Grayson. Assyrian and Babylonian chronicles. Locust Valley. (N. Y.), 1975. |
| ABL | — R. F. Harper. Assyrian and Babylonian letters. Chicago, 1892—1914. |
| AD | — G. R. Driver. Aramaic documents of the fifth century B. C. Ox., 1965. |
| AP | — A. Cowley. Aramaic papyri of the fifth century B. C. Ox., 1923. |
| ASB | — M. Streck. Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige. Bd. 1—3. Lpz., 1916. |
| BBS | — L. W. King. Babylonian boundary stones. L., 1912. |
| BE | — The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania. Series A: Cuneiform texts. Vol. 8. A. T. Clay. Legal and commercial transactions dated in the Assyrian, Neo-Babylonian and Persian periods, chiefly from Nippur. Philadelphia, 1908. Vol. 10. A. T. Clay. Business documents of Murashû sons of Nippur, dated in the reign of Darius II, 1904. |
| Beh. | — Бехистунская надпись Дария I. |
| BHLT | — A. K. Grayson. Babylonian historical-literary texts. Toronto and Buffalo, 1975. |
| BID | — E. N. von Voigtlander. The Bisitun inscription of Darius the Great. Babylonian version, — Corpus Inscriptionum Iranicarum, P. 1. Vol. 2. L., 1978. |
| BIN II | — Babylonian inscriptions in the Collection of J. B. Nies. Vol. 2. J. B. Nies, C. E. Keiser. Historical, religious and economic texts and antiquities. New Haven, 1920. |
| Camb. | — J. N. Strassmaier. Inschriften von Cambyses, König von Babylon. Lpz., 1890. |
| CDP | — F. L. Griffith. Catalogue of the Demotic papyri in the John Rylands library at Manchester. Vol. 3. Manchester, 1909. |
| CT IV | — Cuneiform texts from Babylonian tablets in the British Museum. P. 4. L., 1898. |
| Cyr | — J. N. Strassmaier. Inschriften von Cyrus, König von Babylon. Lpz., 1890. |
| DC | — W. Spiegelberg. Die sogenannte Demotische Chronik des Papyrus 215 der <i>Bibliothèque Nationale</i> zu Paris. — «Demotische Studien». H. 7. Lpz., 1915. |
| DH | — Надпись Дария I из Хамадана. |
| D N-R | — Накширустамская надпись Дария I. |
| DP | — Надпись Дария I из Персеполя. |
| DS | — Надпись Дария I из Суз. |
| EKBK | — J. N. Strassmaier. Einige kleinere babylonische Keilschrift- |

¹ Античные и библейские источники даны в общепринятых сокращениях и не включены в библиографию.

- texte aus dem Britischen Museum. — «Actes du Huitième congrès international des orientalistes». P. 2. Sect. I. Leiden, 1893. Beilage, c. 2—35. —
- FGrH — F. Jacoby. Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin—Leiden, 1923—1958.
- FHG — C. Müller. Fragmenta Historicorum Graecorum. Vol. 1—4. P., 1841—1870.
- Friedrich — J. Friedrich. Kleinasiatische Sprachdenkmäler. B., 1932.
- GC I — Goucher College Cuneiform Inscriptions. Vol. I. R. P. Dougherty. Archives from Erech, time of Nebuchadnezzar and Nabonidus. New Haven, 1923.
- GD — H. Collitz. Sammlung der griechischen Dialektinschriften. Vol. I. Göttingen, 1884.
- H — C. J. Gadd. The Harran inscriptions of Nabonidus. — «Anatolian Studies». Vol. 8. L., 1958, c. 35—92.
- ICS — O. Masson. Inscriptions chypriotes syllabiques. P., 1961.
- IGIDS — F. Solmsen. Inscriptiones Graecas ad illustrandas dialectas selectae. Lipsiae, 1903.
- Kraeling — E. G. Kraeling. The Brooklyn Museum Aramaic papyri. New documents of the fifth century B. C. from the Jewish colony at Elephantine. New Haven, 1953.
- KZ — P.-R. Berger. Der Kyros-Zylinder mit dem Zusatzfragment BIN II Nr. 32 und die akkadische Personennamen im Danielbuch. — ZA. Bd. 64, 1975, c. 192—234.
- LBAT — A. J. Sachs, T. G. Pinches, J. N. Strassmaier. Late Babylonian astronomical and related texts. Providence, 1965.
- Nbk — J. N. Strassmaier. Inschriften von Nabuchodonosor, König von Babylon. Lpz., 1889.
- NKI — S. Langdon. Die Neubabylonischen Königsinschriften. Lpz., 1912.
- NRV — M. San Nicolò, A. Ungnad. Neubabylonische Rechts- und Verwaltungsurkunden. Bd I. Lpz., 1929—1937.
- PF — R. T. Hallock. Persepolis Fortification Tablets. Chicago, 1969.
- Pinches, RP IV — T. G. Pinches. Babylonian contract-tablets with historical references. — «Records of the Past». New series. Vol. 4. L., 1890, c. 96—108.
- PTT — G. G. Cameron. Persepolis Treasury Tablets. Chicago, 1948.
- R II — H. C. Rawlinson. The cuneiform inscriptions of Western Asia. Vol. 2. L., 1866.
- Schott — A. Schott. Die inschriftlichen Quellen zur Geschichte Eannas. — APAW. 1929, № 7.
- Sm — J. N. Strassmaier. Inschriften von Nabopalassar und Smerdis. — ZA. Bd. 4, 1889, c. 106—152.
- Spiegelberg — W. Spiegelberg. Drei demotische Schreiben aus der Korrespondenz des Pherendates, des Satrapen Darius' I, mit den Chnum-Priestern von Elephantine. — SPAW, 1928, c. 604—626.
- ST — La stèle trilingue du Létéon. — Fouilles de Xanthos. T. 6. P., 1979.
- Stigers — H. G. Stigers. Neo- and Late Babylonian business documents from the John Friedrich Lewis Collection. — JCS. Vol. 28, 1976, c. 3—59.
- TMH II/III — Texte und Materialien der Frau Professor Hilprecht Collection. Bd II/III. O. Krückmann. Neubabylonische Rechts- und Verwaltungstexte. Lpz., 1933.
- UET I — Ur Excavations, Texts. Vol. I. C. J. Gadd, L. Legrain, S. Smith. Royal inscriptions. L., 1928.
- VS III, IV — Vorderasiatische Schriftdenkmäler der Königlichen Museen zu Berlin. Bd. III—IV. Lpz., 1907.
- XP — Надписи Ксеркса из Персеполя.
- YOS — Yale Oriental Series. Babylonian Texts. New Haven. Vol. 3. A. T. Clay. Neo-Babylonian letters from Erech. 1919. Vol. 6. R. P. Dougherty. Records from Erech, time of Nabonidus. 1920.

Периодические и справочные издания

- | | |
|----------|---|
| ВДИ | — «Вестник древней истории». М. |
| ИАН | — Известия Академии наук СССР. |
| КСИНА | — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР». М. |
| МИА | — Материалы и исследования по археологии СССР. М.—Л. |
| ОГН | — Отделение гуманитарных наук АН СССР. |
| ОЛЯ | — Отделение литературы и языка АН СССР. |
| ПС | — Палестинский сборник. Л. |
| СА | — «Советская археология». М. |
| СИФ | — Серия истории и филологии. |
| АА | — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest. |
| AcIr | — Acta Iranica. Collection fondée à l'occasion du 2500 ^e Anniversaire de fondation de l'Empire Perse par Cyrus le Grand. Leiden. |
| AfO | — Archiv für Orientforschung. Graz. |
| AiWb | — Chr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904. |
| AJA | — «American Journal of Archaeology». Princeton. |
| AJP | — «American Journal of Philology». Baltimore. |
| AJSL | — «American Journal of Semitic Languages and Literatures». Chicago. |
| AMI | — «Archaeologische Mitteilungen aus Iran». B. |
| AnSt | — «Anatolian Studies. Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara». L. |
| APAW | — «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch—historische Klasse». B. |
| ArOr | — «Archiv Orientalní». Praha. |
| ASAE | — «Annales du Service des Antiquités de l'Egypte». Le Caire. |
| BIFAO | — «Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale». Le Caire. |
| BMQ | — «British Museum Quarterly». L. |
| BO | — «Bibliotheca Orientalis». Leiden. |
| CAD | — The Assyrian dictionary of the University of Chicago. Glückstadt, 1956—1982. |
| DAO | — «Der alte Orient». Lpz. |
| Iran | — «Iran. Journal of the British Institute of Persian Studies in Teheran». L. |
| IrAn | — «Iranica Antiqua». Leiden. |
| Iraq | — Iraq. British School of archaeology in Iraq. L. |
| JA | — «Journal Asiatique». P. |
| JAOS | — «Journal of the American Oriental Society». Boston. |
| JBL | — «Journal of Biblical Literature». Philadelphia. |
| JCS | — «Journal of Cuneiform Studies». New Haven. |
| JHS | — «Journal of Hellenic Studies». L. |
| JNES | — «Journal of Near Eastern Studies». Chicago. |
| JRAS | — «Journal of the Royal Asiatic Society». L. |
| JSOT | — «Journal for the Study of the Old Testament». Department of Biblical Studies, University of Sheffield, Sheffield. |
| Historia | — «Historia. Zeitschrift für alte Geschichte». Wiesbaden. |
| MDOG | — «Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft». B. |
| MDP | — Mémoires de la Délégation en Perse. P. |
| MIFAO | — Mémoires publiés par les membres de l'Institut Français d'Archéologie Orientale du Caire. Le Caire. |
| MMAI | — Mémoires de la Mission Archéologique en Iran. P. |
| NC | — «Numismatic Chronicle». L. |
| NF | — Neue Folge. |
| OLZ | — «Orientalistische Literaturzeitung». B. |

Or.	— «Orientalia». Roma.
PW	— Reallexikon der klassischen Wissenschaft, hrsg. von Pauly—Wissowa — Kroll. Lpz.
RA	— «Revue d'assyriologie». P.
RIA	— Reallexikon der Assyriologie. B.
ZAS	— «Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde». Lpz.
SPA	— «A Survey of Persian Art». L.—N. Y.
SPAW	— «Sitzungsberichte der Preussischen Akademis der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse». B.
TPS	— «Transactions of the Philological Society». L.
UVB	— Vorläufiger Bericht über die ... in Uruk-Warka unternommenen Ausgrabungen. B.
WVDOG	— Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft. B.
ZA	— «Zeitschrift für Assyriologie». B.
ZDMG	— «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft». Wiesbaden.
ZDPV	— «Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins». Stuttgart.

Литература

1. Абаев В. И. Скифский быт и реформа Зороастра. — ArOr. Т. 24, 1956, с. 23—56.
2. Абаев В. И. К этимологии древнеперсидских имен. — «Этимология. 1965». М., 1967, с. 288—295.
3. Абаев В. И. Миф и история в Гатах Зороастра. — Историко-филологические исследования. Памяти Н. И. Конрада. М., 1974, с. 310—321.
4. Алексеев А. Н. О так называемой чуме в Афинах. — ВДИ. 1966, № 3, с. 127—142.
5. Алиев И. История Мидии. Баку, 1960.
6. Амусин И. Д. Кумранский фрагмент «молитвы» вавилонского царя Набонида. — ВДИ. 1958, № 4, с. 104—117.
7. Амусин И. Д. Тексты Кумрана. Вып. 1. М., 1971.
8. Боголюбов М. Н. К чтению Страсбургского арамейского папируса. — ПС. Вып. 19, 1969, с. 69—75.
9. Боголюбов М. Н. Арамейская версия лидийско-арамейской билингвы. — «Вопросы языкознания». 1974, № 6, с. 106—112.
10. Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. М., 1974.
11. Вейнберг И. П. Город в палестинской гражданско-храмовой общине VI—IV вв. до н. э. — Древний Восток. Города и торговля. Ер., 1974, с. 149—161.
12. Всемирная история. Т. 2. М., 1956.
13. Гафуров Б. Г. К 2500-летию Иранского государства. — История Иранского государства и культуры. М., 1971, с. 5—37.
14. Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
15. Глускина Л. М. Трезенская надпись с декретом Фемистокла. — ВДИ. 1963, № 4, с. 35—52.
16. Грантовский Э. А. Сагартин и XIV округ государства Ахеменидов по списку Геродота. — КСИНА. № 46, 1962, с. 227—250.
17. Дандамаев М. А. К вопросу о династии Ахеменидов. — ПС. Вып. 5, 1960, с. 3—21.
18. Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963.
19. Дандамаев М. А. Поход Дария против скифского племени тиграхауда. — КСИНА. № 61, 1963, с. 175—187.
20. Доватур А. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957.
21. Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.-Л., 1956.
22. Дьяконов И. М. Рабовладельческие имения персидских вельмож. — ВДИ. 1959, № 4, с. 70—92.

23. Дьяконов И. М. [Ред. на:] Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963. — ВДИ. 1964, № 3, с. 177—187.
24. Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ер., 1968.
25. Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса). — История Иранского государства и культуры. М., 1971, с. 122—154.
26. Дьяконов М. М. Сложение классового общества в северной Бактрии. — СА. Вып. 19. 1954, с. 121—135.
27. Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
- 27а. История древнего мира. I. Ранняя древность (под редакцией И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой). М., 1982.
28. История Туркменской ССР. Т. I. Кн. I. Аш., 1957.
29. Капанцян Г. А. Хайаса — колыбель армян. Ер., 1947.
30. Капанцян Г. А. Историко-лингвистические работы. Ер., 1956.
31. Ксенофонт. Анабасис. Пер. М. И. Максимовой. М.-Л., 1951.
32. Литвинский Б. А. Сака хаумавапра. — Beiträge zur Alten Geschichte und deren Nachleben. Festschrift für Franz Altheim. Bd. 1. В., 1969, с. 115—126.
33. Лурье С. Я. История Греции. Ч. I. Л., 1940.
34. Лурье С. Я. Геродот. М.-Л., 1947.
35. Мазетти К. Вопросы лидийской хронологии. — ВДИ. 1978, № 2, с. 175—178.
- 35а. Мазетти К. Война Дария II со скифами и вавилонская пророческая литература. — ВДИ. 1982, № 3, с. 106—110.
36. Маргулес Б. Б. Геродот, III, 80—82 и софистическая литература. — ВДИ, 1960, № 1, с. 21—34.
37. Маринович Л. П. Греческие наемники в конце V—начале IV в. до н. э. — ВДИ, 1958, № 4, с. 70—87.
38. Маринович Л. П. [Ред. на:] Hamilton J. R. Alexander the Great. L., 1973. — ВДИ. 1979, № 2, с. 191—195.
39. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА. Вып. 73. М. — Л., 1959.
40. Массон В. М. Археологические памятники Средней Азии и греко-римские влияния и связи. — «Accademia Nazionale dei Lincei», anno 363, N 76. Roma, 1966, с. 335—356.
41. Массон В. М. Еще раз о геродотовой реке Акес. — Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967, с. 172—175.
42. Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960.
43. Патканов К. П. О мнимом походе Таклат-Палараса к берегам Инда. — Труды III международного съезда ориенталистов. Т. I. СПб., 1879—1880, с. 33—70.
44. Периханян А. Г. Храмовые объединения Малой Азии и Армении. М., 1959.
45. Плутарх. Избранные биографии. Перевод с греческого под редакцией и с предисловием С. Я. Лурье. М. — Л., 1941.
46. Пьянков И. В. К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов. — ВДИ. 1964, № 3, с. 115—130.
47. Пьянков И. В. Борьба Кира II с Астиагом по данным античных авторов. — ВДИ. 1971, № 3, с. 16—37.
48. Пьянков И. В. Образование державы Ахеменидов по данным античных источников. — История Иранского государства и культуры. М., 1971, с. 83—93.
49. Пьянков И. В. Хорасмин Гекатей Милетского. — ВДИ. 1972, № 2, с. 3—21.
50. Ростовцев М. М. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918.
51. Сариганди В. И. Афганистан в эпоху бронзы и раннего железа. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1975.
52. Струве В. В. Подлинная причина разрушения иудейского храма на Элефантине в 410 г. до н. э. — ВДИ. 1938, № 4, с. 99—119.
53. Струве В. В. Поход Дария I на саков-массагетов. — ИАН. Т. 3. 1946. № 3, с. 231—250.
54. Струве В. В. Новые данные истории Армении, засвидетельствованные Бехистунской надписью. — «Известия АН Армянской ССР». Отделение общественных наук. 1946, № 8, с. 31—38.

55. Струве В. В. Геродот и политические течения в Персии эпохи Дария I. — ВДИ. 1943, № 3, с. 12—35.
56. Струве В. В. Восстание в Маргиане при Дарии I. — ВДИ. 1949, № 2, с. 10—29.
57. Струве В. В. Реформа письменности при Дарии I. — ВДИ. 1951, № 1, с. 186—191.
58. Струве В. В. Датировка Бехистунской надписи. — ВДИ. 1952, № 1, с. 26—48.
59. Струве В. В. Дарий I и скифы Причерноморья. — ВДИ. 1949, № 4, с. 15—28.
60. Струве В. В. Восстание в Египте в первый год царствования Дария I. — ПС. Вып. 1, 1954, с. 7—13.
61. Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.
62. Толстов С. П. Основные вопросы древней истории Средней Азии. — ВДИ. 1938, № 1, с. 176—203.
63. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М. — Л., 1948.
64. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Янсагта. М., 1962.
65. Тураев Б. А. Скифия в иероглифической надписи. — Сборник статей в честь С. Ф. Платонова. СПб., 1911, с. 358—365.
66. Тюрин В. О. Социальное положение *курташ* по документам из «Сокровищницы» Персеполя. — ВДИ. 1951, № 3, с. 21—39.
67. Тюрин В. О. К установлению значения социально-экономических терминов Бехистунской надписи. — Труды Института языкознания АН СССР. Т. 6. М., 1956, с. 499—525.
68. Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.
69. Фрейман А. А. Пленный враг Дария — скиф Скунха. — ИАН, ОЛЯ. Т. 7. 1948, № 3, с. 235—240.
70. Фукидид. История. Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1981.
- 70а. Черненко Е. В. Скифо-персидская война. Киев, 1984.
71. Шилейко В. Печать царя Артаксеркса. — «Жизнь музея». Бюллетень Государственного музея изящных искусств, № 1. М., 1925, с. 17—19.
72. Эсхил. Персы. Пер. В. Аппельрота. — Алексеев В. А. Древнегреческие поэты в биографиях и образцах. СПб., 1895, с. 165—282.
73. Юсифов Ю. Б. Хозяйственные документы из Суз и хронология ранних Ахеменидов. — ВДИ. 1958, № 3, с. 18—32.
74. Юсифов Ю. Б. Царское ремесленное хозяйство в Эламе мидийско-персидского времени. — «Труды Института истории АН Азербайджанской ССР». Вып. 13, 1958, с. 80—106.
75. Akröyd P. R. Two Old Testament historical problems of the early Persian period. — JNES. Vol. 17, 1958, с. 13—27.
76. Adams Mc. C. Land behind Baghdad. Chicago—London, 1965.
77. Albright W. F. The Biblical period. Pittsburgh, 1950.
78. Altheim F. [Рец. на:] Cameron G. G. Persepolis Treasury Tablets. Chicago, 1948. — «Gnomon». Vol. 23, 1951, с. 187—193.
79. Altheim F., Stiehl R. Die aramäische Sprache unter den Achaimeniden. Lief. 1—3. Frankfurt am Main, [1961—1962].
80. Apfel H. Die Verfassungsdebatte bei Herodot. Diss. Erlangen, 1957.
81. Atkinson K. The legitimacy of Cambyses and Darius as kings of Egypt. — JAOS. Vol. 76, 1956, с. 167—177.
82. Avery H. C. Herodotus' picture of Cyrus. — AJP. Vol. 93. 1972, N 4, с. 529—546.
83. Badian E. A document of Artaxerxes IV? — Kinzl K. H. (ed.). Greece and the Eastern Mediterranean in ancient history and prehistory. B., 1977, с. 41—50.
84. Balcer J. M. The Persian occupation of Thrace 519—491 B. C. — Actes du II^e congrès international des études du sud-est européen. T. 2. Athènes, 1972, с. 241—258.
85. Balcer J. M. Darius' Scythian expedition. — «Classical Philology». Vol. 76, 1972, с. 99—132.
86. Balcer J. M. Alexander's burning of Persepolis. — Iran. Vol. 13, 1978, с. 119—133.
87. Balkan K. Inscribed bullae from Dascyleion-Ergili. — «Anatolia». Vol. 4, 1959, с. 123—128.

88. Barnett R. D. Xenophon and the wall of Media. — JHS. Vol. 83, 1963, c. 1—28.
89. Bauer A. Die Kyros-Sage und Verwandte. Wien, 1882.
90. Beloch J. Griechische Geschichte. Bd. 1—4. B.-Lpz., 1912—1927.
91. Bengtson H. Scylax von Caryanda und Herakleides von Mysala. — «Hystoria». Bd. 3, 1955, c. 301—307.
92. Bengtson H. Griechische Geschichte von den Anfängen bis die römische Kaiserzeit. München, 1960.
93. Bengtson H. Die Staatsverträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v. Chr. München, 1962.
94. Bengtson H. Griechen und Perser. — Fischer Weltgeschichte. Bd. 5. Frankfurt am Main, 1965.
95. Ben-Gurion D. Cyrus, King of Persia. — AcIr. Vol. I. Leiden, 1974, c. 127—134.
96. Benveniste É. Une Bilingue gréco-araméenne d'Asoka. Les données iraniennes. — JA. T. 246, 1958, c. 36—48.
97. Berger P.-R. Das Neujahrsfest nach den Königsinschriften der ausgehenden Babylonischen Reiche. — «Actes de la XVII^e Rencontre Assyriologique Internationale» Ham-Sur-Heure, 1970, c. 155—159.
98. Bertin G. Herodotus on the Magians. — JRAS. Vol. 22, 1890, c. 821—822.
99. Bickerman E. J. Notes sur la chronologie du XXX^e dynastie. — MIFAO. T. 66, 1934, c. 77—83.
100. Bickerman E. J. The Seleucids and the Achaemenids. — La Persia e il mondo greco-romano. — «Accademia Nazionale dei Lincei». N 76. Roma, 1966, c. 87—117.
101. Bickerman E. J. Four strange books of the Bible. N. Y., 1967.
102. Bickerman E. J. The Edict of Cyrus in Ezra I. — Bickerman E. Studies in Jewish and Christian history. Vol. I. Leiden, 1976, c. 72—108.
- 102a. Bickerman E. J., Tadmor H. Darius I, Pseudo-Smerdis, and the Magi. «Athenaeum. Studi Periodici di Letteratura dell'Antichità». Nuova Serie. N LVI. Pavia, 1978, c. 239—261.
103. Bigwood J. M. Ctesias' account of the revolt of Inarus. — «Phoenix». Vol. 30, 1976, c. 1—25.
104. Bivar A. D. H. A «satrap» of Cyrus the Younger. — NC. VIIth series. P. 1. 1961, c. 119—127.
105. Bivar A. D. H. The Achaemenids and the Macedonians: stability and turbulence. — Central Asia (ed. G. Hambly). L., 1969, c. 15—26.
106. Boffo L. Gli Ioni a Micale. — Istituto Lombardo. Accademia di Scienze e Lettere. Rendiconti, Classe di Lettere. Vol. 111. Milano, 1977, c. 83—90.
107. Boffo L. Il logos di Oreste in Erodoto. — «Accademia Nazionale dei Lincei». Serie VIII. Vol. 34. Fasc. 4. Roma, 1979, c. 85—104.
- 107a. Boffo L. La conquista persiana delle città greche d'Asia Minore — «Atti della Accademia Nazionale dei Lincei» Memorie. Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. Serie VIII. Vol. XXVI. Fasc. I. Roma. 1983.
108. Böhl F. M. Th. Die Tochter des Königs Nabonid. — Symbolae ad iura orientis antiqui pertinentes P. Koschaker dedicatae. Leiden, 1939, c. 151—178.
109. Böhl F. M. Th. Die babylonischen Prätendenten zur Zeit des Xerxes. — BO. 1962, c. 110—112.
110. Böhl E. M. Th. Die babylonischen Prätendenten zur Anfangszeit des Darius I. — BO. 1968, c. 150—153.
- 110a. Borger R. Die Chronologie des Darius-Denkmal am Behistun-Felsen. — «Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse», N 3. Göttingen, 1982, c. 105—132.
111. Borger R. Die Waffenträger des Königs Darius. — «Vetus Testamentum». Vol. 22, 1972, c. 386—398.
- 111a. Boyce M. A history of Zoroastrianism. Vol. 2. Leiden, 1982 (=Handbuch der Orientalistik. Erste Abteilung, Bd. 8, Abschnitt 1, Lief. 2, H. 2 A).
112. Brannan P. T. Herodotus and his History: the constitutional debate preceding Darius' accession. — «Traditio». Vol. 19, 1963, c. 427—438.
113. Bresciani E. La satrapia d'Egitto. — SCO. Vol. 7, 1958, c. 132—188.
114. Bresciani E. Ägypten und das Perserreich. — Fischer Weltgeschichte. Bd. 5. Frankfurt am Main, 1965, c. 311—329.

115. Briant P. Alexandre le Grand. P., 1974.
116. Briant P. «Brigandage», dissidence et conquête en Asie Achéménide et Hellénistique. — Centre de recherches d'histoire ancienne. T. 21, 1976, c. 163—279.
117. Briant P. Des Achéménides aux rois Hellénistique: continuités et ruptures. — Annali della Scuola Normale. Classe di Lettere e Filosofia. Serie III. Vol. IX, 4. Pisa, 1979, c. 1375—1414.
118. Briant P. Conquête territoriale et stratégie idéologique: Alexandre le Grand et l'idéologie monarchique Achéménide. — Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace historyczne. Z. 63, 1980, c. 37—83.
119. Brugsch H. Reise nach der grossen Oase El Khargeh. Lpz., 1878.
120. Brugsch H. Thesaurus Inscriptionum Egyptiacarum. Abt. 3. Lpz., 1884.
121. Brunner G. Der Nabuchodonosor des Buches Judith. B., 1959.
122. Burn A. R. Persia and the Greeks, the defence of the West, c. 546—478 B. C. L., 1970.
123. Burstein S. M. The *Babyloniaca* of Berossus. Malibu, 1978.
124. Cameron G. G. History of early Iran. N. Y., 1936.
125. Cameron G. G. Darius and Xerxes in Babylonia. — AJSL. Vol. 58. 1941, N 3, c. 314—325.
126. Cameron G. G. Darius, Egypt and «the lands beyond the Sea». — JNES. Vol. 2, 1943, c. 307—313.
127. Cameron G. G. Ancient Persia. — The idea of history in the ancient Near East (ed. by R. C. Dentan). — «American Oriental Series». Vol. 38. New Haven, 1955, c. 77—97.
128. Cameron G. G. The Elamite version of the Bisitun inscriptions. — JCS. Vol. 14, 1960, c. 59—68.
129. Cameron G. G. Cyrus the «Father», and Babylonia. — Aclr. Vol. I, 1974, c. 45—59.
130. Cameron G. G. Darius the Great and his Scythian (Saka) campaign. Bisutun and Herodotus. — Aclr. Vol. 4, 1975, c. 77—88.
131. Capart J. A. Darius inscription from El Kab. — «Bulletin of the Iranian Institute». Vol. 6—7, N 1. N. Y., 1946, c. 18—19.
- 131a. Cargill J. The Nabonidus chronicle and the fall of Lydia. — «American Journal of Ancient History». Vol. 2, 1977, c. 97—116.
132. Carter E., Stolper M. Middle Elamite Malyan. — «Expedition». Vol. 18, N 2. 1976, c. 33—42.
133. Chassinat E. Une monnaie d'or à légendes hieroglyphiques trouvées en Egypte. — BIFAO. T. I, 1907, c. 78—86; T. 7, 1910, c. 165—167.
134. Chassinat E. Le temple d'Edfou. T. 1—14. P., 1897—1934.
- 134a. Childs W. A. P. Lycian relations with Persians and Greeks in the fifth and fourth centuries re-examined. — AnSt. N 31, 1981, c. 55—80.
135. Christensen A. Die Iranier. München, 1933.
136. Glay A. T. Gobryas, governor of Babylonia. — JAOS. Vol. 41, 1921, c. 466—467.
- 136a. Cook J. M. The Persian Empire. London—Melbourne—Toronto, 1983.
137. Cooke G. A. A text-book of North-Semitic inscriptions. Ox., 1903.
138. Cross F. M. Papyri of the fourth century B. C. from Dāliyah. — New directions in Biblical archaeology, ed. by D. N. Freedman and J. C. Greenfield. N. Y., 1971, c. 45—69.
139. Dandamajev M. [Peu. na:] Mayrhofer M. Onomastica Persepolitana. Wien, 1973. — «Göttingische Gelehrte Anzeigen». 227. Jahrgang. Hft 3/4, 1975, c. 225—240.
140. Darmesfeter J. The Zend Avesta. Vol. 2—3. Ox., 1880—1883.
141. Debevoise N. C. A political history of Parthia. Chicago, 1938.
142. Demandt A. Die Ohren des falschen Smerdis. — IrAn. Vol. 9, 1972, c. 94—101.
143. Diakonoff I. M. The origin of the «Old Persian» writing system and the ancient Oriental epigraphic and annalistic traditions. — W. B. Henning memorial volume. L., 1970, c. 98—124.
144. Dougherty R. P. Nabonidus and Belshazzar. A study of the closing events of the Neo-Babylonian Empire. New Haven, 1929.
145. Dougherty R. P. The Sealand of ancient Arabia. New Haven, 1932.

146. Drews R. The Greek accounts of Eastern history. Cambridge Mass., 1973.
147. Drews R. The fall of Astyages and Herodotus' chronology of the Eastern kingdoms. — «Historia». Bd. 18. Hft. 1, 1969, c. 1—11.
148. Dubberstein W. H. The chronology of Cyrus and Cambyses. — *AJSL*. Vol. 55, 1938, c. 417—419.
149. Duchesne-Guillemin J. Zoroastre. Etude critique avec une traduction commentée des Gāthās. P., 1948.
150. Duncker M. Geschichte des Alterthums. Bd. II, IV. Lpz., 1867.
- 150a. Eph'al I. The Western minorities in Babylonia in the 6th—5th centuries B. C.: maintenance and cohesion. — *Or. N* 47, 1978, c. 74—90.
151. Eggermont P. H. L. Alexander's campaigns in Sind and Baluchistan. The Hague, 1975.
152. Eilers W. Altpersische Miscellen. — *ZA*. Bd. 51, 1955, c. 225—236.
153. Eilers W. Cyrus. Eine namenkundliche Studie. — «Beiträge zur Namenforschung». Bd. 15, 1964, c. 180—236.
154. Eilers W. Der Keilschrifttext des Kyros-Zylinders. — Festgabe deutscher Iranisten zur 2500 Jahrfeier Irans. Stuttgart, 1971, c. 156—166.
155. Eilers W. Cyrus. — «Indogermanische Forschungen». Bd. 79, 1974, c. 53—66.
156. Elayi J. Le rôle de l'oracle Delphes dans le conflit gréco-perses d'après «Les Histoires» d'Hérodote. — *IrAn*. T. 13, 1978, c. 93—117.
157. Elwell-Sutton L. A guide to Iranian study. Ann Arbor, 1952.
158. Falkenstein A. Topographie von Uruk. I. Teil: Uruk zur Seleukidenzeit. Lpz., 1941.
159. Falkenstein A. Zwei Rituale aus seleukidischer Zeit. — *UVB*. Bd. 15, 1959, c. 40—45.
160. Falkenstein A. Akiti-Fest und akitti-Festhaus. — Festschrift J. Friedrich zum 65. Geburtstag gewidmet. Heidelberg, 1959, c. 147—182.
161. Floigl V. Cyrus und Herodot. Lpz., 1881.
162. Frye R. N. The charisma of kingship in ancient Iran. — *IrAn*. Vol. 6, 1964, c. 36—54.
163. von Gall H. Persische und medische Stämme. — *AMI, NF*, Bd. 5, 1972, c. 261—283.
164. Galling K. Syrien in der Politik der Achaemeniden bis zum Aufstand des Megabyzus 448 v. Chr. — *DAO*. Bd. 26, 1937.
165. Galling K. Von Nabonid zu Darius. Studien zur chaldäischen und persischen Geschichte. — *ZDPV*. Bd. 70, 1954, c. 4—32.
166. Galling K. Studien zur Geschichte Israels im persischer Zeitalter. Tübingen, 1964.
167. Gardner P. The gold coinage of Asia before Alexander the Great. L., 1908.
168. Garelli P. Nabonide. — *Dictionnaire de la Bible. Supplément*. Fasc. 31, 1958, c. 269—286.
169. Gauthier H. Le Livre des rois d'Égypte, T. 1—5. Kairo, 1907—1917.
170. Gazelles H. Nouveaux documents araméens d'Égypte. — «Syria». T. 32, 1955, c. 75—99.
171. Gershevitch I. The Avestan hymn to Mithra. Cambridge, 1959.
172. Gershevitch I. Iranian nouns and names in Elamite garb. — *TPS*, 1969, c. 165—200.
173. Gershevitch I. The false Smerdis. — *AA*. Vol. 27, 1979, c. 337—351.
174. Ghirshman R. Masjid-i-Solaiman, résidence des premiers Achéménides. — «Syria». Vol. 27, 1950, c. 205—220.
175. Ghirshman R. Cinq campagnes de fouilles à Suse (1946—1951). — *RA*. Vol. 46, 1952, c. 1—18.
176. Chirshman R. Village Perse-Achéménide. — *MMAI*. T. 36, 1954.
177. Ghirshman R. La civilisation achéménide et l'Urartu. — *A Locust's Leg. Studies in honour of S. H. Taqizadeh*. L., 1962, c. 85—88.
178. Gillis D. Collaboration with the Persians. — «Historia». Einzelschriften. Hft 34. Wiesbaden, 1979, c. 1—87.
179. Gnoli G. Zoroaster's time and homeland. Naples, 1980.
180. Goossens G. Les recherches historiques à l'époque néo-babylonienne. — «Actes du XXI^e Congrès des Orientalistes». P., 1949, c. 144—145.
181. Goyon G. Nouvelles inscriptions rupestres du Uádi Hammâmât. P., 1957.

182. Gray G. B. The foundation and extension of the Persian Empire. — The Cambridge Ancient History. Vol. IV. Cambridge, 1969, c. 1—25.
183. Greenfield J. C. [Peu. na:] Brunner G. Der Nabuchodonosor des Buches Judith. B., 1959. — JBL. Vol. 80, 1961, c. 298.
184. Griffiths J. G. *Basileus basileon*: remarks on the history of a title. — «Classical Philology». Vol. 48, 1953, N 3, c. 145—154.
185. Grosso F. Gli Eretriosi deportati in Persia. — «Rivista di filologia e di istruzione classica». Vol. 36, 1958, c. 350—375.
186. Gschnitzer F. Die sieben Perser und das Königtum des Dareios. Heidelberg, 1977.
187. Gunn B. The inscribed sarcophagi in the Serapeum. — ASAE. Vol. 26, 1926, c. 81—95.
188. Gyles M. F. Pharaonic policies and administration, 663 to 323 B. C. Chapel Hill, 1959.
189. Hallo W. W. Gutium. — RIA. Bd. 3, 1968—1971, c. 708—720.
- 189a. Hanfmann G. M. A. Lydian relations with Ionia and Persia — The proceedings of the Xth International congress of Classical Archaeology. Ankara, 1978, c. 25—35.
190. Hansman J. Elamites, Achaemenians and Anshan. — Iran. Vol. 10, 1972, c. 101—124.
191. Hansman J. An Achaemenian stronghold. — AcIr. Vol. 6, 1975, c. 289—309.
192. Harmatta J. Das Problem der Kontinuität im frühhellinistischen Ägypten. — AA. Vol. 11, 1963, c. 199—213.
193. Harmatta J. The literary patterns of the Babylonian edict of Cyrus. — AA. Vol. 19, 1971, c. 217—231.
194. Harmatta J. Darius' expedition against the Sakā tigraxaudā. — Studies in the sources on the history of Pre-Islamic Central Asia. Budapest, 1979, c. 19—28.
195. Haussoullier B. Offrande à Apollon Didyméen. — MDP. T. 7, 1905, c. 155—165.
196. Henning W. B. The murder of the Magi. — JRAS. 1944, c. 133—144.
197. Henning W. B. Zoroaster — politician or witch-doctor? L., 1951.
198. Hermes G. Zur Sociologie der Lehre Zarathustras. — «Anthropos». Bd. 33, 1938, c. 181—194, 424—444.
199. Hertel J. Achämeniden und Kayaniden. Lpz., 1924.
200. Hertel J. Die Zeit Zoroasters. Lpz., 1924.
201. Herzfeld E. A new inscription of Darius from Hamadan. — «Archaeological Survey of India. Memoires», N 34. Calcutta, 1928.
202. Herzfeld E. Der geschichtliche Vištāspa. — AMI. Bd. 1, 1929, c. 77—123.
203. Herzfeld E. Zarathustra. — AMI. Bd. 2, 1930.
204. Herzfeld E. Dareios Soter. — AMI. Bd. 3, 1930, c. 1—11.
205. Herzfeld E. Die Goldtafel des Āryārāmna. — «Berliner Museen. Berichte aus den Preussischen Kunstsammlungen». Bd. 52. Hft. 3, 1931, c. 52—55.
206. Herzfeld E. A new inscription of Xerxes from Persepolis. — «Studies in Ancient Oriental Civilization», N 5. Chicago, 1932.
207. Herzfeld E. Dareios Abdenkung. — AMI. Bd. 4, 1932, c. 117—125.
208. Herzfeld E. Smerdis und Pseudosmerdis. — AMI. Bd. 5, 1933, c. 125—142.
209. Herzfeld E. Archaeological history of Iran. L., 1935.
210. Herzfeld E. Altpersische Inschriften. B., 1938.
211. Herzfeld E. Iran in the Ancient East. L., 1941.
212. Herzfeld E. Zoroaster and his world. Princeton, 1947.
213. Herzfeld E. Early historical contacts between the Old-Iranian Empire and India. — India Antiqua. A volume of Oriental studies presented to J. P. Vogel. Leiden, 1947, c. 180—184.
214. Herzfeld E. The Persian Empire. Studies in geography and ethnography of the Ancient Near East. Wiesbaden, 1968.
215. Hill G. Tachos, King of Egypt. — BMQ. Vol. I, 1927, c. 24—25.
216. Hinz W. Zur iranischen Altertumskunde. — ZDMG. Bd. 93, 1939, c. 363—380.
217. Hinz W. Zu § 14 der Behistun-Inschrift. — ZDMG. Bd. 113, 1963, c. 231—235.
218. Hinz W. Das Reich Elam. Stuttgart, 1964.
219. Hinz W. Altiranische Funde und Forschungen. B., 1969.

220. Hinz W. Die elamischen Buchungstäfelchen der Darius-Zeit. — Or. Vol. 39, 1970, c. 421—440.
221. Hinz W. Achämenidische Hofverwaltung. — ZA. Bd. 61, 1971, c. 260—311.
222. Hinz W. Persis. — PW. 1971, c. 1022—1038.
223. Hinz W. Die Zusätze zur Darius-Inschrift von Behistan. — AMI, NF. Bd. 5. 1972, c. 243—251.
224. Hinz W. Neue Wege im Altpersischen. Wiesbaden, 1973.
225. Hinz W. [Рец. на:] История Иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства. М., 1971. — OLZ. 1975, c. 388—393.
226. Hinz W. Darius und die Perser. Bd. 1—2. Baden-Baden, 1976, 1979.
227. von Hoffmann I. Vorbichler A. Das Kambysesbild bei Herodot. — AfO. Bd. 27, 1980, c. 86—105.
- 227a. Hoffmann K. Das Avesta in der Persis. — Prolegomena to the sources on the history of Pre-Islamic Central Asia, edited by J. Harmatta. Budapest, 1979, c. 89—93.
228. Hoffmann-Kutschke A. Iranisches bei Griechen. — «Philologus». Bd. 66. Lpz., 1907, c. 173—191.
229. Hofstetter J. Zu den griechischen Gesandtschaften nach Persien. — «Historia». Einzelschriften. Hft. 18. Wiesbaden, 1972, c. 94—107.
230. How H., Wells J. A commentary on Herodotus. Vol. 1—2. Ox., 1928.
231. Huart C., Delaporte L. L'Iran antique. P., 1952.
232. Humbach H. Marathoi. — «Pratidānam». Haag-Paris, 1968, c. 154—156.
233. Hüsing G. Die Namen der Könige von Anšan. — OLZ. 1908, c. 318—322.
234. Hüsing G. Porušātiš und das achämanidische Lehenwesen. Wien, 1933.
235. Hütecker W. Über den falschen Smerdis. Königsberg, 1885.
236. Jansen J. The Coptic story of Cambyses' invasion of Egypt. Oslo, 1950.
237. Jenni E. Die Rolle des Kyros bei Deuteriojesaja. — «Theologische Zeitschrift». Bd. 10. Heft 4, 1954, c. 241—256.
238. Junge P. J. Hazarapatiš. — «Klio». Bd. 33, 1940, c. 13—38.
239. Junge P. J. Darius I. König der Perser. Lpz., 1944.
240. Junge P. J. Akaufaciya. — ZDMG. Bd. 98, 1944, c. 369—376.
241. Justi F. Geschichte des alten Persiens. B., 1879.
242. Justi F. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895.
243. Kapelrud A. S. [Рец. на:] Wright J. S. The date of Ezra's coming to Jerusalem. L., 1947. — BO. 1949, c. 63—64.
244. Keiper P. Die Perser des Aeschylus als Quelle für altpersische Altertumskunde. Erlangen, 1877.
245. Kent R. G. Darius' Behistun inscription, Column V. — JNES. Vol. 2, 1943, c. 105—114.
246. Kent R. G. The oldest Old Persian inscriptions. — JAOS. Vol. 66, 1946, c. 206—212.
247. Kent R. G. Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon. New Haven, 1953.
248. Kienitz F. K. Die politische Geschichte Ägyptens von 7. bis zum 4. Jahrhundert vor der Zeitwende. B., 1953.
249. Kienitz F. K. Die saïtische Renaissance. — Fischer Weltgeschichte. Bd. 4. Frankfurt am Main, 1967, c. 256—282.
250. Kiessling M. H. Zur Geschichte der ersten Regierungsjahre des Darius Hystaspes. Lpz., 1901.
251. King L. W., Thompson R. C. The sculptures and inscriptions of Darius the Great on the rock of Behistun in Persia. L., 1907.
252. Kleiss W. Der Takht-i Rustam bei Persepolis und das Kyros-Grab in Pasargadae. — «Archäologischer Anzeiger». B., 1971, Hft. 2, c. 157—162.
253. Klíma O. Gaiðāmčā māniyamčā. — Festschrift für Wilhelm Eilers. Wiesbaden, 1967, c. 37—42.
254. Koldewey R. Das wieder erstehende Babylon. Lpz., 1925.
255. Komoróczy G. Ummān-manda. — AA. Vol. 25, 1977, c. 43—67.
256. König F. W. Der falsche Bardija; Dareios der Grosse und Lügenkönige. Wien, 1938.
257. König F. W. Relief und Inschrift des Königs Dareios I am Felsen von Bagistan. Leiden, 1938.

258. Konow S. A note on the Sakas and Zoroastrianism. — Oriental studies in honour of C. E. Pavry. L., 1933, c. 220—222.
259. Kreissig H. Die sozialökonomische Situation in Juda zur Achämenidenzeit. B., 1973.
- 259a. Kuhrt A. The Cyrus Cylinder and Achaemenid imperial policy. — JSOT 25 (1983), c. 83—97.
2596. de Kuypers J. The fate of the city of Babylon during the early Achaemenids. — «Akkadica», 31, 1983, c. 24.
260. Lambert W. G. Nebuchadnezzar King of Justice. — «Iraq». Vol. 27, 1965, c. 1—11.
261. Landsberger B. Die Basaltstele Nabonids von Eski-Harran. — In memoriam Halil Edhem. Vol. 1. Ankara, 1947, c. 115—151.
262. Landsberger B., Bauer Th. Zu neuveröffentlichten Berichtsquellen der Zeit von Assarhaddon bis Habonid. — ZA. Bd. 37, 1927, c. 61—98.
263. Leclant J. Fouilles et travaux en Égypte et au Soudan, 1965—1966. — Or. Vol. 36. Fasc. 2, 1967, c. 181—220.
264. Lefebvre G. Le tombeau de Petosiris. T. I. P., 1921.
265. Lehmann-Haupt C. B. Gobryas und Belsazar bei Xenophon. — «Klio». Bd. 2, 1902, c. 341—345.
266. Lehmann-Haupt C. B. Wann lebte Zaratuštra? — Oriental studies in honour of C. E. Pavry. L., 1933, c. 251—280.
267. Lehmann-Haupt C. B. Satrap. — PW. Dritter Halbband, 1921, c. 82—188.
268. Lenormant F. Sur le campagne de Teglat Palasar II dans L'Ariane. — ZAS. Bd. 8, 1870, c. 48—71.
269. Leuze O. Die Satrapieneinteilung in Syrien und im Zweitstromlande von 520—320. Hildesheim, 1972.
270. Lewis D. M. Sparta and Persia. Leiden, 1977.
271. Lewis D. M. Datis the Mede. — JHS. Vol. 100, 1980, c. 194—195.
272. Lewy H. The Babylonian background of the Kay Kâüs legend. — ArOr. Vol. 17. P. 2, 1949, c. 28—109.
273. Lewy H. Points of comparison between Zoroastrianism and the moon-cult of Harrân. — A Locust's Leg. Studies in honour of S. H. Taqizadeh. L., 1962, c. 139—161.
274. Littmann E. Lydian inscriptions. — «Sardis». Vol. 6. P. 1. Leiden, 1916.
275. Majumdar R. C. The age of imperial unity. Bombay, 1951.
276. Marquart J. Die Assyriaka des Ktesias. — «Philologus». Suppl. 6. 1891, № 2, c. 530—620.
277. Marquart J. Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. — Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Phil.-hist. Klasse. NF. Bd. 2, № 2. B., 1901.
278. Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Ēran. — «Philologus». Bd. 54. Göttingen, 1895, c. 489—527; Bd. 55, 1896, c. 213—244.
279. Marsden E. W. The campaign of Gaugamela. Liverpool, 1964.
280. Mayrhofer M. Xerxes, König der Könige. Wien, 1970.
281. Meillet A. Grammaire du vieux-perse. P., 1931.
282. Mellink M. J. Excavations at Kerataş-Semayük and Elmalı, Lycia, 1971. — AJA. Vol. 76, 1971, c. 257—269.
283. Mellink M. J. Archaeology in Asia Minor. — AJA. Vol. 78, 1974, c. 105—130.
284. Messina G. Der Ursprung der Magier und die zarathustrische Religion. Roma, 1930.
285. Metzler D. Ziele und Formen königlicher Innenpolitik im vorislamischen Iran (Diss). Münster, 1977.
286. Meuleau M. Mesopotamien in der Perserzeit. — Fischer Weltgeschichte. Bd. 5 Frankfurt am Main, 1965, c. 330—355.
287. Meulenaere H. De Herodotos over de 26ste Dynastie (II, 147—III, 15). Löwen, 1951.
288. Meuli K. Ein altpersischer Kriegsbrauch. — Westöstliche Abhandlungen R. Tschudi gewidmet. Wiesbaden, 1954, c. 63—86.
289. Meyer E. Entstehung des Judentums. Halle, 1896.

290. Meyer E. Forschungen zur alten Geschichte. Bd. 2. Halle, 1899.
291. Meyer E. Der Papyrusfund von Elephantine. Lpz., 1912.
292. Meyer E. Ägyptische Documente aus der Perserzeit. — SPAW, 1915, c. 287—311.
293. Meyer E. König Darius I. — Meister der Politik (hrsg. von Marcks E. und von Müller K. A. Stuttgart—Berlin, 1923, c. 3—35.
294. Meyer E. Geschichte des Altertums. Stuttgart, 1939.
295. Meyer R. Das Gebet des Nabonid. B., 1962.
296. Michaélidis G. Quelques objets inédits d'époque perse. — ASAE. T. 43, 1943, c. 91—103.
297. Milik J. T. «Prière de Nabonide» et autres écrits d'un cycle de Daniel. — «Revue Biblique». P. T. 63. P., 1956, c. 407—417.
298. Milne J. G. The currency of Egypt. — NC. Vol. 6, 1926, c. 43—92.
299. Nagel W. Herrscher. — RIA. Bd. 4. 1975, c. 355—367.
300. Nagel W. Pasargadae. Ein Lagebericht zum Problem des Beginns achämenidischer Kunst und altpersischer Schrift. — MDOG. Bd. 111, c. 75—88.
301. Niebuhr M. Vorträge über alte Geschichte. Bd. I. B., 1847.
302. Nock A. D. The problem of Zoroaster. — AJA. Vol. 53, 1949, c. 272—285.
303. Nöldeke Th. Aufsätze zur persischen Geschichte. Lpz., 1887.
304. Nyberg H. S. Die Religionen des alten Iran. Lpz., 1938.
305. Nyberg H. S. Das Reich der Achämeniden. — Historia mundi. Vol. 3, 1954, c. 56—115.
306. Nyberg H. S. Histoire et religion sous Cyrus [изложение содержания доклада на Международном конгрессе иранистов в Ширазе в 1971 г. — AcIr. Vol. 1, 1974, c. 6.
307. Nylander C. Ionians in Pasargadae. Studies in Old Persian architecture. Uppsala, 1970.
308. Oelsner J. War Nippur Sitz einer spätbabylonischen Astronomenschule? — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe». Bd. 20, 1971, Hft. 5, c. 141—149.
309. Olmstead A. T. History of Palestine and Syria to the Macedonian conquest. N. Y., 1931.
310. Olmstead A. T. A Persian letter in Thucydides. — AJSL. Vol. 49, 1933, c. 156—161.
311. Olmstead A. T. Darius and his Behistun inscription. — AJSL. Vol. 55, 1938, c. 392—416.
312. Olmstead A. T. History of the Persian Empire. Chicago, 1948.
313. Oppenheim A. L. A new Cambyses incident. — SPA. Vol. 15, 1974, c. 3497—3502.
314. Oppert J. Mémoire sur les inscriptions des Achéménides. — JA. T. 17, 1851, c. 255—296; T. 18, 1851, c. 322—366.
315. Oppert J. Le peuple et la langue des Médes. P., 1879.
316. Orlin L. L. Athens and Persia ca. 507 B. C.: a neglected perspective. — Michigan Oriental studies in honor of G. G. Cameron. Ann Arbor, 1976, c. 255—266.
317. der Osten H. H. Die Welt der Perser. Stuttgart, 1956.
318. Pallis S. A. The Babylonian *akitu* festival. København, 1926.
319. Pallis S. A. Early exploration in Mesopotamia. København, 1954.
320. Parker R. A. Darius and his Egyptian campaign. — AJSL. Vol. 58, 1941, c. 373—377.
321. Parker R. A. Persian and Egyptian chronology. — AJSL. Vol. 58, 1941, c. 285—301.
322. Parker R. A. The length of reign of Amasis and the beginning of the Twenty-sixth dynasty. — «Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts. Abteilung Kairo». Bd. 15, 1957, c. 208—212.
323. Parker R. A., Dubberstein W. H. Babylonian chronology. Providence, 1956.
324. Parpola S. Neo-Assyrian toponyms. Kevelaer—Neukirchen—Vluyn, 1970.
325. Petrie W. M. F. Naukratis. Vol. I. L., 1886.

326. Poebel A. Chronology of Darius' first year of reign. — *AJSL*. Vol. 55, 1938, c. 142—165, 285—314.
327. Posener G. La première domination Perse en Egypte. Caire, 1936.
328. Posener G. Le canal du Nil à la Mer Rouge avant les Ptolémées. — «*Chronique d'Egypte*». T. 13, 1938, c. 259—273.
329. Pottier E. Vases antiques du Louvre. P., 1922.
330. Prášek J. V. Geschichte der Meder und Perser. Bd. 1—2. Gotha, 1906—1910.
331. Prášek J. Kyros der Grosse. — *DAO*. Bd. 13, 1912, Hft. 3.
332. Prášek J. Kambyses. — *DAO*. Bd. 14, 1913, Hft. 2.
333. Ravn O. E. Herodotus' description of Babylon. Copenhagen, 1942.
334. Rawlinson G. The History of Herodotus. Vol. 1—4. L., 1875—1880.
335. Rawlinson H. The cuneiform inscription at Behistun decyphered and translated. — *JRAS*. Vol. 10, 1847.
336. Rejner E. The location of Anšan. — *RA*. T. 67, 1977, c. 57—62.
337. Reuther O. Die Innenstadt von Babylon (Merkes). — *WVDOG*. Bd. 47, 1926.
338. Röllig W. Erwägungen zu neuen Stelen König Nabonids. — *ZA*. Bd. 56, 1964, c. 218—260.
339. Röllig W. Gubaru. — *RIA*. Bd. 3, 1971, c. 671—672.
340. Root M. C. The king and kingship in Achaemenid art. — *AcIr*. Vol. 19, 1979.
341. Rost P. Untersuchungen zur altorientalischen Geschichte. B., 1897.
342. Rostovtzeff M. Greece. N. Y., 1963.
343. Rowley H. H. Darius the Mede and the four world empires in the Book of Daniel. Ox., 1935.
- 343a. Sachs A. Achaemenid royal names in Babylonian astronomical texts. — «*American Journal of Ancient History*». 1977, N 2, c. 129—147.
344. San Nicolò M. Zur Chronologie des Bel-šimanni und Samaš-erība. — *ArOr*. Vol. 6, 1934, c. 335—338.
345. San Nicolò M. Beiträge zu einer Prosopographie neubabylonischer Beamten der Zivil- und Tempelverwaltung. München, 1937.
- 345a. Sancisi-Weerdenburg, H. W. A. M. Yaunā en Persai. Grieken en Perzen in een ander perspectief. Groningen, 1980.
346. Sarre F., Herzfeld E. Iranische Felsreliefs. B., 1910.
347. von Scala R. Die Staatsverträge des Altertums. Bd. 1. Lpz., 1898.
348. Schachermeyer F. Alexander der Grosse. Das Problem seiner Persönlichkeit und seines Wirkens. Wien, 1973.
349. Schaefer H. H. Ueber einige altpersische Inschriften. — *SPAW*. 1935, c. 489—506.
350. Schaefer H. H. Zwei altiranische Ortsname. — *ZDMG*. Bd. 96, 1942, c. 127—138.
351. Scharff A., Moortgat A. Ägypten und Vorderasien im Altertum. München, 1950.
352. Schedl C. Nabuchodonosor, Arpakšad und Darius. — *ZDMG*. Bd. 115, 1965, c. 242—254.
353. Scheil V. Le Gobryas de la Cyropédie et les textes cunéiformes. — *RA*. T. 11, 1914, c. 165—174.
354. Schmeija H. Dareios, Xerxes, Artoxerxes, Drei persische Königsnamen in griechischer Deutung. — «*Die Sprache*». Bd. 21. Wiesbaden—Wien, 1975, c. 184—188.
355. Schmidt E. F. Persepolis. Vol. 1—3. Chicago, 1953—1970.
356. Schmitt R. Altpersische Minutien. — «*Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*». Bd. 81. Hft 1/2. Göttingen, 1967, c. 54—62.
357. Schmitt R. Die Verfassungsdebatte bei Herodot. — «*Historia*». Vol. 26, 1977, c. 243—244.
358. Schmitt R. Zur babylonischen Version der Bisutün—Inschrift. — *AfO*. Bd. 27, 1980, c. 106—126.
359. Schmitt R. Altpersische Siegel-Inschriften. — *Veröffentlichungen der Iranischen Kommission*. Bd. 10. Wien, 1981.

- 359a. Schmitt R. Achaemenid throne-names. — «Annali dell' Istituto Orientale di Napoli». № 42, 1982, c. 83—95.
360. Schubert R. Herodots Darstellung der Cyrussage. Breslau, 1890.
361. Schwabacher W. Satrapenbildnisse. Zum neuen Münzporträt des Tis-saphernes. — Charites. Studien zur Altertumswissenschaft (hrsg. von K. Schauenburg). Bonn, 1957, c. 27—32.
362. Schwenzner W. Gobryas. — «Klio». Bd. 18, 1922—1923, c. 41—58, 226—252.
- 362a. Seager R., Tuplin Chr. The freedom of the Greeks of Asia: on the origins of a concept and the creation of a slogan. — JHS. № 100. 1980, c. 141—154.
363. Sealey R. A history of the Greek city states ca. 700—338 B. C. Berkeley. Los Angeles—London, 1976.
364. Seidl U. Ein Relief Dareios' I. in Babylon. — AMI, NF. Bd. 9, 1976, c. 125—130.
365. Shea W. H. An unrecognized vassal king of Babylon in the early Achaemenid period. — «Andrews University Seminary Studies». Vol. 9, 1971, № 1, c. 51—67; № 2, c. 99—128; vol. 10, 1972, № 1, c. 88—117; № 2, c. 147—178.
366. Smith M. Das Judentum in Palästina während der Perserzeit. — Fischer Weltgeschichte. Bd. 5. Frankfurt am Main, 1965, c. 356—370.
367. Smith S. Babylonian historical texts relating to the capture and downfall of Babylon. L., 1924.
368. Smith S. Isaiah chapters XL—LV, literary criticism and history. L., 1944.
369. von Soden W. [Peu. na:] Grayson A. K. Babylonian historical-literary texts. Toronto and Buffalo, 1975. — ZA. Bd. 65, 1975, c. 282—285.
- 369a. von Soden W. Kyros und Nabonid. Propaganda und Gegenpropaganda. — AMI. Ergänzungsband 10, 1983, c. 61—68.
370. Spalinger A. Egypt and Babylonia: a survey (c. 620 B. C.—550 B. C.). — «Studien zur altägyptischen Kultur». Bd 5, 1977, c. 221—244.
- 370a. van der Spek R. J. Did Cyrus the Great introduce a new policy towards subdued nations? Cyrus in Assyrian perspective. — «Persica». № 10, 1982, c. 273—283.
371. Starr C. G. Greeks and Persians in the fourth century B. C. — IrAn. T. 11, 1975, c. 39—93 (p. 1); T. 12, 1977, c. 49—115 (p. 2).
372. Stronach D. Cyrus the Great. — «Bostan chenasi va honar-e Iran». № 7/8. Tehran, 1971, c. 4—21.
373. Stronach D. Achaemenid village I at Susa and the Persian migration to Fars. — «Iraq». Vol. 36, 1974, c. 239—248.
374. Stronach D. Pasargadae. A report on the excavations conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961 to 1963. Ox., 1978.
375. Struve W. Zur Geschichte Agyptens der Spätzeit. — ИАН, ОГН. 1928, c. 197—212.
376. Summer W. M. Excavations at Tall-i Malyan, 1971—1972. — «Iran». Vol. 12, 1974, c. 155—180.
377. Sykes P. A history of Persia. Vol. 1—2. L., 1921.
378. Szemerényi O. Iranica II. — «Die Sprache». Bd. 12, 1966, c. 190—226.
379. Szemerényi O. Four Iranian ethnic names: Scythian—Skudra—Sogdian—Saka. Wien, 1980.
380. Tadmor H. The historical background of the Edict of Cyrus. — D. Ben Gurion anniversary volume. Jerusalem, 1964, c. 450—473 (in Hebrew).
381. Tadmor H. The inscriptions of Nabunaid: historical arrangement. — Studies in honor of Benno Landsberger. Chicago, 1965, c. 351—364.
382. Tarn W. W. Alexander the Great. Vol. 1—2. Cambridge, 1948.
383. Thumb A. Die altpersischen Keilinschriften. — «Deutsche Rundschau». Bd. 112, 1902, c. 381—393.
384. Tolman H. C. The Behistun inscriptions of King Darius. Nashville, 1908.
385. Torrey Ch. C. The bilingual inscription from Sardis. — AJSL. Vol. 34, 1917—1918, c. 185—198.

386. Torrey Ch. C. The Second Isaiah, a new interpretation. New York—Edinburg, 1928.
387. Trümpelmann L. Zur Entstehungsgeschichte des Monumentes Dareios' I. von Bisutun und zur Datierung der Einführung der altpersischen Schrift. — «Archäologischer Anzeiger». Bd. 3. B., 1967, c. 281—298.
388. Tozzi P. Erodoto V, 106: nota preliminare sulla insurrezione ionica. — «Athenaeum». Nuova serie. Vol. 53. Fasc. I—II. Pavia, 1975, c. 136—143.
389. Tozzi P. Plutarco e la rivolta ionica. — «Rivista storica dell' Antichità». Vol. 6—7. Bologna, 1976—1977, c. 75—80.
390. Tozzi P. Erodoto e le responsabilità dell'inizio della rivolta ionica. — «Athenaeum». Nuova serie. Vol. 55. Fasc. 1—2. Pavia, 1977, c. 127—135.
391. Tozzi P. La rivolta ionica. Pisa, 1978.
392. Unger E. Babylon. Die heilige Stadt nach der Beschreibung der Babylonier. B., 1970.
393. Ungnad A. Bêl-šimanni, ein neuer König Babylons und der Länder. — OLZ. 1907, c. 464—467.
394. Ungnad A. Neubabylonische Privaturkunden aus der Sammlung Amherst. — AfO. Bd. 19, 1960, c. 74—82.
395. Vallat F. Suse et l'Elam. — Recherche sur les grandes civilisations. Mémoire № 1. P., 1980.
396. Vercoutter J. Textes biographiques du Sérapéum de Memphis. P., 1962.
397. Walker C. B. F. A recently identified fragment of the Cyrus Cylinder. — «Iran». Vol. 10, 1972, c. 158—159.
- 397a. Walser G. Der Tod des Kambyses. — «Historia». Hft. 40, 1983, c. 8—18.
398. Ward W. H. The seal cylinders of Western Asia. Wash., 1910.
399. Waterman L. The camouflaged purge of three Messianic conspirators. — JNES. Vol. 13, 1954, c. 73—78.
400. Weidner E. F. Die älteste Nachricht über das persische Königshaus. Kyros I. ein Zeitgenosse Aššurbanapis. — AfO. Bd. 7, 1931—1932, c. 1—7.
401. Weinfeld M. Cult centralization in Israel in the light of a Neo-Babylonian analogy. — JNES. Vol. 23, 1964, c. 202—212.
402. Weissbach F. H. Zur Neubabylonischen und Achämenidischen Chronologie. — ZDMG. Bd. 62, 1908, c. 629—647.
403. Weissbach F. H. Kyros. — PW. Supplementband 4, 1924, c. 1128—1166.
404. Weissbach F. H. Zu der neuen Xerxes-Inschrift von Persepolis. — ZA. Bd. 41, 1933, c. 318—321.
405. Weissbach F. H. Die fünfte Kolumne der grossen Bisutün-Inschrift. — ZA. Bd. 46, 1940, c. 53—82.
406. Wells J. The Persian friends of Herodotus. — JHS. Vol. 27, 1907, c. 37—47.
- 406a. Westlake H. D. Decline and fall of Tissaphernes. — «Historia». Hft. 30, 1981, c. 257—279.
407. Wetzell F., Schmidt E., Mallwitz A. Das Babylon der Spätzeit. B., 1957 (VVDG, 62).
408. Widengren G. Über einige Probleme in der altpersischen Geschichte. — Festschrift für Leo Brandt. Köln—Opladen, 1968, c. 517—533.
409. Widengren G. Der Feudalismus im alten Iran. Köln—Opladen, 1969.
410. Widengren G. La royauté de l'Iran antique. — AcIr. Vol. 1, 1974, c. 84—89.
411. Wiedemann A. Geschichte Ägyptens von Psammetich I. bis auf Alexander den Grossen. Lpz., 1880.
412. Wiesehöfer J. Der Aufstand Gaumätas und die Anfänge Dareios' I. Bonn, 1978.
413. Wijnen M. Excavations in Iran. 1967—1972. — «Persica». № 6, 1972—1974, c. 51—93.
414. Wilcken U. Über Entstehung und Zweck des Königsfriedens. B., 1942.
415. Wilkie J. M. Nabonidus and the later Jewish exiles. — «Journal of Theological Studies». New Series. Vol. 2. Ox., 1951, c. 36—44.
416. Will E. Chabrias et les finances de Tachôs. — «Revue des Études Anciennes». T. 62. P., 1960, c. 225—275.
417. Winckler H. Untersuchungen zur altorientalischen Geschichte. Lpz., 1889.

418. Winckler H. [Рец. на:] Prášek J. Forschungen zur Geschichte des Altertums. Lpz., 1897. — OLZ. 1898, c. 38—45.
419. Wiseman D. J. Murder in Mesopotamia. — «Iraq». Vol. 36, 1974, c. 249—260.
420. Woolley L. Excavations at Ur. L., 1955.
421. Woolley L. The Neo-Babylonian and Persian periods. — Ur. Excavations. Vol. 9. L., 1962.
422. Yoyotte J. Les inscriptions hiéroglyphiques. Darius et l'Égypte. — JA. 1972, c. 254—266.
423. Zadok R. On the connections between Iran and Babylonia in the sixth century B. C. — «Iran». Vol. 14, 1976, c. 61—78.
424. Zadok R. West Semitic toponyms in Assyrian and Babylonian sources. — Studies in Bible and the Ancient Near East. Jerusalem, 1978, c. 163—179.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаев В. И. 31, 269
 Абиден 271
 Аброком 206, 226, 228, 241
 Август (Октавиан) 168
 Автобесак 208
 Автофрадат 238, 246, 247, 283
 Агафий 64
 Аггей 95
 Агесилай 233—237, 243—245
 Ада 247
 Адад 44, 137
 Адда-гуппи 33
 Адимант 152, 157
 Айнайр 85, 86
 Акшимарши (см. также Ксеркс I) 279
 Алевады 147
 Александр (царь Македонии) 111, 147, 161, 165
 Александр Македонский 3, 54, 73, 74, 108, 138, 155
 Алиатт 20
 Алиев И. 15
 Алкивиад 191, 198—203
 Алкмеониды 117—119, 125, 129
 Амасис 21, 22, 34, 56—59, 61, 63, 64, 241, 272, 281
 Амель-Мардук 49
 Аместрида (дочь Артаксеркса II) 237
 Аместрида (жена Ксеркса I) 175, 184
 Аминта 261, 263
 Амиртей I 58, 205
 Амиртей II 179, 182, 188, 190, 203, 205, 206, 208, 241, 280, 283
 Амитида 17, 68, 273, 274
 Аммиан Марцеллин 64, 78
 Амон 21, 55, 107, 263
 Амон-рә 107
 Аморг 28, 53, 196, 197
 Амусин И. Д. 50, 51
 Анаксимандр 112, 116, 169
 Андреас Ф. К. 31, 269
 Андромах 263
 Анталкид 239
 Антигон 262
 Антиох IV 79, 94
 Аполлодат 247
 Аполлон 21, 23, 119, 123, 130, 142, 153, 179, 271, 272
 Априй 55, 59
 Араха 74, 92—95, 99, 276, 282
 Арбак (мидиец) 231
 Арбак (перс) 228
 Арбар 195
 Аргоста 13
 Ардиманиш 77, 79
 Ариамен 134
 Арианд 104, 105
 Ариарамн (сатрап Каппадокии) 109, 278
 Ариарамна (предок Дария I) 8—11
 Ариасп 248, 249
 Арий 228—230, 235, 236
 Ариобарзан (сатрап Фригии) 238, 243, 246, 247
 Ариобарзан (сатрап Персии) 265, 284
 Ариоманд 174
 Аристагор 112—114, 116—121, 123
 Аристазан 252
 Аристид 153, 157, 158, 163, 164, 166, 171
 Аристипп 161, 208
 Аристогитон 155
 Аристотель 268, 273, 280
 Аристофан 150, 240
 Арсам (см. также Арсам) 195
 Арриан 27, 32, 54, 259, 261, 264, 279
 Арсак (см. также Артаксеркс II) 206, 207, 275
 Арсам (сатрап Египта) 182
 Арсам (сын Артаксеркса II) 248
 Арсам Кодоман (см. также Дарий III) 249
 Арсамен 143
 Арсес, см. Артаксеркс I
 Арсес, см. Артаксеркс II
 Арсес (сын Артаксеркса III) 254
 Арсит 195, 259
 Артабаз (сатрап Фригии в V в.) 161, 164, 166, 172, 173, 189, 195
 Артабаз (сатрап Фригии в IV в.) 249, 260
 Артабан (брат Дария I) 139

- Артабан (гирканец) 176, 177
 Артабан (перс на Элефантине) 133
 Артавардия 88, 282
 Артагерс (полководец Артаксеркса II) 228, 229
 Артазостра 126
 Артаинт 168
 Артаинт 168
 Артаксеркс I 134, 136, 138, 176—186, 189, 190, 193—195, 274, 275, 283
 Артаксеркс II 13, 65, 78, 139, 193, 206—208, 225, 227—229, 231, 233, 234, 236—238, 240, 242, 243, 245—249, 275, 279, 280, 283, 284
 Артаксеркс III 247—254, 262, 263, 275, 278, 280
 Артаксеркс IV 248, 267, 275
 Артаксеркс Долгорукий, см. Артаксеркс I
 Артакшатсу (см. также Артаксеркс II) 275
 Артапат 227, 229
 Артасир (военачальник Дария II) 195
 Артасир (придворный Камбиза) 78, 274
 Артафарна (см. также Артафрен) 111
 Артафрен (сатрап Лидии) 111, 113, 117, 118, 120, 121, 124, 127, 278
 Артафрен (сын одноименного сатрапа Лидии) 127
 Артафрен (персидский посол) 194
 Артафрен (убийца Марда, см. также Интаферн) 69, 79
 Артахай 140
 Артахшасса (см. также Артаксеркс I) 177
 Арташат (см. также Дарий II) 275
 Артембар (евнух) 13
 Артембар (мидиец) 13
 Артемилис 247
 Артемисия (царица Галикарнаса) 156, 170
 Артемисия (правительница Кари в IV в. до н. э.) 247, 284
 Артибий 120
 Артобазан 134
 Артоксар 195
 Аршама (дед Дария I) 8, 10, 11, 13, 81, 135
 Аршама (сатрап Египта) 182, 183, 187, 204, 205
 Аршама (наместник Киликии) 260
 Аршу, см. Арсак
 Асаф 186
 Аспамитра 176, 177
 Аспатин 77, 78, 100, 134
 Ассина 71, 85
 Астарта 184
 Астиаг 9, 12, 13, 15—20, 22, 28, 269, 270, 273, 274, 281
 Атаманта 100, 282
 Атосса (дочь Артаксеркса II) 237
 Атосса (дочь Кира II) 68, 82, 134, 143, 175, 274
 Атрадат 13
 Афиней 95, 179, 277
 Ахемен (основатель династии) 5, 8, 11
 Ахемен (сатрап Египта) 136, 143, 151, 179, 180, 184
 Ахемениды 8, 9, 11, 13, 18, 29, 59, 66, 73, 74, 78, 79, 82, 87, 108, 110, 183, 195, 204, 241, 268, 272, 274, 275, 277
 Ахорис 238, 241, 242, 283
 Ахурамазда 54; 66, 71, 81—83, 85, 91, 97—100, 106, 112, 134, 135, 245, 249, 266, 278
 Ашшурбанапал 7, 8, 43, 270, 272
 Багабигна 77
 Багабухша (убийца Гауматы) 77, 79
 Багабухша (зять Ксеркса) 137
 Багапат 54, 78, 274
 Багей 203
 Багой (военачальник) 252, 265
 Багой (наместник Иудеи) 188, 205
 Багой (перс в Вавилоне) 265
 Багой (евнух) 254
 Багофан 265
 Багохи (см. также Багой) 188
 Бадиан Э. 248
 Баххилид 23
 Балсер Дж. М. 101
 ал-Балхи 133
 Бардия 64—71, 74, 87, 89, 273, 274
 Барзия (см. также Бардия) 70, 273
 Бартоломе X. 9
 Бауэр А. 14
 Бел 39, 42, 46, 70, 279
 Бёль Ф. М. Т. 279
 Белох К. 279
 Бел-шар-уцур 34, 38, 40
 Бел-шиманни 136, 137, 279, 282
 Белшуну (см. также Велесий) 280
 Бенвенист Э. 9, 14, 272
 Бенгтсон Г. 23, 115, 126, 127, 163, 169, 191, 278
 Бергер П. 42
 Берлев О. Д. 61, 63, 107
 Беросс 28, 39, 40, 43, 53
 Бесс (см. также Артаксеркс IV) 264, 266, 267, 275
 Бетис 263
 Бигвуд Дж. М. 279
 Бикерман Э. 51, 104, 277
 Бог (военачальник) 173
 Боголюбов М. Н. 267
 Брешиани Э. 64, 253, 278
 Бриан П. 268, 280
 Бруннер Г. 93
 Бубар 140

Бэрн А. Р. 23, 62, 122, 144, 145, 149,
150, 163, 164, 191, 192

Бэс 58

Ваалмилк II 233

Валла Ф. 269

Валтасар (см. также Бел-шар-уцур) 34,
40

Ваумиса 92, 282

Вахаука (см. также Ох) 77, 195, 275
Вахьяздата 71, 72, 74, 87—90, 104, 273,
276, 282

Ваяспара 77

Вейнберг И. П. 279

Вейсбах Ф. X. 8, 9, 36, 93, 135, 278

Велесий 226, 250

Вивана 87, 273, 276, 282

Видариа 77, 79, 90, 282

Виденгрен Г. 81, 275

Видранг 204, 205

Визехёфер И. 273

Виндафарна (см. также Интаферн) 77,
79, 99, 282

Винклер Г. 10

Винников И. Н. 183

Виштаспа (князь Бактрии) 29, 84

Виштаспа (отец Дария, см. также Ги-
стасп) 66, 67, 81, 91, 92, 106, 112,
134, 135, 139, 273, 282

Гавлита 200

Галлинг К. 48, 52, 93

Гардиер П. 114

Гармодий 155

Гарпаг (ликиец) 196

Гарпаг (мидиец) 12, 13, 15, 16, 22,
24, 26, 27

Гарпаг (перс) 121

Гаубарува (см. также Гобрий) 77, 78,
100, 134

Гаумата 9, 64, 66—74, 77—80, 82—85,
88, 89, 94, 97, 99, 100, 105, 108,
137, 181, 272—274, 277, 281

Гекатей Милетский 112, 114, 119, 123,
169

Гекатомн 238, 241, 245—248, 283

Геллаиик 79, 274

Гелон 142, 161

Гераклид Кумский 237

Гераклид (тиран Миласы) 278

Гераклит 169

Гергис 146

Гермодор 74

Геродот 11—15, 17—21, 23—27, 29, 31,
36—40, 43, 45, 48, 49, 53—60, 62—
82, 85, 91, 94, 95, 101, 104, 105,
108, 109, 111—115, 117, 118, 121—
127, 129, 134—136, 138—146, 148—
152, 154—158, 160, 163, 165, 166,
168, 175, 176, 179, 180, 183, 191, 192,
268, 270—274, 276—278

Гершевич И. 31, 133

Гиг 20

Гидарн 149, 195

Гидрей 247

Гиерон 247

Гиппий 117, 128—130

Гиппокл 126

Гиршман Р. 5—7

Гистасп (наместник Сард) 190

Гистасп (отец Дария I), см. Виштаспа

Гистасп (сатрап Бактрии) 177

Гистасп (сын Дария I) 143

Гистией 110—113, 121, 278

Главк 272

Глос 242

Глускина Л. М. 154

Гобрий (копёносец Дария I, см. также
Гаубарува) 78, 79, 82, 96, 100, 109,
134, 139, 143, 174

Гобрий (наместник Вавилонии в VI в.,
см. также Угбару и Губару) 35, 39,
40, 52, 271

Гобрий (сатрап Вавилонии в V в., см.
также Губару) 228, 280

Голенищев В. С. 106

Гомер 62

Гомет (см. также Гаумата) 66

Гор 59

Горг 119, 120

Гоффманн К. 276

Гоффманн-Кучке А. 269

Грантовский Э. А. 90

Грей Л. 271

Грейсон А. К. 19, 271, 280

Гринфильд Дж. 75

Губару (наместник Вавилонии в VI в.,
см. также Гобрий) 39, 45, 47, 52

Губару (один из убийц Гауматы) 272

Губару (сатрап Вавилонии в V в.) 280

Гшнитцер Ф. 80

Дабберштейн В. X. 46, 47

Давид 50, 51

Дадаршиш (армянин) 282

Дадаршиш (сатрап Бактрии) 66, 87,
92, 95, 273, 281

Даниил 12, 18, 39, 40

Дамаспия 194

Дарий I 8—11, 24, 29, 30, 49, 51, 52,
60—71, 73—108, 110—113, 117—
119, 121—128, 132—136, 138, 139,
142, 143, 145, 168, 175, 176, 182,
185, 240, 241, 271—278, 281, 282

Дарий II 11, 94, 134, 136, 139, 187,
192, 194—197, 199, 201—203, 206—
208, 275, 279, 280, 283

Дарий III 254, 255, 257—268, 275, 280,
284

«Дарий мидянин» 12, 40

Дарий, сын Артаксеркса II 248, 249

Дарий, сын Ксеркса I 175, 177

- Датам 245—247, 284
 Датис 127, 128, 130, 139, 142, 278
 Датувахия 77
 Дельбрюк Х. 144
 Демарат 151
 Демосфен 192, 255, 256
 Дибвойз Н. 270
 Динон 12, 14, 177, 206, 253
 Диоген Лаэртский 74
 Диодор Сицилийский 12, 14, 16, 21, 24, 27, 28, 58, 62, 77, 95, 107, 124, 134, 138, 140, 144, 160, 163, 176—179, 183, 189, 191, 225, 228, 250, 251, 254, 259, 264, 266, 275, 279, 280
 Дион Христомом 170
 Дионис 158
 Дионисий (военачальник) 122
 Дионисий Милетский 273
 Доватур А. И. 18, 26, 80
 Доуэрти Р. Ф. 48
 Драйвер Г. Р. 182, 183
 Дрюс Р. 24, 269
 Дугдава 274
 Дункер М. 29, 69
 Дьяконов И. М. 11, 15, 26, 31, 32, 80, 85, 92, 93, 183, 271
 Дьяконов М. М. 30
 Дюшен-Гиймен Ж. 31

 Захария 95
 Заратуштра 29—31, 67, 84, 274
 Зевс 132, 149
 Зеровавель 95, 188, 276
 фон Зоден В. 44
 Зопир (военачальник) 94, 276
 Зопир (отец Мегабиза) 177
 Зопир (сын Мегабиза) 75, 77, 184

 Иддина-Набу 57
 Иеремия 15, 49, 50
 Изабат 274
 Иманиш (см. также Умманиш) 90
 Инар 179, 180—182, 184, 188, 283
 Интарнуаш (см. также Дарий I) 106
 Интафери (см. также Виндафарна) 78, 79, 82, 96, 105
 Иоанн Антиохийский 64
 Иосиф Флавий 40, 43, 52, 75, 188, 275
 Иосия 276
 Исая 39, 43, 90
 Исида 58
 Исократ 140, 255, 256
 Ификрат 243
 Иштар 38, 46
 Иштувег, см. Иштумегу
 Иштумегу (см. также Астиаг) 17, 18, 269

 Яхо (см. также Яхве) 183, 204
 Йехонан 188
 Йойотт Ж. 105

 Кавн 247
 Каллий 190, 192, 283
 Калликратид 203
 Камбасудену 62
 Камбиз I 7—9, 11, 12, 14, 41, 42, 281
 Камбиз II 8, 11, 27, 40, 45—49, 52, 54—72, 74—78, 80, 82, 84, 97, 98, 104, 105, 136, 205, 263, 269, 270, 272—274, 281
 Камбузия (см. также Камбиз) 12
 Камбузия (см. также Камбиз) 46, 47, 55
 Камерон Дж. 11, 36, 63, 83, 101, 104, 271, 279
 Каланцян Г. А. 92, 93
 Каргилл Дж. 270
 Кассандаиа 59, 78, 274
 Кедрен 273
 Кёниг Ф. В. 71, 83, 134, 273
 Кент Р. 9, 11, 13, 103
 Керем 197
 Киаксар 40, 90, 91
 Кибела 119
 Кимердий 273
 Кимон 173, 174, 184, 188—192, 278, 283
 Кинзер 85
 Кинци Ф. К. 105, 204
 Кир I 7, 8, 11, 12
 Кир II 6—9, 11—25, 27—29, 31, 35, 36, 38—55, 57, 59, 61, 64—69, 71, 73—76, 78—82, 87, 89, 96, 97, 110, 124, 134, 137, 138, 184, 207, 240, 246, 268—274, 279, 281
 Кир Великий (см. также Кир II) 264
 Кир Младший 11, 13, 65, 192, 201, 202, 206—208, 225—232, 235, 240, 283
 Кир Старший (см. также Кир II) 207
 Кир (сын Ксеркса I) 275
 Клеарх 206, 208, 226—230
 Клей А. 271
 Клейсс В. 75
 Клеомброт 156
 Клеомен II 116—118
 Клермон-Ганио Ш. 182
 Клит 267
 Клисфен 118, 129
 Клитарх 266
 Кодоман (см. также Дарий III) 254, 275
 Кой 112
 Комороци Г. 270, 272
 Конон 233—238
 Крайль 191, 192
 Крейсиг Х. 279
 Крез 20—26, 115, 119, 270, 271, 281
 Крэлинг Э. 206
 Ксантип 161
 Ксенофан 24
 Ксенофонт 9—12, 14, 17, 19, 28, 35, 37, 39, 40, 43, 45, 48, 54, 64, 66, 68, 78, 79, 123, 139, 201, 206, 207, 227, 231, 239, 240, 270, 271, 273, 274, 280

- Ксеркс I 26, 28, 45, 102, 111, 134—140,
 142—146, 148—152, 155—162,
 166—170, 172, 173, 175—177, 179,
 182, 184, 195, 208, 240, 258, 266,
 267, 275—279, 282, 283
 Ксеркс II 195, 279, 283
 Ктесий 9, 13, 14, 16, 17, 19, 28—30,
 53, 54, 58, 64—69, 73, 75, 78, 79,
 81, 84, 134, 144, 163, 176, 179, 180,
 181, 184, 195, 228, 229, 233, 271,
 273—276, 278, 279
 Кураш (см. также Кир) 9, 17, 23, 38,
 39, 41, 42, 46, 47
 Куррашу (см. также Куруш) 269
 Куруш (см. также Кир) 12
 Курций Руф 32, 261, 263, 266, 267, 275

 Лабашн-Мардук 49
 Лабинет (см. также Набонид) 39
 Лакрат 252
 Ламберт У. Г. 44
 Ландсбергер Б. 34
 Лемаин-Хаупт К. 273
 Леоорман Ф. 28
 Леонид 147, 148, 150, 151, 154, 156, 170
 Леотихид 167
 Ликон 195, 196
 Лившиц В. А. 4, 89, 275, 276, 278
 Литократ 108
 Лисандр 192, 202, 203, 234, 237, 283
 Лурье С. Я. 116, 126, 141, 169, 191, 279
 Лукоин В. Г. 3
 Лэнгдон С. 270
 Льюис Д. М. 79

 Мавсол 246, 247, 284
 Мазак 263
 Мазар 25
 Маздак 83
 Мазей 250, 251, 264, 265
 Мазетти К. 23, 24
 Мандана 12
 Мандрокл 109
 Манефон 206, 241
 Марафис 274
 Мард (см. также Смердис) 69, 79
 Мардоний 77, 126, 127, 139, 143, 146,
 156, 159—166, 170, 172, 195, 282
 Мардонт 168
 Мардос 273
 Марду 269
 Мардук 17, 33, 35, 38, 42—46, 54, 137,
 139, 177, 265, 279, 280
 Маркварт И. 31, 65, 73, 273
 Мартия 90
 Масабат 232
 Маскам 175
 Масиста 143, 146, 168, 175
 Масистий 163
 Массон В. М. 30, 87
 Меандр 26, 108

 Мегабат 113
 Мегабиз (один из убийц Смердиса, см.
 также Багабухша) 75, 79, 82, 111,
 118, 146, 181
 Мегабиз (сатрап Сирни) 137, 143, 177,
 181, 182, 184, 189, 276, 283
 Мегабиз (персидский посол) 180
 Мейе А. 9
 Мейер Э. 19, 62, 126, 142, 144, 145,
 152, 163, 169, 185, 191, 192, 206,
 228
 Меллиник М. 197
 Мемнон 259, 260, 262
 Менастан 195
 Ментор Родосский 249, 250—253, 257,
 259, 262
 Мергид (см. также Смердис) 66, 273
 Мердис 273
 Мермнады 20
 Мерфис 274
 Мильтиад 125, 129—131, 174, 278
 Митарна (см. также Видарна) 79
 Митра 73
 Митран 259
 Митрей 208
 Митридат (евнух) 176
 Митридат (знатный перс) 51
 Митридат (мидийский пастух) 12, 13
 Митридат (отец Ариобарзана) 243
 Митридат (сын Ариобарзана) 247
 Митридат (убийца Кира Младшего)
 231, 232
 Митробат 24
 Мнемон (см. также Артаксеркс II) 207
 Моисей 185
 Мурашу 280
 Мухаммад 76

 Набарзан 262
 Набонид (наместник) 33
 Набонид (царь) 17—19, 22, 23, 33—36,
 38—44, 48, 85, 92, 93, 269—271
 Набопаласар 272
 Набу 33, 39, 42, 46, 70
 Набу-аххе-буллит 52
 Набу-балатсу-икби 33
 Нагель Ф. 135
 Навуходоносор II 12, 32, 33, 36—38,
 40, 43, 44, 49, 51, 59, 86, 93, 94,
 98, 99, 271, 272
 Навуходоносор III 71, 85, 94, 281
 Навуходоносор IV 92—94, 282
 Настасен 62
 Нафайн 204
 Неemia 186, 187, 188, 279
 Нейт 55, 57, 59—61, 64, 107
 Нектанеб I 242, 243, 252, 284
 Нектанеб II 244, 245, 250, 263
 Непот Корнелий 128, 178, 234
 Нергал 33
 Неферит I 241, 283

- Неферит II 242
 Нехо II 55, 58, 105
 Нидинту-Бел (см. также Навуходоносор III) 71, 74, 85, 86, 93, 94, 281
 Николай Дамаскин 13, 14, 16, 270, 273
 Никострат 252
 Ниландер К. 23, 55
 Нин 28
 Нитетида 59
 Нот (см. также Дарий II) 195
 Ньюли Дж. 31, 32, 271
 Нюберг Г. С. 271
- Оарс 206
 Ойбар 16, 17, 81, 271
 Олимпиада 257, 263
 Олмстед А. Т. 3, 69, 89, 95, 105, 271, 273, 274, 277
 Онаскипрос 120
 Онасил 120
 Онесил 120
 Онет 149
 Оппенгейм А. Л. 46
 Опперт Ж. 9, 101, 273
 Ориандр (см. также Арианд) 105
 Орлин Л. 278
 Ормузд (см. также Ахурамазда) 249
 Орозий 64, 251
 Оройт 24, 95, 108
 Оронт (военачальник при Кире Младшем) 227
 Оронт (зять Артаксеркса II) 242, 246, 247
 Оронт (сатрап Мисии) 249, 284
 Оронт (соблазнитель Парисатиды) 236
 Оропаст 66
 Осирис 55, 59, 60
 Осорвер 133
 Отана (знатный перс) 68, 75, 76—82, 108, 120, 143
 Отана (сын Сисамна) 111
 Отис 235, 245
 Ох, см. Артаксеркс III
 Ох, см. Дарий II
- Павсаний (географ) 26, 129, 132, 151, 170, 278
 Павсаний (полководец) 165—167, 172—174
 Пактий 25, 26
 Пандант 245
 Панетий 228
 Парисатида 201, 204, 206, 207, 225, 230—232, 234—237, 248
 Паркер Р. А. 272
 Парменион 257, 258, 261, 262, 264—267
 Парушиятиш (см. также Парисатида) 236
 Патизейт 65, 66, 273
 Патканов К. П. 29
- Пейпер Г. 6, 8
 Пелопид 240
 Перикл (афинянин) 129, 189, 192, 198
 Перикл из Лимира 245
 Петесак 17
 Петосирус 253
 Пиксодар 247, 248, 257, 284
 Пиндар 152
 Писандр 119
 Писистратиды 125, 127
 Писсуфн 190, 195, 196, 283
 Пифагор 112
 Пифий 145
 Платон 64, 97, 176
 Плиний Старший 27
 Плутарх 23, 64, 97, 134, 138, 141, 152, 157, 158, 166, 177—179, 191, 192, 198, 206, 207, 228, 237, 248, 253, 266, 279, 280
 Пнитагор 251
 Познер Ж. 60, 63, 106, 107, 273
 Полибий 18
 Поликрат Самосский 22, 56, 57, 108
 Полиэн 17, 26, 58, 64, 101, 105, 277
 Порфирий из Тира 64
 Поурушаспа 274
 Прашек Ю. 29, 104, 271, 273
 Прексасп 65, 69, 78, 274
 Прекшашпа (см. также Прексасп) 78
 Проксен 208
 Псамметих I 55
 Псамметих II 55
 Псамметих III 56—58, 61, 63, 273
 Псамметих (отец Инара) 179, 280
 Псаммут 242
 Псевдо-Аристотель 244
 Птах 55, 107
 Птолемей (географ) 276
 Пьянков И. В. 11, 53
- Ра 59
 Расак 252
 Раулинсон Г. 82
 Реомитр 246
 Ростовцев М. 163
 Рустам 133
- Савак 263
 Сакс А. 275
 Салманасар II 29
 Самий 226
 Санбаллат 187, 188, 205
 Сан-Николо М. 279
 Сарпанит 38
 Свинеснй 225, 226, 231
 Секудиан 195, 279, 283
 Селевк I 123
 Семереньи О. 10, 111
 Семирамида 29
 Семнантефнехет 263
 Сизамитра 203

- Силосонт 108
 Симонид 18, 131, 151, 170
 Син 17, 33, 34, 44, 187
 Син-убаллит, см. Санбаллат
 Синаххериб 7
 Сирак 277, 278
 Сисамн 111
 Скилак 108, 278
 Скунха 101, 103
 Смердес 273
 Смердис 65—75, 78, 80, 81, 85, 97, 109, 273, 274
 Смердомен 143, 146
 Смит С. 48, 50, 270, 271
 Согдиан 195
 Сократ (военачальник) 208
 Соломон 54
 Солон 23
 Софенет 208
 Спако 12
 Спангадата 84, 273
 Спитак 273
 Спитама 17, 274
 Спитридат 234—236, 259
 Стаекиппрос 120
 Статира (дочь Дария III) 262
 Статира (жена Артаксеркса II) 225, 236, 237, 248
 Страбон 17, 19, 54, 64, 78, 79, 81, 108, 272, 277—279
 Страттис 126
 Стронах Д. 6—8, 54
 Струве В. В. 63, 75, 80, 82, 92, 104
 Струф 238, 283
 Сфендадат 65—68, 78, 79, 273, 274
 Сфендан 273

 Табал 25
 Тадмор X. 51
 Танда 266
 Тамос 226, 242, 280
 Танаоксар 66, 273
 Таниоксарк 65—69, 273, 274
 Татнай 276
 Тахмаспада 91, 96, 282
 Тахос 243—246, 252, 284
 Тенспес 12
 Теннес 250, 251
 Термтух 195
 Тиглатпаласар III 29
 Тигран 167, 168
 Тимагор 239, 240
 Тимократ 237
 Тимофей 246
 Тимур 267
 Тирибаз 238, 239, 241, 242, 283
 Тиссаферн 192, 195—202, 206—208, 225, 228—230, 232—235, 241, 283
 Тифравст 174, 234, 235, 237, 241
 Тлос 197
 Товня 187

 Тойнби А. 168, 169
 Толстов С. П. 29, 31, 32
 Томирис 53
 Торри Ч. 50
 Тот 253
 Тоцци П. 278
 Тритантежм 146
 Трог Помпей 14, 64, 66, 79, 273
 Трюмпельман Л. 277
 Тураев Б. А. 106
 Тухра 77

 Угбару (см. также Губару) 35, 38, 44, 45, 47, 48, 271, 272
 Уджагорресент 57, 58, 60, 61, 63, 64, 104, 106, 107, 273
 Умакуш (см. также Ох) 251, 254, 275, 280
 Уманиш 276
 Умманменану 7
 Уолкер К. Б. Ф. 43
 Упударма 85

 Файдима 68
 Фанес 57, 58, 272
 Фарнабаз 195, 196, 200—203, 230, 233—238, 241, 243, 260, 283
 Фарнак 172
 Фарнакиас 195
 Фарнасп 274
 Фемистокл 125, 129, 132, 140, 151—160, 171, 172, 174, 177—179, 203, 279
 Феогнид Мегарский 18, 129
 Феоместор 126, 158, 167
 Феопомп 191, 192
 Ферендат (военачальник) 174
 Ферендат (сатрап Египта в VI в.) 105, 132, 136
 Ферендат (сатрап Египта в IV в.) 253
 Фиброн 230, 232, 238, 283
 Фидиппид 129
 Филак 158
 Филипп II 249, 255—257, 263, 267
 Филота 267
 Фойгтлендер Э. 86, 271
 Фравартиш 71, 74, 90, 91
 Фрада 71, 74, 87, 274, 276
 Фрай Р. Н. 269, 272
 Фриних 125
 Фукидид 126, 141, 145, 157, 170, 172, 177—180, 184, 188, 191—193, 196, 197, 199, 279

 Хабабаш 253
 Хабрий 238, 242—244
 Халди 93, 99
 Халдита 92, 93
 Халлок Р. Т. 53
 Хансман Дж. 274
 Харндем 260
 Харматта Я. 43, 101, 183, 277

- Хеннинг В. Б. 31, 73, 183, 274
 Херцфельд Э. 6, 7, 9, 10, 68, 75, 83,
 84, 90, 101, 135, 271, 273, 274, 277
 Хинц В. 11, 12, 19, 78, 133, 134, 182, 277
 Хирам 48
 Хнемибре 61
 Хнум 204
 Хиумемахет 132, 133
 Хумбах Г. 14
 Хумпаникаш 276
 Хшатрита 90
 Хшаярша (см. также Ксеркс I) 278
 Хюзинг Г. 269

 Цадок Р. 19, 269, 280
 Цицерон 11, 54

 Черненко Е. В. 101, 110
 Чиссатахма 71, 91
 Чичихриш 90
 Чишпиш 5, 7, 8, 11, 12, 269, 281

 Шамаш 33, 280
 Шамаш-риба 137, 279, 283
 Шарпантье Я. 269
 Швейцнер В. 272
 Шеа В. X. 47
 Шедер X. X. 10, 135
 Шедль К. 93
 Шейль В. 6, 271
 Шешбацар 48, 51, 188
 Шикусты (см. также Ксеркс I) 279
 Шилейко В. К. 182

 Шифман И. Ш. 272
 Шмидт Э. 277
 Шмитт Р. 275, 280
 Шубарт Р. 14

 Эак 122
 Эвагор 233, 237, 238, 241, 242, 283, 284
 Эврибиад 151, 152, 155, 156, 160
 Эзра 51, 185—187, 279
 Эйлерс В. 269, 275
 Экройд П. Р. 95
 Элиан 177, 245, 249, 253, 279
 Эллий 280
 Эльсиер И. 138
 Эпникас 225
 Эратосфен 5, 108
 Эсхил 28, 64, 69, 79, 97, 141, 144, 145,
 157—159, 170, 175, 273, 274, 279
 Эсхин 255
 Эсфирь 18, 97
 Эфал И. 49
 Эфиальт 149
 Эфор 144
 Эшмуназор 184
 Юдифь 93
 Юнге Ю. П. 87, 101, 135
 Юсифов Ю. В. 6, 7
 Юсти Ф. 273
 Юстин 9, 16, 20, 26, 28, 249, 259, 275

 Якобсон В. А. 271
 Яхве 50, 51, 54, 183—187, 204, 205

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абар-нахара (см. также Заречье) 52
 Абидос 140, 146, 147, 160, 200
 Агаде 42
 Агамтану (см. также Экбатаны) 17
 Адриатическое море 143
 Азия 16, 27, 28, 39, 109, 117, 140, 141, 146, 159, 160, 170, 263
 Азия Малая 20, 21, 24—27, 35, 48, 95, 109, 111—119, 121, 124, 126, 127, 131, 137, 139, 159, 160, 166—168, 172—174, 178, 179, 189, 190—195, 198—204, 207, 208, 229, 230, 232—240, 243—246, 249, 251, 253, 256, 257, 259—263, 270, 277, 281—284
 Азия Нижняя 260
 Азия Передняя 34, 112, 116
 Азия Средняя 3, 27—30, 32, 52, 53, 86, 101, 102, 110, 248, 267, 268, 277
 Азовское море 268
 Ак 31, 271
 Аканф 146
 Акауфака 175
 Аккад 38, 39, 41, 42, 254, 272, 280
 аккадцы 5
 Акко 57
 Александрия 263
 Аман 261
 Амафунт 120, 238
 аммониты 186, 187
 Амона оазис 61, 62
 Амп 122
 Амударья 53
 Аншай 7—9, 11, 17, 41, 42, 89, 269
 арабы 34, 48, 57, 95, 186, 241
 Аравийская пустыня 35
 Аравийский полуостров 34, 48
 Аравийское море 108
 Аравия 34, 48, 95, 248
 Арад 250, 262
 арадцы 250
 Аракс 277
 Аральское море 53, 102, 268, 277
 арамен 32—34
 Арарат 50
 Арахосия 28, 87, 89, 96, 104, 273, 276, 282
 Арахту 37, 46
 Арахша 277
 Арбела 23, 91, 264, 265
 Аргинусские острова 203
 Арголида 154
 Аргос 117, 127, 162, 174, 177, 237, 251, 252, 256
 аргосцы 141, 142
 Ардерикка 128
 арейи 264
 Арейя 28, 31, 95
 Ариана 31, 108
 ариансы 27
 арии 5
 Ариянам 5
 Арийнам-вайджа 30, 31
 Аркадия 208, 256
 аркадцы 156
 Армения 19, 93, 112, 230, 249, 254, 281, 282
 Армянская сатрапия 66, 79, 90, 92
 армяне 92, 93, 282
 Артемисий 148, 151, 152, 154, 279, 283
 Аршада 87
 Асван, см. Сиен
 Асдод 184
 Ассирийская держава 112
 Ассирийская сатрапия 138
 ассирийцы 29, 55
 Ассирия 27, 44, 90, 230, 270
 Аттика 117, 127—130, 139, 147, 152—155, 161—163, 171, 180, 194, 278
 Аутнара 92, 282
 Афганистан 28, 175, 269
 Афеты 148
 Афинская морская держава 189, 183
 Афины 80, 115, 117—119, 124, 125, 127—131, 139—141, 145, 148, 149, 151, 153—157, 160—163, 167, 168, 170—174, 180, 181, 184, 188—196, 198, 199, 201—203, 208, 232, 233, 237—240, 243, 246, 251, 256, 258, 260, 276, 278, 282, 283
 афиняне 111, 117—119, 125, 127—132, 140, 142, 147, 148, 151, 152, 154—158, 161—168, 170—172, 174, 177, 180, 181, 184, 188—193, 196—203,

- 208, 233, 238, 239, 241, 243, 246,
256, 278, 283
- Афон 139, 146
- Афонский мыс 126, 127
- Африка 61
- «Ахеменидская деревня» 6, 7
- Ахеменидская держава 3, 19, 45, 46, 52,
55, 62, 72, 88, 95, 103, 104, 108,
112, 126, 132, 137, 147, 185, 206,
207, 245, 249, 254, 256, 264, 266,
268, 281, 284
- Ахеменидское государство 3, 83
- ахейцы 146
- Ахея 141, 208, 256
- ашкеназ (см. также скифы) 50
- Ашшур 42, 271
- Багдад 271
- Бактрийское царство 29, 30
- бактрийцы 28, 65, 143, 160, 264, 277
- Бактрия 25, 27—32, 66, 87, 95, 96, 175,
177, 264, 267, 268, 275
- Бактры 28, 29, 122
- Балканский полуостров 112, 124, 126,
139, 143, 255, 257, 259
- Барка 59, 105, 241
- баркании 17
- баркиане 105
- Бахтиарские горы 6
- Белые стены (крепость) 180, 181, 183
- беотийцы 156, 164, 166, 256
- Беотия 128, 141, 147, 153, 162, 163,
180, 198, 239, 256
- Бехнстунская гора 98, 100
- Библи (в Египте) 181
- Библи (в Финикии) 250, 262
- Борсиппа 33, 36, 39, 41, 46, 86, 93,
137, 271
- Боспор (фракийский) 109, 191
- Бранхиды 119, 123
- бриги 126
- Бубастис 106, 252
- Буто 136, 177, 253, 278
- Вавилон (в Египте) 273
- Вавилон (в Месопотамии) 7, 12, 22,
27, 28, 33, 36—48, 51, 55, 57, 70,
71, 86, 89, 90, 92—94, 98, 137—139,
182, 183, 207, 226, 228, 237, 251,
254, 261, 265, 269, 271, 272, 276,
280, 281, 284
- Вавилония 5, 8, 9, 12, 14, 15, 19, 22,
25, 27—30, 32—35, 39, 44—49, 51—
53, 55, 57, 70, 71, 83—85, 91, 93,
96, 116, 136—139, 194, 227, 228,
230, 255, 262, 265, 268, 269, 271—
273, 280—282
- Вавилонская держава 49
- Вавилонское царство 44, 50, 137
- вавилоняне 22, 34, 39, 42, 44, 55, 85,
92—95, 103, 128, 137, 176, 276, 283
- Вади-Далиях 264
- Вади-Тумилат 106
- Вади-Хаммамат 61, 108, 136, 183
- Ван 175
- «варвары» 227, 265, 272
- Верхнее море 42, 49
- Византий 119, 121, 166, 172, 173, 190,
200, 201
- Вишпаузатиш 91, 282
- Восток 35, 255, 268, 271
- Восток Ближний 3, 14, 20, 268
- Гавгамелы 264—266, 280, 284
- Газа 263
- Газиура 78
- Галикарнас 112, 114, 156, 246, 247, 259,
260, 272
- Галис 20, 21, 145
- Гандутава 87, 89, 104, 282
- Гандхара 27, 28
- Гедросия 28, 89
- Геллеспонт 27, 108, 109, 111, 116, 119,
121, 123, 124, 126, 128, 139, 145,
146, 159, 172—174, 196, 201, 203,
234, 259, 278
- Гелы 142
- Гераклеополь 263
- Герат 31
- Гератский Мерв 31
- Гергис 191
- Герируд 31, 271
- Гимера 161
- Гинд 36
- Гиндукуш 27, 268
- гиперборен 24
- Гирба 16
- Гиркания 17, 19, 30, 53, 66, 81, 90, 91,
176, 195, 251, 275, 281
- Гирканское море 268
- гирканцы 19, 20, 264, 282
- Граник 259, 284
- греки 18, 23, 24, 54, 111, 119, 123, 124,
129, 130, 132, 135, 137, 140—143,
145, 148—151, 154, 155, 157—161,
163, 164, 168—170, 178, 184, 189,
190, 193, 226—228, 230, 233, 234,
239, 240, 243, 252, 255—258, 260,
264, 267, 268, 272
- греки малоазийские 20, 21, 24—27, 57,
109, 114—118, 127, 143, 152, 155,
156, 159, 167, 168, 189, 190, 191,
194, 251, 273
- греки сицилийские 140, 161
- Греция (материковая) 20, 26, 97, 101,
112, 115, 116, 124—127, 132, 136,
137, 139, 142, 144, 149, 150, 156,
159—161, 166, 168—170, 172, 175,
177, 182, 189, 193—195, 208, 226,
230, 232, 237, 239, 240, 252, 255, 256,
258—260, 265, 266, 279, 280, 282, 283

- Греция Северная 146—148, 155, 160, 167
 Греция Средняя 147, 148, 150, 153, 155, 167
 гутии 38
 Гутуим 35, 38, 42, 44, 45, 271, 272
- Дадану 34
 дайи (см. также дахи) 53
 Дамаск 75, 262
 Дардана 226
 Даскилейская сатрапия 27
 Даскилея 24, 95, 111, 172, 189, 195, 235, 277
 дахи 53, 54, 175
 Двуречье (см. также Месопотамия) 36
 Делос 142, 167, 173, 189
 Дельта 55, 179, 181, 205, 241—243, 245, 252, 253
 Дельфы 20, 21, 23, 130, 142, 143, 153, 169
 Дер 42
 дербики 17, 53
 дерусии 14
 Дидимы 21
 Дилбат 137
 Дияла 35, 36
 Дорида 153
 дорийцы 156
 Дориск 146, 175
 дравидийские племена 5
 Дрангиана 27, 28, 89, 95, 267, 271
 Дубала 92, 93
 Дунай 109
- Европа 106, 109, 140, 146, 147, 155
 Евфрат 34, 37, 39, 48, 49, 52, 86, 95, 137, 138, 226, 228, 262, 281
 Египет 3, 14, 21, 22, 25, 27, 29, 34, 35, 48, 52, 55—65, 67, 68, 70, 75, 86, 93, 103—108, 116, 117, 132, 133, 136, 143, 169, 174, 177, 179—184, 187, 188, 190, 194, 203, 204, 206, 208, 230, 238, 241—245, 250, 251, 253—255, 262, 263, 270, 272, 273, 277, 278, 280—284
 Египет Верхний 60, 61, 106, 107, 179, 183, 206, 263
 Египет Нижний 60, 106, 107, 183, 206, 263
 египтяне 18, 55, 57—59, 61, 63, 64, 103, 105, 107, 121, 136, 140, 143, 152, 159, 173, 180—184, 204—206, 243, 252, 263, 282
- Зазана 86
 Замбан 42
 Заречье 49, 52, 138, 181, 184, 226, 250, 276, 277, 280
 Зикирту 91
 Зузахия 92, 282
- Идалион 120, 193, 233, 278
 Иерусалим 44, 48—52, 184, 186—188, 205, 276, 279
 Изала 92, 282
 израильтяне 49
 Имброс 239
 Инд 108, 112
 Индийский океан 106, 108
 индийцы (см. также инды) 28, 53, 108, 160, 264
 инды 27
 Индия 3, 27, 28, 34, 106, 108, 112, 143, 267, 282
 Ионийское море 117
 ионийцы 24—26, 109, 110, 112—116, 118—125, 130, 152, 153, 158, 167, 197, 282
 «ионийцы за морем» 132
 «ионийцы шитиносные» 111
 Иония 26, 95, 102, 110, 112, 115, 116, 121, 124, 162, 167, 168, 177, 192, 199, 226, 229, 230, 238, 246, 252, 259, 283
 Иордан 187
 Иран 5, 27, 29, 34, 61, 81, 111, 132, 136, 138, 272, 277, 278, 281
 Иран Восточный 5, 6, 27, 28, 30—32, 266
 Иранское плато 5, 31
 иранцы 264, 268
 Исс 226, 261—264, 284
 Истахр 133
 Истр (см. также Дунай) 109
 Италия 26, 112, 140, 153
 иудеи 18, 35, 44, 48—52, 95, 185—188, 204, 205, 251, 272, 281
 Иудейская сатрапия 48, 184
 Иудейское царство 50
 Иудея 49, 51, 52, 95, 169, 184—188, 205, 250, 276
- Кабул 27
 Кавказ 110
 кавии 26
 кадусии 13, 66, 240, 245, 249
 Калалы-гыр 31
 «Камбиза склад» 62
 Камбожа 269
 Кампанда 90
 Калиша 27
 Калишаканиш 87, 282
 Каппадокия 21, 78, 109, 145, 201, 225, 245, 246, 259, 278, 284
 Карабурун 123
 кардухи 240
 Карнанда 278
 Карийская сатрапия 232
 карийцы 20, 26, 112, 120, 123, 143, 152, 200, 231, 246, 272, 278, 282
 Кария 20, 115, 116, 119, 124, 196, 201,

- 207, 208, 226, 234, 235, 238, 241,
245—247, 257, 260, 283, 284
- кармании 14, 65
- Кармания 40, 88, 271, 276
- Карфаген 61, 140, 142, 255
- карфагеняне 49, 142
- Каспийское море 53, 175, 240, 251, 266,
268
- Кастольская равнина 201
- Кастропедион 225
- Кедрен 208
- Келены 145, 225, 235
- Керкира 143, 174
- керкиряне 143
- Кианийские острова 191
- Кикладские острова 113, 160
- Кизик 201, 257
- Киликийские ворота 225
- килийцы 121, 159, 270
- Киликия 34, 126, 127, 189, 201, 225,
226, 231, 241, 242, 250, 251, 260,
261, 264, 270, 281
- Кипр 119, 120, 124, 140, 172, 174, 180,
182, 184, 188—190, 193, 233, 238,
239, 241, 242, 250, 251, 270, 283, 284
- киприоты 57, 120, 121, 143, 159, 242, 270
- Кирена 181
- Киренаика 56, 59, 104
- Кирополь 52, 53
- киртии 14
- Кирэсхата 53
- Киссия 128
- Китий 119, 120, 188, 189, 193, 233, 238,
242, 278, 284
- китийцы 120
- Клазомены 200
- Колоссы 225, 235
- колхи 240
- Колтос 136
- Коринф 151, 157, 166, 193, 237, 238,
256, 257
- Коринфский перешеек 148, 153, 155, 156,
162
- коринфяне 151, 156, 157, 164, 171
- Коронея 238
- Красное море 105, 106
- критяне 143
- Крым 189
- Ксанф 26, 193, 246
- Куганака 90
- Кунакс 228, 283
- Кундуруш 90, 282
- Куриштиш 53
- Курушката 272
- Кута 36
- Кухт-и Нибишт 133
- Куш (см. также Нубия) 61, 62, 106
- Лаврийские рудники 140
- Ладе 122, 282
- Лакедемон 162, 163, 194
- лакедемоняне 25, 151, 156, 161—166,
170, 174, 176, 180, 188, 196—203,
233—237
- Лакония 151, 238
- Ларса 33
- Лампсак 126, 179
- Лемнос 109, 239
- Лесбос 112, 121—123, 168, 172, 173,
190, 203, 260
- Ливан 51, 116
- Ливийская пустыня 61, 107
- ливийцы 59, 179
- Ливия 21, 62, 104, 105, 194, 241
- Лидийская сатрапия 24, 26, 106, 196
- Лидийское царство 23, 24, 270
- лидийцы 20—23, 25, 26, 118
- Лидия 14, 19—21, 23—28, 50, 95, 108,
112, 113, 117, 118, 121, 145, 176,
195, 201, 234, 238, 239, 252, 259,
270, 281, 283
- ликийцы 26, 197, 246
- Ликия 15, 115, 118, 123, 247, 270
- Лимир 245
- Локрида 141, 153
- локры 148, 156, 164
- Магнесия (в Греции) 148
- Магнесия (в Малой Азии) 179, 199
- македонцы 164, 250, 258—268
- Македония 111, 125, 126, 140, 147, 161,
249, 254—260, 262, 265, 280, 282
- Малена 121
- Малиан, тепе 7
- малийцы 156
- маннеи 15, 50
- Мараканда 32
- марафии 14, 15
- Марафон 122, 128—132, 174
- Маргиана 27—32, 71, 86—88, 95, 104,
274
- маргианцы 30, 87, 276, 281
- Мараппияш 14
- Марды 13, 14, 22, 23
- Марсия 120, 282
- Маруш 282
- Масджид-и Сулейман 6
- маслины 14, 15
- массагеты 27, 46, 47, 52—55, 81, 110,
281
- Матезиш 276
- Меандр 199
- Мегара 155, 193
- мегарцы 156, 164
- Медина 34
- Мемфис 55, 58, 63, 64, 105, 107, 108,
136, 179—181, 183, 243, 252, 253,
263, 273, 283, 284
- Мендес 241, 243, 245
- Мерв 31
- Мероэ 62
- Месопотамия 19, 32—35, 44, 48, 49, 52,
185, 269, 271

- Месопотамия Верхняя 17
 Мессена 256
 Ме-Турну 42
 Мидийская сатрапия 66, 91, 240
 Мидийское царство 18, 19, 72, 270
 мидийцы 12, 13, 15—22, 25, 26, 33, 49,
 50, 67, 72, 74, 96, 143, 150, 160,
 164, 201, 241, 252, 264, 269, 270,
 272—274, 282
 Мидия 6, 8, 9, 13—17, 19, 21, 28, 30,
 34, 50, 51, 58, 70—74, 83, 84, 86,
 88—91, 95, 96, 138, 204, 207, 265,
 269, 271, 272, 282
 Микале 167, 168, 279, 283
 мики 88, 143
 Миласа 246, 278
 Милет 20, 21, 26, 110—114, 118—123,
 167, 196, 197, 200, 202, 204, 208,
 259, 260, 267, 282
 милетцы 112—114, 119, 123, 167, 168,
 200, 278
 минни (см. также маннеи) 50
 Миркин 120
 мисийцы 20, 201, 230
 Мисия 202, 249
 Митилена 112, 237, 260
 Миунт 179
 Мосул 264
 Мудрая (см. также Египет) 107
 Мургаб 87

 Навкратис 56, 116, 244, 272
 Наксос 113, 114, 127, 190, 282
 Накш-и Рустам 97, 102, 106, 133, 176,
 194
 Нейраб 48, 49
 Нижнее море 42, 49
 Никосия 120
 Нил 62, 105—107, 179—181, 243, 252,
 263
 Ним 5
 Ниневия 27, 270, 271
 Ниппур 33, 47, 49, 194
 Нисайя 73, 74, 274
 Нишайя (см. также Нисайя) 274
 Нововавилонская держава 34, 52
 Нововавилонское царство 138, 272
 Нубия 61—63, 104, 106, 252, 263, 268
 Нушишти 133

 Окс 277
 Олимпийский проход 146, 147
 Опис 36, 38, 230, 281
 ортокорибантии 277

 Падакку 34
 Пайкули 81
 Пайшиявада 72, 88, 274
 Пакистан 28, 175
 Палестина 34, 48, 52, 57, 184—186, 241,
 243, 250, 281

 Памир 277
 Панорм 161
 панфиалеи 14
 парикании 17
 Папремис 180, 183, 283
 Парга 88, 282
 Парса 5, 7, 11, 12
 Парсу 8, 23, 271
 Парсуаш 7
 Парсумаш 7, 11
 парфяне 6, 20, 65, 264, 282
 Парфия 19, 31, 66, 81, 86, 90—92, 270,
 271, 281, 282
 Пасаргады (город) 9, 14, 16, 18, 54,
 55, 71, 207, 246, 265, 274, 284
 пасаргады (племя) 13—15
 патейскорейи 79
 Патиграбана 92, 282
 Пафлагония 235
 пафлагонцы 20, 195
 Пафос 120
 Пелопоннес 117, 130, 141, 143, 148, 151,
 153, 155, 156, 159, 162, 164, 172,
 226, 236
 пелопоннесцы 158, 160, 167, 168, 180,
 188, 197—200
 Пелусий 57, 58, 243, 251, 252, 263, 281
 леоны 111, 118
 Персеполь 5, 24, 58, 62, 75, 77, 78, 97,
 102, 112, 132—135, 137, 175, 182,
 249, 254, 265—267, 270, 274, 276,
 284
 Персида 5, 7, 265
 Персидская держава 70—72, 74, 83, 94,
 97, 101, 102, 108, 124, 159, 177,
 188, 194, 206
 Персидский залив 5, 34, 122, 272
 Персидское государство 14, 76, 110
 Персидское царство 49, 227, 260
 Персия 3, 5—15, 18, 19, 21, 30, 39, 40,
 50, 54—56, 58, 59, 64, 65, 67, 70—
 76, 79, 80, 83—86, 88—90, 95—97,
 102, 105—107, 110, 117, 118, 125,
 127, 138, 141, 145, 151, 160, 171—
 173, 175—178, 188—190, 194, 196,
 208, 232, 233, 235—241, 243, 245,
 246, 249, 250, 276, 280—284
 персы 5—7, 16, 18—23, 25—30, 34—36,
 38—40, 43, 45, 48—50, 55, 58—60,
 62, 64, 66, 67, 71—74, 77, 84,
 88, 89, 94—97, 102, 105, 106, 108—
 123, 125—132, 140—145, 147—170,
 173—179, 181—183, 188—194, 196,
 197, 199, 201—203, 206, 208, 227—
 233, 237—243, 245, 250, 252—270,
 272, 274, 276—284
 Пирава (см. также Нил) 107
 писидийцы 201, 208, 225, 230, 241, 246
 Платей 123, 129, 163—168, 170, 172,
 173, 279, 283
 платейцы 131, 132, 164

- Порт-Санд 57
 Потидея 161
 приенцы 26
 Приморье 271
 Причерноморье 20
 Причерноморье Северное 101, 102, 110, 112, 116, 125, 172, 182, 203
 Пропонтида 191
 Просопитида 181
 Пситталия 157, 158
 Пут (см. также Ливия) 62, 106

 Рага 91, 266
 Раха 88, 282
 Родос 234, 241, 247, 250
 родосцы 247

 сагартин 14, 88
 Сагартия 71, 91
 Санс 55, 61, 63, 64, 107, 179, 205
 саки 25, 27, 28—30, 55, 86, 96, 101—104, 131, 143, 160, 166, 264, 278
 саки амюргийские 28
 саки острошапочные, см. саки тиграхауда
 саки парадрайя 102, 111
 саки тиграхауда 100—103, 282
 саки хаумаварга (см. также амюргийские скифы) 102
 Саков страна 103, 104
 Саламин (в Греции) 145, 154—157, 159, 160, 162, 168, 176, 279
 Саламин (на Кипре) 119, 120, 188, 189, 193, 233, 238, 242, 251
 Самария 48, 49, 185, 187, 205, 263, 264, 276, 281
 самаритяне 186
 Самос 22, 108, 112, 121, 122, 126, 158, 160, 167, 168, 172, 173, 180, 190, 199, 282
 самосцы 167
 Сапарда (см. также Сарды) 24
 Сарды 22—26, 117—119, 121, 138, 145, 146, 160, 162, 168, 200, 202, 208, 225, 234—236, 239, 259, 270
 Саронический залив 154
 Саттагидия 27, 28, 86, 89, 103, 104
 Себбениит 242
 Сест 168, 201, 283
 Сигей 128
 Сидон 156, 250, 251, 262, 284
 сидонцы 250, 251
 Сиен 133, 204
 Сикаяуватиш 73
 Синай 62, 253
 Синайская пустыня 105, 227, 272
 Синопа 21
 Сиппар 36—38, 55, 70, 71, 86, 87, 93, 138, 281
 сиракузяне 142
 Сирус 156

 Сирия 34, 48, 49, 52, 75, 116, 174, 181, 182, 184, 186, 195, 206, 226, 227, 243—245, 247, 249, 250, 259, 261—264, 270, 281, 283
 Систан 31
 Сицилия 112, 122, 140, 142, 161
 Скирос 239
 скифы 15, 50, 53, 92, 110, 150, 277, 278
 скифы амюргийские 277
 скифы заморские, см. саки парадрайя
 скифы причерноморские 101, 102, 109, 110, 111, 113, 282
 «Скифия за Согдом» 102, 112
 Скудра 111
 Смирна 191
 Согд (см. также Согдиана) 102, 112
 Согдиана 28, 30—32, 52, 95, 248, 267
 согдийцы 264
 Соля 238
 Спарда (см. также Сарды) 24
 Спарта 21, 22, 25, 116—118, 124, 127, 129—131, 139, 141, 142, 145, 147, 150, 151, 154, 157, 161, 162, 167, 170—174, 180, 181, 188, 189, 193—196, 198, 200—203, 208, 232—243, 246, 251, 257, 260, 262, 270, 283
 спартанцы 21, 22, 116, 117, 129—131, 147, 150, 151, 155, 162, 163, 165, 170, 171, 176, 200, 208, 232
 Средиземное море 34, 56, 182, 190, 191, 241, 272
 Средиземноморье 61, 112, 242
 Стримон 111, 118, 173, 194
 Субарту 271
 Сузы 5—8, 19, 27, 42, 44, 58, 65, 66, 73, 102, 104, 107, 111, 113, 114, 117, 121—123, 128, 132, 139, 155, 175, 176, 183, 185, 186, 188, 190, 192, 195, 230, 239, 240, 242, 251, 259, 265, 269, 284
 Суэц 106
 Суэцкий канал 106
 Суэцкий перешеек 106
 Сфарт (см. также Сарды) 24
 Сырдарья 52, 277

 Тавр 245
 Танагра 180
 Тапсак 226
 Тарава 88
 Таруана 276
 Тарс 225
 Тахт-и Рустам 75
 Теджен 31, 271
 Тель-Абиб 49
 Тель-эль-Масхут 106
 Тема 34, 41, 43
 тибарены 240
 Тигр 23, 35, 36, 38, 42, 86, 122, 281, 282
 Тигра 92
 Тир 48, 241, 250, 262, 284

- Тмол 118
 Траллы 226
 Трапезунд 230
 Трезена 154
 Триполис 250
 Троада 191
 Туркменская ССР 30
- Увадачайя 88, 89, 276
 умман-манда 17, 18, 42, 272
 Ур 9, 33, 41, 93, 271
 урарты 6, 50
 Ура-Тюбе 52
 Урук 33, 40, 41, 44, 47, 70, 93, 94, 271
 утин 88—90, 143
 Уяма 92, 282
- Фалер 159
 Фарс 5, 7
 Фаюм 108
 Фермопилы 144, 147—154, 170, 283
 Фермы 146, 148
 феспийцы 150
 фессалийцы 146, 147, 164
 Фессалия 139, 141, 146, 148, 160, 161, 163, 198
 фиванцы 146, 148, 150, 162, 167, 180, 239, 240, 257
 Фивы 62, 107, 127, 141, 163, 164, 166, 237, 240, 251, 257, 260
 финикийцы 44, 61, 112, 116, 119, 121, 140, 143, 158, 159, 169, 238, 250
 Финикия 34, 48, 52, 121, 174, 228, 241, 251, 256, 259, 263, 281
 фокейцы 122, 148, 164
 Фокея 26
 Фокида 153
 Фракийская сатрапия 119, 123
 фракийцы 127, 146, 150, 166
 Фракия 102, 109—111, 116, 118, 120, 124—126, 139, 140, 145, 160—162, 172—174, 194, 255, 280, 282
 фригийцы 20
 Фригия 95, 118, 145, 172, 201, 225, 234, 235, 238, 243, 246, 259, 262, 284
 Фригия Геллеспонтская 195
- халдеи 32, 33
 хайи 92
 Халкедон 201
 Халкидика 126, 139, 255, 283
 Хамадан 10, 102
 Хамат 75
 ханейцы 280
 Хану 280
 Харран 17—19, 33, 41
 Хатамту 5
 Хелидонские острова 191
 Херонея 256
 Херсонес Фракийский 125, 168, 201, 208, 256, 283
 Хилон 151
- Хильменд 31
 Хинду (см. также Индия) 108
 Хиос 25, 109, 122, 123, 126, 168, 172, 173, 190, 260, 282
 хиосцы 122
 Хоасп 19
 хорамнии (см. также хорезмийцы) 65
 Хорезм 27, 28, 30—32, 248
 «Хорезм Большой» 31, 32
 Хорезмийское государство 31
 хорезмийцы 31, 277
 Хужа 5
 Хузистан 5
- Черное море 109, 111, 113, 116, 125, 168, 189, 191, 230, 245, 278
- Шалуф 106
 Шахрину 70
 Шираз 7, 76
 Шумер 42, 272
 шумеры 5
- Эбир-нари (см. также Заречье) 52
 эвбейцы 151
 Эвбея 118, 128, 148, 149, 152
 Эвримедонт 174, 279, 283
 Эгейское море 26, 108, 111, 112, 119, 124, 126, 127, 162, 168, 173—175, 182, 189—193, 203, 238, 239, 268
 Эгина 127, 130, 151, 154, 155, 160
 эгинцы 156
 Эгоспотамы 203, 233
 эдомиты 186
 Эдфу 252
 Эион 173
 Экбатаны 9—11, 16—18, 20, 25, 27, 51, 73, 90, 91, 112, 137, 139, 175, 230, 266, 270, 276, 278, 284
 Экбатаны Сирийские 75
 Элам 5, 6, 19, 30, 40, 44, 50, 71, 85, 86, 90, 96, 100, 107, 265, 269, 271, 281, 282
 Эламское государство 6
 эламиты 5, 44, 85, 90, 96, 100, 103, 269
 Эламту, см. Элам
 Элефантина 62, 98, 133, 183, 187, 188, 204—206, 241, 283
 Эллада (см. также Греция) 124, 139, 141, 143, 145, 147, 148, 150, 167, 169, 170, 194, 198, 229, 231, 240, 251, 257, 260
 эллины 18, 24, 56, 123, 129—131, 141—143, 147, 148, 152, 154—157, 161—163, 165, 167, 168, 170, 171, 173, 176, 178, 179, 188, 193, 225, 227—232, 240, 255—257, 279
- Эльвенд 175
 Эль-Харга 107
 эолийцы 25
 Эолия 232

Эпир 174
эретрийцы 118, 119, 127, 128, 170
Эретрия 128
Эритрейское море 65
Эрифры 163
Эфес 112, 119, 124, 167, 226, 232, 237,
257, 282
эфиопы 61, 62

Эфиопия 112, 133, 194
Эшнуина 42
Яда 89
Ядиру 34
Яксарт 27, 52
Ятриб, см. Медина
Яутия 88—90, 274

A POLITICAL HISTORY OF THE ACHAEMENIAN EMPIRE

BY M. A. DANDAMAYEV.

CONTENTS

Preface	3
The Achaemenid Dynasty in Early Period	5
Cyrus the Great, King of Persia	12
The Median War	14
War against Lydia and Foundation of the Achaemenian Empire	19
Conquest of Eastern Iran and Central Asia	27
War against Babylonia and Conquest of Beyond the River	32
Expedition against Massagetai and Cyrus' End	52
Invasion of Egypt	55
Rebellion in Iran	64
Gaumata's Policy	72
The Seizure of Power by Darius I	77
Revolts in Persia and throughout the Empire	85
The Triumphant Inscription of Darius	98
Expedition against Saka Tigrakhauda	100
Darius in Egypt	103
Conquest of India and Macedonia. The Scythian Expedition of Darius	108
The Ionian Revolt	112
The Beginning of Wars with Greeks	124
Battle of Marathon	128
Revolts in Egypt and Babylonia	132
Expedition against Greece	139
Capture of Thermopylae by the Persians	147
Battle of Salamis	153
Destruction of Mardonios' Army	161
Battle of Mycale and the Importance of the Greek Victory	167
Wars in the Aegean and Asia Minor in 478—469	171
Palace Revolution in Persia	175
Revolt of Inaros in Egypt	179
Beyond the River in the Second Part of the Fifth Century	184
Peace of Callias	188
Revision of Persian Policy	193
The Reign of Darius II	194
Revolt of Amyrtaos in Egypt	203
Rebellion of Cyrus the Younger	206
Peace of Antalcidas	232
War against Egypt and the Satraps' Revolts	240
Temporary Successes	248
The Macedonian Threat	254
The Expedition of Alexander the Great	258
Notes	269
Chronological Table	281
Bibliography (Sources, Abbreviations, Literature)	285
Name Index	302
Topographical Index	310

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Династия Ахеменидов в ранний период	5
Кир II — царь Персии	12
Война с Мидией	14
Война с Лидией и возникновение Ахеменидской державы	19
Завоевание Восточного Ирана и Средней Азии	27
Война с Вавилонией и захват Заречья	32
Поход на массагетов и гибель Кира	52
Захват Египта	55
Переворот в Иране	64
Политика Гауматы	72
Захват власти Дарием I	77
Восстания в Персии и в других странах	85
Победная надпись Дария	98
Поход против саков тиграхауда	100
Дарий в Египте	103
Завоевание Индии и Македонии. Скифский поход Дария	108
Ионийское восстание	112
Начало Греко-персидских войн	124
Марафонская битва	128
Восстания в Египте и Вавилонии	132
Поход против Греции	139
Захват персами Фермопил	147
Саламинская битва	153
Гибель армии Мардония	161
Битва при Микале. Значение Греко-персидских войн	167
Война в бассейне Эгейского моря и в Малой Азии в 478—469 гг.	171
Дворцовый переворот в Персии	175
Восстание Инара в Египте	179
Заречье во второй половине V в.	184
Каллиев мир	188
Пересмотр персидской политики	193
Царствование Дария II	194
Восстание Амиртея в Египте	203
Мятеж Кира Младшего	206
Антаклидов мир	232
Борьба с Египтом и великое восстание сатрапов	240
Кратковременные успехи	248
Македонская угроза	254
Поход Александра	258
Примечания	269
Хронологическая таблица	281
Библиография	285
Указатель имен	302
Указатель географических и этнических названий	310

Мухаммед Абдулкадырович Дандамаев

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
АХЕМЕНИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ**

*Утверждено к печати
Ученым советом Института востоковедения
Академии наук СССР*

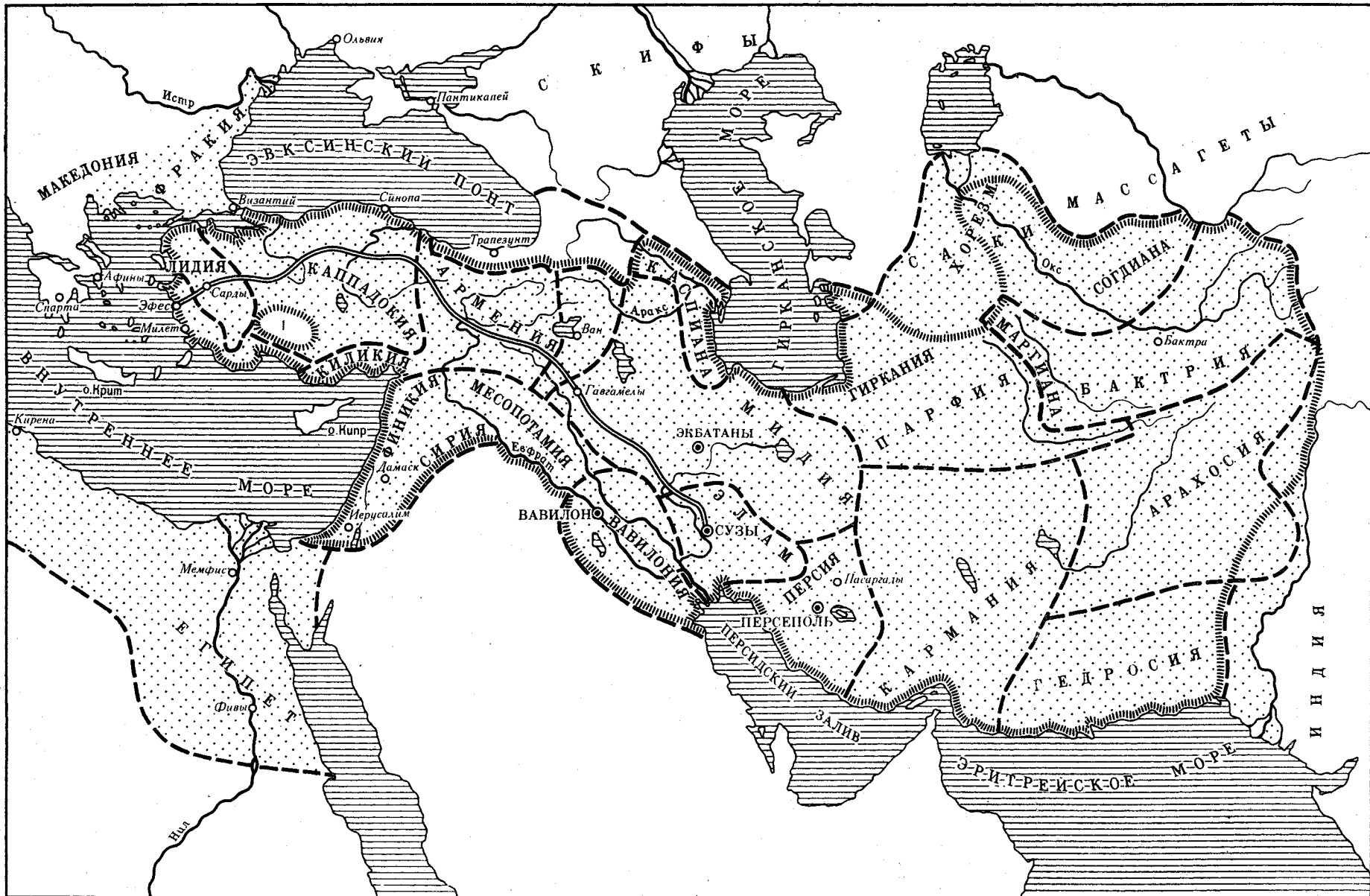
Редактор *Н. Б. Кондырева*
Мл. редактор *М. А. Зонцна*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Е. Синенко*
Корректор *Л. Н. Дегтярева*

ИБ № 15184

Сдано в набор 31.01.85. Подписано к печати 01.07.85. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. п. л. 20,0. Усл. кр.-отт. 20,25. Уч.-изд. л. 23,69. Тираж 10 000 экз. Изд. № 5826. Зак. № 112. Цена 1 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва, К-31, ул. Жданова, 12/1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, 9-я линия, 12



Границы Персидского государства к концу царствования Кира (530 г. до н.э.)

Персидское государство при Дарии (около 500 г. до н.э.)

Сатрапии Дария
Царская дорога

180 0 180 360 км